

Андрэ НОРТОН

СЕМЬ ЧУДЕС
К ВОСКРЕСЕНЬЮ

АНДРЭ

НОРТОН

СЕМЬ ЧУДЕС
К ВОСКРЕСЕНЬЮ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

Мир Звёздных Ко'отов
Семь Чудес к Воскресенью
Волшебный Дом

повести

Издательство
«Зеленоградская книга»
Издательство
«Сигма-Пресс»

г. Москва

1994 г.

ББК 84.7 США
Н49

Нортон Андрэ

Семь чудес к воскресенью. Повести/Пер. с англ. — 1994г. — 416 стр.

Андрэ Нортон — детям! Так можно было бы озаглавить этот том, представляющий писательницу-фантаста с совершенно новой стороны. Герои всех повестей, собранных в книге, — дети, — сталкиваясь с волшебством или попадая в совершенно невероятные ситуации, открывают в себе новые душевные силы, тягу к добру, стремление помочь слабым.

Печатается с разрешения автора и его литературного агента. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

Н $\frac{4701000.000 - 9}{480 (03) - 94}$ Без объявления

ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 031 — 3

STAR KA'AT WORLD

© 1976, 78, 79 by Andre Norton and Dorothy Madlee

SEVEN SPELLS TO SUNDAY

© 1967 by Andre Norton

OCTAGON MAGIC

© 1967 by Andre Norton and Phyllis Miller

© Пер. с англ. «Мир звёздных ко'отов», Д. Арсеньева, 1994г.

© Пер. с англ. «Семь чудес к воскресенью», Т. Коробковой, 1994г.

© Пер. с англ. «Волшебный дом», М. Г. Шамрай, 1994г.

© Художник Д. Аввакумов, 1994г.

Андрэ Нортон и Дороти Мэдли

**МИР
ЗВЁЗДНЫХ
КО'ОТОВ**

ЗВЁЗДНЫЙ КО'ОТ

1. Двое и двое

Душная влажная летняя погода установилась в Вашингтоне. Джим Эванс осторожно отодвинул неприколоченную доску в заборе и прополз через тесное отверстие. Дальше начинались заросли сорняков, такие высокие, что полностью скроют его, если он будет ползти на коленях. Он пробирался на участок, где недавно снесли старый дом, от которого теперь оставался только погреб. Повсюду валялись мусор и обломки. И в жару всё это изрядно воняет. Джим поморщил нос, усаживаясь спиной к груде обломков кирпича и облегчённо вздыхая. Конечно, его исчезновение их не остановит. Он сморщился. Ну почему его не оставят в покое? Хоть ненадолго!

По крайней мере сегодня не нужно будет идти на пляж, но, когда он вернётся, всё равно придётся слушать их болтовню. Мальчик чуть не заткнул уши, едва лишь вспомнил негромкий «разумный» голос миссис Дейл и представил, как она будет всё говорить и говорить, что Джиму нужно уметь дружить с другими мальчиками.

Джим нахмурился ещё сильнее. Потом за дело примется мистер Дейл, будет говорить о малой лиге и о плавании на яхте и... Джим слышал всё это уже миллион раз. Он всего лишь хочет, чтобы его оставили в покое. Но никто этого не понимает.

Он, конечно же, слышал, как они говорили о нём: «шок», «тоска» и прочее. Но когда весь твой мир, к которому ты привык, на который всегда рассчитывал, вдруг раскалывается на кусочки — нельзя просто пойти на матч малой лиги или в бойскауты, словно ничего не случилось. Ты всё время помнишь об этом; и внутри больно, и иногда хочется, чтобы последние два месяца были только дурным сном, и ты проснёшься и всё позабудешь. И утром будут олады, потому что сегодня суббота и у мамы есть время. А потом папа скажет: «Как насчёт поездки к озеру?» И...

Джим сунул кулак в рот. Он не будет плакать!

Мальчик потянул себя за воротник тенниски, где зачесалась кожа. Может, муравей заполз. Он попытался взглянуть, но, разумеется, собственной шеи увидеть не смог. Однако, когда он наконец отказался от этой мысли и поднял голову, то был уже не один.

Джим мигнул. Раньше они жили в городском многоквартирном доме... прежде чем папа и мама улетели на самолёте... на самолёте, который разбился. И там ему не позволяли никого держать дома. Папа всегда обещал, что когда закончит свою работу, он попросится в другое место, и у них будет свой дом и, может быть, собака...

Джим пожевал нижнюю губу. Зверёк неожиданно зевнул, показав острые зубы и изгибающийся язык, покрытый жёсткой кожей. Джим никогда ещё не видел такого большого и такого чёрного кота. На солнце шерсть его блестела, словно на конце каждой шерстинки сверкала радуга. Между зелёными глазами белело странное V-образное пятнышко, кончики лап были тоже белые.

Кот внимательно смотрел на мальчика. Джим мало что знал о котах, но он сразу понял, что это не простой бродяга, какие иногда появлялись за домом Дейлов. Миссис Дейл выставяла мисочки с водой и едой, но коты никогда не подходили, пока люди оставались поблизости. А мистер Дейл всегда говорил, что не нужно их приманивать, что нужно вызвать службу бродячих животных.

Этот же кот нисколько не боялся Джима, да и питался он явно не отбросами. Разве могут коты просто так сидеть и смотреть? Как будто заглядывают тебе в голову и слышат твои мысли.

— Здравствуй... котик... — Джим понял, что разговаривает с ним, как с человеком. Он даже протянул руку, правда, не осмеливаясь погладить кота; тот осторожно обнюхал пальцы мальчика и ответил негромким вежливым ворчаньем.

* * *

Джим знал, что кот не может его понять, но почему-то принялся расспрашивать зверька, как расспрашивал бы какого-нибудь другого мальчика.

— Ты живёшь в том доме? — он показал на здание по другую сторону участка. И тут, к его огромному удивлению, кот помахал головой из стороны в сторону, словно говорил «нет!»

— Тогда ты потерялся? — продолжал Джим, когда немного справился с удивлением.

Кот вторично покачал головой. Немигающие зелёные глаза — зрачки на солнце превратились в узкие щёлки — надёжно удерживали взгляд Джима, не давая мальчику возможности отвлечься.

Джим заёрзал. Он не понимал, что происходит, и немного испугался. Но он ведь не знает, как вообще ведут себя кошки. Может, они всегда так встречают людей. По телевизору часто показывают умных кошек, в рекламе кошачьей пищи и в других передачах. Может, уличные коты тоже умны, просто никто не даёт им возможности показать себя.

— Тиро, — вдруг сказал Джим вслух. Не похоже на имя; но кот снова заурчал, словно был доволен Джимом. Мальчик был так уверен, что кота зовут Тиро, словно тот сам сказал ему об этом. Хотя откуда он может это знать?

— А я — Джим, — сказал он, испытывая странное ощущение: он представляется коту. — Джим Эванс. Я живу у Дейлов, — он через плечо показал на ограду, через которую только что пробрался. — Я... Они меня взяли, потому что я сирота. Мама и папа... — в горле у мальчика застрял комок, и он не мог проглотить его. Но потом, сжав руки в кулаки, он ударил ими по покрытой извештковой пылью земле под коленями. — Суд решил, что я должен жить с ними... здесь.

Тиро слушал — и понимал. Джим не мог сказать, почему он в этом уверен. Просто это было так. И вдруг что-то лопнуло, куда-то исчез комок в горле, что-то отпустило сердце. Джим расплакался, и ему было теперь всё равно. Тиро подошёл к нему поближе, положил лапу в белом носочке ему на колени, и мальчик ощутил лёгкую дрожь. Он опустил руку на голову Тиро. И теперь не только чувствовал, но и слышал: кот не ворчит, он мурлычет. И это мурлыканье несло сочувствие, которое

Джим может принять, а вот слова, даже самые добрые, которые он слушал все прошлые недели, оставались только словами, и их он не хотел больше слышать.

Мурлыканье продолжалось. Мягкая шерсть коснулась Джима, кот придвинулся ближе. Мальчик вытер глаза, размазав пыль по щекам. Он чувствовал пустоту, но почему-то ему стало легче: такого облегчения он не испытывал с того момента, как ему рассказали о катастрофе.

— Ты мне нравишься! — застенчиво пробормотал Джим. Он прижал к себе кота. Тиро вытянул передние лапы, изогнулся и коснулся носа мальчика своим носом.

— Дат, дат, ду, я иду!

Джим и Тиро повернулись. Из переулка показалась маленькая фигурка, вприпрыжку направлявшаяся прямо к пустырю, на котором Джим нашёл себе убежище. Старые грязные теннисные туфли, слишком большие для коричневых ног, были перевязаны проволокой. Над бугристыми коленками болтались старые линялые красные шорты, в которые была заправлена грязная тенниска. Тенниску украшала какая-то выцветшая надпись, а обрезанные рукава уже изрядно обтрепались по краям. Из них высовывались худые тёмные руки с локтями, такими же острыми, как и коленки.

— Дат, дат, дя — дьявол взял тебя!

Девочка. Маленькая головка со множеством чёрных косичек, обрамляющих личико, между большими глазами пуговка носа, а из широкого рта вылетали слова детской песенки.

На плече, таком хрупком и худом, что любая тяжесть, казалось, легко ломает его, раскачивался дырявый мешок из джутовой ткани; дыры в мешке были перехвачены большими неровными стежками. Частично нити сильно растянулись, так что ткань уже еле удерживала своё содержимое. Бросив мешок на землю, девочка неожиданно кинулась к груде старых досок и вернулась, торжествующе размахивая двумя бутылками из-под коки.

— Счастливый день, какой счастливый день! — объявила она всему миру. — Кто-то оставил здесь хорошие

денежки... — она осторожно сунула бутылки в мешок и повернулась, чтобы осмотреть грудку с другой стороны. И только теперь заметила Джима и Тиро.

— Что ты здесь делаешь, мальчик? — пронзительно спросила она, подбоченясь и нахмурившись. — Это место наша я! Вчера. Это мой пустырь!

Тиро выскользнул из рук Джима, направился к девочке и негромко, но резко мяукнул. Девочка отступила на шаг.

— Какой большой кот. Я с ним не буду драться.

Тиро сел, словно хотел убедить девочку, что не собирается ей вредить. Всё время осторожно поглядывая на него, девочка снова взглянула на Джима.

— Я тебе говорю, это моя территория. Всё, что найду здесь, — моё. И я никого сюда не пушу.

Джим встал.

— Ты собираешь бутылки? Зачем они тебе?

На лице у неё появилось удивлённое выражение.

— Зачем? Да они денег стоят, мальчик. Глупо об этом спрашивать. А-а, — она посмотрела на его одежду, — вам, богачам, нечего думать о деньгах за пустые бутылки. Ну, всё равно, уходи с моего места, — девочка огляделась и схватила кусок старой рамы, из которой торчали ржавые гвозди. Угрожающе махнула в его сторону. — Я тебя побью, мальчик. Я не позволю никому меня прогонять...

— Больно мне надо тебя прогонять, — Джим подумал, что девочка, наверное, очень смелая. Он ведь больше её, и она не знает, что он не собирается с ней драться.

— Только попробуй! — она взмахнула рамой. — И уходи лучше, откуда пришёл.

— Послушай, — Джим сунул руки в карманы. Может, теперь она поверит, что он не хочет ей вреда. — Я ничего здесь не ищу. Просто увидел здесь кота... — но как он может объяснить ей, что значит для него встреча с этим котом? Это личное, очень личное.

Девочка посмотрела на Тиро. «Очень большой кот. Если он потерялся, за него могут заплатить», — и она оценивающе взглянула на Тиро так, словно решила сунуть его в мешок вместе со своим хламом. Впрочем,

подумал Джим, ей это будет трудновато, если Тиро не захочет. Поэтому он быстро произнёс:

— Это теперь мой кот, — сказал и понял, что сказал правду.

— Ты уверен? Ну, всё равно его тащить трудно. А ты откуда?

Джим указал на забор: «Оттуда. Одна доска сдвигается. Я пролез».

— Кортленд Плейс. Значит, тебе не нужно тут охотиться, — она снова вернулась к первоначальной теме.

— Нет, — Джим начинал сердиться. — Мне ничего здесь не нужно. А ты что ищешь?

— Всё, что угодно, — ответила она. — Что можно продать. Бабушка... — на мгновение лицо её изменилось, и Джим почувствовал, что девочка испугана... — Бабушка болеет. Она и я — вся наша семья. Мне нужно продавать вещи и покупать что-нибудь для бабушки.

— Я могу помочь, — неожиданно предложил Джим. — Если скажешь, что тебе нужно, я тоже поищу.

И, ещё спрашивая, он почувствовал необычное ощущение в голове. Тиро хочет, чтобы он это сделал. Но откуда он знает, о чём думает кот? В этом нет никакого смысла.

Девочка долго колебалась, потом коротко кивнула.

— Хорошо, — но голос у неё был недовольный. — Я беру бутылки, всё, что можно продать. Вот здесь, — она показала на вход в погреб, — наверняка что-нибудь имеется. Никому это больше не нужно, так что, если мы поглядим...

Джим заглянул в дурно пахнущее отверстие. Вниз уходили полуобвалившиеся ступени. Он прикинул, выдержат ли они его вес. А девочка уже шла туда. Она оглянулась через плечо.

— Я Элли. Элли Мэй Браун, — объявила она. — И живу на Кок Эли.

— А где это? — Джим смотрел, как девочка спускается по ступенькам. Она перепрыгивала с одной на другую и, казалось, совсем не думала, что они могут обвалиться.

— Там, — Элли махнула рукой, но Джим не понял,

куда она показывает. Неважно. Он тоже начал спускаться, правда, медленней и осторожней.

Элли и Джим обшаривали груды поломанных кирпичей и мусора, заросли сорняка, а это время чуть в стороне что-то шевельнулось. Тиро поднял голову и холодно и критично взглянул в том направлении.

Тень мгновенно замерла. Нужно иметь очень хорошие глаза, кошачьи глаза, чтобы увидеть её. Это была ещё одна кошка.

«Ты поступаешь глупо! — мысль Тиро устремилась к мозгу появившейся кошки. — Не время тебе показываться. Я установил контакт с «мальчиком». Но ему нельзя видеть нас двоих вместе! Они не обладают нашей лёгкостью мысленного общения, но нельзя их и недооценивать».

«Они кажутся безвредными», — ответила кошка.

Тиро поднял голову, облизал шерсть на груди. «Ты же видела исторические ленты! Безвредные! Это самые жестокие и самые нелогичные существа, каких мы только встречали».

Он с некоторым беспокойством ожидал, что получит замечание насчёт своей симпатии к мальчику. Такое отношение к людям, если только они не должны помогать, не входит в подготовку разведчика. Но у Мер хватило такта не напоминать ему этот пункт руководства. В конце концов Тиро — старший ко'от в этой полевой операции. А для Мер это первый полёт; некоторая опрометчивость с её стороны вполне естественна.

Чёрный кот критично осмотрел свою спутницу. В его собственных жилах течёт четверть земной крови, необходимой для осуществления полевых операций в этом мире, но его величественная внешность свидетельствует о подлинной принадлежности к ко'отам. У Мер ноги длиннее относительно тела. Хвост тоньше, напоминает хлыст, морда узкая. Цвет шерсти серовато-белый, не очень отличающийся от известковой пыли, покрывающей здесь почву, только голова, лапы и хвост чуть темнее. Она выглядит так, словно несколько дней не ела и сильно одичала. «Отличная маскировка», — подумал Тиро. Мер может спокойно бродить по улицам и переулкам этого

утомительного города, где ко'от с его внешностью будет мгновенно замечен, даже плоховидящими людьми.

«Ты знаешь приказ. Два дня на устройство, потом встреча».

«Я возьму «девочку».

Тиро не мог поверить, что правильно уловил её мысль.

«Такая, как она, не имеет никакой ценности, сестра. Ты только зря потратишь драгоценное время», — он старался не показывать испытываемого раздражения.

«Брат, я делаю то, что нам приказано. В тех норах, откуда она пришла, живут наши истинные родичи. Я уже заметила их: иначе зачем бы я здесь оказалась? Я пришла — я пошла за ней».

Тиро снова облизал шерсть на груди. Мер имеет право на выбор, и если она сделала его неверно, её ждёт наказание. Он ожидал, что она ответит на его мысль. Но когда поднял голову, она исчезла. По крайней мере, соблюдает правила и установит контакт со своим «ребёнком» на расстоянии.

Он вслушивался в доносившиеся из погребца голоса и спокойно ожидал возвращения Джима. Но только поверхностные его мысли были заняты мальчиком. В основном же он думал о другом, о том, что привело его сюда, в мир, который древнейшие записи его расы провозгласили самым жестоким и несчастным.

2. Тиро, Мер и проблемы

— Нет, мы не можем пустить этого бродячего кота в дом, Джим.

— Он не бродячий кот! Он потерялся. Только посмотрите на него. Он не из тех, что бродят по дворам.

Тиро, которого мальчик прижимал к себе, положил лапы ему на плечо и замурлыкал. Но на миссис Дейл он смотрел совсем не дружелюбно. Неважно, примут его эти люди или нет. Если бы мальчик так странно не нравился ему — да, именно нравился, — он ещё в самом начале этого спора выскользнул бы из дома.

Лицо Джима вспыхнуло. Ведь Тиро — первое, чего он действительно захотел со времени своего несчастья.

— Ну, оставь пока, — Джим знал, что это значит. Тиро может быть здесь, пока не вернётся мистер Дейл. Тогда неизбежно начнётся разговор о сдаче кота в питомник и...

— Я оставляю его у себя, — решительно сказал мальчик. — У меня есть собственное денежное пособие. Я могу покупать ему еду...

— Дело не только в еде, — предупредила миссис Дейл. — Нужно будет сделать прививки, хотя бы от бешенства. А они дорого стоят, запомни, Джим. Да, очень красивый кот. Но я думаю, ты прав: он потерялся. Надо посмотреть объявления в газетах.

Джим дышал в шерсть на голове Тиро. По крайней мере хоть чего-то он добился: она согласна принять Тиро и кормить его. Мальчик знал, что испробует всё, чтобы сохранить у себя кота. К счастью, зазвонил телефон; миссис Дейл пошла к нему, а Джим взбежал по ступеням на второй этаж, перепрыгивая по две за раз, и принёс Тиро к себе в комнату, пока она не заметила. Потом посадил кота на кровать и стал чесать у него за ухом. Ответное мурлыканье действовало успокаивающе, новый товарищ мальчика закатывал глаза и впиался в покрывало когтями.

* * *

— Откуда ты взялась? — спросила Элли, вешая пустой мешок через плечо. Девочка уже побывала на сортировке утиля у дядюшки Слима, и под тенниской в тряпке у неё были тщательно спрятаны деньги. Но с тем мальчиком она делиться не будет, хотя это он отыскал стеклянные кувшины на полке в погребе.

А к ней пришла другая большая кошка, не чёрная, как нашёл мальчик. Теперь она сидела на пороге и смотрела на неё, словно это её дом, и к ней пришли гости. Интересная кошка, двуцветная и с голубыми глазами. Голубые глаза. Элли раньше встречала только одичавших кошек, которые сразу разбегались, когда она начинала рыться в мусорных баках. Но это совсем другая кошка:

она нисколько не боится. И поэтому сама Элли немного испугалась — совсем немного.

Но это её дверь, хотя и покорёженная, потому что часть дерева сгнила. На Кок Эли все дома убогие. Но её дом, наверное, самый убогий, думала Элли. В нём только одна комната, и вместо окон пустые рамы. Элли заткнула их старыми мешками. Так темно, но зато меньше дует и немного спасает от холода зимой.

Кошка подняла переднюю лапу и лизнула шерсть. Элли взмахнула пустым мешком.

— Эй, ты... уходи! — приказала она. — Это мой дом, мой и бабушкин. У нас нет кошек. Они нам не нужны!

Она никогда не видела кошек с такими голубыми глазами. И они смотрели прямо в её глаза. Элли вытерла рукой лоб. Жарко. Хорошо бы сосульку-леденец, прохладную, ледяную. Надо сходить внутрь, посмотреть, как там бабушка. Бабушка сказала утром, что плохо себя чувствует, полежит немного, чтобы отдохнули старые кости. Ужасно старые кости у бабушки, они теперь всегда болят.

— Уходи! — Элли ещё раз махнула мешком, но кошка даже не моргнула. Стараясь держаться как можно дальше от кошки, девочка протиснулась в дверь.

Внутри, как и всегда, было темно и душно. Элли так к этому привыкла, что и не замечала — почти. У дальней стены притулилась старая проржавевшая печь, рядом стоит стол с одной ножкой на кирпичках. На нём сковородка бабушки и две треснувшие чашки, найденные Элли. Под столом ведро с ковшом.

— Это я, бабушка! — Элли пошла прямо к провисшей кровати. — Я! Мне повезло сегодня. Нашла старые кувшины, и дядюшка Слим дал мне доллар и сорок два цента, — и она достала из-под тенниски своё завязанное сокровище.

Голова бабушки повернулась на подушке, и Элли облегчённо вздохнула. Иногда бабушка просто спит и даже не отвечает.

— Иди ко мне, детка, — голос с кровати звучал не

громче шёпота. — Ты у меня умница, Элли. Дай мне попить. Очень жарко...

— Конечно, — Элли побежала за ковшом. Потом привычно приподняла голову бабушки одной рукой и смотрела, как та делает один-два глотка. — Ещё, бабушка? — спросила она.

— Достаточно, Элли. Хороший вкус — для городской воды. У нас дома был колодец, нигде не было воды слаще. Давно это было, так давно...

— Ты поправишься, бабушка, и мне повезёт ещё, как сегодня, и мы сядем в автобус и поедem туда, — Элли мечтала, как часто и раньше, но на этот раз вслух. Бабушка так много рассказывала о своём старом доме, что иногда девочке казалось, что она сама там бывала.

Маленькая женщина в постели села, и Элли торопливо принялась укрывать её стёганным одеялом и поправлять грязную подушку.

— Я получила доллар и сорок два цента, — повторила девочка. — Пойду в магазин. Крисси сказал, что там у дверей ведро, а в нём помятые консервы. И поэтому их продают очень дёшево. Я тебе куплю супа, бабушка, и ещё зайду в булочную. Там вчерашний хлеб, он очень дешёвый...

— Что это, девочка? — бабушка смотрела мимо Элли, и на её сморщенном беззубом лице отразилось удивление. — Крыса? Возьми-ка метлу, Элли! Возьми метлу. Не позволяй старой крысе...

Глаза Элли уже привыкли к полутьме, и она видела, кто сидит у ведра, глядя на неё.

— Это не крыса, бабушка. Большая кошка. Она сидела у наших дверей, когда я пришла, словно это её дом. Я возьму метлу и...

Но ей не хотелось прогонять кошку. Она так на неё смотрит, будто знает про Элли Мэй Браун всё, с головы до ног. И она не шипит и не ворчит. И если кошка будет тут, может, бабушка не будет так бояться крыс, когда Элли уходит на поиски того, что можно продать.

— Кошка? Где ты её взяла? Мы не сможем прокормить кошку.

— И не нужно, — ответила Элли. — Если она тут посидит, то поймает большую крысу, которую ты так ненавидишь, бабушка. Она посидит, пока я схожу и принесу чего-нибудь поесть. Не бойся.

И она решила доказать это бабушке, протянув руку к голове гостыи. Серо-белая голова приподнялась, кошка обнюхала пальцы Элли, потом ещё выше подняла голову и потёрлась об её руку.

Элли удивилась. Она понравилась кошке! Странно. Она же девочка бабушки. На Кок Эли живут всего одна-две женщины, которые иногда дают ей что-нибудь. Например, миссис Дабни: она подарила тенниску, даже обрезала рукава, чтобы девочке было удобней. Но друзей у неё тут нет. Дети с Кок Эли отправлялись в школу, когда их ловил надзиратель, а когда он не показывался, просто бегали по улице. И бабушка не хотела, чтобы Элли водилась с ними. А теперь Элли слишком занята, и у неё совсем нет времени на глупости. Но... она понравилась этой кошке. И почему-то девочка ощутила какое-то новое, глубокое чувство.

* * *

Джим осторожно спускался по тёмной лестнице. Где-то снаружи Тиро, мистер Дейл вынес его, когда пришло время ложиться спать. Он позволил Джиму поставить в гараже коробку и положить туда пару старых купальных полотенец, которые нашла миссис Дейл, но твёрдо сказал: никаких кошек в доме. И Джим был так рассержен, что совершенно забыл обо всех своих горестях.

Ведь рядом у Гаррисов живёт большая полицейская собака. Джим слышал, как Родди Гаррис хвастал, что его собака ловит кошек, даже убивает их. Джим с самого начала невзлюбил Родди; теперь он даже готов был с ним подраться. А что если Рекс поймает Тиро? От одной только мысли об этом мальчик вздрогнул, хотя ночь стояла жаркая. Гаррисы на ночь всегда выпускают Рекса во двор, как сторожевую собаку. А Тиро может пойти туда, не подозревая об опасности.

Джим спустился вниз и открыл дверь, ведущую в

гараж. Он принесёт Тиро, может, спрячет его в шкафу. Дверь наконец подалась, и Джим оказался рядом с машиной.

— Тиро? — негромко позвал он. Потом подошёл к коробке, но она была пуста, как он и опасался. — Тиро? — мальчик не осмеливался звать громко: Дейлы могут услышать.

Снаружи ярко светила луна. Было слышно, как по улице проходят машины, в основном дальше, там, где шоссе; издалека донёсся рёв полицейской сирены. Джим переступил с ноги на ногу. Он не мог просто лечь в постель и лежать, беспокоясь о Тиро.

Тихо, как только мог, мальчик выбрался во двор. И услышал какие-то странные звуки... «Тиро?»

И каким-то образом мысленно увидел большого чёрного кота, ясно увидел, как будто Тиро сидел перед ним, освещённый луной, и смотрел на него, как при первой встрече.

Джим остановился. Тиро был здесь. Мальчик неуверенно поднёс руку к голове. Тиро не заблудился, он не пошёл к дому Гаррисов. Нет, Тиро всё знает о таких собаках, как Рекс, о том, что кошка может попасть под машину, и... Джим сглотнул. Такого странного чувства у него никогда не было! Он всё знал так же точно, словно... словно ему сказали это папа или мама. А ничего более верного Джим представить себе не мог.

Тиро в безопасности, он вернётся. Джим не должен беспокоиться. С глубоким вздохом облегчения мальчик закрыл дверь гаража. Ему очень хотелось спать. Побыстрее бы лечь в постель.

* * *

Пятна лунного света лежали на плащадке, на которой когда-то стоял дом. Но между ними оставалось достаточно тени, где легко можно было спрятаться. Тиро скользил от одной тени к другой с осторожностью хорошо подготовленного разведчика. Он чувствовал облегчение: успокоить мальчика оказалось нетрудно. Мальчик так

встревожился, что Тиро даже слегка удивился. В своё единственное предыдущее посещение Земли он останавливался в семье, которая всех «животных» отпускала на ночь. Может, Джим чем-то отличается от других, подумал Тиро. Потом вспомнил рассказы полуродичей. Очевидно, и среди людей встречаются такие, которые думают не только о своём виде.

Большой чёрный кот остановился под разросшимся кустом с обломанными ветвями. Под лапами мягко пружинили высохшие цветы сирени. Он послал мысль-вопрос и стал ждать.

Вскоре появилась Мер. Она скользнула, прижимаясь животом, под ветвь и села рядом. Кончик хвоста аккуратно обернулся вокруг лап.

«Ну как, установила контакт с девочкой?» — спросил, подумал Тиро.

В ответной мысли Мер чувствовалась усмешка: «Меня приветствовали... как ловца крыс».

Тиро не смог подавить отвращения. Конечно, их здешние полуродичи — охотники, это хорошо известно. В конце концов они тысячи лет провели на варварской планете, где им нужно было либо приспособиться, либо погибнуть. Но подумать об истинном ко'оте благородного рода, как об охотнике!

Усмешка Мер стала заметней. «Нет, я не гонялась за этими зверями. Достаточно было сильной направленной мысли, и они теперь дважды подумают, прежде чем снова прийти. Девочка... — Мер колебалась. — Она боится за бабушку. И она много трудится. Не похожа на обычных человеческих детёнышей, бессмысленных и жестоких. Она считает меня другом».

Тиро заворчал. «Когда мы впервые обнаружили эту планету, мы были друзьями людей. Наши мыслители и их мыслители жили вместе, и между нами был мир. Наша мудрость питала их мудрость; их мудрость обогащала нашу. Ведь те люди даже верили, что их великая богиня — кошка. Они называли её Баст и строили храмы, в которых мы жили. И люди радовались и почтительно

относились к тем ко'отам, которые соглашались жить под их крышей. Но ты помнишь, что последовало за этим, сестра? Тёмные годы, когда вожди людей объявили нас злом и охотились за нами с огнём и мечом, подвергали пыткам? Даже те, кто в новых храмах молился Существо, полному любви, даже они кричали, увидев нас, и убивали. И теперь между нами и «людьми» пролегла река смерти. И у нас только один долг — освободить своих родичей, вернее, тех полуродичей, кто ещё не настолько огрубел, чтобы слышать внутренний голос», — хвост Тиро хлестал по траве, уши прижались к черепу, глаза сверкали.

«Ты говоришь, как предводитель Ана», — Мер разглядывала его, слегка склонив голову набок. Тиро с раздражением понял, что она не испытывает к нему должного почтения. Но он старший в этой экспедиции. И опыта у него больше.

«Ана знает «людей», — ответил он. — Достаточно послушать записи в памяти корабля, чтобы понять, что она права. И мы должны соблюдать Первое Правило...»

«Не позволяй возникать эмоциональной связи между тобой и людьми», — послушно процитировала Мер. — Но мы ведь должны сохранять свою тайну, верно? Я распутаю крыс в доме девочки и постараюсь узнать, что смогу. Когда следующая встреча с предводителями?»

«Я побывал в шлюпке, — ответил Тиро. — На сканере никаких сообщений. Кстати, в сознании мальчика я обнаружил страх перед некоей собакой, которая по ночам убивает кошек. Этого зверя спускают по ночам в том направлении, — он указал подбородком. — Будь осторожна».

«Кажется, мальчик очень о тебе заботится, иначе у него в сознании не было бы таких страхов, — сказала-подумала Мер. — Что будет с ним и с девочкой, когда случится то, чего мы опасаемся?»

Если бы кот мог пожимать плечами, движения Тиро соответствовали бы этому жесту.

«Они, как и весь их род, получают заслуженное», — только такой ответ и может дать уважающий себя ко'от.

Но в глубине души Тиро испытывал странное сожаление. Он помнил, как Джим тревожился о нём, помнил, как мальчик искал его. Ерунда. Достаточно вспомнить историю взаимоотношений людей и ко'отов, чтобы позабыть о таких глупых слабостях.

Мер встала. «Пора за работу, — она дёрнула своим длинным хвостом. — Да благословит великая Баст наше дело».

Тиро тоже встал. «Будь осторожна, сестра. Этот мир полон опасностей».

Он проследил, как она легко скользнула в тень, а потом направился к тёмному дому Джима. Он уже отметил подходящее дерево, на которое легко взобраться. Затем пройти вдоль по той ветке, и оттуда он сможет позвать мальчика и запрыгнуть в окно, которое тот, конечно, откроет, чтобы провести ночь в удобной постели, как и подобает ко'оту благородного происхождения.

3. Тени сгущаются

Пнув кирпич ногой, Джим посмотрел, как тот исчезает в отверстии погребка. Там внизу так жарко и душно. Он даст Элли ещё пять минут, потом уйдёт. Можно оставить коробку прямо здесь, она её найдёт. Он посмотрел на большой картонный ящик. Джим протащил его вокруг дома, потому что не смог протолкнуть в дыру в заборе, и, к счастью, его никто не видел. Если Элли нужны ещё бутылки, теперь она сможет выбрать.

До встречи с Элли Джим даже не подозревал, что всякий хлам можно продавать. О, конечно, можно отнести пустые бутылки коки в магазин и получить взамен новые. Но тут совсем другое. Мистер Дейл сказал, что Джим это хорошо придумал — разобраться с мусором. И оставил Джима рыться в хламе. Джим нашёл множество полезных для Элли вещей: несколько тарелок от замороженных продуктов, пять бутылок разного размера и пластиковый занавес для ванной, у которого порвался верх и его нельзя было починить.

Тиро лениво лежал на груди старых досок. Он даже не моргнул, когда мимо пролетела чёрно-жёлтая бабочка. Прошло уже пять дней, как Джим его встретил, и пока не было никаких объявлений о пропаже в газетах. Тиро умён, подумал Джим. Он позволяет мистеру Дейлу вынести его на ночь, немного погодя взбирается по дереву к окну Джима и возвращается в спальню. Наверное, самый умный из котов.

Из открытого окна дома Дейлов доносились звуки телевизора. Джим поёжился. Дейлы в последнее время много говорят о новостях, о беспорядках на Ближнем Востоке. Всё это очень далеко и Джима абсолютно не касается. Или касается? Он с беспокойством вспомнил, как мистер Дейл однажды упомянул, что он офицер запаса, и, если начнутся серьёзные неприятности, ему придётся отправляться на службу. Миссис Дейл тогда сказала что-то о том, что они в таком случае переедут к её сестре. Сестра живёт в Мериленде, у неё там ферма. Ну, что ж, если они туда поедут, Тиро сможет поехать с ними. Джим был настроен решительно. Можно купить специальную сумку для котов, он видел такую в рекламе, и он позаботится, чтобы Тиро было удобно.

Но по телику всегда говорят, что дела идут плохо. И ничего на самом деле не происходит. Забавно. А недавно в самом конце новостей упоминали о том, что в некоторых городах исчезают кошки. Джим взглянул на Тиро. Кому может понадобиться много кошек — причём не породистых, которые стоят много денег, каких обычно показывают на разных шоу, а самых обычных, всех подряд, больших и маленьких?

— Эти ловцы кошек, — сказал он Тиро, — они никогда тебя не получают. Да ты их и сам разорвёшь на клочки, если они только попробуют.

Тиро выпустил когти и зацарапал широкую доску, словно острил своё природное оружие, готовился к схватке. Джим снова испытал странное чувство. Он его уже не раз испытывал за последние пять дней, и ему так хотелось всё это кому-нибудь рассказать, расспросить. Он

был уверен, что Тиро понимает его слова. Собаки, например, понимают много слов: сидеть, лежать, стоять. Но это команды. А кошкам никто не даёт таких команд.

Размышляя об этом, Джим увидел, что Тиро повернул голову. Кот смотрел в дальний конец пустыря. И через несколько мгновений появилась Элли. Но шла она медленней, чем обычно, и совсем не улыбалась.

— В чём дело? — спросил Джим. — Смотри: мне разрешили огобрать кое-что для мусорщиков. Смотри, что у меня есть!

Он двинул вперёд тяжёлую коробку. Но Элли не кинулась к ней, как обычно.

— Бабушка... — медленно проговорила девочка, — она заболела, на этот раз серьёзно. Миссис Дабни сказала, что бабушку нужно положить в больницу. Бабушку увезут и... — Элли сделала быстрый сердитый жест и вытерла лицо рукавом старой тенниски. — Я не дам её увезти! Я сама могу о ней позаботиться, как всегда это делала. Ей даже можно больше не бояться крыс, когда меня нет и некому взять метлу. Все крысы ушли, когда появилась Мер. Я ухожу, а Мер ложится в кровать и лежит там тихо, и бабушке становится лучше, она сама так говорит!

Мер? А-а, та кошка необычного вида, которую ему однажды показала Элли. Не такая красивая, как Тиро, худая и серо-белая. Элли говорит, что они друзья.

— А что говорит врач? — неловко спросил Джим. Он надеялся, что Элли не расплачется.

— Какой врач? Мы не можем даже свозить бабушку в больницу. Она не может идти, а туда далеко. Бабушка, она сама обычно говорит мне, что делать. Есть много растений, которыми можно лечиться, если знаешь их. Раньше бабушка их искала, и у неё есть запас сушёных трав, из них можно делать чай.

Элли живёт как будто совсем в другом мире. Джиму трудно было поверить, что она не может сесть в машину и поехать к врачу. Но какая там машина? Он два дня назад видел Кок Эли, когда помогал Элли отнести домой коробку с мусором, и там ни у кого нет никаких гаражей

и никаких машин, кроме старого изношенного грузовика в полуквартале, с которым возился какой-то парень. Джим странно себя чувствовал на Кок Эли. На него все смотрели, и мальчишки отпускали замечания, которых он не понимал. Потом они подошли и преградили ему путь. Но Элли поговорила с ними, и слов её Джим тоже не понял. Тогда мальчишки засмеялись и пропустили их. Но он чувствовал, что одному в таком месте ему бы не поздоровилось.

— Если что-нибудь случится, — у Элли перехватило дыхание, и она ненадолго замолчала, но потом продолжила: — Если с бабушкой что-нибудь случится, я сама поеду домой. Мы с Мер не станем дожидаться, пока меня сдадут в приют, а Мер отдадут кошатникам.

Девочка опустила на землю рядом с коробкой и равнодушно провела рукой по занавеске для душа, которую Джим положил на самом верху. Она даже не взглянула на вещи, просто сидела, уставившись на старый погреб, и лицо у неё осунулось и похудело. Элли боялась, и страх её заражал Джима.

Он неловко переступил с ноги на ногу. Если что-то случится с её бабушкой! Ну, как что-то случилось с мамой и папой — быстрое, плохое и без всякого предупреждения!

— Тебя могут взять приёмные родители, — медленно сказал он. — Как меня...

— Никогда! — Элли решительно покачала головой. — Я не позволю, чтобы меня передавали из рук в руки, словно не зная, что со мной делать. Говорю тебе, мы с Мер поедem домой. В дом бабушки!

— А где это?..

Он словно раскрыл дверь битком набитого шкафа. Слова Элли потекли так быстро, они так перемешивались, что часто Джиму приходилось только догадываться. Но ему стало абсолютно ясно: Элли верит, что где-то есть удивительный дом, вокруг него поля, а рядом колодец с чистой холодной водой. На кустах столько ягод, что их всё никак не могут собрать, и много кукурузы, и яблоки

на деревьях. Бабушка там жила до того, как её муж нашёл работу в городе. Но дом по-прежнему там, он ждёт...

— Ты знаешь, как туда добраться?

— Туда ходит автобус. Мы с бабушкой туда поедem, как только наберём денег на билеты. Я записала название остановки автобуса. Бабушка...

Элли вдруг нагнулась к коробке и спрятала лицо в занавеске, слова её сменились всхлипываниями. Она заплакала так сильно, что всё её маленькое тело буквально затряслось.

Из тени внезапно вышла Мер. Подошла к девочке, потёрлась о неё боком, громко замурлыкала. Время от времени кошка поднимала морду и тёрлась носом о ту часть щеки Элли, которая была видна из-под рук. Джим с несчастным видом сидел рядом. Ему хотелось убежать; в то же время он хотел сказать Элли, как ему жаль, но не мог найти слов. Он видел, как Элли протянула руку и прижала к себе Мер, на взгляд мальчика, слишком сильно, но Мер продолжала мурлыкать.

Постепенно рыдания Элли утихли. Наконец она подняла голову, прижимая к себе Мер, икнула и сказала: «Я не плакса. Бабушка всегда говорит, что у меня голова крепко привинчена, и я могу добиваться своего. И я это и буду делать!» Она сердито смотрела на Джима, как будто ждала, что он станет спорить.

— Наверное, так. Ты сделаешь всё, что задумаешь.

Элли кивнула так, что её косички подпрыгнули. «Больше я не буду плакать. А теперь, — она выпустила Мер и обратила внимание на коробку, которую принёс Джим, — посмотрим на это».

И хоть у неё ещё блестели слёзы на щеках, это снова была та Элли, которую Джим знал. Он почувствовал себя гораздо увереннее, когда девочка стала просматривать его находки, комментируя и оценивая каждую.

* * *

Этой ночью луны не было, всё небо плотно затянули тучи. Тиро был доволен. Выскользнув из дома, он позвал.

Через несколько секунд к нему присоединилась Мер.

— Сегодня должно прийти сообщение. Наш план начал осуществляться с запада. Даже люди, занятые своими делами, заметили. В этом шумном телевизоре сегодня появились новости об украденных и сбежавших кошках.

— Если сбор начался, новости должны быть плохими, — Мер как будто встревожилась.

— Ты, конечно, передала сообщения нашим полуродичам?

Она даже не стала отвечать, и он решил, что заслужил отповедь. Но тревога, которую он ощутил в ней, вызвала его беспокойство. Однако он не стал нарушать молчание, когда они двинулись в ночь, пробрались под оградой и нашли тропу, хорошо скрытую от людей и ведущую в самую гущу кустов.

Тиро откинул голову и испустил негромкий резкий звук. Часть ствола дерева в середине зарослей изменила форму, показалось слабо освещённое отверстие. Чёрный кот прыгнул к этой двери, Мер за ним.

Внутри корабля Тиро с удовольствием потянулся. Мягкая упругость пола, знакомое зеленоватое освещение радовало глаз: иногда яркое солнце этой планеты бывает очень неприятно. Он прошёлся по небольшой каюте, пригнувшись, проверяя, не было ли в их маленьком корабле нежелательных гостей.

Внутренняя поверхность космической шлюпки была обита толстой мягкой тканью и имела ремни, чтобы ко'от мог закрепиться при старте. Если занять положение пилота, то хорошо видна панель управления с горящими огоньками, а ниже ряды рычажков, отвечающих на мысль ко'ота.

Но один — центральный — огонёк на доске не горел, как прочие, ровно. Он быстро мигал зелёным светом. Взглянув на него, Тиро застыл. Приказ явиться на базовый корабль! Хвост его дёрнулся: необходима была быстрота и осторожность. Мер уже легла на пол и прикрепила ремень, приготовившись расслабиться, оставляя пилотирование шлюпки на этот раз ему.

Тиро занял позицию пилота, внимательно глядя на доску. Никаких признаков присутствия поблизости людей. Он отдал мысленную команду на старт.

И не успел перевести дыхание, как они уже поднялись; скорость подъёма прижала их к мягкой обивке. Тиро продолжал следить за контрольной панелью. Поднявшись, они стали доступны для наблюдателей, их может засечь радар людей. Это, конечно, не означает большой опасности, потому что их маленькая шлюпка перегонит любой человеческий корабль, но всё же лучше оставаться незамеченными.

Тиро не был уверен, что они ушли незаметно, пока шлюпка не поднялась выше уровня реактивных самолётов. Мер лежала с закрытыми глазами. Излучение её мозга свидетельствовало о том, что она, по обыкновению ко'отов, спала, потому что ответственность за полёт полнотью лежала на нём.

Вызов на базовый корабль — дело величайшей важности. Хвост Тиро чуть дёргался: в сознании Тиро всплывали все многочисленные чрезвычайные происшествия, которые могли привести к этому вызову. Хотя, конечно, не было смысла тратить время на догадки. Скоро всё станет ясно.

Мысли его перешли к Джиму. Тиро подумал, что бы сказал мальчик, если бы узнал, кто он такой на самом деле. Поверит ли мальчик в разумных ко'отов? Люди обычно предпочитают не замечать то, что не совпадает с их мнением. Или смеяться над этим. Для них ко'от и обычная кошка — одно и то же. Мысль о том, что столь непохожий на них вид владеет космосом тысячи их лет, что он открыл их незначительную планету, когда люди ещё жили в пещерах, такая мысль затронет гордость людей, и они постараются закрыть сознание, представить эту мысль как нечто совершенно невероятное.

Как он недавно говорил Мер, не всегда было так. Тиро помнил исторические ленты. Жаркая окружённая пустынями земля за морем (теперь люди называют её Египтом), где ко'оты и люди встречались как честные и равные

друзья. Но его народ оказался слишком доверчив, слишком доверял способностям людей мыслить логически, не поддаваясь эмоциям.

И сколь многим из его народа тогда понравилась эта планета, они жили здесь, растили детей. А потом, когда почти всю землю охватила война, ко'оты оказались захвачены ужасом, страхом и смертью. И тогда среди самих ко'отов мнения разделились.

Некоторые улетели, поселились на других планетах и жили в мире. Они считали, что истинная логика утверждает: контакт с этой планетой невозможен, а тех родичей, что на ней остались, нужно забыть. И какое-то время это мнение господствовало.

Но у ко'отов всегда сохранялась способность к поискам нового — пожалуй, единственная черта, общая у них с людьми. Позже ко'оты снова распространились в этой части галактики, и победило другое мнение.

Человек быстро идёт к самоуничтожению. Он может скоро совсем исчезнуть — в яростном всплеске эмоций, или отравит собственный мир. Но на планете всё ещё живут их родичи, частично порабождённые. И исследователи ко'отов составили план. Те родичи, которые не слишком изменились и способны воспринимать мысленные призывы ко'отов, должны быть вывезены. Они внесут новую энергичную струю в древний род ко'отов. Долгие годы изгнания выработали у них особенности, которых ныне нет у чистокровных ко'отов. И теперь только старейшие на базовом корабле — чистокровные ко'оты. А сам Тиро и другие разведчики обладают изрядной долей чуждой наследственности. Это необходимо для эксперимента.

Но время эксперимента подходит к концу. Тиро догадывался, какими должны быть новости, если эвакуация действительно началась. Сколько ещё времени пройдёт, прежде чем человек попытается уничтожить свою планету? Месяцы, недели, может, дни? Наверное, уже сегодня они об этом узнают.

4. Последний приказ

Корабль-разведчик аккуратно вписался в шлюз на внешнем ободе большого базового корабля. Услышав звонок, означающий, что полёт окончен, Тиро и Мер освободились от ремней и перешли в основной корабль. Торопливо пробежав по узкому коридору, они оказались в большой внутренней каюте.

Обычная самоуверенность Тиро слегка увяла. Ведь здесь он вовсе не старейший ко'от. Напротив, один из молодых членов экипажа, и ему не полагается посылать мысленные сигналы, если его не пригласят к беседе. Вместе с Мер он сел у стены и приготовился слушать.

На мягких подушках в центре помещения лежала предводительница Ана. А рядом с ней — Фледи. Усы Тиро встали дыбом, когда он увидел Фледи — старейшего из старейших. Фледи из всех знакомых Тиро находится ближе всех к идеальному ко'оту.

Шерсть у него не жёлтая и не рыжая, а скорее смесь того и другого. Даже в зеленоватом освещении корабля она сверкает, словно каждый волосок выкован из драгоценного металла. Большие глаза пронзительно зелёного цвета. Он крупнее всех остальных самцов; хвост его величественно обвивает края подушки, как знамя, и он может в любой момент поднять его, призывая к действиям.

Ана лежала, устроившись поудобнее. Шерсть у неё серебристо-серая, глаза тоже зелёные, что свойственно всем ко'отам благородной крови. Она осматривала собравшихся, замечая буквально всё вокруг. Тиро был рад, что они с Мер пришли не последними. Затаив дыхание, вошли ещё два разведчика и сели рядом с ними.

«Добро пожаловать, — послала Ана мысленное приветствие, как подобает старейшему по отношению к младшим. — Работа идёт хорошо, но её нужно ускорить. Послушайте Фледи и узнайте, почему».

«Осталось совсем немного времени, братья и сёстры, — круглые немигающие глаза Фледи обошли всех; и на каждом он задерживал взгляд. — Люди движутся к само-

уничтожению быстрее, чем мы надеялись. Я собственными ушами слышал, как они планируют неожиданное нападение на других людей. Таковы эти люди! Увидев друг друга, они начинают ворчать и выпускают когти. Чем быстрее исчезнут они из времени и пространства, тем лучше для остальных форм жизни. Но нам нужно выполнить нашу задачу. Ана послала дальний сигнал и получила ответ. Десять кораблей в пути, они уже в пределах этой системы. Наши забытые братья и сёстры должны быть готовы к отлёту. И поскольку даже десять кораблей — очень мало, наши братья и сёстры в полёте будут спать. Им не потребуется питание и они займут очень немного места, пока находятся в космосе. Но даже при таких условиях я не знаю, сколько мы сможем вывезти».

Ана шевельнулась. «Мы должны взять всех, кто отвечает на наш призыв!»

Мысль её произвела впечатление удара выпущенными когтями. «Они — наши родичи. Неужели мы оставим их, и они будут страдать от того, что делают люди?»

Мер следила за Аной, скрывая собственные мысли. Неужели все люди так злы, как её учили? Некоторых молодых вполне можно считать безвредными, даже немного достойными доверия. Вечером Элли поделилась с Мер супом, хотя ко'ошка знала, что девочка очень голодна и могла съесть всё сама. А в далёком прошлом разве люди и ко'оты не жили в мире? Неужели нельзя хотя бы лучших из людей предупредить о надвигающейся беде?

Неожиданно собственные мысли вызвали в ней ужас. Ко'от не может доверять человеку. Люди могут быть интересными, даже приятными в юности, но когда вырастают... Достаточно просмотреть записи, посмотреть, во что они превратили собственную планету, чтобы понять, каковы они на самом деле. Она должна следить за собой, всегда придерживаться истинной логики ко'отов.

Кончик хвоста Тиро дёрнулся. Значит, конец человечеству придёт даже быстрее, чем они рассчитывали. Он знает сообщения, видел ленты, принесённые другими

разведчиками. Люди построили огромные машины смерти и готовы пустить их в ход. Может, какие-то из городов исчезнут в огненном дожде. Или ещё хуже: родичи погибнут от яда в воздухе. В человеке есть что-то дикое — есть оно и в полуродичах; человек никогда не удовлетворяется достигнутым, хочет всё отобрать у других, хочет заставить других служить себе, как машины служат ко'отам. Но ко'оты правят машинами, а не своими родичами.

Частью сознания Тиро слушал и запоминал инструкции предводительницы Аны о том, как быстрее созывать и транспортировать полуродичей. Он слышал, как Фледи ещё дважды предупредил, что времени остается совсем мало. Ну, они с Мер установят сигнал, как только вернутся к своей станции. И все полуродичи, в которых осталось хоть немного от истинных ко'отов, услышат и придут. Они смогут перевезти многих на шлюпке, а когда придут остальные корабли...

Джим. Тиро не понимал, почему вдруг в его сознании всплыл образ Джима. Мальчик — всего лишь человек, Тиро использовал его, чтобы прикрыть истинную сущность своей миссии. Джим — это ключ, с помощью которого Тиро проник в один из домов в центре города и уже оттуда смог успешно действовать. Поколения людей использовали кошек и других животных с гораздо менее «человечными» целями.

Но почему-то ко'оту было неловко. Он вспомнил, как пальцы Джима чешут у него за ушами, как мальчик разговаривает с ним. Конечно, обычный человеческий вздор, вроде того, как красив Тиро и тому подобное. Может, если человек ещё молод...

Тиро неожиданно понял, что предводительница Ана разглядывает его. И подумал, а не слал ли он сейчас свои мысли открыто. Как глупо! Она смотрела на него очень внимательно, и он ощущал, как её ищущая мысль проникает в его мозг. Должно быть, она почувствовала или догадалась, что он отвлёкся. Разведчику не полагается так себя вести! Он не котёнок.

Но вот предводительница Ана выпрямилась во весь

свой рост — она не ниже Фледи, и её серебристо-серая шкура оттеняла его ярко-золотистую.

«Каков Первый Закон разведчика?» — мозг её послал вопрос с яростью, как хвост может хлестнуть в гневе.

Слушающие ко'оты зашевелились. Тиро ощущал их удивление. Ана не ждала ответа. Почти сразу за вопросом она сама процитировала Первый Закон: «Ко'от есть ко'от, он не становится близок ни с кем, кроме тех, кто принадлежит его крови».

Кончик хвоста Тиро дёрнулся. Слишком точный ответ на его размышления несколько мгновений назад. Каким-то образом... каким-то образом Ана догадалась! И тут же Тиро почувствовал, как ёрзает Мер. Она излучала так, как котёнок, пойманный за каким-то нелогичным действием. Мер? Может, Ана на самом деле смотрела не на него, а на его спутницу? Он же предупреждал Мер; когда они останутся наедине, он твёрдо выскажет ей, к чему могут привести подобные глупости.

«Помните, — продолжала Ана, — людям нельзя доверять. Это не те люди, что приветствовали нас на этой планете. Для них мы меньшие существа, с которыми можно поиграть и выбросить, когда надоест. Между нами нет родства. И пусть никакие глупые чувства к ним вас не заденут. Если они уничтожат свой мир, то сделают это сознательно, потому что в сердцах их зло. То, что ждёт их, выросло из семени, посаженного ими же; мы в этом не участвуем. Давным-давно наши предводители допустили ошибку, когда пришли в этот мир; они считали, что люди могут быть нашими друзьями, что они равны нам. И предводители нашли среди людей таких, кого можно было научить воспринимать мысли. Но люди узнавали всё больше, и росла их гордость и жадность. Их предводители не говорили им, что человек — всего лишь одна из разумных форм жизни, что нужно научиться жить вместе на маленькой планете, научиться делить её и жить в мире. Нет, их полные гордости правители заявляли, что вся планета и всё, что на ней, принадлежит одним только людям, и они могут поступать, как им вздумается. Могут

по своей воле нести смерть, даже своим родичам. Так они жили и теперь они должны умереть».

Это правда, согласился Тиро. Все ко'оты знают эту правду. Поступки людей отвратительны и в конце концов приведут к их уничтожению. Тиро слышал, что все посылают мысли-согласия.

Но тут вмешался Фледи. «Люди — не наше дело. Думайте, ко'оты, только о наших родичах. Теперь возвращайтесь на места и устанавливайте сигналы. Времени у нас мало, и это ваша прямая обязанность».

* * *

Мер молчала, устраиваясь в ремнях. Тиро повёл шлюпку назад. От базового корабля веером разлетались другие разведчики, все по своим районам. Тиро установил курс и следил, чтобы их приземление не обнаружили.

«Эта человеческая война ужасна».

Мер удивила его своим неожиданным заявлением.

«Ты видела записи. Люди постоянно изобретают всё более страшное оружие».

«Но ведь есть и такие люди, которые выступают против этого оружия, пытаются остановить войны. Это тоже есть в записях».

«Очень немногие. И против них все остальные, — напомнил ей Тиро».

«Жаль. Всё-таки в них есть что-то хорошее. С ними можно договориться. Конечно, они ниже ко'отов — может, потому что не умеют посылать мысли. Если бы они хоть иногда могли соединяться мысленно, как соединяемся мы, их дикость была бы побеждена. Если когда-то они могли слышать мысли, почему не могут сейчас?»

Тиро гордился своими историческими познаниями. «Как говорила предводительница Ана, таких всегда было немного. И даже тогда были войны и убийства. Говорят, в одной из таких войн были уничтожены даже жившие в храме Баст, и после этого никто уже не мог слышать наши мысли. И люди забыли об этом. А потом пришли чужаки, которые о Баст и не вспомнили. Они развезли наших родичей в далёкие места, где им пришлось добы-

вать пищу, учиться убивать, чтобы есть, — Тиро вздрогнул. — Наши родичи забыли собственное высокое происхождение, утратили свои способности, но никогда они не сдавались человеку, никогда не признавали его хозяином. И это тоже поставили нам в вину».

«У некоторых людей у самих ничего нет», — заметила Мер.

«Делиться — не в их природе».

«Это не всегда так. Девочка Элли делится со мной».

Тиро повернул голову. «Сестра, помни Первый Закон. Мы должны выполнить свою миссию. Лучше, если ты больше не будешь встречаться с этим человеческим ребёнком».

«Лучше скажи это себе, брат, — послала ответную мысль Мер. — Неужели мальчик Джим так закоснел во зле, что ты его ненавидишь? Я следила за тобой. Он, возможно, не очень хорош в чтении мыслей, но откуда он знает твоё имя? Значит, ты попытался посылать ему мысль».

«Это не запрещено, — защищался Тиро. — Мы можем использовать эти способности, чтобы закрепиться. Но это не настоящий посыл мысли, у неё нет чёткости».

Он уловил усмешку Мер и рассердился. Слишком быстро ответил, словно устыдился того, как привлёк внимание Джима. Но это вполне в норме, всякий разведчик поступил бы так же. Давно уже установлено, что с детьми легче вступить в связь, чем со взрослыми. И стандартное правило таково: когда нужно основать базу, необходимо вначале связаться с ребёнком.

Он закрыл своё сознание. Если Мер хочет дурачиться, пусть. В конце концов они здесь ненадолго. Им дали последний приказ. Отныне у них только одна обязанность: сбор и направление тех родичей, которые услышат их призыв, эвакуация с мира, которому грозит гибель.

* * *

Джим проснулся. Стояло раннее утро, а в ногах его кровати не лежит свернувшийся чёрный клубок. Теперь он вспомнил, что Тиро вечером не мяукал на дереве у

окна, не просил впустить его. Вернулось беспокойство, охватившее мальчика, когда кот исчез в первый раз. Слишком легко вспоминается Рекс, и полные машин дороги, и всё плохое, что может случиться с неосторожной кошкой. И он не смог просто лежать и ждать.

Мальчик торопливо оделся. К счастью, сейчас каникулы и в школу идти не нужно. Открывая дверь спальни, он услышал, как зазвонил телефон — громко внизу и приглушённо в спальне. Потом звонок прекратился. Должно быть, один из Дейлов ответил. Тиро!.. Нет, никто так рано не станет звонить из-за кота. И вообще мало кто знает, что у Джима есть кот. Он старался успокоиться, спускаясь в кухню.

Открыв заднюю дверь, мальчик вышел. Раннее утро, прохладно, но скоро снова начнётся жара. Как там справляется Элли? Эта ужасная старая комната в отвратительном доме; там, должно быть, жарко, как в печи. А что будет с Элли, если её бабушку всё-таки увезут в больницу? Она говорила, что убежит, если останется одна. Элли похожа на Мер, на Тиро. Джим не мог себе представить, чтобы можно было девочку или кошек заставить делать то, чего они не хотят.

Через забор перелетело чёрное пушистое тело.

— Тиро! — в голосе Джима прозвучало облегчение. — Где ты был, старик?

Кот потёрся о его голые ноги, и мальчик опустил его и обнял его. Тиро позволил это только на одну-две секунды, потом решительно высвободился и двинулся к дому, оглядываясь, мяуча, призывая поторопиться. Всем подчиняющимся логике существам пора завтракать.

Джим накормил кота, потом положил еды себе. Он решал, стоит ли добавить ещё банан, когда появился мистер Дейл.

— Джим? Хорошо, что ты уже встал. Скажи Маргарет, что я по дороге выпью чашку кофе и позвоню, как только у меня появятся новости, — он помолчал недолго, как будто хотел что-то добавить. Джим виновато встал между ним и Тиро. Может, опять начнёт насчёт «кормления этого животного в доме». — Слушай, не волнуйся, —

мистер Дейл смотрел на него, не на кота. — Мы всё устроим. Если Маргарет уедет, ты поедешь с ней в Мериленд. Тебе там понравится: там гораздо лучше, чем летом в городе. Ну, пока...

И он вышел, прежде чем Джим смог ответить. Значит, они на самом деле собираются в Мериленд. Джим подумал о своей копилке наверху: хватит ли у него денег, чтобы купить сумку для переноски кота? Если не хватит, может, поискать бутылки на продажу. На этот раз не для Элли: деньги нужны ему самому. Он отложил банан и начал нарезать хлеб. Тиро обычно по утрам спал. Ну, ладно, Джим закроет его, чтобы найти потом, если надо будет поторопиться.

Может, позвонить в магазины, спросить о цене сумки? Джим жевал всё быстрее и быстрее, думая о будущем.

5. Мы найдём дом...

Ничего интересного или полезного в мусоре не нашлось. Джим только делал вид, что работает: ему постоянно приходилось подгонять себя, но размышления всё-таки одолевали. В копилке у него пять долларов: он проверил перед уходом. Однако сумка для кошек стоит вдвое дороже, если она к тому же ещё осталась в продаже.

Элли радуется пенсам и десятипенсовикам, но Джиму теперь нужно больше, и побыстрее. Миссис Дейл сказала мальчику правду, когда спустилась из спальни перед его уходом из дома. Ранний телефонный звонок — из штаба резервистов. Мистера Дейла призвали на военную службу. Потом миссис Дейл включила радио на кухне, и там много говорили о беспорядках за морем. Джим новостей почти не слушал, так его поглотила мысль о покупке сумки для переноски кошек.

— Позвоню сегодня Элизабет, — миссис Дейл выключила радио, не дожидаясь конца передачи. — Нам собраться недолго. Может, уедем в тот же день, что и Роберт.

Тем не менее, как теперь вспоминал Джим, она не

сказала, какой день это будет. Сколько же у него времени? Ага — бутылка из-под коки! Он подобрал её из бака. Да, целая, её можно сдать — за несколько пенни. Сколько же таких бутылок ему нужно...

Он не стал пролезать через забор на пустырь. На этот раз просто обошёл доски, оставленные рабочими во дворе. Джим знал, что Элли очистила погреб от всего пригодного для продажи, но он всё равно решил посмотреть ещё раз.

Но едва ступив на лестницу, мальчик услышал звук, от которого сразу замер. Вначале ему показалось, что это какое-то животное, оно ранено и зовёт на помощь.

Он заторопился к груде старых досок. Звук как будто доносился оттуда.

И обогнув доски, он неожиданно увидел девочку.

— Элли! — Джим с разбегу остановился, словно налетел на невидимую стену.

Она сидела, обхватив руками колени и наклонив голову, так что лица не было видно. Но именно Элли производила эти странные звуки! Рядом с девочкой сидела Мер и тёрлась об её руки головой, время от времени добавляя собственное негромкое урчанье.

— Элли, в чём дело? — наверняка произошло что-то ужасное. Джим никогда не видел Элли такой. Он протянул руку и с тревогой коснулся девочки.

— ...уходи! — слова звучали глухо, он их с трудом разбирал. Девочка согнула плечи, словно хотела уйти подальше от прикосновений — и его, и Мер.

Должно быть, Элли заболела. Джим оглядел заросший сад исчезнувшего дома. Может, позвать миссис Дейл? Он чувствовал собственную бесполезность. Но он ведь никогда не говорил Дейлам об Элли.

— Ты больна?

Приглядевшись внимательней, он увидел, что рядом с ней лежит большой мешок, перевязанный верёвкой. Джим узнал этот мешок. Стёганое одеяло с кровати бабушки!

— Элли... — голос Джима дрогнул; он не хотел задавать этот вопрос, но знал, что должен. — Элли, что-то случилось с бабушкой?

Как будто он ударил девочку ножом. Она вздрогнула, подняла голову, и Джим увидел влажные щёки, распухшие от слёз глаза.

— Бабушка умерла, — плакала Элли. — Её забрали в больницу... Потом врач... он сказал миссис Бегли, что она умерла... А потом... я... я просто убежала... Забрала свои вещи, — она похлопала по мешку, — и убежала... потому что за мной пришли! У меня есть доллар. Но этого мало, чтобы нам с Мер уехать. Мы должны найти место, чтобы спрятаться, пока я не заработаю достаточно. Но бабушка... — рот у девочки снова задрожал, и она закончила свою несвязную речь плачем. Элли ухватила за Джима, закрыла глаза, её начала бить крупная дрожь.

Джим тоже закрыл глаза. Снова то же самое ужасное чувство, которое, как ему казалось, он начал уже забывать. Как будто он снова в школе, и его вызывают и говорят, что случилось с мамой и папой. А теперь это произошло с Элли.

Вначале он хотел оттолкнуть её, уйти, убежать как можно быстрее, чтобы не слышать, не вспоминать. Чтобы Элли замолчала, чтобы он сам перестал думать о том, от чего ему так плохо.

Но он не мог так поступить с Элли. Он же знает, что испытывает девочка. Вместо этого он сжал её почти так же крепко, как она его, а Мер кружила вокруг них обоих, издавая негромкие мягкие звуки.

Элли шевельнулась, высвободилась, провела рукой по распухшим глазам.

— Бесполезно об этом думать. Бабушка сказала бы: пользуйся здравым смыслом, который дал тебе Господь, девочка! Я это и сделаю. Найду место, где мы с Мер сможем спрятаться, пока я не наберу денег. Потом мы уедем, и никакая благотворительность нас не найдёт!

Всхлипывая, она огляделась, словно хотела прямо здесь найти такое безопасное место. Потом протянула руку и погладила доски.

— Похоже, люди, которые снесли дом, не скоро вернутся. Может, я пока останусь здесь.

Она встала, решительно вздёрнув подбородок, и сдви-

нула одну доску из груды. «Смотри, можно их передвинуть, вот так, сделать навес. Потом поставим рядом другие, всё будет выглядеть, как будто упало само. А под ними я смогу прятаться».

Она была права. Джим, радуясь возможности хоть что-то делать и не слышать плач Элли, принялся помогать. Когда доски заняли свои места, Элли отошла, чтобы посмотреть со стороны.

— Очень даже похоже, что они упали сами, — сказала она. — Конечно, тут никого не бывает, но никогда нельзя быть уверенной. Посмотрим.

Встав на колени, она забралась под навес и втащила за собой свой мешок. Потом высунула голову и сказала: «Подойдёт — пока».

— А если пойдёт дождь? И ночью здесь ужасно темно.

Элли пожалала плечами. «Если пойдёт дождь, подставляю чашку, и у меня будет вода. Тёмные ночи... — вот тут она заколебалась. — У меня есть Мер. Говорят, кошки видят в темноте, не то что люди. Мер, она даст мне знать, если кто-то придёт. Мер, она хороший друг, — Элли схватила тощую серо-белую кошку и прижала к себе. Мер позволила это, даже сама прижалась головой к подбородку Элли. — Скажи, а тот большой кот не говорит с тобой... словно у тебя в голове?»

Джим удивился. «Говорит? В голове? Как это?»

Он видел, что Элли совершенно серьёзна. «Ну, как... Мер, она посмотрит на меня внимательно, и вдруг я знаю, о чём она думает, — Элли опустила кошку и потёрла лоб. — У меня никогда не было кошки, может, они все так умеют. Правда?»

Джим покачал головой. «Не знаю». Говорил ли с ним Тиро? И откуда он вообще знает имя Тиро? Правда, за такое общение можно посчитать тот случай, когда он испугался за кота и потом вдруг откуда-то узнал, что всё в порядке и Тиро благополучно вернётся домой.

Но мысли о Тиро заставили мальчика вспомнить собственные проблемы. Ему предстоит переселение в Мериленд, и он хочет взять с собой Тиро. А теперь ещё

Элли... Джим не может так просто уйти и оставить Элли под старыми грязными досками, хотя она и надеется уехать в какое-то место, о котором только слышала.

— Послушай, — он присел на корточки рядом с Элли. — Наверное, мне скоро придётся уехать. Дейлы... с которыми я живу... мистера Дейла призвали в армию, а миссис Дейл говорит, что поедет в Мериленд к своей сестре, и я поеду с ней.

Маленькое личико Элли оставалось равнодушным. «Не беспокойся обо мне! — заявила она, словно могла читать мысли Джима, как и мысли Мер. — Я сама справлюсь! Мы с Мер справимся!»

— Нет, — решительно ответил Джим. — Откуда ты знаешь, что завтра сюда не придёт бульдозер и не разнесёт тут всё? Приёмный ребёнок — это совсем не так уж плохо, Элли. Они добры ко мне, — мальчик вынужден был признать, что Дейлы действительно добры к нему.

Но Элли покачала головой. «Я не буду связываться с благотворительностью, нет. Они не возьмут Мер...»

Кошка сидела перед Элли, переводя взгляд с неё на Джима и обратно, словно понимала каждое их слово. И Джим на самом деле испытал какое-то странное беспокойство. Как и говорила Элли, что-то зашевелилось в его сознании. Он знал, что выбор Элли неразумен, но в то же время какая-то часть утверждала, что Элли права.

— Я тебе принесу поесть. Ты завтракала? — спросил он, стараясь отогнать тревожные мысли.

— Миссис Бегли дала мне немного хлеба, — призналась девочка. — Я вообще не могла есть...

— Подожди, сейчас увидишь! — Джиму легче было действовать, чем разговаривать. Он торопливо протиснулся в дыру в ограде и побежал на кухню. Из дома доносился голос миссис Дейл: она разговаривала по телефону. Джим понадеялся, что она не скоро закончит. Мальчик взял хлеб, намазал ломоть толстым слоем арахисового масла, потом сверху положил несколько ложек джема. На полке стояло несколько бутылок с кокой, он взял одну. Потом насыпал в мешок для сэндвичей печенья. Подумал и о Мер, наполнив второй мешочек сухой

кошачьей пищей. И всё время он прислушивался к голосу миссис Дейл. Конечно, ему разрешалось иногда перехватить сэндвич-другой, соблюдая единственное правило: он должен убирать за собой. Поэтому он вымыл нож и ложку, вытер их и выбежал с припасами в потёртой полиэтиленовой сумке.

Когда Джим снова пробирался за ограду, прямо перед ним туда проскользнул Тиро. Джим позвал кота, но тот уже исчез в густых зарослях по другую сторону. Джим направился к навесу и передал мешок Элли.

— Всё, что я смог достать. Вечером попробую ещё, — пообещал он.

Элли осмотрела принесённое. «Парень, ты не жалеешь ножа, когда режешь хлеб! Вкусно, как цыплёнок в горшке! — в одной руке она держала сэндвич, другой осторожно открывала мешок с кошачьей пищей. — Мер, куда она исчезла? Ведь была же здесь минуту назад. Ну ничего, поест, когда вернётся».

Элли ела сэндвичи, а Джим налил коки в крышечку от бутылки, чтобы она смогла запивать.

— Вкусно! — Элли проглотила оба сэндвича, но печенье снова спрятала. — Вы очень хорошо едите. Я давно такого не ела...

— Я тебе ещё принесу, — пообещал Джим. Он по-прежнему считал, что планы Элли неосуществимы, но знал, что не может спорить с нею. Наверное, пара ночей здесь, или даже одна ночь покажут девчонке, что она не может жить сама по себе, как бы ей того ни хотелось.

* * *

Тиро наблюдал за детьми из укрытия — густо разросшихся кустов.

«Смотри, — сказал он своей спутнице. — С ребёнком будет всё в порядке, мальчик позаботится о ней».

«Ты касался его сознания сегодня утром?» — спросила Мер.

«Ещё нет».

«Тогда ты не знаешь. Мальчик уезжает. Люди, с которыми он живёт, меняют своё логово. Он намерен взять

тебя с собой, потому что боится за твою участь, если ты останешься здесь один».

Тиро вздрогнул. «За мою участь? Но...»

«Это мы с тобой знаем, что причин для беспокойства нет. Но мальчик-то не знает. Он видит в тебе животное без логова, думает, что тебя поймают люди, которые убивают животных. Он очень боится за тебя!»

«Я его не поощрял в этом», — упрямо ответил Тиро.

«Может, и нет, брат. Но ты понравился мальчику. Если бы он не был человеком, я бы сказала, что он претендует на дружбу».

«А девочка?» — возразил Тиро, не желая поверить в слова Мер.

«Она претендует на родство со мной».

«Но ты же не можешь...» — начал было Тиро, и Мер устремила на него взгляд своих синих глаз. И в этом взгляде было выражение, удивившее и потрясшее его.

«Ты установил сигнал?» — она резко сменила тему, и он вынужден был сделать то же.

«Да, всё готово для нескольких рейсов челнока, — Тиро гордился собой. — Сегодня ночью мы откроем тюрьму, в которой содержат бездомных... ну, ты говорила. С несколькими попавшимися я установил очень прочный контакт. Мы легко сможем открыть снаружи их клетки».

«Хорошо. Я буду готова».

Мер не попрощалась, просто выскользнула из-под куста и направилась к навесу.

* * *

Джиму не хотелось покидать Элли. Ему повезло: миссис Дейл была целиком занята своими делами и мыслями о будущем и не обращала на него внимания. Поэтому мальчику удалось стащить кусок ветчины, ещё сэндвичей с арахисовым маслом и бутылку воды, прежде чем она заметила, что Джим исчез. Но когда он вернулся, она ждала его.

— Где ты был? — никогда раньше она не говорила с ним так резко.

— Во дворе искал Тиро, — это было правдой, потому что большой кот снова исчез. Джим всё больше и больше беспокоился. Если Тиро будет продолжать так делать, его может не оказаться рядом, как раз когда они должны будут уехать. А он не думает, чтобы миссис Дейл стала ждать, пока он отыщет кота. К тому же он ещё не раздобыл сумку.

— Джим, коты часто бродяжничают. Несколько дней живут в одном месте, потом уходят. У Элизабет есть колли. Тебе она понравится. Не беспокойся о Тиро.

Он понимал, что спорить не стоит. Оставалось только надеяться, что кот будет в доме, когда они уедут. И тогда он заберёт с собой кота, даже без сумки. Джим не понимал, почему Тиро имеет для него такое значение, знал только, что это действительно так, что он теперь, с тех пор как не стало мамы и папы, значит для него, Джима, больше всех. Ну, может, ещё Элли. Ведь если они уедут, нужно будет что-то делать и с Элли.

Может, за его пять долларов Элли сможет купить билет до того своего дома? Джим сомневался вообще в существовании такого места. С тех пор как оттуда уехала бабушка Элли, ферму давно могли снести и построить на её месте что-нибудь новое. Джим знал только, что не может уехать, оставив Элли одну, не зная, кто о ней позаботится.

* * *

Тиро и Мер осторожно шли во тьме; за ними — пять других кошек. Они мысленно призывали их на помощь. Теперь у них на этой планете оставалась только одна задача — освободить родичей и обеспечить им безопасность.

6. Джим и Элли ищут

Джима разбудил гул ветра за стенами дома. Потом начался сильный дождь. Мальчик сел в постели. Элли! Там же настоящая буря, и сильная... Он испуганно зажмурил глаза, когда сверкнула молния и послышался

гром, такой оглушительный, что, казалось, вся крыша рушится на голову. Он не может оставить там Элли под прикрытием всего лишь нескольких прогнивших досок!

Выбравшись из постели, вздрагивая каждый раз, как ударял гром, Джим поспешно натянул одежду, которую вечером побросал на стул. Тиро? И Тиро не вернулся в дом!

Где-то у него был фонарик. Торопливо поискав в верхнем ящике, мальчик на ощупь нашёл его. Снова ударил гром, Джим выронил фонарик и зажал уши. Но потом заставил себя поднять его и спуститься вниз.

Внизу горел слабый свет: значит, мистер Дейл ещё не вернулся. Но дверь другой спальни закрыта, и Джим надеялся, что миссис Дейл спит. Он начал спускаться, медленно шагая по ступенькам.

Дождь стучал так громко, что он слышал его даже сквозь стены дома. Что сейчас делает Элли?

Джим открыл дверь в гараж. Он чуть задержался в прихожей, чтобы надеть свой дождевик и прихватить плащ миссис Дейл. Элли он будет велик, но даст ей хоть какую-то защиту.

Снаружи дождь стоял сплошной стеной. Вода плескалась о наружную дверь гаража. Джим посветил в коробку Тиро. Кота там не было. Джим заколебался, когда снова вспыхнула молния, сопровождаемая страшным гулом.

Оставаясь здесь, он не поможет Элли, но Джиму ужасно не хотелось выходить под дождь. Он закутал фонарик в плащ миссис Дейл. Его слабый свет почти целиком поглощала окружившая мальчика тьма.

Двор ночью выглядел совершенно по-другому, и Джим никак не мог найти неприколоченную доску в заборе. Наконец он решил пробраться на пустырь спереди. К тому же за домом росли деревья, а он слышал, что в них чаще ударяет молния. Как можно плотнее накрывшись плащом, он побрёл по лужам.

Когда он вышел на тротуар, все уличные огни погасли. Наверное, из-за грозы отключили электричество, а фонарик совсем не светит. Но Джим заставил себя идти дальше.

Каким-то образом ему удалось добраться до досок у самой улицы, оттуда он двинулся медленнее, опасаясь споткнуться о кирпич или, что ещё хуже, провалиться в погреб. Снова прогремел гром, но на этот раз уже дальше. Джим надеялся, что буря кончается.

Фонарик осветил груды досок. Может, у Элли хватило здравого смысла вернуться на Кок Эли, когда начался дождь. Но если нет, Джим должен отвести её в дом, что бы она ни говорила.

— Элли? — доски по-прежнему образовывали навес. Джим посветил в их тень.

Кто-то там есть. Элли клубочком свернулась под одеялом, промокшим, покрывшимся тёмными пятнами сырости. Она шевельнулась и как будто хотела убежать через дальний вход в убежище.

— Элли, это я, Джим!

Элли застыла. И лицо её совсем не выглядело приветливым.

— Элли, послушай... — Джим развернул плащ миссис Дейл и протянул его. — Надевай и пошли. Ты не можешь здесь оставаться!

— Не пойду! — девочка с такой решительностью покачала головой, что одеяло, которым она накрывала голову, слетело. — Ты кому-нибудь говорил, что я здесь, мальчик? — она швырнула вопрос, как могла бы швырнуть камень. — Где ты взял плащ?

— Это дождевик миссис Дейл. Нет, я никому не говорил о тебе, — раздражённо ответил Джим. Он пришёл под таким дождём, чтобы спасти Элли, а она так глупо себя ведёт. Он даже захотел в какой-то миг уйти домой, и пусть дождь смоем её. — Тебе нельзя здесь оставаться, — настаивал он, — ведь ты можешь даже соскользнуть в погреб...

— И куда мне идти? С тобой? А что сделает миссис Дейл, у которой ты живёшь? Утром первым делом позвонит по телефону, явится благотворительность, и меня поймают. Ты мне не друг, если хочешь этого.

— Но ты же не можешь здесь оставаться! — сердито выкрикнул Джим. — Ты спятила!

Он сам уже промок, несмотря на дождевик. Мокрые волосы прилипли к голове, вода текла по лицу и шее, затекала за воротник. И в башмаках словно по галлону воды.

— Я делаю, что хочу, — упрямо ответила Элли. — И ты мне не приказывай, мальчик!

— Да никто и не узнает, — Джим не мог просто уйти и оставить её, хотя и очень рассердился. — Миссис Дейл спит, а мистера Дейла нет дома. Они не узнают о тебе. И как насчёт Мер? — он неожиданно вспомнил о кошке. — Ей ведь не нравится сырость.

— Мер здесь нет, — ответила Элли. — И, поэтому я никуда не уйду. Она вернётся, а если я уйду, то, может, никогда больше её не найду.

— Ну, возьми хоть это, — Джим почти сдался, он протянул плащ девочке. — Будет посуше.

— А что ты скажешь, когда утром леди станет его искать? — возразила Элли.

— Придумаю что-нибудь... — начал было Джим, но тут кое-что заметил. Дождь начинал стихать. Молний больше не было, а гром ушёл далеко. Он увидел также в свете фонарика, что Элли сняла одеяло и собирается выйти из-под навеса. Мальчик облегчённо перевёл дыхание. Теперь надо подумать, как провести её в дом, а утром выпустить, чтобы Дейлы ничего не заметили. Если Элли так хочет, чтобы никто о ней не знал, придётся послушаться её.

Девочка выбралась наружу. Неожиданно она вырвала плащ из рук Джима, выхватила фонарик.

— Эй! Что ты делаешь? — Джим попытался отобрать фонарик, но Элли проворно отпрыгнула. Он же поскользнулся в грязи и упал на одно колено.

— Я иду искать Мер! Я видела, как она уходила... туда... — Элли взмахнула фонариком, и его луч осветил ближайшие кусты, — перед самым дождём. Она, должно быть, ждёт где-нибудь, чтобы он кончился.

— Невозможно найти кошку в темноте! — возразил Джим. — Они хорошо прячутся и...

— Я могу найти Мер, — всё так же упрямо ответила Элли, — потому что знаю, где она. Я тебе говорила, Мер

думает, а я слышу в голове её мысли. Она сейчас очень чем-то встревожена; может, она в беде. И я должна её найти! Поэтому я возьму на время твой плащ, — Элли уже натянула его, хотя рукава оказались ей длинны, а кромка тащилась по грязи. Но девочка, затянув пояс, сделала несколько складок у талии.

Правду ли говорит Элли? Глядя на неё, Джим подумал, что сама она в это верит. Может, действительно кошка где-то застряла, заползла в какую-нибудь дыру от дождя, а теперь не может выбраться.

И где Тиро? Джим представил себе, как Тиро сидит где-нибудь под кустом или под чужим порогом и ждёт, когда кончится дождь, и вдруг в сознании мальчика возникла картина: Тиро бежит по улице, а за ним другие кошки. Они гонятся за ним? Нет, но всё равно что-то неладно, чего-то Тиро боится. Рекс... Может, Рекс на свободе и охотится за кошками?

Джим напряжённо старался представить себе Тиро, увидеть его, понять, где он. Но ничего не получалось, только осталось впечатление страха и необходимости торопиться.

Он вовремя пришёл себя, чтобы увидеть уходящую Элли, тёмную фигуру на фоне луча фонарика, который она направляла перед собой.

— Эй, ты куда? — Джим заторопился за ней. Хотя дождь уже совсем мелкий, он не видел причины отправляться на поиски кошки. Разве не известно всем, что кошки отлично заботятся о себе сами? Но ведь существуют собаки, и машины — и люди, которые ставят ловушки, ловят их, а потом убивают, есть даже такая специальная служба. Теперь Джим не меньше Элли был уверен, что Тиро и Мер в опасности. Хотя у него не было ни малейшего представления, где их искать.

* * *

Буря не входила в их план. Тиро молча фыркал, стараясь не попадать в лужи. Он не любит, когда у него намокает шерсть.

Он получил сигнал Мер. Она приветствует новопри-

бывших на борту челнока. Но потребовалось гораздо больше времени, чем он рассчитывал, чтобы открыть клетки. И из всех заключённых только в десятке нашлось достаточно древней крови, чтобы ответить на сигнал. Три пленницы оказались очень быстры и сообразительны. Но двигаться быстро они не могли, потому что у пяти кошек были котята.

Тиро полностью полагался на инстинкт, который выведет их к кораблю. Нужно пересечь ещё одну улицу, потом они смогут укрыться под кустами на краю парка, в котором спрятан челнок. Тиро свернул к обочине, остальные последовали за ним. Послышался рёв машины. Тиро прижался к земле. Но фары не коснулись небольшой группы на тротуаре.

Пора!

Они как можно быстрее пересекли улицу. Но когда добрались до кустов, Тиро отстал, послав свою группу прямо вперёд. Мер звала, её сигнал слышался чётко и ясно.

Ещё две тени вынырнули из тьмы и присоединились к группе. Они не из отряда, который вёл Тиро, но они тоже уловили сигнал и последовали призыву. Тиро думал, сколько ещё родичей придёт. Некоторые слишком слились с этим варварским миром. Та часть их мозга, которую следовало пробудить, завяла, атрофировалась за столетия, которые целые поколения провели на этой планете; они не использовали эти способности, не тренировались и всё позабыли. Но ко'оты должны сделать всё, что смогут, чтобы помочь своим давно утраченным братьям и сёстрам.

Тиро на мгновение остановился, чтобы облизать влажную шерсть. Чем скорее кончится эта ночь, тем лучше. Может, будет даже время немного поспать в гараже, прежде чем проснутся люди в доме Джима.

Ох уж эти люди. Тиро снова лизнул шерсть. По тем словам и мыслям, что ему удалось уловить, он считал, что они скоро уедут. В основном это были мысли Джима, иногда они становились так ясны, что казалось будто

мальчик способен их посылать, примерно так же, как необученный котёнок. Но это неважно.

Тиро перестал облизываться. Нет, если быть правдивым ко'отом, нужно признаться, что важно. Что-то есть в этом мальчике... Конечно, ко'от не может дружить с человеком. Но Джим не похож на других людей, которых показывают для предупреждения разведчикам. Он не так ограничен, думает не только о своём виде, не...

Ко'от покачал головой. Лучше не думать об этом. Неважно, какой Джим, главное сейчас — работа Тиро. И ему пора заняться своими делами. Он скользнул под мокрые ветви с такой лёгкостью и мастерством, что они почти не шевельнулись, и быстро догнал маленькую группу, направлявшуюся к кораблю.

* * *

— Уже недалеко, — Элли нетерпеливо дёрнула плащ, который никак не отцеплялся от чего-то и задерживал её. — Мер где-то здесь, — фонарик осветил густую путаницу ветвей. Джим решил, что так как они уже пересекли две тёмные улицы, а впереди горели огни фонарей, то они совсем близко к парку. Наверное, эти кусты обозначают его границы.

— Подожди! — мальчик схватил Элли за руку. Ему показалось, или он действительно видел, как что-то шевельнулось в кустах? Под давлением его пальцев рука Элли, державшая фонарик, повернулась. Ветра нет, почему же ветви слегка дрожат, как будто кто-то прошёл под ними?

— Мер здесь.

— Ты её видишь? — спросил Джим.

— Нет. Просто знаю, — Элли вырвала руку и пошла через последнюю улицу. Это действительно был край парка, а парк по ночам опасен. Джим снова попытался схватить Элли за плащ, но она увернулась, не оглядываясь. Мгновение спустя она пригнулась и стала рукой разводить ветви в том самом месте, где Джим заметил движение. Они увидели извилистый туннель, так что вперёд можно было заглянуть лишь ненамного.

Фонарик погас.

— Что случилось? — спросил Джим. — Дай его мне! Может, если его потрясти...

— Нет! — Элли была так же упряма, как и раньше. — С фонариком всё в порядке. Только им нельзя здесь пользоваться. Мы же не хотим, чтобы они знали, что мы идём... — она уже опустилась на четвереньки и вползла в потайной туннель.

Кто не должен знать, спрашивал себя Джим; но он чувствовал, что Элли всё равно не ответит. Напротив, она зашипела, как шипит рассерженный Тиро.

— Тише! Ты очень шумишь, и может быть... — она не закончила предложение, и Джим понял, что больше не видит её в темноте, она уже проползла вперёд по проходу.

Ничего не оставалось, как тоже опуститься на четвереньки, а вскоре даже лечь на живот и пробираться по несколько дюймов за раз, на ощупь находя дорогу. Сердце мальчика билось сильно, во рту пересохло. Он не хотел этого делать, но если Элли может, он её не оставит одну. Что же они ищут в этом узком потайном туннеле?

Дважды Джим наткнулся на куст, один раз больно оцарапал лицо, не свернув вовремя. Приходилось двигаться медленно, одной рукой ощупывая дорогу впереди, отыскивая проход, проводя рукой из стороны в сторону, чтобы определить направление.

И тут справа он уловил свет, когда дорога снова неожиданно повернула. Не уличный свет — тусклый, зеленоватый. Но он оставался на одном месте, словно лампа. Между ним и светом виднелась тёмная фигура — Элли. Джим остановился и через плечо Элли посмотрел вперёд.

Какая-то... штука... чуть больше гаража. Джим не видел ясно, потому что свет, выходявший из отверстия в этой штуковине, не освещал её всю. В это отверстие входили кошки, каждая на мгновение останавливалась и касалась носом носа той, что стояла у отверстия.

И вот последняя кошка прошла, снаружи оставалась только большая чёрная.

— Тиро!

Чёрный кот повернулся, прижав уши, глаза его блеснули. Но Элли уже прорвалась сквозь куст и бежала к другой кошке, той, что сидела у входа.

— Мер! О, Мер, я думала, ты потерялась!

7. Справедливость ко'ота

Элли встала на колени у отверстия, через которое пробивался зеленоватый свет. Но между девочкой и Мер стоял Тиро, он шипел и хлестал хвостом.

Джим пошатнулся, поднёс руки к ушам. Но этот голос-рычание он слышал не ушами, он прозвучал в голове.

«Уходите!»

Мер прошла вперёд к Элли, не обращая внимания на Тиро. Скользнула мимо него в руки Элли, подняла лапу и потрогала подбородок девочки.

— Тиро? — Джим колебался. Чёрный кот смотрел теперь не на мальчика, а на Мер. В дверях свет стал ярче.

Элли опустила Мер и на четвереньках поползла к двери, серо-белая кошка шла перед ней.

— Элли! — позвал Джим. — Куда ты?

Она даже не оглянулась: «С Мер».

Джим присел ниже, чтобы глаза его сблизились с глазами чёрного кота. «Тиро, что происходит?» Он был потрясён и испуган. Кошки не могут читать мысли, не могут так «говорить», просто не могут!

«Я не кошка», — последовал твёрдый ответ.

Джим мигнул. «Кто же ты?»

Тиро смотрел ему прямо в глаза. И беспокойство Джима всё увеличивалось.

— Ты кот, — медленно сказал мальчик. — Но ты... ещё кто-то. Может, я... ты ... как-то ты говоришь со мной... в голове. Тиро, что происходит? Пожалуйста, скажи мне! — умолял Джим. Голос его дрожал от страха. — Что это за штука... и что здесь делают все эти кошки?

Уши Тиро по-прежнему были прижаты к голове, выглядел он свирепо. А Элли уже достигла входа и вползала в него на четвереньках вслед за исчезнувшей Мер.

«Ты расскажешь... — мысль-послание Тиро дошла до

мальчика. — Если тебя отпустить, ты расскажешь им...»

— Не понимаю, о чём ты, Тиро, правда, не понимаю, — сказал Джим. — Пожалуйста, пусть Элли выйдет. Мы уйдём и никому ничего не расскажем...

«Пошли!» — Тиро начал пятиться к двери, не отворачиваясь от Джима. И, не желая того, Джим последовал за ним. Словно чёрный кот тащил его на верёвке.

Опускаясь на четвереньки, чтобы проползти в низкую дверь, Джим весь дрожал.

Внутри этого странного сооружения оказалось одно большое помещение, и повсюду кошки, они торопливо забивались под ремни на мягком полу. Джим увидел щит управления. Это сон... должно быть сном!

«Сюда! — Тиро задержался у одной петли, в которой кошки не было. — Ложись!»

Мальчик увидел Элли. Девочка проползала под ремень, который, помогая ей, зубами оттягивала Мер. Лицо у Элли возбуждённо покраснелось.

«Ложись», — приказал Тиро. Джим ощутил боль, словно от слов Тиро.

Мальчик вытянулся на полу и каким-то образом, не смотря на дрожащие руки, просунул голову и плечи под ремень. Дверь закрылась. Он и Элли теперь закрыты вместе со множеством кошек.

Повернув голову, он увидел, как Мер быстро лизнула Элли в щёку и прыгнула в переднюю часть комнаты, а там села перед щитом управления. Тиро некоторое время смотрел на Джима, потом прошёл среди кошек и присоединился к Мер.

Джим видел, как чёрный кот смотрел на панель. Потом последовало ужасное чувство, будто пол поднимается, в то время как сам Джим проваливается. Внутренности светло, затошнило. Джим закрыл глаза. Что с ними будет?

«Джим?»

Мальчик открыл глаза, испытывая странное ощущение: слишком легко, тело приподнимается, и его удерживает только ремень. Всё тот же сон, он не может проснуться. Где они?

«Джим?» — ему удалось повернуть голову, сдерживая

рвоту. Он увидел, что Тиро повернул голову и смотрит на него.

«Другого выхода не было. Мы не могли оставить вас, вы слишком много видели. Но...» — слова-мысли поблекли, и Джим ощутил тревогу Тиро.

Они с Элли увидели что-то такое, чего не должны были видеть. Но Мер, Мер приветствовала Элли, и девочка вошла в эту штуку по своей воле, а не по принуждению, как Джим. Может, Элли знает больше...

— Элли? — мальчик снова повернул голову. Все кошки, казалось, спали, но Элли, по-прежнему в мокром грязном плаще миссис Дейл, улыбалась и выглядела такой счастливой, что лицо её совершенно преобразилось. Она совсем не походила на знакомую Джиму Элли. Глаза у неё были закрыты. Может, она тоже спит, как кошки.

— Что будет с нами, с Элли и со мной? — голос его звучал слабо, как будто он плачет, но не хочет, чтобы об этом знали.

«Это будет решено».

— Кем? Тобой и Мер?

«Нет», — Тиро отвернул голову. Он повернулся к мальчику спиной, и Джим понял, что ему нужно молчать.

Несмотря на тревогу, ему хотелось спать, хотя он и боролся со сном. Он должен знать, быть готовым. Но глаза неумолимо закрывались.

* * *

«Ты нарушила все правила», — Тиро не смотрел на Мер, но мысль его была жёсткой.

«Дело не только во мне, — Мер не казалась встревоженной. — Девочка восприимчивее любого человека. Она выследила меня вечером. А разве ты не привёл мальчика? Ты сказал правду: им нельзя было позволить уйти, после того как они увидели челнок. Но вся ли это правда, Тиро? Они же дети, неужели ограниченные взрослые поверили бы им?»

Тиро глухо заворчал: «Поверили бы им или нет, они

привели бы с собой других. И мы потеряли бы лучшую посадочную площадку. Но старейшие решат...»

«Подождём их решения».

Тиро не понимал Мер. Она была вполне довольна. Правда, их работа выполнена успешно. Но то, что они взяли с собой двух людей, может на базовом корабле перечеркнуть все их успехи. Чем же тогда так довольна Мер? Ей нужно беспокоиться, как беспокоится он.

Правда, девочка проявила гораздо большую способность к посылке и восприятию мыслей, чем другие люди за много поколений испытаний. А мальчик... Тиро мог общаться с Джимом, смог даже привести его к челноку. Может, люди и ко'оты снова смогут общаться? Невозможно... Давно миновало время надежд на восстановление древних контактов.

Тиро думал о Джиме. Странно. Во время первого разведочного полёта он встречался с людьми, но ни с кем не установил близких отношений. Он вообще считал, что записи о таких отношениях — подделка, хотя обычно ко'оты не используют воображение, касаясь этой темы. Джим — одинокий мальчик, и считал Тиро своим другом. Он беспокоился о Тиро, хотел взять его с собой в деревню. Тиро читал в сознании Джима много такого, что тот не выражал словами. Он начинал ворчать, вспоминая те или иные мысли Джима. Но ничто не спасёт Тиро и Мер от осуждения старейшими за их поступок.

* * *

Джим попытался перевернуться, он ещё не вполне проснулся. И то, что он не смог пошевелиться, показалось ему частью дурного сна. Но тут он достаточно пришёл в себя, чтобы осмотреться. Кошки вокруг задвигались, выползая из-под ремней и направляясь к выходу. Мальчик увидел, как села Элли и принялась закатывать рукава плаща, чтобы высвободить руки.

Никаких следов Тиро и Мер.

— Элли, — умудрился прохрипеть Джим, — ты знаешь, где мы?

Она рассмеялась. Такую Элли он не знал; этой девочке, кажется, всё равно, что с ней будет.

— Это что-то вроде самолёта, — быстро ответила она, — только он летает гораздо выше обычных самолётов. И мы прилетели к ещё одному. Наш входит внутрь того. Может, мы полетим на луну! Мне всё равно! — она снова рассмеялась, и её косички задрожали. — Может, на луне лучше, чем там, где я была...

Джим сглотнул. Он возился с ремнём, тот неожиданно расстегнулся, и Джим смог его снять. Элли сошла с ума, просто сошла с ума!

— Мы в летающей тарелочке?

— Ничего не знаю о летающих тарелках, — ответила она. — Но мы здесь, правда? Мер и Тиро, они привели нас сюда... вместе со всеми этими кошками. Мер говорит, что они их дальние родственники, что племя Мер когда-то жило с нами. Потом что-то произошло, и очень долго такие, как Мер и Тиро, не появлялись у нас. Кошки, которые остались, изменились. Некоторые настолько, что не смогли ответить на сигнал...

— Кто тебе всё это рассказал? Мер?

Элли кивнула.

— А что это за сигнал?

Впервые за всё время счастливое выражение сошло с лица Элли.

— Что-то плохое, очень плохое может случиться с нашим миром. Мер и остальные, они боятся. Поэтому они пришли, чтобы увести своих родственников в безопасное место.

— Что-то плохое... — повторил Джим. Война? Неужели снова война, на этот раз атомная?

— Если они знают об этом, то почему не остановят?

Элли презрительно посмотрела на него: «Как? Люди такие твердолобые. Ты думаешь, они станут слушать животное... какую-то кошку... которая говорит им, что они поступают неправильно? Люди всегда считают, что знают лучше».

Джим вынужден был согласиться, что она права. «Я лучше знаю...» — Джим словно всю жизнь это слышит.

Он мог себе представить, что произошло бы, если бы Тиро, скажем, вошёл в Белый Дом и заявил президенту, что нельзя начинать войну. Даже если бы президент ему поверил, тогда другие сказали бы, что он спятил, поверив кошке! А Тиро не может обойти весь мир, убеждая людей.

— Мер говорит, что мы особенные. Мы понимаем их мысли, которые они нам посылают. Люди давно уже разучились это делать, — продолжала Элли. — Так я смогла найти Мер.

— Может быть, но что же нам делать сейчас? — Джим подошёл к главному. — Они привезли нас сюда. Тиро сказал, что они боялись, что мы расскажем другим об их корабле... или что у них... и он должен был нас взять. Но где они будут нас держать?

— Мне всё равно. Ничего из оставшегося мне не нужно, — заявила Элли. — Я хочу быть с Мер и, может, участвовать в её приключениях. Бабушка умерла. И, наверное, на самом-то деле никакого дома, куда бы я могла уехать, нет. Но я найду место для себя и для Мер!

— Хотел бы я знать, что они с нами сделают, — Джим вовсе не испытывал такой уверенности.

* * *

«Люди! — предводительница Ана была так удивлена, что шерсть у неё на спине встала дыбом. — Невозможно сейчас иметь дело с людьми! Вы немедленно сотрёте их воспоминания и вернёте...»

«Я предъявляю свои права на девочку!»

Наступила тишина, только головы поднимались и поворачивались, спины напрягались. Ана и Фледи холодно смотрели на Мер.

«По праву нашего древнего Закона, я предъявляю права на девочку, — Мер повторила, не дрогнув под свирепым взглядом старейших. — Такой обычай известен в нашей истории».

«Человека невозможно приручить», — возразил Фледи.

«Девочка установила со мной мысленный контакт. Она очень молода. Ведь наших котят можно научить.

Если она слышит мысли, она сможет и научиться. Разве не такова логика, которой мы так гордимся?»

«Ты понимаешь, что означает твоё требование, младшая сестра? Ты, и только ты одна, понесёшь за неё ответственность. Её поступки будут считаться твоими. Если она проявит себя враждебно, ты тоже перестанешь быть нам родственницей, и тебя изгонят, — серьёзно мыслила Ана. — Это задача не по силам большинству ко'отов. Подумай, младшая сестра, прежде чем дать обещание. Такое обещание ты должна будешь исполнять всю свою жизнь».

«Я это знаю. Но она родственна мне по мозгу. Я не могу просто предоставить её той судьбе, которая ожидает людей».

«А мальчик?» — вопрос задал Фледи. Он перевёл взгляд с Мер на Тиро. Все ждали.

Тиро выставил когти. В этот момент он чувствовал себя очень нелогичным, почти по-человечески, он даже оглянулся на Мер. Это она своим безрассудством втянула его. Он не хочет делать такое же заявление о Джиме. Но всё же мальчик многообещающий. Однако предъявить на него права перед всеми ко'отами, взять на себя такую ответственность — совсем другое дело. Логичный выход таков: он должен согласиться на изменение воспоминаний Джима, вернуть его в следующий прилёт за беженцами и совершенно позабыть о нём. Вот что будет разумно. Но... он просто не может. Если он не повторит то, что сделала Мер, больше никогда он не станет прежним Тиро, каким всегда себя считал. Добровольно или недобровольно, он должен последовать за Мер. И постараться укрепить мозговой контакт с Джимом. Он надеялся, что Мер права, что этих людей, как и котят, можно научить.

«Я предъявляю свои права на мальчика», — сказал он, принимая на себя всё, что с этим связано. И почему-то Тиро был глубоко, абсолютно нелогично счастлив.

* * *

Элли рассмеялась, и Джим, рассматривавший приборы, быстро оглянулся.

— Они это сделали! Мер и Тиро сказали, что мы можем остаться с ними!

— Откуда ты знаешь... — начал было Джим, но тут тоже ощутил уверенность. Тиро... он нужен Тиро, по-настоящему нужен!

Джим сел на мягкий пол. Теперь, когда решение было принято, он тоже почувствовал себя свободным, как и Элли. После смерти мамы и папы на Земле у него никого нет, а впереди самые невероятные приключения. Он и Тиро, Элли и Мер — словно вступаешь в тёплый круг. Их ждёт совсем-совсем другое будущее, но он больше не боится, теперь вокруг него родичи. Родичи? Какая-то небольшая часть сознания продолжала сомневаться, но вот и она удовлетворилась. Джим посмотрел на дверь. Скоро придёт Тиро. Всё в порядке, отныне всё будет в порядке.

МИР ЗВЁЗДНЫХ КО'ОТОВ

1. Посадка на Зимморре

Дул ветер, трава шелестела и гнулась, а сверху светило тёплое солнце. Но небо — здесь оно вовсе не голубое с белыми облаками. Нет, оно слегка зеленоватое. И трава, шелестящая и гнущаяся, — очень тёмная, такой Джим Эванс никогда не видел, кое-где по ней пробегали жёлто-коричневые полоски. Но в траве тут и там пестрели цветы с пятью лепестками цвета неба.

Мальчик глубоко вдохнул. И воздух здесь другой. Запахов, которые он ощущал всю своё короткую жизнь, нет. Но есть другие, незнакомые. Он осторожно осмотрелся. Всё больше и больше небольших отличий, всё более заметно отсутствие знакомого. Впервые с того времени,

как он покинул свою родную планету, Джим слегка испугался.

Рядом с ним Элли Мэй Браун широко развела руки, словно хотела обнять траву и весь этот чужой мир — Зимморру.

— Просто отлично! Никаких грязных зданий, никакой вони. Как дом бабушки в деревне! — воскликнула она и негромко рассмеялась. — Мне кажется, это как сон! Никогда не думала, что мы окажемся в таком прекрасном месте!

— Но... оно же совсем другое, — тревожно возразил Джим. — Разве ты когда-нибудь видела зелёное небо? А посмотри сюда, — он указал на цветок, — зелёные цветы. Разве ты видела такое?

— Может, и нет, — согласилась Элли. — Но не понимаю, почему один мир должен быть точно таким же, как другой. Это мир Мер и Тиро. И мне он кажется прекрасным!

Джим чуть повернул голову и взглянул на маленький космический челнок, из которого они только что вышли в этот новый день. Из открытого люка за ними внимательно наблюдали Тиро, его чёрная шерсть сверкала вся, до последнего волоска, и Мер, с её тусклой серо-белой шерстью. Тиро не кот (хотя Джиму трудно не думать так о нём). Он ко'от, потомок древней расы космических исследователей.

Джим, слегка испуганный незнакомым миром, почувствовал тёплое прикосновение мысли Тиро: «Не волнуйся, детёныш. Всё в порядке».

Мальчик взглянул на большого чёрного ко'ота, Тиро дружелюбно смотрел на него своими зелёными глазами. И Джим сразу почувствовал себя лучше. Конечно, планета во многих отношениях чужая, но этого и следовало ожидать. Тиро и Мер обещали позаботиться о нём и Элли Мэй, и Джим был уверен, что они сдержат обещание.

Когда-то давным-давно ко'оты часто прилетали на родную планету Джима и Элли — Землю, и они нашли там немало людей, с которыми могли мысленно общаться, и поэтому ко'оты и люди смогли обмениваться

знаниями. Ко'оты жили в храмах и домах людей, и к ним относились с почётом и уважением.

Но потом — люди изменились. Начались войны, и те немногие, кто мог мысленно разговаривать с ко'отами, были убиты, а их храмы и города разграблены. И ко'оты, которые жили с людьми, тоже изменились. Им пришлось измениться, иначе они все погибли бы. Они научились охотиться, чтобы добывать пищу, они всё более походили на людей и всё меньше — на ко'отов. Ко'оты, продолжавшие летать в космосе, сочли Землю ловушкой, злым местом, где всегда войны и с людьми и животными происходят страшные вещи.

Скоро среди ко'отов к власти пришла новая партия. Ко'оты продолжали наблюдать за Землёй и видели, как люди отравляют воздух, истощают почву, убивают друг друга в войнах. И было принято решение спасти как можно больше своих дальних родичей — земных кошек.

По всей планете Джима высадилось множество транспортных кораблей: ко'оты торопились, они считали, что человек идёт к последней уничтожительной войне. Полевые разведчики с этих кораблей отыскивали тех на Земле, кто ещё мог ответить на мысленный призыв ко'отов.

Тиро и Мер были такими разведчиками. Тиро пришёл к Джиму, потому что ему был нужен «дом», где бы он мог обосноваться, разыскивая тех, кого можно спасти. А Мер точно так же выбрала Элли Мэй.

Но потом произошло нечто неожиданное, на что ко'оты не рассчитывали. Они так давно не общались мысленно с людьми, что даже и не пытались это сделать. Но Джим сумел узнать имя Тиро, он знал, когда большой чёрный кот в безопасности. А Элли Мэй вступила в контакт с Мер ещё легче.

Может, это произошло потому, что Джим чувствовал себя очень несчастным, так как его родители погибли в авиакатастрофе, и он был очень одинок в доме своих приёмных родителей (хотя Дейлы и были добры к нему); поэтому Джим и смог немного понять Тиро. А Элли Мэй

— она тоже была одинока. Когда умерла её бабушка, у девочки не осталось никого, кроме Мер.

Именно Элли Мэй, отыскивая Мер в сильную бурю ночью, привела Джима к спрятанному челноку и безбоязненно вошла в него, а Джим — за ней. Остальные ко'оты хотели, чтобы Джим и Элли остались за Земле, но когда вначале Мер, а потом и Тиро согласились признать детей своими родичами и принять на себя ответственность за их действия, детям было позволено лететь с ко'отами. И когда большой спасательный корабль сошёл со своей околоземной орбиты, на его борту находились Джим и Элли.

Конечно, самого полёта они не помнили. На корабле было мало места и запасов продовольствия, и потому не только спасённые кошки, но и мальчик и девочка всё время спали. Джим даже никаких снов не помнил. Ему казалось, что ещё совсем недавно он слушал объяснения Тиро, куда они отправляются и почему. А потом проснулся и вышел из челнока, который доставил их на место.

Пока он ещё не очень хорошо умеет воспринимать и посылать мысли, хуже Элли Мэй, хотя очень старается. Но он слышал достаточно, чтобы знать, что это Зимморра, планета, с которой прилетели Тиро и Мер. Она не очень отличается от Земли, он и Элли вполне могут дышать её воздухом и жить здесь, хотя многое и кажется чужим.

Теперь заговорила Элли. «Они хотят, чтобы мы вернулись в ракету. Для нас приготовлено другое место, — она указала на Тиро и Мер. — Мы некоторое время пробудем там — с остальными кошками, — лоб у девочки слегка наморщился. — Они считают, что мы можем загрязнить их мир».

«Загрязнить их мир?» — подумал Джим. Он не очень понимал, что это значит. Но уже шёл назад к челноку. Приказ Тиро звучал строго. Сидя на мягком полу рубки управления, Джим старался думать чётко, отогнать беспокойство, чувство чуждости этого мира. Несколько мгновений, несмотря на присутствие Элли Мэй и Тиро, ему было очень плохо.

Челнок совершил резкой подъём, от которого свело внутренности: всё равно что в лифте, который поднимается слишком быстро. Потом с лёгким толчком снова приземлился.

Когда на этот раз Тиро открыл люк, они услышали шум сильнее любого ветра. Слышалось мяуканье, ворчание, шипение; Элли засмеялась и поползла к люку. Девочка выглянула наружу и широко раскрытыми глазами оглянулась на Джиму.

— Никогда в жизни не видела столько кошек! — серьёзно сказала она. — Их тут сотни.

Она быстро исчезла в люке, теперь настала очередь Джима. Он протиснулся в дверь и замер. Элли Мэй была совершенно права. Он стоял посреди моря кошек. Всех цветов, всех размеров и пород: сиамские, персидские, короткошерстные и такие, каких он никогда не видел, — так странно они выглядят. Было много матерей с детьми, они собирали котят вокруг себя и сердито шипели, когда приближались чужаки; полувзрослые котята, худые и толстые кошки.

Перед ними стояло какое-то невысокое здание; во всяком случае Джиму оно показалось невысоким, хотя для ко'отов оно наверняка очень большое. И снова отличия в размерах зданий напомнили мальчику, как далеко они от всего знакомого и привычного.

В ближайшее из таких зданий вливался поток — широкая река кошек. По внешним краям шествия стояли сами ко'оты. Джим не мог уловить их мысли, но был уверен, что они успокаивают и направляют беженцев.

Недалеко от Элли Мэй сидела кошка-мать. Тощая пёстрая кошка, с грязной шерстью; она не была похожа на домашнее животное, скорее была на Земле голодной бродягой. Теперь она собрала вокруг себя троих своих котят и сердито шипела, когда проходящие кошки смотрели на неё.

Мер легко выпрыгнула из челнока, подошла к пёстрой кошке и коснулась носом носа беспокойной матери. Потом подняла чёрного котёнка за шиворот, так что он повис в воздухе, размахивая тоненькими лапками. Мать

взяла рыжего котёнка, а Элли Мэй подобрала оставшегося, серо-белого.

— Пошли! — скомандовала она Джиму. — Они хотят очистить всех кошек от блох и прочих насекомых. И позаботятся о раненых и больных.

Блохи и насекомые! Джим слегка возмутился. Он совершенно чист. А может, нет? Он взглянул на грязные пятна на своей обуви и джинсах. Может, для ко'отов он просто отвратительно грязен.

Им пришлось опуститься на четвереньки, чтобы пролезть в дверь здания. А внутри...

Джим испустил слабый негодующий звук, очень похожий на возгласы протеста кошек. Потому что чьи-то руки... нет, не руки... крепко, но не больно сжали его.

Он попытался вырваться, но не смог. Металлическая машина, напоминающая паука (по крайней мере лап у неё не меньше, чем у паука, смятенно думал Джим), прочно удерживала его. Конечность, похожая на клешню, схватила его тенниску, погладила ткань, а потом на ней выросли острые края, которые разрезали одежду мальчика на полосы. Совершенно голого Джима сунули в тесное помещение, и за ним захлопнулась дверь. И прежде чем он смог выразить протест, его окутал тёплый воздух со странным запахом.

Похоже на воздушный душ, подумал он. Стены отрастили множество стержней, каждый заканчивался мягкой подушечкой, эти подушечки тёрли его тело, ерошили волосы, приглаживали, снова взёрошивали.

Оправившись от неожиданного нападения, мальчик теперь просто спокойно ждал, пока машины сделают свою работу, и даже подумал, каким образом машина попытается расплести плотные косички Элли Мэй. Он не сомневался, что с ней проделывают то же, что и с ним.

Вскоре новый поток воздуха, на этот раз прохладней и с другим запахом, окутал его тело. Затем дверь ящика распахнулась, Джим принял это как приглашение и выполз наружу.

Паукообразная машина ждала его. Но на этот раз она его не схватила, а наоборот, протянула конечность с

какой-то пушистой вещью. Вначале Джим подумал, что это полотенце, но, встряхнув, обнаружил, что держит костюм странного вида: без рукавов, длиной до колен, сделанный из толстого плюша, похожего на шерсть. Джим натянул его и обнаружил, что ткань растягивается, плотно облегает тело и настолько легка, что кажется второй кожей. Ничего подобного он никогда не надевал. Костюм расходился на груди, и никакой застёжки не нашлось. Но машина-паук словно поняла его затруднение, робот протянул руку и плотно прижал края одежды. Они соединились да так и остались. Джим немного поэкспериментировал и обнаружил, что резко потянув, может раскрыть костюм, а нажимая на соединение, может и закрыть его.

— Лучше молнии, — заметил он вслух, поняв, как действует застёжка.

Он осмотрелся. Поток кошек, вместе с ним вошедший в здание, куда-то подевался. Даже Элли не было видно.

Откашлявшись, Джим снова заговорил. «Элли, где ты?»

— Здесь, — девочка появилась в другом конце зала. Хотя на стенах виднелись небольшие контуры других входов в помещение, теперь все входы были прочно закрыты. Джим мигнул.

Элли выглядела совершенно по-новому. Все до того плотно заплетённые косички распустились, волосы стояли дыбом, словно каждую косичку сначала распушили, а потом поставили вертикально. Тоненькие руки и ноги, не толще, чем у машины-паука, были обнажены, как и у него, да и костюм на ней был точно такой же, только другого цвета — жёлтый.

Девочка ласково погладила свою одежду.

— Похоже на шерсть. Это Мер велела сделать их для нас. Приятно. Приятно и мягко.

— Кому велела? — Джим направился к ней.

— Рабочим машинам. Они здесь всё делают: дома, флаеры, всё, что нужно ко'отам. Просто нужно сесть и подумать, что тебе нужно, и они сделают. Пойдём. Я есть хочу. А ты?

Элли схватила его за руку и повела к другой двери. Им пришлось низко пригнуться, чтобы пройти. Но внутри они снова смогли распрямиться. Множество кошек с сосредоточенным голодным видом ели — каждая из отдельной мисочки. Джим всмотрелся в ближайшую миску. Тёмно-коричневое месиво выглядело не очень привлекательно, но когда Элли Мэй сказала, что хочет есть, словно кто-то нажал кнопку, и Джим сразу почувствовал, какой пустой у него живот. Он подумал, сколько же времени прошло с той ночи, когда он в последний раз поужинал, а потом отправился на поиски Элли Мэй и попал в приключение, которое и теперь иногда кажется ему нереальным.

Элли Мэй уверенно прошла мимо ряда деловито жевавших кошек — Джим заметил, что у каждой из них шерсть сверкает так же, как у Тиро, — привела его в другой конец помещения и показала на две чашки, в которых оказалось вовсе не коричневое месиво. Напротив, на каждой лежала булочка странной формы, и из неё торчали бифштексы.

Джим схватил одну. «Как ты их раздобыла?» — спросил он и жадно откусил. Не совсем как гамбургер, но вкусно; он энергично начал жевать.

— Я рассказала Мер, а она велела машине, — гордо ответила Элли Мэй. — У них не такая пища, как у нас. Здесь её делают машины. Мер пыталась мне рассказать, но, наверное, я недостаточно знаю, чтобы понять, — улыбка девочки чуть поблекла. — Я ведь никогда не училась в школе, хотя много знаю. Не могла просто оставить бабушку, когда некому за ней было присмотреть. Мер говорит, что здесь мы пойдём в школу... будем учиться думать, чтобы уметь управлять машинами.

Джим прожевал и проглотил. Машина, которая делает пищу... Наверное, правда. Как миссис Дейл, готовящая печенье. Только там женщина смешивала муку, яйца и всё остальное, а здесь это делает машина. Ведь у ко'отов нет рук, как у людей. Им приходится пользоваться машинами, как людям — инструментами, чтобы делать вещи.

Но — тут Джим впервые заглянул подальше — как

тогда ко'оты сделали первые машины, ведь у них нет рук, чтобы держать клещи, отвёртки и другие инструменты? Он не думает, что можно мыслью закрутить винт или изготовить металл. Как же они смогли сделать машины? Конечно, он читал рассказы о том, что можно изготовить робота, который изготовит другого робота, а тот третьего, и так далее. В этом есть смысл. Он также верил, что ко'оты могут отдать мысленный приказ, и машины будут работать для них. Что-нибудь вроде компьютеров, только работают по мысленному приказу. Но ведь с чего-то нужно было начать. И как всё-таки появилась самая первая машина? Может, он узнает об этом в школе, о которой говорила Элли Мэй.

Они прикончили гамбургеры, которые были не совсем гамбургеры, и Джим предложил, чтобы Элли Мэй попробовала получить мороженого... или коки...

— Надо попросить Мер, — девочка облизывала пальцы. — Вот эта машина... — она указала на квадратный металлический ящик у стены. Рядом с ним стояла Мер. Элли Мэй подошла к ней и посмотрела в голубые глаза ко'ота. Джим неловко пошевелил плечами, меховой костюм плотно прилегал к телу и легко поддавался движениям. Так много нужно понять одновременно. И... эти мысленные приказы вызывали его беспокойство. Ему не нравилась мысль о том, что любой ко'от может настроиться на его мозг... словно он телевизор или что-то такое...

Мер повернула голову к машине. Произошло какое-то движение на уровне пола, и Элли Мэй достала из открывшегося внизу ящика две чашки и повернулась к нему с широкой улыбкой.

— Ну, парень, на это стоит посмотреть!

Она поставила перед ним одну из чашек, и он увидел большую порцию чего-то похожего на шоколадный пудинг или мороженое, чуть переохлажденное.

— А как мы будем это есть? — спросил мальчик. — Никаких ложек...

— Наверное, машина, работающая на ко'отов, не может придумать ложку, — весело ответила Элли Мэй. —

Но у нас есть пальцы и языки... воспользуемся ими, — и она сунула два пальца в чашку, достала большой комок мороженого и с удовольствием сунула его в рот.

2. Злой город

— Дом, настоящий дом, и только для нас! Никаких протекающих крыш, никаких крысиных нор, как в моём старом доме! — Элли Мэй радостно захлопала в ладоши.

Она и Джим наблюдали за работой паукообразных роботов. Роботы действовали очень быстро и, казалось, знали, что нужно делать, без всяких указаний ко'отов. Сначала на выровненную площадку налили пол — нали-ли, как цемент. Но вещество это затвердело гораздо быстрее любого цемента. Теперь группа роботов возводи-ла стены, ставя одну на другую плиты тускло-серого металла, — чрезвычайно интересные плиты: через минуту после соединения их невозможно было разделить, как ни пытайся.

Стены поднимались быстро, и в них кое-где вставляли плиты, через которые можно видеть. Была и дверь — выше тех, что в других зданиях; Джим и Элли вполне смогут в неё входить, а не вползать.

К ребятам подошла Мер. Это она вместе с Тиро привела роботов. Девочка подняла её на руки, и Мер одобрительно мурлыкала, наблюдая за роботами, и тёр-лась о подбородок Элли. Чуть позже появился Тиро и с удовлетворением оглядел работу. Но чёрный ко'от долго с ними не оставался: только обменялся взглядом с Мер, очевидно, объясняя свой уход, — Джим ничего не уловил — и лишь дёрнул ухом в направлении Джима.

Джим перевёл дыхание. Ему в последнее время каза-лось, что Тиро всё чаще уходит по каким-то загадочным делам — загадочным для Джима. Как дети на Земле уходят, оставляя своих любимцев — кошек и собак. Может, теперь Джим и Элли Мэй как раз такие любим-цы? Эта мысль ему совсем не понравилась. Он считал, что они друзья.

Дети уже три дня находились на Зимморре и не переставали удивляться всё новым и новым чудесам. Полуродичам ко'отов с Земли отвели квартиры в здании, которое было построено заранее. Большую часть времени эти кошки проводили, собираясь небольшими группами; пристально, не мигая смотрели они на ко'ота, сидевшего обычно в центре такой группы. Джим знал, что они разговаривают мысленно, но он испытывал тревожное чувство, проходя мимо таких молчаливых групп. Кошки никогда не смотрели на него, но ему казалось, что они говорят о нём — о нём и об Элли Мэй.

О прошлом у многих земных кошек остались тяжёлые воспоминания. У них есть веские основания не любить людей. И что они думают о двух людях, привезённых с ними? А ведь они с Элли единственные «люди» на этой планете.

Элли же была просто счастлива. У неё не было никаких сомнений: удивительное приключение, прекрасный мир, такой же хороший, как дом, о котором всегда говорила бабушка. Но Джим размышлял — и немного тревожился. Кошки всё время следили за ним, а Тиро он уже давно не видел. Только Мер всегда оказывалась рядом, когда нужно было «надумать» еду. Кое-что из заказанного Элли имело странный вкус, но он ел всё.

И мальчику постоянно не сиделось на месте. Несколько раз он пытался уйти, но каждый раз словно ниоткуда появлялся ко'от и мысленно очень строго сообщал, что дети должны оставаться на месте. Джим стал плохо спать по ночам. Наверное, во время долгого сна на корабле отдохнул, и теперь ему трудно было по-настоящему устать. Он лежал на матрацах — постели ко'отов — и думал.

Роботы одновременно интересовали и пугали его. Он иногда пытался — а Элли ещё чаще — заставить машину сделать что-нибудь. Но ни одна из машин не обращала на детей внимания. Джим размышлял, что произойдёт, если он так и не научится заказывать пищу. Если только ко'оты могут управлять машинами, им легко будет удерживать их с Элли здесь в плену...

— Тебе, кажется, здесь не нравится? — безмятежный

голос Элли прервал беспокойные мысли Джима. — Но тут же так хорошо. Такого хорошего дома я никогда не видела! — девочка сердилась на него. Посмотрев на Элли, Джим заметил, что она выпятила нижнюю губу.

— Но это ведь не наш дом, — медленно проговорил он, думая, можно ли поделиться своим беспокойством с Элли. Она считает, что всё хорошо, и с самого начала так считала.

— Как это? Мер сказала мне, что этот дом только для нас. Его специально построили больше остальных, чтобы мы могли входить. Конечно, это наш дом!

— Но не мы приказали его построить, а ко'оты, — Джим пытался найти нужные слова, выразить своё ощущение, что они не принадлежат этому миру. — Мы даже пищу не можем получить, если Мер не подумает об этом, а до того ты пошлешь Мер мысль. Мы... — он указал на группы кошек, напряжённо слушавших своих инструкторов. — Никто на нас не обращает внимания, нас ничему не учат.

— А это потому, что настоящая школа ещё не началась, — быстро ответила Элли. — Мер обещала, что мы всему научимся.

Джим невесело заёрзал. Роботы уже закончили возводить стены дома. Теперь четыре робота занялись крышей-куполом. Купол складывался из секций, которые роботы искусно соединяли друг с другом.

Солнце, такое яркое утром, постепенно скрылось за полосами светло-зелёных облаков. Поднялся сильный ветер. Кошки расходились по соседним домам, каждая группа продолжала держаться возле ко'ота, очевидно, отвечающего за неё.

Упало несколько крупных капель, громко простучавших по только что построенному дому.

— Пошли! — потянула его Элли. — Будешь стоять на дожде или войдёшь в собственный дом?

Зазвенел металл. Роботы-пауки выползли и, не оглядываясь, направились к главному зданию. Джим заторопился к двери, в которой уже исчезла Элли.

Он думал, что внутри несмотря на окна будет темно,

потому что пошёл сильный дождь, и капли громко стучали по крыше. Однако в доме оказалось довольно светло, тусклый и зеленоватый свет исходил от самих стен. И в этом свете Джим осмотрел единственную комнату.

Там были две приподнятые платформы, одна у левой стены, одна у правой. На них лежали спальные матрацы ко'отов. Часть дальней стены занимал экран, тёмный сравнительно со светящимися стенами.

Элли Мэй открыла дверцу в стене, и Джим увидел там точно такое же тесное помещение, как то, в котором его чистили в первый день.

Пищевой машины не было видно. Наверное, для еды нужно ходить в другое здание.

Больше всего Джима заинтересовал большой экран на стене. Он провёл рукой по его гладкой поверхности. Это не окно. И на пищевую машину не похоже. Что же это?

— Это обучающий экран!

Джим резко обернулся. Элли Мэй сидела на выбранной ею постели, рядом с ней — Мер. Девочка гладила шерсть ко'ота, глаза её были полузакрыты. Как будто она сама кошка, которую гладят. Джим почти ожидал услышать её мурлыканье.

— Обучающий экран?

— Мы же тупые, — сказала Элли Мэй, сказала так, словно её это вовсе не беспокоит. — Котята, рождаясь, и то знают больше нас. И думаем мы — по-другому. Поэтому нам нужно кое-чему научиться, прежде чем мы пойдём в их школу. Вот что мы будем делать.

— А как это работает? — Джим рассердился. У Элли Мэй всегда есть ответ, и обычно правильный, а он даже догадаться не может.

— Он работает, когда ты думаешь... правильно. Но этому научиться трудно. Мы потренируемся. Смотри, сейчас это сделает Мер.

Джим отскочил от большого экрана. Он больше не был пустым и тёмным. По нему побежали быстрые цветные линии. Они сливались друг с другом и вскоре приобрели узнаваемые очертания. Узнаваемые, но всё же странно искажённые, словно видимые под другим углом.

Джим увидел кусочек Земли — пустырь за домом своих приёмных родителей, полный мусора, оставленного людьми, которые сносили старый дом. Именно там он впервые встретил Тиро, Мер и Элли. Видна была даже груда старых досок, сорняки, вход в погреб, в котором он и Элли отыскивали вещи на продажу.

Не успел мальчик узнать это место, как снова появились полосы. Но на этот раз он увидел не Землю, а свежий и пустой мир, каким показалась ему на первый взгляд Зимморра.

Джим перевёл взгляд на Мер, которая сидела неподвижно, охватив кончиком хвоста лапы. Она смотрела не на него, не на Элли, а на экран. Они видели её «мысль».

Так началось их обучение. Элли Мэй оказалась более чем права: учиться было трудно, очень трудно. Джим иногда сидел на своей постели и в отчаянии бил кулаками по матрацам, уверенный, что никогда не сможет вызвать на экране ничего, кроме путаницы цветных полос. Голова у него болела, слезившиеся глаза жгло. Наверное, если бы не Элли, он бы сдался. Но она старалась изо всех сил, и ему стыдно было сдаваться.

С Элли работала Мер, иногда приходил и Тиро, хотя оба ко'ота помогали неохотно и настаивали на том, что дети всему должны научиться сами: дверь мозга может открыть только тот, кому принадлежит мозг.

Для Джима учение превратилось в изматывающее сражение. Он ещё больше расстроился, когда Элли наконец произвела сама, без посторонней помощи, картину на экране. Он думал, что появится какое-то земное изображение; но на экране Элли изобразила линию холмов над колышущейся травой — то, что они увидели при первом взгляде на новый мир. Он отчаянно завидовал ей. Но именно зависть побудила его к ещё большим усилиям. Он перестал считать дни — они просто ели, а когда приходило время — спали на своих платформах. Но всё время Джим был исполнен решимости: на этот раз он добьётся, докажет Элли, Мер и Тиро, что и он может!

Мальчик едва замечал, что группки кошек, собиравшиеся вокруг инструкторов-ко'отов, каждый раз, как они

приходили поестъ, становились всё меньше. И странный привкус в пище больше не чувствовался. Потом Джим заметил, что руки и ноги у Элли больше не худые, и лицо у неё округлилось.

Каждый день роботы чистили их костюмы из меха, а может, возвращали новые, свежие, приятно пахнущие. Вдобавок детям дали обувь, меховая шкурка из толстого плюша покрывала ноги почти до колен, внизу переходя в подошвы, которые не давали камешкам на дорогах царапать ноги.

И наконец наступил день, когда Джим смог воспроизвести на экране свою первую чёткую картинку. Обычная картина — комплекс зданий вокруг их дома. Но он сделал это самостоятельно и надолго смог удержать её на экране.

Получив базовые знания, Элли и Джим смогли перейти на следующую ступень обучения. И это оказалось гораздо интереснее.

— Выходы в поле, — сказал сам себе Джим, вспоминая свою прошлую, казавшуюся теперь такой далёкой и незначительной, жизнь.

Вместе с несколькими детёнышами ко'отов и кошками-беженцами дети сели в необычную машину, которая поднялась в воздух и полетела над поверхностью планеты.

В этой машине они совершали полёты от города-порта. И эти уроки разительно отличались от тех, какие Джим получал раньше. Необходимо было внимательно наблюдать и запоминать все подробности увиденного. А когда возвращались, он должен был воспроизводить на экране всё, что запомнил. Требовались мельчайшие подробности, и вскоре Джим начал понимать, что всю предыдущую жизнь смотрел на мир, но по-настоящему не видел его. Он обращал внимание на крупные детали, но многие мелкие подробности ускользали от него. Теперь нужно было видеть листья, насекомых — всё, что впоследствии могло бы завершить мысленную картину.

Он учился, и наблюдая за товарищами по обучению. Некоторые замечали такие подробности, которых никто

другой не заметил. Он вскоре узнал, что Элли не любит некоторых насекомых, и в её изображении на экране они выглядели больше и отвратительней, чем в его воспоминаниях. С другой стороны, её листья и цветы представляли в мельчайших подробностях, они с каждым разом становились всё прекраснее.

Самого Джима интересовали камни; он не мог объяснить почему. Но часто мальчик приносил с собой разноцветные камешки и раскладывал их узором по полу. Может, среди них попадались и драгоценные? Не алмазы или изумруды — ничего подобного, но, может, такие, о каких в его мире не знают. Ему нравилось выставить какой-нибудь такой камешек на солнце, и тот менял цвет от розового до масляно-жёлтого и, казалось, накапливал в глубине свет, как маленькая лампа.

В горах, мимо которых пролетала их машина, имелись пещеры. Но ко'оты не позволяли там выходить из машины. Напротив, они указывали ученикам, каких мест следует избегать, чего опасаться. Например, растений, которые зубцами поднимались по откосу и вдруг, к ужасу Элли, выбрасывали петлю, как ковбой лассо, и хватали пролетающие мимо существа.

Им показали и тропы и предупредили об их опасности. «Как будто большая курица тут прошла», — заметила в первый раз Элли Мэй. Но инструктор-ко'от показал на экране совсем не курицу. Что-то настолько ужасное, что Джиму такое могло присниться только в кошмаре. Жаба, ящерица и крокодил — всё вместе. К счастью, заверили их, этих чудовищ здесь совсем немного. И они никогда не уходят далеко от омутов с тёмной, плохо пахнущей водой, над которыми ненадолго зависала их машина.

Перед пятым полётом Джим заметил какое-то особое возбуждение своих пушистых спутников. Некоторые глухо рычали, словно чуяли опасность, гораздо большую, чем жабы-ящерицы. Ко'от-инструктор послал мысль о необходимости крайней осторожности. Джим понял, что им должны показать — с расстояния — то, что считается самой большой опасностью на Зимморре. Этого полёта

все вообще боялись, но было необходимо показать новичкам, чего следует остерегаться.

Флаер поднялся выше обычного и полетел быстрее на юг от порта. Ко'от-инструктор закрыл своё сознание, предоставив всем размышлять об увиденном. Как будто сосредоточил всю силу своей мысли на необходимости безопасно пролететь — и вернуться.

Они летели над невысоким хребтом, который, однако, становился всё выше и выше, напоминая гигантскую лестницу, пока не оказались в настоящих горах. Джим знал, что у него и Элли нет острого кошачьего зрения, и гадал, увидят ли они опасность.

По другую сторону гор расстилалась равнина, и флаер полетел на восток. Вскоре внизу показалась река, и дети увидели крупных травоядных животных. Ко'оты не обращали на них внимания. С точки зрения ко'отов, они не обладают разумом — только инстинктом.

Флаер продолжал полёт вдоль реки. И тут...

Флаер почти неподвижно завис в воздухе. Джим схватил Элли Мэй за руку от неожиданности и удивлённо воскликнул: «Это же город!»

Они находились довольно далеко от него, но он был уверен, что правильно распознал эти прямоугольные сооружения. Слишком правильные, чтобы не быть созданием разумных существ.

— Город... — повторил он. И был уверен, что это совсем другие здания, роботы ко'отов сооружают не такие. Большие, не меньше тех, что у него на родине.

«Это смерть!» — мысль ко'ота подействовала как удар. Флаер повернулся и начал удаляться, почти бежать, назад, в том направлении, откуда они прилетели.

3. Ловушка хси

— Говорю тебе: это настоящий город! — упрямо повторил Джим. — И не думаю, чтобы его построили ко'оты. Может, здесь всё-таки есть люди, такие, как мы.

— Мер сказала, что город мёртвый, — нахмурилась Элли Мэй. — И даже если там есть люди, почему ты

хочешь к ним? Ко'оты считают их злыми, значит, так оно и есть.

Джим обхватил пальцами колено, приподнял его к груди. Нет, он не забыл ощущение страха и отвращения, которое послал ко'от-инструктор, когда флаер пролетал далеко от башен. Но мальчик не мог забыть и увиденного, несмотря на все предупреждения. Он хочет знать! Настоящий город — а кто его построил? Где теперь его строители? Почему ко'оты так ненавидят и боятся их?

«Мир...» — эта мысль скользнула в путаницу его вопросов без ответа. Он быстро повернулся. У двери стояли Мер и Тиро. На этот раз Джим забыл об осторожности.

— Там был город! — повторил он утверждение, которое сделал и инструктору-ко'оту. — И...

Тиро с достоинством прирождённого ко'ота пересёк маленькую комнату. Сел, Мер рядом с ним. Оба повернулись спинами к учебному экрану, и посмотрели детям прямо в глаза.

«Это место — смертельная ловушка, — мысль Тиро была решительной и полной силы. — Если флаер слишком приближается к нему, оно притягивает ко'отов и машину, и они больше никогда не возвращаются».

— Но это город, — у Джима хватило решимости настаивать. — Кто там живёт? Люди... как мы?

Мальчик даже откинулся на матрасе — такой гневный удар получил в ответ на свой вопрос. И понял, насколько уязвимы они с Элли Мэй. Это мир ко'отов. Они управляют роботами, они мысленно связываются друг с другом. Допустим... допустим, Мер больше не будет управлять пищевой машиной. Они с Элли тогда умрут с голоду. Потому что как дети ни старались, им так и не удалось передать мысленный приказ ни одному роботу, ни одной машине, которыми легко управляли ко'оты.

«Ты — как весь твой род, — даже мысль может казаться холодной и угрожающей. — Вы тянетесь к запретному, не думая, что может из этого получиться. Хорошо, я расскажу тебе об этой ловушке и об её строителях, и о Катене, который узнал, как ко'отам стать теми, кем они стали: звёздными путешественниками,

хозяевами своего мира и других миров — со временем», — Тиро помолчал, его зелёные глаза полузакрылись, он обдумывал свой мысленный рассказ.

«Давно, очень давно ко'оты не были теми, кем стали, — хозяевами Зимморры. Но даже тогда только мы сами были собственными хозяевами, мы знали мысли и желания друг друга. И потому, в отличие от «людей», как ты их называешь, мы могли пользоваться логикой, а не выпускать когти и оскаливать клыки при несогласии. Мы не похожи на орргов, которые живут в болотах и охотятся на неосторожных, не похожи на пернатых и чешуйчатых, не похожи на травоядных, которые знают только голод и жажду и большую часть жизни проводят, удовлетворяя свой аппетит.

В те дни мы тоже были охотниками, потому что не могли жить иначе. Но мы научились действовать вместе, а не против друг друга, мы не позволяли жадности разделить нас.

И здесь же жили хси... — ровный поток мысли Тиро на мгновение приостановился. — Они были разумны, и потому мы могли читать их мысли, хотя для этого требовались большие усилия. Они, однако, наши мысли прочесть не могли. Они были... — Джиму показалось, что Тиро критически разглядывает его, — они были внешне похожи на вас и обладали даром, которого не было у ко'отов. Их верхние лапы напоминали ваши, имели то, что вы называете «пальцы». Они могли держать предметы, подчинять их своей воле, а мы не могли.

Но посылать мысль они не могли; даже друг для друга они были закрыты. Вы умеете скрывать своё зло за словами и считаете, что другие не узнают, что вы на самом деле думаете. Хси были такими же. Но если посылать мысли они и не умели, то другие средства познавать и учиться у них были.

Ко'оты много думали. Некоторые не хотели вступать в контакт с хси, боялись их неустойчивости, неожиданных взрывов эмоций. Другие считали, что мы должны объединиться с ними и тогда мы сумеем научиться обороняться от их орудий. Но даже эти ко'оты опасались, и не без

оснований, доверять хси. Но все были согласны, что за хси надо внимательно наблюдать, чтобы они, сражаясь друг с другом (а они, подобно вам, людям Земли, вечно ссорились друг с другом), не уничтожили и весь этот мир.

И потому были выбраны самые способные детёныши, достигшие возраста почти взрослых ко'отов. Их подкинули хси, они им понравились, и хси поселили их в своих домах. Но ко'оты давали клятву не открывать хси наших тайн — умения общаться мысленно.

Хси становились всё сильнее, а их машины — сложнее. Наступил день, когда они поднялись в небо, а потом и в космос. Но всегда в них оставался этот порок — они не могли по-настоящему общаться друг с другом, и потому их дружба никогда не была глубокой.

Катен принадлежал к третьему поколению ко'отов, живших среди хси. И хотя мы тогда этого не знали, у него выработался новый интерес, не свойственный нашему племени, — интерес к машинам, которые работали на хси. И в сознании тех, кто за ними присматривал, он читал всё, что его интересовало.

Он и в других отношениях отличался от своих родичей. У него был друг среди хси, по имени Киндарт; то был один из тех, кого хси посылали к звёздам. И Катен путешествовал с ним и посылал нам много ценнейшей информации; она нам очень пригодилась, когда мы сами вышли в космос.

Катен также обнаружил, что мозг Киндарта не совсем закрыт; его друг отличался от других хси, в ограниченной степени ему была доступна посылка мысли. И Катен начал работать с ним, чтобы освободить хоть часть закрытого мозга Киндарта. Он надеялся — а Киндарта он считал почти родичем, — что среди хси могут отыскаться и другие, подобные ему, и мы сможем в дальнейшем сблизиться с ними.

В своём последнем путешествии они высадились на вновь открытой планете. Там на Киндарта напало существо, которое несло в своём теле медленно действующий яд. Катен, как мог, защищал его, но существо ужалило Киндарта, и тот понял, что больше не увидит родную

планету. Но он не хотел, чтобы Катен остался в том свирепом мире. В этом Киндарт оказался подобен нам, он думал не только о себе и своей боли.

Он с трудом вернулся на свой корабль. И тут, используя все возможности своего мозга, чтобы общаться с Катеном, пилот научил нашего родича, как управлять роботами, которые будут вести корабль на обратном пути. Поступая так, он нарушил закон хси: те, кто умел управлять звёздными кораблями, клялись никому не открывать эту тайну, даже своим соплеменникам.

И Катен учился. Его рот не мог произносить слова, которые заставляли роботов действовать, и потому они с Киндартом придумали приспособление, с помощью которого можно было мысленно задействовать переключатели, управлявшие роботами. Киндарт умирал долго, и у Катена была возможность научиться.

После смерти пилота хси Катен взял на себя управление кораблём. И привёл его домой. Но не на то поле, где ждали хси. Нет, он высадился в диком месте и призвал туда старших ко'оты. Они поняли, что Катен совершил великое деяние, потому что Катен мог теперь перепрограммировать роботов на корабле и других роботов, чтобы они служили нам, как служили хси.

Катен очень хорошо спрятал корабль, и прошло много времени, прежде чем хси узнали о случившемся. Для них ко'оты не отличались от травоядных на больших равнинах. Но теперь они испугались нас. Они не могли признать, что ко'оты, существа меньше их и слабее, могут быть равны самим хси, могут быть разумными, с разумом, более глубоким, чем у них, способным на многое им недоступное.

Тёмный ужас охватил их, и они перебили многих наших родичей, кроме тех, кого успели вовремя предупредить. Не зная, что Киндарт мёртв, они объявили его предателем своего рода.

В безумии своём они начали уничтожать саму Замморру. Всю растительность, в которой могли скрываться ко'оты, они поливали ядом, от которого растения чернели и сморщивались. Животные разбегались и умирали от

голода и огненных стрел хси. Хси больше всего боялись, что найдётся живое существо, кроме них, которое способно обладать разумом, какого они не поймут.

Некоторые ко'оты оставались в укрытиях, совершенствуя роботов, которые теперь повиновались только им. Другие улетели на корабле, который привёл Катен, и отыскивали планеты, на которых можно основать мирные колонии. С собой они брали роботов. С помощью их металлических рук они строили, защищались, делали свои новые дома безопасными.

А хси всё более и более впадали в безумие. Они выпускали в воздух яды, и один из этих ядов вышел из-под их контроля. И тогда хси сами начали умирать — сотнями, а потом и тысячами. И остался на Зимморре только один их город. Туда бежали их предводители, прихватив с собой продукты на многие столетия. И они окружили город защитой, которую не может преодолеть ни ко'от, ни робот.

Но нас больше интересовала та новая и возбуждающая жизнь, которую дал нам Катен. Мы улетели к звёздам. На многих мирах побывали ко'оты — и на вашем, давно, очень давно. Наши роботы создавали всё лучшие машины и всё более совершенные корабли. И так как мы можем проникнуть в мысли друг друга, жадность и злоба хси нас не коснулись.

Если хси ещё живы, то только в том городе, который они построили в свои последние дни. Мы не осмеливаемся приближаться к нему, потому что там действуют силы, которые притягивают флаеры. И вокруг города стоит невидимая стена, которую не может преодолеть ни один ко'от. Впрочем, нам и незачем туда ходить. Такова история того города, детёныш. И не очень это хорошая история, тебе не следует углубляться в неё».

— Эти хси — они были людьми? — спросил Джим.

Если бы ко'оты могли пожимать плечами, Тиро сделал бы этот жест. «У них были две руки, голова, тело, похожее на ваше, — равнодушно ответил он, — и, может, мозг, подобный вашему».

— Но ты не знаешь, живы ли хси? — продолжал расспрашивать Джим.

«Это уже неважно. Но прошло слишком много времени, и не думаю, чтобы даже дети детей их детей смогли бы там жить. Уже свыше четырёхсот лет наши часовые не замечали там никаких признаков жизни. Но город живёт...»

— Как?

«Роботы не умирают, — ответил Тиро. — Роботы управляют последним городом. Его защита не нарушена. И нам по-прежнему опасно к ней приближаться. В прошлом, когда мы ещё не понимали этого, пропали несколько флаеров со всеми ко'отами на борту; их притянуло к городу, и они не смогли вырваться. Больше мы о своих родичах ничего не слышали, никого из них не видели. Теперь запрещено приближаться к городу, но мы издалека показываем детёнышам это древнее зло, как предупреждение».

Тиро встал, хлестнул хвостом. «Видите, детёныши, у всего, чему вас учат, есть основания. Город — место тьмы и зла. Это последнее логово хси, и даже если они все мертвы, зло по-прежнему живёт там. Поняли?»

Элли Мэй энергично кивнула, Джим тоже — чуть позже.

Когда большие ко'оты ушли, Джим вытянулся на матрасе и закрыл глаза — не для сна, а чтобы подумать. Ну и историю рассказал им Тиро! По крайней мере одно она объясняет — как появились первые роботы. Ко'оты некоторым образом заимствовали их у хси, потому что у них самих не было рук, чтобы работать. Ясно, что Тиро не очень высокого мнения о хси, а Катена считает героем, потому что он привёл назад корабль и принёс знания, которые дали возможность его родичам построить всё, чем они сейчас обладают. Но первыми-то это сделали хси. Хотя мозг у них устроен по-другому! А хси — это люди!

— Ко'оты очень умны, — замечание Элли Мэй нарушило последовательность его мыслей. — Представь себе: один из них научился заставлять роботов делать всё, что ему нужно.

— Но ведь корабль принадлежал человеку... — возразил Джим.

— Нет, хси сам отдал его Катену, он хотел, чтобы у ко'отов были корабли, — быстро поправила его Элли Мэй. — Мне не нравятся эти древние хси, с их ядом и убийствами.

— Они испугались, — медленно проговорил Джим. — Мне кажется, в испуге люди делают много такого, чего не стали бы делать обычно. Если бы у них была возможность успокоиться, они бы устыдились содеянного.

— Может быть. Но некоторые из них никогда не стыдятся, — резко ответила Элли Мэй. — Я знаю таких людей. И ко'оты вовсе не хотели ими командовать, они хотели делиться знаниями.

— А правда ли это? — в сознании Джима возникло сомнение. Элли Мэй легко воспринимает способности ко'отов, она считает их правильными. Но когда Тиро мыслит, обращаясь к нему, Джим никогда не видит кошку — ко'ота, он видит другого человека. Предположим, вы не способны представить себе разумное существо другим, только ко'отом. И вам кажется, что он сейчас набросится на вас, не царапаясь и кусаясь, а завладеет мозгом. Джим пошевелился на своём матрасе. Такая мысль хоть кого испугает! Конечно, теперь он понимает всё, что направляют непосредственно ему Тиро или Мер. Но что содержится под поверхностью их посланий? Мысли ко'отов не должны очень отличаться от мыслей людей. Джим не видел для этого причины.

Ему показалось, что он понимает, что так испугало хси, почему они обезумели и попытались всё уничтожить. Нужно очень сильно поверить, что можно говорить без слов, даже с таким внушительно выглядящим ко'отом, как Тиро.

4. Пища для котят

— Я не могу этого сделать! — Джим ударил кулаком по коленям, сидя на корточках перед пищевой машиной. — Я думаю, она меня вообще не слышит! — последние

несколько дней он всё больше и больше беспокоился. Детёныши и земные кошки, с которыми они начинали учиться, уже без труда мысленно управляли роботами, начиная с самой необходимой машины — пищевой.

— Я тоже не могу, — Элли Мэй нахмурилась. — Я всё думаю и думаю, как велела Мер. Но для меня это только большой старый ящик, и из него ничего не выходит. Нужно, чтобы Мер сначала выслушала меня, а потом сказала ему! Почему это?

— Потому что мы не ко'оты и не кошки, — ответил Джим. Он смотрел на большую машину. Ему было страшно, но он не хотел, чтобы Элли знала об этом. Что будет, если они так и не научатся управлять пищевой машиной? Неужели всё время это за них будут делать ко'оты? Джим в глубине души раздражался из-за того, что не может сделать то, что доступно даже маленьким детёнышам.

— Мер нам поможет, — уверенно сказала Элли.

— Если будет рядом, — Джим заметил, что количество ко'отов в порту каждый день менялось. И Тиро исчез вскоре после своего рассказа об истории города хси. Уже два дня его не было видно.

Некоторые роботы — те, что чистили одежду и убирали в доме — не нуждались в приказах. Очевидно, у них имелась постоянная программа. Но пищевая машина — другое дело. Может, это потому, что там каждый раз надо выбирать.

Они с Элли всё время пытались думать о еде, заказывать её, но обычно это кончалось тем, что они становились всё голоднее и голоднее, а кошки просто подходили, смотрели на ящик, и оттуда выскальзывала чашка с едой. Джим однажды попытался думать не о человеческой, а о «кошачьей» пище. Но даже это ни к чему не привело.

И потому он вспомнил о городе. А какой была пища хси? Может, что-то из их еды сгодится для них или даже понравится... Если роботы ко'отов не отвечают им, может, ответят роботы хси?

Элли сердито топнула. «Я хочу есть, — объявила она.

— И я всё пыталась и пыталась вызвать Мер. Её нет поблизости...»

— Мы можем обратиться к другим ко'отам, — предложил Джим, хотя ему самому не очень-то хотелось это делать. Сначала нужно попробовать самим. Он знал, хотя ему никто об этом не говорил, что инструкторы-ко'оты считают его и Элли глупыми. Все детёныши, с которыми они учились на первых уроках, теперь научились управлять роботами и перешли к другим, более сложным заданиям. А он и Элли — они застряли на одном месте, как ни старались.

Но он не глуп, Джим был уверен в этом. И Элли не глупа. Стоило только подумать, как она управлялась на Земле, отыскивая вещи и продавая их, чтобы помочь бабушке. Ко'оты считают всех людей глупыми, потому что те не могут сговориться, потому что у них войны, они уничтожают планету, на которой живут, — как эти самые хси. Но в конце концов сами ко'оты переняли науку у хси, и не только потому, что у хси были инструменты и они знали, как ими пользоваться. Возможно, хси могли придумывать такое, на что не способны ко'оты.

И эта машина есть у ко'отов только потому, что хси когда-то давно показали ко'отом, как заставлять машины работать. Живут ли ещё в своём городе хси? Джим хотел, чтобы жили...

От этих мыслей его неожиданно отвлекла Элли. Она сдалась.

— Вон Ситка, она заставит машину поработать для нас, — и прежде чем Джим смог пошевелиться, Элли направилась к только что вошедшему большому ко'оту. Он узнал в нём того, что дважды водил их флаер в полевых экспедициях. Мех у него рыжий и пронзительные зелёные глаза, которые замечают все ошибки. Джим нахмурился: стыдно просить Ситку. Дважды на последнем уроке он слал ему гневное мысленное приказание быть внимательнее.

Ко'от нетерпеливо хлестнул хвостом, повернувшись к машине.

«Это же самая лёгкая задача, — слышали дети его

презрительную мысль. — Почему вы не можете сделать это...»

Джим постарался представить один из тех странных гамбургеров, которые производит эта машина, и ещё стакан молока. Но то, что выскользнуло из машины по приказу Ситки, он вовсе не желал получить. Чашка с чем-то напоминающим жидкую похлёбку со слабым рыбным запахом.

Элли, не задавая вопросов, взяла чашу, и появилась вторая с такой же неприятной кашицей. А Ситка уже уходил, полностью закрыв своё сознание.

Элли подняла чашку и попробовала содержимое. «Такое дают котяткам, самым маленьким», — с сомнением сказала она.

— Наверное, такими они нас и считают... парой котят, к тому же очень тупых! — взорвался Джим. Ему хотелось бросить чашку с кашей в Ситку.

— Ну, это не так уж плохо, если голоден, — сказала Элли. — Наверное, им надоело, что мы всё время просим о помощи.

Джим вертел в руках чашку. Ему не хотелось погружать в неё пальцы. Если бы хоть ложка была... Как бы набраться решимости и вылить это всё! Но Элли права: если голоден, бери, что дают.

Он сморщил нос, приняв себя. Должно быть, у ко'отов и кошек нос устроен по-другому, если это им нравится. А вкус не лучше запаха. Но мальчик не знал, когда им ещё удастся поесть, поэтому заставил себя съесть всё до последнего водянистого глотка.

Если Тиро или Мер скоро не появятся, они могут оказаться в беде. Он думал, догадывается ли об этом Элли, но почему-то побоялся спрашивать. Если она согласится, будущее покажется ещё мрачнее.

В животе у Джима было не очень хорошо, когда они возвращались к своему дому, и он мрачно думал, что, наверное, пища для котят никогда не предназначалась людям. Войдя в дом, он сел на свой матрас и посмотрел на Элли.

— Послушай, — он решил всё-таки поделиться с

девочкой своими тревогами: в конце концов это и её касается. — Что мы будем делать, если так и не научимся управлять машиной? Нам нужно есть, а ко'отам может надоесть отдавать за нас команды.

— Мер не надоест, — однако мальчику показалось, что Элли не очень в этом уверена.

— Мер может не быть здесь. Как сегодня её не было. И я уже два дня не видел Тиро. Элли, нам нужно попробовать что-нибудь другое...

— Что? — спросила девочка.

Но на этот вопрос Джим не готов был ответить — пока не готов. Он ответил собственным вопросом.

— А что бы ты сама сделала? — Элли в прошлом пережила немало невзгод, и Джим был уверен, что она знает, как поступать, когда действительно прижмёт.

Но на этот раз Элли медленно покачала головой. «Дома мы могли бы найти что-нибудь выброшенное, продать и купить себе еды. Но здесь нет никаких магазинов...» — девочка умолкла и впервые с того времени, как умерла её бабушка, выглядела по-настоящему встревоженной. Она не знала, что делать и к кому обратиться.

— Мы просто недостаточно знаем обо всём этом, — нахмурился Джим. — Может, и сами ко'оты не знают. Они пользуются ремонтными роботами, когда что-то выходит из строя, но мысли роботов прочесть невозможно.

У него появилась мысль, пугающая, со множеством «если». Нет смысла дальше пытаться управлять пищевой машиной или любыми другими роботами. Они слишком долго пытались это сделать и терпели неудачи. И если Тиро и Мер не вернутся, большой помощи от таких ко'отов, как Ситка, ожидать не приходится. А им нужно нечто большее, чем рыбная каша для котят.

— А если попросить Покадот? — спросил Джим. Пёстрая кошка с котятами, казалось, подружилась с Элли с тех пор как та помогла ей нести котят. — Ты можешь говорить с ней мыслью?

— Немного. Мы часто ошибаемся, — ответила Элли.

— Но она хорошая, почти как Мер. Она позволяет мне присматривать за котятами, когда уходит на уроки.

— Допустим, — медленно начал Джим, — ты передашь Покадот, что нам нужно от машины. Не обычную кошачью пищу. Что-нибудь вроде крекеров или сыра. Такое, что долго не портится. Можешь попробовать?

— Да. Но зачем?

— Зачем? Нам нужно иметь запас, когда Тиро и Мер нет поблизости. Интересно, знает Покадот, что такое крекеры и сыр?

Элли кивнула. «Они ей даже нравятся. Женщина, у которой она жила, иногда угощала её такими лакомствами. Я видела, как она однажды «надумала» сыр, чтобы котята могли попробовать. Но только один из них поел немного».

— Хорошо. Тогда сделаем список, — у Джима больше не было записной книжки, но иногда он писал на широких листьях, которые, высыхая, напоминали бумагу, используя в качестве карандаша тонкие палочки. — Крекеры, сыр. Наверное, о шоколаде она не знает. Не знает и о фруктах. Но можно попробовать консервированное мясо для завтрака, его она наверняка пробовала, и ещё жареных цыплят.

— Она знает зелёные бобы, — вставила Элли, наклоняясь, чтобы разглядеть каракули Джима, — и тушёнку.

— Ну, хорошо, отправляйся к ней и посмотри, что она сможет вспомнить из человеческой пищи. Завтра утром пойдём туда, и она потребует у машины, что сможет. Нам нужны припасы на несколько дней...

— На несколько дней? — повторила Элли. — Ты думаешь, Тиро и Мер будут так долго отсутствовать?

— Я не думаю о Мер и Тиро, — сказал Джим. — Я думаю о нас и о том, что произойдёт, если мы сами не позаботимся о своём будущем. Ко'оты могут заставить нас делать всё, что захотят, потому что знают, что мы должны есть. А мы не можем управлять роботами. Неужели ты хочешь, чтобы они считали нас глупее котят? — щёки его вспыхнули, он сложил листок вдвое.

— Но что?..

— Мы уходим отсюда! — сказал Джим. — Пойдём в город. По рассказу Тиро, хси были похожи на нас. И он сказал, что они собрали огромные запасы, когда закрылись там. Если мы сумеем прокормиться сами, мы не позволим ко'отам думать о нас как о беспомощных глупцах. Ты ведь знаешь, что они на самом деле не хотели нас брать с собой с Земли. Но Тиро и Мер сказали, что берут на себя ответственность за нас. А мне что-то не кажется очень ответственным уходить и оставлять нас голодными. А остальным вообще всё равно, что с нами... вот что я думаю!

Лицо Элли Мэй стало очень серьёзным. «Если у Тиро и Мер будут неприятности из-за нашего ухода...» — начала она.

— Кто уходит? — возразил Джим. — Нам ведь нужно есть, чтобы оставаться живыми, а я не стану ждать, пока Ситка или кто-нибудь другой даст мне месиво, от которого болит живот. Они не имеют права считать меня глупым, потому что мой мозг работает по-другому, чем их. В том городе давно никто не бывал, Тиро сам это сказал. Вероятно, все хси мертвы. Но мы не знаем, что они оставили. А если они были похожи на нас, может, мы сумеем доказать ко'отам, что мы не так уж глупы. Можешь оставаться, если хочешь, но я пойду в город!

Элли Мэй потянула себя за нижнюю губу. Выглядела она совсем несчастной.

— Ко'оты говорят, что это плохое место, очень плохое...

— Конечно. Но они признают, что никогда в нём не были.

— А как мы туда попадём? — Элли Мэй ухватила за этот вопрос, словно ей хотелось, чтобы поход закончился, и не начавшись.

— Попадём, потому что мы похожи на хси. Ну, попробовать стоит. И у нас есть повод — мы должны есть... и не такую дрянь, — он пнул пустую чашку.

— Хотела бы я, чтобы Мер была здесь... — Элли Мэй не казалась убеждённой.

— Ну, её всё равно нет, — возразил Джим. — Иди к

Покадот, — он сунул ей в руки листок. — Постарайся, чтобы она всё поняла.

— Город далеко отсюда. Как мы до него доберёмся?

Джим улыбнулся. «Что ж, может, я и глуп, когда дело касается пищевой машины и роботов, но я очень внимательно наблюдал за флаером... Когда мы в последний раз улетали, я попросил Франко объяснить мне. Кажется, ко'оты просто приказали роботам точно повторять всё, что находили у хси, добавляя только управление мыслью. И поэтому у их машин два вида управления — мыслью, которым пользуются ко'оты, и ручное, которым они никогда не пользуются. Я собираюсь воспользоваться ручным управлением».

— А если не сможешь лететь? — настаивала Элли Мэй.

— Тогда придумаем что-нибудь другое, — Джим надеялся, что его слова звучат уверенно. Роботы сами не думают: они действуют строго по программе. Копируя древние машины хси, они должны были всё воспроизвести в них. И Джим предполагал, что существо с руками легко сможет воспользоваться старыми приборами управления.

В эту ночь он долго не спал. Снова и снова мальчик обдумывал свои планы; они казались простыми и ясными. Но многое может пойти не так, как надо. Если появятся Тиро или Мер, Элли не только откажется идти с ним, но может, не раздумывая, рассказать ко'отам об его планах. И он не уверен, что сможет управлять флаером. Как не уверен и в том, что если они доберутся до города, то смогут попасть в него. Правда, если невидимая стена настроена только против ко'отов, тогда у них есть шанс.

Флаеры ко'отов затягивает туда, и они исчезают... Так сказал Тиро. Сработает ли та же защита против не ко'отов? Джим надеялся, что нет. Но очень многое в его плане строилось на надеждах.

Незадолго до рассвета он разбудил Элли Мэй, не обращая внимания на её сонные жалобы. Она пошла искать Покадот, а Джим нетерпеливо расхаживал взад и

вперёд по столовой, хмуро поглядывая на пищевую машину.

Накануне вечером, когда ещё не совсем стемнело, Джим прокрался к одному из стоявших неподалёку флаеров. Несколько мгновений воспоминаний — и у него стянуло горло; стало больно, он почти совсем забыл об этой боли. Во Вьетнаме папа вывозил на вертолёте раненых. А дома иногда навещал приятеля, который работал пилотом вертолёта в большой компании. Дважды папа брал в полёты Джима, и мистер Блекмер показывал ему, как управляется машина. Этот флаер ко'отов не был похож в точности на вертолёт, но некоторые приборы напоминали земные. И он преисполнился уверенности, что если будет осторожен, то сможет управлять этой машиной. Конечно, это рискованно, но отступать он не будет. Он должен доказать, что хоть что-то умеет не хуже ко'отов.

Вместе с Элли Мэй подошла Покадот, за ней шёл чёрный котёнок. Посмотрев несколько минут в лицо Элли, пёстрая кошка повернулась к пищевой машине. И машина тут же ожила, открылся ящик внизу, а в нём лежали кривые крекеры и большой кусок сыра. Джим сложил их в сетку, которую нашёл в одной из больших комнат. Затем машина изготовила толстые куски холодного мяса и ещё крекеры. Потом ещё сыр (его Элли разломил пополам и отдала половину Покадот) и какие-то зелёные овощи, слишком крупные для бобов, но той же формы.

— Это всё, что она может понять, — объявила Элли. — А если будем торчать здесь ещё, то нас застукают ночные бродяги, — в этом отношении ко'оты похожи на земных котов: для выходов на территорию вокруг порта они предпочитают ночи.

— Пока хватит, — Джим был голоден, но не стал сразу есть и торопливо уложил запасы еды в сетку. — Пошли!

Они выбрались из здания, миновали свой дом и подошли к стоянке флаеров. Джим не стал выбирать и направился к ближайшему. Положив сетку с припасами в

кабину, он помог забраться Элли. Потом, глубоко вздохнув, мальчик и сам сел перед щитом управления. Сидение было неудобное, предназначенное для ко'отов. Но он постарался позабыть об этом, тщательно рассмотрел приборы, выбрал нужные, быстро нажал две кнопки и опустил один рычажок — опустил слишком быстро и сильно, потому что флаер подскочил, чуть не сбросив детей с сидений. Он поднимался всё выше и выше, а Джим лихорадочно нажимал на рычаг, переводя его назад. Потом нажал другую кнопку.

Они летели выше, чем ко'оты, ветер пробивался в кабину, и у Элли начали слезиться глаза. Но Джим был полон возбуждения: он сделал это! Сбылись надежды, он собственными руками оживил флаер!

5. В последний город

У Джима не было точного маршрута, он помнил только направление, в каком они летели в тот день, когда им в качестве предупреждения показали запретный город. На юг, над горами, потом через равнину, где бродят стада травоядных, затем вдоль реки. Но взлетели они без особых трудностей и теперь могут лететь в любом нужном направлении.

— Мне кажется, собирается дождь, — заметила Элли.

Джим только хмыкнул, он был слишком занят для разговоров, хотя часть сознания отметила эти слова. Ко'оты не любят дождь, обычно в такие дни они остаются под крышей. Джим понял, что они в сущности почти ничего не знают о жизни ко'отов. Чем они занимаются в свободное время? Иногда они все исчезали, и в зданиях порта оставались только земные кошки. Но улететь в своих кораблях они все не могут. Большие корабли, как тот, в котором прилетели с Земли Джим и Элли, по-прежнему стояли на поле. Там было ещё много меньших кораблей. Джим считал их разведчиками, способными нести только одного или двух ко'отов.

Становилось темнее, небо затягивалось тучами. Джим

вздрогнул, а Элли вскрикнула, когда на небе вспыхнула молния. Лететь сквозь бурю и молнии мальчику вовсе не хотелось.

— Вот он — город! — Элли склонилась вперёд со своего узкого сидения, удобного для ко'отов, но не для людей.

В отдалении на травянистой равнине виднелось пятно, темнее облаков. Только решимость Джима доказать, что они не во всём зависят от презрительных ко'отов, не дала ему дрогнуть. Он нацелил нос флаера прямо на это пятно.

Приведёт ли их флаер в действие поставленную хси защиту? Джим был уверен, что рассказы об исчезающих навсегда флаерах — не вымысел. Но что приводит в действие механизм защиты: сам флаер или находящиеся в нём ко'оты? Джим надеялся на второе, но не мог быть полностью в этом уверен.

— Сажусь, — если сможет, но Элли не должна догадываться об его сомнениях. — Дальше мы сможем дойти пешком...

Дул сильный ветер. Джим с трудом управлял машиной, надеясь, что нажимает нужные кнопки. Флаер относилось в сторону. Элли снова вскрикнула, на этот раз приглушённо. Но машина опускалась. Эти флаеры похожи на земные вертолёты: поднимаются вертикально, значит, и садиться должны так же.

Джим опустил рычаг, которым поднимал машину, делал он это очень медленно, не желая удариться о поле. И хотя ветер по-прежнему сносил их на запад, они снижались.

Толчок сбросил бы Джима с сидения, если бы он не обвязался ремнём. Они сели! На самом деле сели! И тут же начался сильный ливень, в несколько мгновений превратившийся в сплошной поток.

Джим расстегнул ремень и порывлся под сиденьем в поисках запасов.

— Пошли. Может, если побежим...

Мальчик торопливо выбрался из флаера. Какое-то время ему казалось, что Элли Мэй не собирается идти за ним. Но тут показалась и она, вздрагивая при каждом ударе молнии и грома. Джим схватил её за руку. Он не

решился подлетать слишком близко к городу, опасаясь того, что притягивало флаеры. Но высокие здания напомнили Землю, и он приободрился.

Они побежали под дождём, вода буквально поглотила их, моментально насквозь промочив пушистые костюмы, приклеив волосы к голове, больно хлестая по открытой коже.

Они подходили всё ближе и ближе, и здания города вырастали прямо на глазах. В отличие от приземистых сооружений в порту ко'отов, эти здания имели несколько этажей даже на окраине города. Несмотря на дождь, Джим видел дальше ещё более высокие сооружения. И вдруг они неожиданно оказались на совершенно голой площади, на которой совсем не росла трава. Эта площадь тянулась до стен ближайшего здания.

Элли попыталась вырваться. «Тут нехорошо...»

Джим еле расслышал её слова из-за шума бури.

— Пошли! — решительно велел он и побежал вперёд, потащив за собой девочку.

Внезапно появилось странное ощущение, словно что-то невидимое пыталось остановить его. Кожу закололо, в голове вспыхнула боль. Но он упрямо продолжал бежать. Они пробежали площадь и оказались у первой стены.

В ней не было ни одного окна или отверстия, а само здание казалось очень длинным. Повернув направо, Джим направился вдоль этого сооружения. Он оказался прав: одно здание кончилось, а перед следующим открылся узкий проход, разделявший эти два строения. Дёрнув Элли за руку, Джим вошёл в него.

Они оказались в узком переулке, ведущем внутрь города между двумя зданиями. Впереди было темно, и конца пути Джим не видел. Но кое-что изменилось. Как только они вошли в проход, буря кончилась.

Джим оглянулся. По открытой площади, которую они только что пересекли, по-прежнему хлестал сильный дождь; сквозь его завесу был едва виден флаер. Но на них теперь не попадало ни капли. Посмотрев вверх, Джим не увидел никакой крыши.

Здания с обеих сторон представляли собой гладкие

стены одинакового серого цвета, без всяких окон, как стенки огромных ящиков. Под ногами расстилалась мостовая из того же материала, ни следа пыли, как будто её только что подмели.

Элли вырвала руку. «Мне не нравится это место. Оно... оно похоже на тюрьму!»

Джим испытывал то же самое, но не собирался признаваться. «Но мы ведь прошли? А ко'оты не могут. Теперь нужно осмотреться». Но, направляясь к центру по проходу — Элли шла на шаг позади него, — он чувствовал страх. Да. Как будто что-то знает о них, ждёт...

Нет! Думать так — значит напрашиваться на неприятности. Папа говорил, что когда представляешь себе трудности, они всегда кажутся страшнее, чем в действительности. И ещё папа говорил... Джим дважды быстро сглотнул. Как бы он хотел, чтобы здесь с ними были папа и мама. Нет, лучше пусть всё будет так, как было до катастрофы...

Но, как ни хоти, этого не будет. Здесь только они с Элли, и пока ничего страшного не произошло. Джим пошёл быстрее. Мягкие подошвы обуви, которую дали им ко'оты, не стучат, но как ни старался Джим идти бесшумно, всё равно от шагов раздавался звук, похожий на шёпот.

Джим взглянул на Элли. Она смотрела прямо перед собой, глаза казались слишком большими для её лица, на каждом шагу она чуть поворачивала голову, как будто боялась что-то увидеть, но ещё больше боялась не увидеть. И он испытывал то же самое.

Переулок вывел на более широкую улицу с поворотами. И тут они увидели, что у зданий без окон есть двери. Но никаких новых красок, кроме тускло-серой, и каждое здание в точности похоже на предыдущее, и все двери прочно заперты.

Страх заставлял действовать. Джим направился к ближайшей двери. Ничего похожего на ручку не нашлось. Он нажал на поверхность ладонью, она не подалась. Может, постучать кулаком, чтобы внутри услышали? Но Джим не мог заставить себя сделать это.

Так тихо... так... так покинуто. Элли Мэй стояла посредине улицы. Она прижимала кулак ко рту, словно старалась сдерживать крик. Глаза у неё широко распахнулись от страха, такими их Джим никогда не видел.

— Я хочу назад, — прошептала она. — Хочу уйти отсюда!

— Нельзя, — Джиму понадобилась вся храбрость, чтобы сказать это. — Нам нужно найти пищу, помнишь?

Но Элли покачала головой. «Лучше есть еду для котят, чем оставаться здесь».

Эти слова увеличили не только страх Джима, но и гнев на себя за этот страх. Он не побежит назад, только потому что дверь не открывается! Они не могут сейчас уйти, просто не могут!

Он посмотрел вдоль улицы. Несмотря на полутьму, неподалёку бы виден ещё один проход между домами — если это дома; он сможет ближе подвести их к центру. А мальчик считал, что если тут есть какие-то склады, то они должны быть в центре.

Джим оглянулся. Элли Мэй, нахмурившись, шла за ним. Может, она боится уходить из города одна. Но шла она так медленно и неохотно, что Джиму пришлось остановиться у входа в переулок и подождать девочку. Ему самому не хотелось углубляться в тёмный переулок.

Все ли хси мертвы? Он начинал думать, что да. Но город не казался брошенным. Ни на одном из зданий не было видно разрушений. Конечно, окон нет, нечему разбиваться, но все двери закрыты. Как будто жители только что упаковались и уехали...

Они шли по второму переулку и уже приближались к освещённому месту, когда наконец-то услышали посторонний звук. Дети остановились. Топот, решил Джим, но не похожий на топот ног... и он доносился спереди. Почему-то этот звук, хотя и очень странный, немного рассеял страх.

Но Джим продолжал прижиматься к правой стене переулка, Элли спряталась за ним. Они сделали несколько очень осторожных шагов вперёд. И выглянули на другую улицу, шире и с более высокими зданиями.

— Смотри!

Джиму не нужен был указательный палец Элли: он и сам видел, что слева от них что-то движется, выходя из-за угла.

Это не бегающий робот-паук ко'отов... Нет, гораздо более компактная металлическая фигура. И... она чистила улицу.

Робот — очиститель улиц! Значит, кто-то хочет, чтобы город оставался в порядке... Может, если они пойдут следом за ним... на безопасном удалении, конечно... они найдут того, кто направил робота на работу?

Но когда Джим собирался осуществить этот план, Элли отчаянно вцепилась в него. И тут же шаги робота были заглушены гораздо менее невинным звуком.

Это тоже было похоже на шаги — металла по металлу. Джим снова спрятался в переулке, пригнувшись в самой густой тени, плечом к плечу с Элли; девочка зажимала рукой рот, словно хотела заглушить звуки дыхания.

Слева приближалась ещё одна фигура, примерно ростом с папу, подумал Джим. Хси?.. Нет, она была тоже металлическая. Но внешне походила на человека: две топающие ноги, яйцообразное тело широким концом вверх, коническая голова. От тела отходили две пары рук, заканчивавшиеся клешнями; верхняя пара была гораздо меньше нижней. Вокруг головы, на которой мальчик не заметил ни следа рта или носа, проходила полоска дисков: каждый примерно с большой палец Джима, они попеременно вспыхивали.

Если это глаза, то детей они не заметили. Робот целенаправленно двигался вслед за уборщиком. Но Джим видел, что это гораздо более сложная машина; может, часовой, обходящий свой район. И вид его клешней, больших и маленьких, мальчику совсем не понравился.

Они подождали, пока робот не скрылся за поворотом, и только потом решились пошевелиться.

— Он меня не поймает! — заявила Элли. — Я иду назад!

Может, она права, вынужден был согласиться Джим.

Его потрясло увиденное. Стать пленником этого металлического чудовища — просто кошмар.

— Ну, хорошо, — сдался он. Элли уже двинулась по переулку назад.

Но тут она вскрикнула и упала бы, если бы не опёрлась плечом о стену. Закрыв обеими руками уши, девочка плотно зажмурила глаза.

— Нет! Нет!

Может, не так ясно как Элли, но Джим тоже уловил сигнал. Тиро! Ясный и чёткий сигнал-мысль Тиро.

— Мер и Тиро... — Элли дрожала. — Нет!

Но это была правда. Ни один ко'от не мог послать такой сигнал. Флаер приближался к загадочной границе города, его притягивало, а на борту у него — Мер и Тиро.

Элли открыла глаза. «Они... наверное, искали нас. А теперь... эта штука с клешнями их поймает. Мы не должны допустить этого. Не можем...» — она отделилась от стены и побежала. Не от улицы, на которой они видели робота, а прямо на неё и вдоль по ней. Джим побежал вслед за девочкой, мешок с продуктами бил его по боку.

Улица всё время поворачивала. Джим подумал, что все улицы здесь — просто окружности, соединённые друг с другом узкими переулками, нечто похожее на паутину огромного паука. Он быстро догнал Элли.

— Слушай, — выдохнул он на бегу, — мы не можем просто так бежать. Нас поймает эта штука, прежде чем мы хоть что-то сделаем. Нам нужно оставаться на свободе, если мы хотим помочь...

Он боялся, что Элли не способна его услышать. Там, где дело касалось Мер, с ней было трудно спорить. Но она оглянулась.

— Ты, наверное, прав, — сердито согласилась она. — Но мы должны помочь им.

— Поможем, — пообещал Джим, про себя думая, насколько у них мало возможностей сдержать его обещание. Но в одном мальчик был согласен с Элли. Если Мер и Тиро где-то в городе, они должны им помочь.

— Ничего хорошего такая беготня нам не принесёт, —

он тяжело дышал. — Нужно идти в центр. У них там центральное здание.

Элли побежала медленней. Они снова оказались у входа в один из переулков. «Это имеет смысл. Ну, ладно, пошли!»

Они проскочили переулок и вышли на новую изгибающуюся улицу, в выходящих на неё зданиях все двери тоже были закрыты. А впереди открылся новый переулок. Он показался Джиму короче.

Элли бежала на шаг впереди него. Обернувшись, она бросила через плечо: «Они их взяли... Мер и Тиро...»

Джим использовал свои с таким трудом добытые способности... Да, Тиро. Но ко'от, казалось, не слышал мальчика. От него исходила смесь гнева и страха.

— Я могу найти Мер, — уверенно сказала Элли. — Но она боится... очень боится. Никогда бы не подумала, что Мер может так бояться... — лицо у девочки приобрело чрезвычайно встревоженное выражение.

Они подошли к концу последнего переулка: перед ними открылся центр города-паутины. Там стояли четыре здания, гораздо выше остальных. А в середине — пятое, казалось, уходившее прямо в тусклое тёмное небо.

Но открытое пространство перед ним было занято: последнюю круговую улицу перед сердцем города заполняло его население.

6. В башню

Толпа состояла не из людей, а из металлических роботов, передвигающихся на двух ногах. У некоторых верхние конечности были плотно прижаты к телу, как и у того, первого. Другие свободно размахивали ими. Иногда они раскрывали и закрывали клешни, щёлкали ими, и от этого звука дрожь пробежала по телу Джима. Элли Мэй прижалась к нему.

— Они... они нас схватят, — еле слышным шёпотом проговорила она. Но Джим, понаблюдав с минуту, решил, что в движениях роботов проскальзывает что-то странное. Это машины. Да, они двигаются, как люди. И

он не сомневался, что они опасны; вид щёлкающих клешней ему определённо не понравился. Но это не настоящие люди.

Однако сделали их люди. А это значит, что они выполняют когда-то отданные им приказы.

Джим присел и притянул к себе дрожащую Элли. «Последи за ними, — приказал он. — Видишь хоть что-нибудь... что угодно... настоящее?»

— Что значит настоящее? — спросила она. — Они настоящие, даже слишком.

— Я имею в виду людей... как мы.

Он внимательно наблюдал, а роботы продолжали расхаживать вокруг зданий. Беда в том, что они совершенно одинаковы, и было трудно отличить одного от другого. Существовала единственная разница: одни свободно размахивали руками, другие держали их прижатыми к туловищу. Но настоящих живых людей нигде не было видно.

— Никого не вижу, — прошептала Элли. — Джим... — она сильно сжала пальцами его руку. — Мер... Тиро... они там... в этой большой башне посередине.

Джим тоже уловил сигнал. Не сигнал в сущности, потому что он не содержал сообщения, — просто ощущение страха, такого сильного, что мозг мальчика отшатнулся. И мысль эта причинила боль сильнее пальцев Элли.

— Да, — согласился он. — Они там. И нам нужно добраться до них.

Но чтобы сделать это, требовалось пройти через толпу роботов, марширующих на открытом месте между детьми и зданиями. Джим считал, что эти роботы — охранники. Смогут ли они с Элли пройти мимо них?

Люди... если хси действительно были людьми... сделали этих роботов и дали им задание. Охрана — от ко'отов? Обдумывая это, Джим уловил связную мысль — не свою собственную.

— Тиро! — может, он даже произнёс это имя вслух. Быстро, как мог, он ответил мыслью-сигналом, хотя это по-прежнему давалось ему с трудом.

«Тиро, где вы?»

«Уходи!» — приказ был отдан с такой силой, что вызвал боль.

«Нет! — ответил мальчик. — Тиро, есть ли там хси? Ты их видел?»

«Хси мертвы... давно мертвы. Живы только их злые слуги», — казалось, Тиро справился со своим страхом.

Джим задумался над сообщением ко'ота. Он был уверен, что Тиро мог бы уловить мысли хси, как смог воспользоваться этой своей способностью на Земле. Он не только установил тогда контакт с Джимом, но и узнавал многое другое.

Джим облизал губы. Итак, хси мертвы. А эти... он судорожно пытался вспомнить, что читал о компьютерах, о роботах. Большую часть информации он почерпнул из фантастики. Но мальчик знал, что иногда фантастика становилась реальностью. Например, тот писатель, Верн, он ведь писал о подводных лодках сто лет назад, когда все думали, что они невозможны. И атомная бомба, и атомная энергия — всё это раньше описывалось в расказах.

Итак, допустим, можно создать компьюер, построить таких роботов. Люди умрут, все исчезнут, а машины будут продолжать работать, выполнять то, на что запрограммированы. Эти роботы запрограммированы быть охранниками. И продолжают охранять. Даже когда это теряет смысл, как у того же уборщика: ведь здесь нет больше ни одного хси, которому не всё равно, чистые улицы или грязные.

Но если роботы настроены против ко'отов, что они сделают с Джимом, если он просто выйдет к ним?

Мальчик задумчиво потянул себя за нижнюю губу. Он не хочет пробовать — эти щёлкающие клешни... эти размахивающие руки... Нет, ему вовсе не хочется идти туда. Но он знал, что рано или поздно это придётся сделать. Нужно просто выйти и побежать... Папа всегда говорил, что если что-то нужно сделать, лучший способ — просто взять и сделать.

Джим опустил свой небольшой мешок и встал.

— Что ты собираешься делать? — раздался вопрос. Ох,

он же почти забыл об Элли Мэй, но она по-прежнему здесь. Надо подумать и о ней.

— Когда я пойду туда, — сказал он ей, — ты поворачивай и беги. Беги как можно быстрее — и подальше отсюда.

Однако в полутьме он увидел, как девочка яростно качает головой.

— Я не уйду! Здесь Мер. Я не стану убегать и не оставлю Мер ни за что в мире! Пошли туда!

Она страшно рассердилась, но Джим не знал, на него или на роботов.

— Тогда оставайся здесь, — мальчик ответил на её упрямство собственным. Ему ничуть не хотелось беспокоиться о том, что случится с Элли, если роботам земные люди понравятся не больше ко'отов. Он-то может бегать быстро. Два года подряд он выигрывал соревнования по бегу в школе. Может, он сумеет пробежать мимо марширующих роботов. Они не очень быстро двигаются. Но в такой забег брать с собой девочку он не хочет.

— Я умею бегать не хуже тебя, — Элли вскочила на ноги, сжала руки в кулаки и поднесла их к груди. — И нам не нужно бежать вместе. Может, мы их спутаем, если побежим порознь. Слушай, — она показала на башню, — я побегу вон к тому месту. А ты беги к другой стороне этого здания. Мер и Тиро где-то в центре.

Джим пожал плечами. Он знал, что не стоит спорить с Элли Мэй, когда у неё такое настроение. Чёрт возьми! Всё может сорваться из-за неё, но придётся делать, как она хочет.

Они ещё несколько мгновений постояли в нерешительности, глядя на роботов, которые вышагивали по своим маршрутам, не поворачивая и не оглядываясь. Затем Джим побежал, не обращая больше внимания на Элли Мэй. Он увёртывался от марширующих роботов, каждое мгновение ожидая, что его схватят эти жуткие клешни. Но для стражников он словно был невидим. Ни один из них не смотрел на него (если, конечно, роботы могут смотреть). И ни одна клешня не протянулась к нему.

Уже слегка задышавшись, он чуть не наткнулся на стену здания. Потом повернулся и поискал Элли. Совсем недалеко от него у здания что-то двигалось — Элли. Итак, обоим повезло. К тому же Джим осмелел и был рад, что установил факт, который может им в дальнейшем пригодиться. Марширующие роботы вообще не обращают на них внимания. Неужели они так похожи на исчезнувших хси, что роботы приняли их за своих старых хозяев?

В узком промежутке между зданием и центральной башней ничего не двигалось. Но Джим решил, что лучше обойти по кругу. Нужно найти открытую дверь в это центральное сооружение, а единственная дверь, которую он пока видел, была закрыта.

Он помахал рукой девочке, позвав её к себе. Из наружного круга продолжал доноситься звон роботов. Дети подошли к центральному зданию и начали обходить его. «Оно сильно отличается от всех остальных сооружений города, совсем круглое и указывает в небо, — подумал Джим, — как угрожающий гигантский палец». Башня даже утоньшалась с высотой, напоминая палец и по форме.

Они обошли половину башни, когда Элли воскликнула: «Смотри!»

На площадке между башней и внешними зданиями стоял флаер ко'отов.

— Это флаер Мер... — Элли побежала, словно ожидая, что бело-серая кошка ещё сидит за приборами. Но кабина была пуста.

Джим провёл ладонью по лбу. С того момента как они получили сигналы Тиро и Мер, он старался прогнать из своего сознания старую кошмарную картину. К счастью, ему хватало о чём думать, чтобы не вспоминать. Но теперь он вновь увидел ту призрачную картину — ужасную газетную фотографию; он никому не рассказывал, что видел её. Фотографию разбитого самолёта, того самолёта, на котором летели мама и папа... когда погибли.

Он понял, что в глубине души считал: они найдут разбитый флаер. Как тот самолёт. Но они с Элли Мэй не

увидели вообще никакого ущерба. Как будто Тиро и Мер просто посадили машину, словно на поле в порту.

Джим облегчённо вздохнул. Всё, что нужно сделать, это найти ко'отов. Флаер маленький; может, он всех четверых не поднимет. Но самая большая опасность грозит ко'отам. Они с Элли без всяких препятствий попали в город. Они отправят Тиро и Мер в их флаере, а потом пойдут к своему.

Элли Мэй стояла неподвижно, зажав уши руками и плотно закрыв глаза. Джим без слов знал, что она пытается уловить мысль Мер. Он послал собственный призыв, но держал глаза и уши открытыми. Откуда им знать, какие хитрости применили хси, когда строили свой город? Может быть, существует и другая защита, кроме роботов, и Джим предпочитал увидеть опасность, если она возникнет.

— Они внутри, — Элли Мэй кивнула в сторону башни.
— И...

Джим уже начал действовать. Он протиснулся на сидение флаера и принялся изучать приборную доску. Тиро что-то хочет, это очень важно. Не оружие. Во всяком случае так показалось Джиму по той размытой картине, которую он уловил от разведчика-ко'ота. Почему-то на этот раз понять Тиро оказалось труднее. И дело было не в его несовершенных познаниях, а как в телевизоре, когда одна из ламп выходит из строя, и картинка на экране искажается.

Джим последовательно прижимал палец к кнопкам и рычагам, надеясь, что Тиро следит за его мозгом и подскажет, что ему так нужно. Тиро очень боится, он в отчаянии. Страх ко'ота постепенно заразил и Джима. С самого начала этого невероятного приключения, ещё на Земле, понял Джим, он очень поверил в ко'отов, которые способны читать мысли и могут делать многое, на что не способны люди; ведь племя ко'отов вышло в космос ещё тогда, когда предки Джима впервые покинули пещеры и соорудили первые маленькие посёлки из глиняных кирпичей.

Только пятый предмет, которого он коснулся — ци-

ферблат, выступающий из доски, — вызвал отчётливое мысленное согласие Тиро. Вот что ему нужно! Джим ощупал края циферблата. Он был размером примерно в половину апельсина, со стеклянистой куполообразной поверхностью. Внутри играли цвета, распускались цветные полосы.

Джим взялся за ободок, прикреплявший этот предмет к доске, и что-то щёлкнуло. Должно быть, открылся какой-то невидимый замок. Предмет выпал, да так неожиданно, что Джим едва успел подхватить его, чтобы он не ударился о пол кабины. Теперь следовало найти Тиро.

Одну дверь в башню они нашли — закрытую. Дети неуверенно подошли к ней.

— Там осталось совсем мало жестяных людей, — сообщила Элли.

Держа одну руку на закрытой двери, Джим повернул голову в сторону внешних зданий. Она права. Он успел заметить, как несколько роботов свернули в переулки и исчезли.

Теперь оставалось только открыть эту дверь. И здесь никакой ручки не было. Даже когда они изо всех сил надавили вдвоём, дверь не подалась. Окон тоже не было видно. Что делать теперь?

Элли пнула дверь. «Её дьявол сделал!» — закричала она, готовая расплакаться.

Внутренне Джим вполне соглашался с ней. Он был уверен, что ко'отам где-то внутри грозит страшная опасность. Но как они с Элли прорвутся сквозь эту прочную дверь? Это же невозможно!

Что говорил папа? «Не срывайся, когда что-то не получается. Попробуй догадаться, что ты делаешь не так. Может, есть способ получше».

Джим задумался. Двери бывают разные. Обычные, с ручками, с замочными скважинами, как почти в любом доме на Земле. Есть двери из пластинок, как было у мамы в спальне, в шкафу. Такие двери складываются, как ширмы. Но всё это не то. Никаких пластин, которые могли бы сложиться, тут нет. Двери в супермаркете раскрываются, когда ступаешь на нужное место или

пересекаешь невидимый луч. Джим не знал точно, как они действуют, но ведь действуют — открываются, когда подходишь к ним. Есть двери лифтов, которые открываются в стороны...

Двери, которые уходят в сторону!

— Элли, — Джим повернулся к девочке, — положи руки сюда, на одном уровне с моими. Толкай! Не внутрь, а вбок, словно хочешь отодвинуть дверь к стене. Вот так!

Она тут же поняла его. Они толкали — но ничего не происходило. Джим опустил руки. Мгновение назад ему казалось, что мысль хорошая.

Потом ему пришло в голову ещё одно: а что, если они толкали не в том направлении? Люди, если они не левши, обычно толкают слева направо. А что если в этом мире наоборот?

— Попробуем ещё раз, — приказал он, — только в другую сторону.

Они толкнули.

Послышался щелчок, потом скрежет, как будто какая-то машина не хотела повиноваться. С трудом, но дверь начала двигаться — влево!

Было так тяжело, что дети еле переводили дыхание. Но наконец дверь раскрылась настолько, что они смогли протиснуться. Джим взял небольшой мешок с продуктами и зажал его в щели. Теперь дверь не закроется.

Элли протиснулась внутрь первой, и Джим слышал её нетерпеливый голос: «Пошли! Нужно найти Мер! Там происходит что-то плохое. Нужно идти!»

7. Пленники

Дети оказались в большом зале со множеством дверей со всех сторон. Прямо перед ними поднималась вверх винтовая лестница, исчезая в потолке. Элли побежала прямо к ней. Джим держался в полушаге за ней, крепко прижимая к груди светящееся полушарие прибора из флаера. Оба одновременно уловили мысленный сигнал. Где-то наверху ко'отам грозит смертельная опасность.

Ступени были покрыты чем-то мягким, напоминающим ковёр, хотя внешне походили на камень. Дети пробрались через отверстие в потолке. Там оказалась большая комната без дверей. Вдоль стен стояли приземистые ящики, на которые Джим посмотрел с некоторой опаской: может, это тоже роботы, готовые ожить и протянуть к ним свои руки с клешнями.

Но ящики оставались на месте. На их передней поверхности располагались ряды небольших прямоугольных окошечек размером с палец; вот они-то и были живы. С негромким гудением они вспыхивали и гасли, так что по ящикам пробегали цепочки огоньков в каком-то трудно уловимом ритме.

Джим такие видел по телевизору год назад. Это компьютеры! Он осмотрелся, ожидая, что машина вот-вот выплюнет карточку или высунет длинный отвратительный язык — развернётся бумажная катушка. Но ничего подобного. Только негромко гудящие ящики.

— Пошли! — Элли уже поднималась по новой секции всё той же винтовой лестницы, направляясь ко второму отверстию в потолке.

Она опять была права: ко'оты не здесь. Джим тоже заторопился. На этот раз ему показалось, что сигнал в голове прозвучал отчётливей, громче, если мысль только может быть громче. И когда они выбрались на следующий этаж, он обнаружил, что догадка его верна. Вдоль изгибающихся стен располагались чуть приподнятые, так чтобы их пол находился на уровне пояса шагающих роботов, — клетки! Невозможно было ошибиться в назначении этих зарешеченных прямоугольников. В одной клетке сидел Тиро, шерсть его стояла дыбом, уши были плотно прижаты к голове, он вызывающе рычал.

И как раз в это время один из ходячих роботов искусно управлялся с Мер, словно делал это много раз в прошлом. Схватив сопротивляющуюся шипящую пленницу за шиворот, робот посадил Мер в другую клетку, рядом с Тиро.

— Нет! — пронзительно завопила Элли и прыгнула к роботу, колотя его обоими кулаками. Машина не обрати-

ла на неё ни малейшего внимания. Мер оказалась в клетке, и дверца защёлкнулась.

— Остановись, ты, старая жестянка!

Но на робота не подействовали ни крики Элли, ни её попытка схватить его за руку. Он просто стряхнул её, и Элли отлетела к Джиму. А робот невозмутимо повернулся к стене, на которой над двумя рычагами горели огоньки.

«Они убьют... — мысль Тиро ворвалась в сознание Джима с такой силой, словно коготь когтем провёл по его лицу. — Сейчас убьют!»

Элли с криком подбежала к клетке Мер и попыталась разорвать решётку.

«Бесполезно...» — вновь в сознание проникла мысль Тиро. А Мер смотрела прямо в глаза девочке, словно пыталась успокоить её.

Джим встал у стены перед роботом. Рычаги находились у него за плечами. Он смотрел на машину, держа в руках полушарие, хотя это, конечно, не оружие. Но больше ему нечем было сражаться. А робот уже протянул руку, мальчик был уверен, чтобы оттолкнуть его и нажать на рычаги.

— НЕТ! — в страхе и ненависти к этой движущейся массе металла Джим закричал. Но не высоко, как Элли, а хрипло и низко.

И к изумлению мальчика, клешня, уже почти коснувшаяся его плеча, застыла в нескольких дюймах. Робот странно загудел: то ли спрашивая что-то, то ли возражая.

«Думай «нет»! — мысль Тиро доходила очень ясно. — Говори «нет» — прямо в силовое устройство у тебя в руке! Говори так низко, как можешь».

Джим не понимал смысла произошедшего, но согласен был на что угодно. Он прочистил горло и поднёс к губам полушарие. «НЕТ!» — повторил он как можно более низким голосом.

Робот беспокойно переступил с одной широкой ноги на другую. Диски, шедшие вдоль всей его головы, замигали, как на экранах компьютера внизу. Вспышки становились всё быстрее, руки с клешнями бессильно упали. Джим попятился, пока не упёрся плечами в рычаги. Каким-то образом ему удалось удержать эту штуку, не

дать роботу нажать на рычаг. Но как он это сделал? И если робот снова двинется, как остановить его? Можно ли его разбить? Конечно, нет. Что же теперь будет? Он из всех сил направил мысленный вопрос Тиро.

— Открой! Джим, открой дверь! — Элли, очевидно, даже не заметила, что он остановил робота. Она цеплялась за решётку, колотила по ней кулаками.

«Её так не открыть, — мысленный голос Тиро прозвучал громко, словно большой ко'от крикнул Элли. — Она закрыта энергией».

«Как же мы вас выпустим? И что мне делать с ним?»

Джим продолжал стоять перед рычагами, но изогнулся, чтобы увидеть Тиро из-за робота. «А если я прикажу ему выпустить вас...»

«Ты не сможешь», — ответил Тиро. Элли плакала, слёзы катились по её коричневым щекам; Джим только раз видел девочку плачущей, когда умерла её бабушка и она поняла, что осталась одна в мире, который никогда не был добр к ней.

«Но я не дал ему нажать на рычаг, — возразил Джим. — Если получилось это, то почему я не могу приказать ему открыть клетки, а потом уйти из этой башни. И тогда мы убежим!»

«Ко'оты заставляют своих слуг работать мыслью. Но хси были другими, — ответил Тиро. — Хси боялись ко'отов и не позволяли встраивать в свои машины устройства, воспринимающие мысль. Эти машины хси исполняют только приказы, отданные голосом... в то, что ты держишь в руке...»

Джим посмотрел на полушарие. «Не понимаю. Я ведь не говорю на языке хси. А может, они были с Земли?» Он не мог в это поверить.

«Нет. Но ты думаешь «нет», когда произносишь это. А прибор, который ты держишь, изготовили хси. Мы используем его только как указатель направления. Хси пользовались им по-другому. Они мыслили и говорили, и машина воспринимала через это устройство их мысль».

«Значит, я могу приказывать ему».

«Нет. Короткий приказ, как «нет», ты можешь передать. Но не больше. Попробуй, если хочешь».

«Тогда как мы сможем вас вытащить?» — спросил он.

«Выхода нет, — ответил-помыслил Тиро. — Эти клетки много раз использовались для уничтожения нашего племени. Когда их закрывают, их держит закрытыми энергия. И её нельзя отключить. Если бы ты не остановил робота, машина нажала бы рычаг, и мы с Мер превратились бы в пыль. У нас ходит много рассказов об этом месте, потому что хси пользовались такими устройствами повсюду до того, как закрылись в этом городе и постарались забыть о существовании остального мира».

Джим глотнул. Отвратительная ловушка, хуже он не видел. Если они не сумеют вытащить оттуда Тиро и Мер, те умрут от голода... или жажды. Должен быть выход!

«Эта штука может ожить?» — спросил он, разглядывая робота. Ему не нравились эти мигающие огоньки на голове. Но в остальном робот оставался совершенно безжизненным. Послышался какой-то звон, заглушивший негромкий гул.

«Нет, пока ему не будет отдан новый приказ... как мне кажется... — ответ Тиро прозвучал не очень уверенно. — Так по крайней мере работают наши слуги, в основном они такие же».

Джим подумал, можно ли доверять этой догадке разведчика-ко'ота. С другой стороны, он не может просто стоять тут вечно. Нужно найти способ открыть эти клетки. Если бы у него были хоть какие-нибудь инструменты. В флаере он ни разу не видел набора инструментов. Или...

На глаза ему попала одна из конечностей робота, вооружённая клешнёй. Она напомнила ему консервный нож, а клетка вполне смахивает на консервную банку. Если бы он смог поднять эту свисающую руку...

«НЕТ! — Тиро следил за его мыслью. — Если коснёшься проводов этой клетки, умрёшь, потому что энергия через металл пройдёт в твоё тело».

Джим вышел из-за робота и остановился перед клетка-

ми с ко'отами. Элли Мэй что-то шептала Мер, та в ответ мурлыкала. Джим надеялся, что девочка будет вести себя спокойно, пока он что-нибудь не придумает.

«Ответа нет», — пришла заключительная мысль-сигнал Тиро.

Джим покачал головой. «Должен быть!» Он не собирался сдаваться так легко. Сила, проходящая по проводам, закрывающая двери, — электричество? Может быть. Или что-то похожее. А что происходит в бурю? Он вспомнил ночь, когда они оставили свою родную планету. Во время бури отключился свет на половине улиц. На земле так бывает: короткое замыкание может вывести из строя всю систему. Но какая система здесь? И если он даже увидит главный рубильник, сумеет ли узнать его?

О, конечно, многое может пойти не так, но неожиданно Джим ощутил сильное возбуждение. Если он только найдёт этот главный рубильник! Или то, что служило хси главным рубильником!

«Да! — Джим вздрогнул, уловив резкую мысль Тиро. — Такой шанс есть, родич-детёныш. Поищи... то, что с тобой, тебе поможет. Чем ближе оно к источнику энергии, тем ярче его свет. Но где в этом злом месте ты будешь искать и сколько...»

«Сколько потребуется!» — пообещал Джим.

В это время мимо прошла Элли, направляясь к лестнице, и Джим повернулся к ней.

— Куда ты?

— Принесу еды... и воды, — ответила Элли, не оглядываясь. Джим вспомнил мешок, которым заклинил дверь, чтобы она не закрылась. Но прежде чем он смог предупредить девочку, та исчезла. Он заторопился по лестнице за ней, но к тому времени как догнал, она уже вытаскивала мешок. Последний рывок — и мешок у неё в руках. Дверь закрылась.

— Ну, что ты наделала! — Джим почувствовал, что готов ударить Элли.

— Ничего я не наделала! — сердито возразила она.

— Ты закрыла дверь. Если мы отключим энергию и

Мер и Тиро выйдут из клеток, дверь снова не откроется. Помогите мне.

Ни слова не говоря, Элли опустила мешок, они навалились вдвоём из всех сил, и снова показалась щель. Джим сунул в неё мешок.

— Но нам же нужно что-нибудь поесть. И Мер и Тиро тоже. Мы им просунем еду через решётку, — сказала Элли.

— Подожди здесь! — приказал Джим и переступил через мешок наружу. Остановившись, он спрятал полукруглый локатор в карман, пробежал вдоль стены к флаеру и быстро вытащил подушки от сидений. Их там было три: для пилота, его помощника и чуть побольше в пассажирском отсеке.

Джим отнёс подушки к башне и просунул их Элли. Когда подушки заняли место мешка, он осмотрел их и убедился, что хоть они и мягкие, но двери закрыться не дадут.

Потом они вместе с Элли Мэй снова поднялись в комнату с клетками. Робот стоял на месте, на голове у него по-прежнему вспыхивали огни, а руки мягко свисали. Элли открыла мешок и принялась проталкивать куски еды через решётку, вначале Мер, потом Тиро. Джим достал локатор.

Тиро сказал, что он должен светиться ярче, приближаясь к источнику энергии. Джим положил полушарие на ладонь и принялся размышлять о городе хси. Он почему-то был уверен, что центром города является эта башня. Ну, хорошо, значит, всё самое ценное для хси должно быть здесь. А самым ценным для них должен быть источник энергии, защищающей город.

На Земле печи, генераторы и тому подобное обычно размещают в подвалах. Есть ли подвал у этой башни? Он не знает, но можно посмотреть. Правда, робот останется здесь стоять без присмотра. Но Тиро сказал, что ему должны отдать другой приказ, чтобы он начал действовать. А что, если он получит такой приказ? Допустим, от одного из компьютеров внизу? Джим должен быть уве-

рен, что, вернувшись, не застанет Тиро и Мер, или даже Элли мёртвыми.

Джим как можно ближе придвинулся к рычагам, не трогая их. Как там они установлены? Ага! Он почувствовал знакомое возбуждение. Рычаги были закреплены всего двумя винтами, а в его распоряжении имелся острый край локатора, который можно использовать как отвёртку.

Джим снова поднёс полушарие ко рту. «Иди вниз», — приказал он как можно более низким голосом, стараясь представить себе мысленно, как робот спускается по винтовой лестнице.

Огни на голове продолжали вспыхивать. Но робот не шевельнулся. Если Тиро прав, необходимо надёжно обезвредить его...

Тут к нему подошла Элли.

— Что ты собираешься делать?

— Видишь эти винты? Я думаю, если вывернуть их, мы сможем снять рычаги — оба рычага — и забрать их с собой. Тогда если этот робот оживёт, он не сможет никого убить.

— А потом что?

— Потом я отправлюсь искать источник энергии, — сообщил он.

— Только со мной, — заявила она, нахмурившись. — Тут моя Мер; и никто ей не повредит, пока я могу этому помешать. Мы пойдём вместе...

Джим пожал плечами. Он давно уже понял, что когда Элли Мэй говорит таким тоном, она говорит серьёзно. Первый винт выпал и покатился по полу.

8. Смерть города

Эти рычаги, подумал Джим, взвешивая один из них в руке, вполне сойдут за маленькие тяжёлые дубинки. Вряд ли они помогут защититься от робота, но хоть такое оружие — и то хорошо. Мальчик почувствовал себя немного увереннее. Элли Мэй схватила второй рычаг и размахивала им, словно собиралась ударить робота.

Джим вернулся к клеткам.

«Мы идём искать рубильник, — послал он мысль Тиро и Мер. — И вернёмся как можно скорее».

Элли Мэй вытащила еду из мешка и дала несколько крекеров и кусок сыра Джиму.

Впервые он вспомнил, зачем они пришли в город — за пищей. Но искать пищевые машины теперь было некогда. К тому же, если слова Тиро, что машины хси отвечают только на команду голосом, — правда, искать их бесполезно: всё равно нужные слова неизвестны.

— Ты что, весь день собираешься тут сидеть? — невнятно проговорила Элли Мэй набитым крекерами ртом. — Надо достать оттуда Мер и Тиро. Как мы это сделаем?

— Помнишь, как погасли уличные огни в бурю? — спросил Джим, торопливо шагая за ней. — Тогда прекратилась подача энергии. Мы должны найти способ здесь сделать то же самое. Пойдём поищем...

Они уже начали спускаться по лестнице, и Элли Мэй кивнула.

— У нас с бабушкой никогда не было электричества. Но у тебя было, и ты должен знать, что искать. С чего начнём?

— С подвала, если он здесь есть, — Джим с опаской взглянул на мигающие огни компьютеров, проходя через второй этаж. По крайней мере, хоть ходячих роботов здесь не видно. А рычаги от щита у них в руках; теперь, даже если роботы придут в комнату с клетками, они не смогут включить убийственную энергию.

Наконец они добрались до первого этажа со множеством дверей. Элли так торопилась, что чуть не упала с последних трёх ступенек. Только теперь Джим заметил, что от основания лестницы отходит вниз другая, гораздо более узкая.

Там было темно, но не настолько, чтобы они не увидели ступеней. Они уже почти спустились, когда услышали мерную поступь ног робота.

— Останови его, быстрее! Как того, первого! — нетерпеливо приказала мальчику Элли Мэй.

Но сможет ли он вновь это сделать? Руки у Джима вспотели, как всегда, когда ему становилось страшно. Он локтем прижал Элли к стенке лестницу и нащупал полушарие.

— Тише! — прошептал он. — Может, он нас не заметит.

Они смутно увидели корпус идущего робота. Насколько мог судить Джим, он был точно такой же, как тот, наверху, в комнате с клетками. Только у этого огоньки на голове вспыхивали не так ярко.

Джим попытался задержать дыхание. Он рукой удерживал Элли в знак предупреждения, и она была тиха, как стена, к которой он прижимал её.

— Бам-бам-бам-бам... — робот подошёл к основанию лестницы. Там он повернулся и поставил ногу точно на середину ступеньки, начиная подъём.

Джим облизал губы и неуверенно поднёс полушарие ко рту. Голос должен прозвучать правильно, а в голове нужно зафиксировать картину того, что он хочет.

— НЕТ!

Робот опустил ногу на ступеньку. Но вторую не поднял. Напротив, издал, как и первый, гудящий звук, словно о чём-то спрашивал. И огни у него на голове засверкали ярче.

— Пошли! — Джим торопливо подтолкнул Элли Мэй в плечо. Но ей этого и не требовалось. Она уже протискивалась мимо остановившейся машины, держа рычаг наготове.

Джим последовал за ней. Потом оглянулся. Огни на голове робота освещали проход на несколько футов. Робот не поворачивался и не пытался их схватить. Но всё равно лучше побыстрее уйти отсюда.

Элли Мэй уже бежала изо всех сил. Выйдя за пределы освещённого роботом пространства, Джим перестал видеть что-либо впереди и поспешно бросился догонять девочку.

Вдоль коридора не было никаких дверей, только сплошные стены. И никаких ответвлений. В конце концов

коридор вывел детей в огромное помещение — такого же размера, как и на втором этаже башни, с компьютерами. Локатор в руке Джима неожиданно вспыхнул, как огонь, хотя никакого тепла не чувствовалось.

Они оказались на балконе, нависшем над обширным пространством. Вдоль стен опять располагались большие ящики. А сбоку нашлась лестница, ведущая вниз, в темноту. Джим начал спускаться и обнаружил, что локатор теперь даёт достаточно света, чтобы видеть три или четыре ступеньки впереди. Спускаясь, Джим продолжал прислушиваться. Внизу могла оказаться целая армия ходячих роботов. Или каких-нибудь других их разновидностей, ещё опаснее.

Лестница показалась ему очень длинной. Когда они добрались до последней ступеньки, Джим протянул руку и преградил дорогу Элли. Он не хотел, чтобы она неразумно устремилась к опасности.

Ящики, которые они видели сверху, теперь нависали над ними, каждый размером в половину дома или по крайней мере с гараж. А пол под ногами не переставая слегка дрожал.

— Осторожней! — предупредил Джим. — Смотри по сторонам.

Элли Мэй воинственно взмахнула своим рычагом.

— Можешь мне этого не говорить, мальчик! Местечко не из приятных.

Они прошли вдоль ближайшего ящика, потом перебежали через узкий проход к следующему, потом ещё к одному. Джим внимательно следил за локатором. Тот светил всё ярче. Джим передал на время свой рычаг Элли Мэй и прикрыл локатор руками, испугавшись, как бы кто его не увидел.

Они пересекали однообразное обширное пространство без каких-либо ориентиров. Джим принялся даже считать ящики, чтобы не заблудиться на обратном пути. И тут услышал слабый смех Элли Мэй.

— Смотри... — она показала маленький и грязный кусочек сыра. — Я помечала эти штуки, — она постучала

рычагом по ящику, около которого они задержались. — Видишь?.. — девочка провела сыром по гладкой металлической поверхности.

Почему он сам не подумал об этом? Джим рассердился на себя. Но Элли Мэй часто даёт простые разумные ответы на казалось бы сложные задачи.

Они вышли из тени последнего ящика и неожиданно оказались на открытом пространстве. Не только открытым, но и ярко освещённом. Дети замигали, привыкая к свету после темноты. В середине пола они увидели нечто вроде колодца с перилами вокруг. Колодец был не очень глубокий, но достаточно широкий. Его накрывал полный сверкающего пламени купол — не красного и жёлтого пламени, как огонь, знакомый детям, а с примесью зелёного и синего; и все эти струи внутри беспорядочно извивались и переплетались. Элли Мэй ухватила за перила.

— У меня голова кружится! — пожаловалась она. Одной рукой девочка сжала живот. — Меня сейчас стошнит, словно я змею проглотила!

Полушарие в руках Джима светилось почти так же ярко, как огонь под куполом. Он понял, что они нашли то, что искали. Этот горящий внизу разноцветный огонь — энергия, может быть, подобная электричеству. Такое можно увидеть, если включить яркую лампу.

Но как её выключить? Как и Элли Мэй, мальчика затошнило, когда он попытался внимательней разглядеть пламя. Он медленно обошёл колодец вокруг, одной рукой держась за перила, а в другой сжимая локатор. Никаких рычагов, ни щита управления, ни кнопок — ничего!

Он чувствовал всё большую и большую беспомощность. Почему-то ему казалось: чтобы освободить ко'отов, нужно просто найти источник энергии и отключить её. Но как её отключить, если перед тобой только огненный шар и больше ничего?

Элли Мэй распрямилась. Размахивая рычагами в обеих руках, она посмотрела на Джима.

— Это та самая злая старая штука, которая держит Мер в клетке?

— Я думаю, да.

— Ну, хорошо. Тогда чего же мы ждём? Надо её просто разбить!

— Нет! — испуганно закричал Джим. Они же ничего не знают об огне под куполом. Что если он взорвётся, разнесёт всё здание?

Но Элли Мэй приняла свой привычный упрямый вид; она даже не собиралась его слушать. Для неё важно было только одно: Мер в клетке, и её надо оттуда выпустить. Прежде чем Джим успел перехватить Элли руку, она размахнулась и швырнула один из рычагов в огненный пузырь, зажмурившись при этом.

Джим услышал звон удара металла о купол. Второй рычаг последовал за первым.

— Брось теперь это... — Элли Мэй стремительно обогнула часть стены и прежде чем Джим успел увернуться, она выхватила локатор у него из руки и тоже бросила.

Последовал ужасно громкий звук. Джим закрыл уши. Он видел, как присевшая на корточки Элли сделала то же самое. Мальчик ожидал, что через мгновение его охватит пламя, вырвавшееся из-под разбитого купола. Кожу закололо, волосы на голове Элли встали дыбом. Он впоследствии не был уверен, но ему показалось, что от её волос посыпались искры.

Но...

Они оказались в полной тьме. Свет погас. На одну-две ужасные минуты Джим даже подумал, что ослеп. Потом понял, что всё-таки еле-еле, но что-то видит.

Протянув руку, он нащупал Элли Мэй.

— Пошли отсюда! — по крайней мере он хотел это сказать, но даже сам себя не услышал. И это тоже испугало его.

Нашупывая на стенах полоски сыра, оставленные Элли Мэй, они каким-то образом умудрились добраться назад, к основанию лестницы, держась друг за друга. Дрожь и гул исчезли. Джим вздрогнул. Как будто находишься рядом с огромным мёртвым существом...

У основания лестницы лежала груда металла. То рухнул робот, которого они тут оставили. Должно быть, он

тоже теперь мёртв, подумал Джим. Теперь ему хотелось только побыстрее убраться отсюда и как можно дальше. Но Тиро и Мер ещё оставались в плену.

Они стали подниматься. На этот раз на компьютерах не мелькало никаких огней, не слышалось негромкого щёлканья и гула. Комната была мертва и быстро охлаждалась. Дети торопливо миновали её.

Ещё один пролёт лестницы. Они уже с трудом поднимались. У клеток валялась ещё одна груда металла, путаница рук и ног: здесь упал другой робот.

— Надо побыстрее убираться отсюда... — теперь Джим услышал свой голос, хотя он казался слабым и далёким. Но клетки по-прежнему были прочно закрыты. Элли Мэй заплакала и принялась колотить по клетке Мер, но Джим обратился к Тиро с вопросом.

«Есть ли ещё энергия в решётке двери?» — он постарался мыслить как можно чётче.

Большой ко'от, казалось, приняхивался к проводам. «Нет, детёныш. Теперь это только металл».

«Хорошо...» — Джим подошёл к мёртвому роботу — он теперь думал о нём, как о «мёртвом». Мальчик неистово дёргал и крутил, пока не высвободил тяжёлую руку с клешней. Он принёс её к клетке и начал зубцами руки рвать решётку. Как он и надеялся, вскоре ему удалось прорвать её. Вначале Тиро, а затем и Мер выпрыгнули на пол.

Тиро высоко поднял голову, прислушиваясь и приняхиваясь.

«Город мёртв, — послал он мысль. — Как и хси, которые его построили. Но даже мёртвый он может быть использован...»

Джим обессиленно сидел на полу. Он страшно устал; его трясло от ужаса, который он испытал, когда Элли Мэй пробила купол: ему хотелось есть и пить. Итак... город мёртв... тогда нужно поскорее уходить отсюда. Это место... оно ему ненавистно! Эти тяжёлые здания без окон и без дверей вызывали ощущение, что он тоже в клетке, как были Тиро и Мер.

«Да, мы уйдём, детёныш, — согласился Тиро. — Но

наши старейшие, они пошлѹт других. Тут много полезных знаний. Ведь именно сюда хси перенесли все свои записи».

«Вы... — кот ласково потѣрся о щеку Джима головой, никогда раньше он так не поступал. Элли Мэй, с влажным от слѣз лицом, прижимала к себе Мер, как будто больше никогда не собиралась её отпускать. — Вы оба очень хорошо действовали, детѣныши. Среди наших старейших есть такие, которые опасались, что вы принесѣте нам одни только неприятности. Напротив! Теперь нам нужно запомнить ещё два имени в Зовах Чести ко'отов. Давным-давно Киндарт доказал, что он родич ко'отам. А теперь вы, детѣныши, сделали то же самое. Наши племена могли ошибаться, кто кому родич. Родство не обязательно означает шерсть на теле у одних и голую кожу у других. Родство гораздо глубже. Я назвал тебя своим родичем, детѣныш, а Мер — назвала родственницей девочку, и если бы мы этого не сделали, ловушка хси уничтожила бы нас. И злое место продолжало бы жить».

«Мы слишком много говорим, — послала нетерпеливую мысль Мер. — Если старейшие захотят исследовать это место, пусть они это делают. А что касается меня... я побыстрее хочу под открытое небо».

— Да! — Элли согласно кивнула. — Мне не нравится этот старый город, он плохой.

Они вернулись к флаеру. Четверым в нём было тесно, он едва смог подняться, но всё же полетел. Второй флаер они нашли точно там, где его и оставили дети. Тиро решил лететь на нём с Джимом, его очень заинтересовало ручное управление, о котором сами ко'оты почти позабыли.

«Мы многому можем научиться друг у друга, — сказал он Джиму, когда они поднялись в воздух, чтобы последовать за другим флаером, почти скрывшимся из виду. — И это будет хорошая наука, родич-ко'от. Больше я о вас не буду говорить как о детѣныщах: сегодня вы оба доказали, что вы настоящие родичи ко'отов».

Приближаясь к порту, Джим забыл нетерпение и боль, которые привели его в город. Он даже подумал, как его

интересно будет исследовать. Защиты больше нет, роботы мертвы. И в будущем родичу ко'отов — он гордился тем, как назвал его Тиро, понимая, что это многого стоит, — ему найдётся чем заняться на Зимморе.

ЗВЁЗДНЫЕ КО'ОТЫ И РАЗУМНЫЕ РАСТЕНИЯ

1. Тревога в воздухе

Элли Мэй так крепко схватилась за спинку переднего сидения, что у неё заболели пальцы. Что-то неладное происходило с флаером. Тот беспорядочно дёргался взад и вперёд. По тому, как напряжённо сжался на своём сидении Тиро, она видела, что большой ко'от тоже испуган. Они только сегодня утром вылетели из города Людей, а потом это и случилось. Теперь флаер дрожал, трясся и как-то странно рычал.

Элли Мэй чувствовала, как Тиро напряжённо посылает мысль машине, пытаясь заставить её работать. Нет, он пытается посадить её на землю.

— В чём дело? — мальчик на сидении рядом с ней тоже наклонился вперёд. Он даже протянул руки, словно хотел через Тиро дотянуться до приборов, которыми ко'оты никогда не пользовались.

— Не надо! — завизжала Элли Мэй. — Он пытается посадить нас! — девочка сглотнула, хотя во рту у неё пересохло.

Она чувствовала, как дрожит Джим, задевая плечом её сидение. Эти сидения слишком малы для детей. И девочка вспомнила: папа и мама Джима погибли в упавшем самолёте на их родной планете, которая теперь казалась такой далёкой.

— Мы приземляемся! — голос Джима прозвучал так же громко, как только что её. Мальчик пытался протиснуться мимо Тиро, но Мер, сидевшая рядом с разведчиком-ко'отом, зарычала и когтями шлёпнула по вытянутой руке Джима.

Элли Мэй хотела закрыть глаза, но не могла. Однако вниз, на землю, смотреть не стала. Качка вызывала у неё тошноту. Почему флаер, как всегда, не отзывается на мысленный приказ Тиро? Все машины ко'отов действуют по мысленным приказам. Почему же эта перестала слушаться?

Дрожь становилась всё сильнее. Элли Мэй качнуло к Джиму, потом она ударилась о борт. Она тщетно пыталась покрепче ухватиться за что-нибудь.

Снова они устремились вниз. Неужели флаер разобьётся? Дети слышали рассказы о флаерах, которые улетали и не возвращались. Или их находили разбитыми, а ко'оты, летавшие в них, оказывались мертвы или тяжело ранены.

Именно из-за флаеров они отправлялись в покинутый Город. Ко'оты могут управлять флаерами Людей, но им нужен металл, чтобы ремонтировать их, делать запасные части.

Флаер вновь дёрнулся, словно собираясь развалиться надвое. Последовал удар, и Элли Мэй бросило вперёд. Флаер остановился.

Они с трудом выбрались. Элли Мэй потирала руки и ноги, они дрожали. Мягкое прикосновение пушистого костюма успокаивало. словно притрагиваешься к Мер. Только костюм не мурлычет. Мер...

Девочка быстро оглянулась в поисках ко'ота с грязно-белой шерстью и необычными голубыми глазами. Мер здесь, и выглядит как обычно — как кошка. Элли Мэй когда-то и думала, что она земная кошка, точно так же как Джим считал Тиро, зеленоглазого угольно-чёрного ко'ота, потерявшимся домашним животным.

Но потом они узнали, что это вовсе не животные. Они — ко'оты, разведчики с космического корабля, посланные собирать своих родичей, земных кошек, и отвозить

их домой. И Элли Мэй и Джиму позволено было лететь с ними, потому что за них заступились Мер и Тиро.

Элли Мэй глубоко вздохнула, и к ней подошла Мер, успокаивающе потёрлась. Тиро задумчиво разглядывал флаер. Он гневно хлестал по бокам своим длинным хвостом и, казалось, что когда он смотрит на машину, из глаз его вылетают искры.

Джим тяжело дышал, лицо его побледнело. Элли Мэй взяла его за руку. Мальчик глянул на неё сердито, словно собирался плюнуть — точно так глядел на флаер Тиро. Может, он не хотел, чтобы она видела, что он испугался. Но ведь все испугались! Элли Мэй хотела это сказать. Но прежде чем сказала, донеслась мысль Тиро:

«Нам повезло. Ещё один умерший металлический корабль...»

О мёртвых металлических кораблях рассказывал Мича, стройный рыжий ко'от, который ждёт их в Городе. Что-то происходит с машинами, которыми пользуются слишком долго. Они неожиданно рассыпаются. Металл становится слишком хрупким.

Элли Мэй снова потёрла бока руками. Она больше не боится — по крайней мере не так, как раньше, — но ноги её подгибались.

«Мы уже рядом с Городом, — пришла мысль Мер. — Надо идти в том направлении».

«Хорошо», — согласился Тиро.

Джим, как будто совершая очень трудный для него поступок, вернулся к флаеру и вытащил их мешки с припасами. Надел свой, а Элли Мэй взялась за другой. Руки её почти перестали дрожать.

Их руки — именно из-за них они с Джимом ежедневно отправляются в Город. У Тиро и Мер, у всех остальных ко'отов, как бы искусно они ни управляли мыслью машинами, нет рук — только лапы. Город был построен Людьми, похожими на Джима и Элли, и их машины приспособлены для рук. Эти люди давно исчезли, но машины остались, и ко'оты хотели больше узнать о них.

«Мы должны побыстрее установить, откуда добывался

свежий металл, — Тиро по-прежнему разглядывал упавший флаер. — У нас почти не осталось запасов. И мы не можем строить новые флаеры».

— Это как поиски сокровищ, — сказал Джим, надевая мешок на спину.

Не только их флаер вышел из строя. Пищевые машины тоже начали отказывать. Ко'оты долго пользовались запасами металла, оставленными Людьми, чтобы делать новые машины и чинить старые. Но теперь запасы почти истощились, и стало очень важным узнать, откуда они приходили.

Четверо двинулись к большому серому Городу. Элли Мэй ненавидела это место. Однажды они попали там в ловушку. Зато они с Джимом нашли пойманных Тиро и Мер. И только удача позволила им отключить Город и остановить роботов, оставленных сторожить. Каждый раз, возвращаясь туда, Элли Мэй втайне ожидала, что один из роботов подойдёт к ним и снова схватит.

Они торопливо прошли по одной улице, по другой. Сейчас с ней Джим, и Тиро, и Мер. Но девочка всё равно продолжала оглядываться.

И вот они добрались большого центрального здания, в котором Тиро и Мер попали в клетки смерти, и где они с Джимом отключили источник энергии. Звуковой приказ заставил одного из роботов остановиться как раз тогда, когда тот собирался убить ко'отов. И только недавно они установили, что звуки оживляют некоторые машины.

Это тоже обнаружилось совершенно случайно. Элли Мэй так разозлилась на машину, которую они осматривали два дня назад, что пнула её и начала обзывать. И машина ожила, на гладкой панели в её передней части вспыхнули какие-то знаки.

Джим сказал, что это похоже на телевизор, и они провели полдня, наблюдая за изменениями, следующими за криками Элли Мэй. Но кричать нужно было в правильном тоне. Потом они бродили повсюду с криками, пением или просто разговаривали с машинами. И несколько ожило. Это немного пугало. Но всегда рядом с

ней были Мер, Тиро, Мича и другие ко'оты, не говоря уже о Джиме, и поэтому она не очень боялась.

Теперь она попыталась вспомнить, какие звуки оживили последнюю машину — ту, что они нашли вчера. На ней тоже загорелись какие-то надписи, но кроме них появились и рисунки. И ко'оты тогда пришли в большое возбуждение. Мер послала мысль: это одна из машин, которые знают, как работать с металлом.

Вот и теперь Джим опустил на пол, глядя на машину, и начал кричать, и в это время вошла Ана. Они знали, что большая ко'ошка с серебристой шерстью — одна из предводителей народа ко'отов — прилетит к ним на другом флаере. Ана выслушала сообщение Тиро о поломке флаера, потом встала на задние лапы, положив передние на ящик перед Джимом, едва не прижимаясь носом к машине.

«Тёплое... — ясно донеслась мысль Аны. Элли Мэй села рядом с мальчиком. — Эта машина может ожить».

— Возможно... — начал Джим вслух, и только потом перешёл на мысленную речь: ему она давалась труднее, чем Элли Мэй.

«Возможно, она и оживёт. Но как она действует? — мальчик взглянул на Элли Мэй. — Хочешь попробовать?»

Джим хмурился, и Элли Мэй знала, что он не хочет признавать, что не может заставить эту машину работать. На колене он держал плоский предмет, который нашёл в одном из верхних помещений и теперь носил в своём мешке. Поверхность у него как листок бумаги, и там же крепилось нечто вроде ручки. Джим, как мог, срисовывал всё, что может пригодиться: хотя картины мелькали слишком быстро.

— Ты кричал громко? — Элли Мэй смотрела на машину.

— Громко? У меня вчера чуть голова не раскололась! — ответил Джим. — Глупая старая машина! Но Ана считает, что она может быть важной, из-за её расположения.

Джим был прав. Большинство ящиков-машин стояло

группами или рядами. А эта — одна в самом конце комнаты у двери.

Появилась Мер. С ней шёл старший ко'от Мича, который руководил ремонтными роботами ко'отов. Вместе с Тиро они молча сели, обернув хвостами лапы.

Элли Мэй порылась в своём мешке и достала один из странных бутербродов с булочкой, которые изготавливали пищевые машины. Она ела их уже так много дней, что те больше не казались ей странными. Передвинув мешок к Джиму, она начала есть, продолжая разглядывать машину.

Эта чуть больше остальных, и ровная площадка впереди, на которой появляются картины, тоже больше. Экран сейчас тёмный. Но Ана сказала, что машина тёплая, она готова к работе. Нужно только произнести правильный звук.

Элли Мэй прожевала и проглотила большой кусок бутерброда. Набрала воздуха и, по-прежнему держа еду, испустила серию криков, резких щёлкающих звуков и писков.

Экран оставался тёмным.

— Видишь? — Джим указал на ящик. — Мы не сможем заставить его работать. Люди, должно быть, разговаривали с ним. Но мы не знаем, что они говорили, и не можем...

Элли Мэй показала язык упрямому ящику.

— Злая старая штука! — иногда ей казалось, что машины, созданные Людьми, по-своему живы. Просто они очень глупы, и поэтому их трудно заставить действовать.

Но Элли Мэй никогда не сдавалась легко. Она всегда была такой. Приканчивая свой бутерброд, девочка продолжала размышлять над проблемой. Если это самая важная машина, значит должен существовать другой способ заставить её работать. Джим испробовал все свои звуки, она — большинство своих. Но ведь должно что-то оживить её, в этом девочка была уверена.

Люди ненавидели ко'отов, и звуки ко'отов не могли

привести в действие ни одну машину в Городе. Но разве звук обязательно должен быть голосом? Впервые Элли Мэй подумала об этом.

«Верно, — слышалась мысль Мер. — Но какой звук, сестра?»

Элли Мэй посмотрела на Джима, который продолжал есть, и нахмурилась.

— Может, мы должны испробовать что-нибудь другое, какой-нибудь другой звук...

— Какой? — угрюмо спросил мальчик.

Элли Мэй оглянулась. В углу комнаты лежала груда стержней и металлическое тело. Это был один из роботов-стражников, который «умер», когда Город отключили. Элли Мэй направилась к нему.

— Можешь снять это? — держа одну из металлических рук, Элли оглянулась на Джима.

Мальчик присоединился к ней, взялся за руку и начал дёргать взад и вперёд. Наконец они услышали скрежет металла о металл.

— Наверное, всё. Зачем тебе она?

— Хочу посмотреть, как она звучит...

Джим открыл свой мешок, который носил с собой и в который бросал всякие мелкие инструменты, куски провода, стержни, всё, что находил в здании. Он занялся валявшимся роботом и вскоре протянул Элли Мэй отсоединённую руку.

Девочка не очень хорошо представляла, как использует её. Может, мысль вообще глупая. Но она вернулась к машине-ящику. Протянула руку и начала негромко стучать по краю машины. И при этом повторяла звуки, которые действовали на другие машины.

Постепенно удары становились громче и подчёркнутей, а звуки — громче и выше. Все смотрели на экран, но на нём ничего не менялось. Экран не загорался.

Удар... крик... Потом...

— Вот оно! — крикнул Джим.

Экран вспыхнул, но тут же погас.

— Попробуй это снова, Элли Мэй!

Потребовалось четыре попытки, прежде чем она снова

нащупала нужную комбинацию. На этот раз экран остался освещённым. Но на нём не появилось тех странных завитушек, которые, по мнению Джима, были надписями. Показалось множество линий, некоторые прямые, другие кривые. Каждая картинка держалась только несколько мгновений, потом исчезала. Джиму показалось, что это карты.

Он уже обращался к ко'отам, когда они разглядывали картинки других машин. Но ко'оты не привыкли к картам. В них самих заключён указатель, который всегда выводит их к дому — как и на родной планете Джима. И им не нужны карты для указания пути.

Поэтому они не распознавали карты. Но тут неожиданно заговорил Мича. Он приподнялся у машины, как делала ранее Ана, и его стройная кремовая лапа указала на экран.

«Это знак металла!» — его мысль-речь звучала быстро. Одновременно он слегка зарычал.

Джим торопливо чертил на своём листе. Если бы картинка задержалась! Нет... она уже погасла. Он так рассердился, что едва не пнул машину, как делала раньше Элли Мэй.

Появились ещё две картинки, и экран погас. Джим нахмурился.

— Не успел. Нужно пустить ещё раз.

Элли Мэй послала мысль Миче.

«Старший брат, — она всегда очень старалась быть вежливой по отношению к старшим ко'отам, — а что такое знак металла?»

«Этот знак мы находили на всех запасах металла, которые брали для ремонта и для изготовления новых вещей. Он такой же, как на этой картинке...»

— Карта шахты, — Джим заговорил вслух, одновременно посылая мысль. — Нужно посмотреть снова! Надо запустить её ещё раз, Элли Мэй! Может, эта штука, — он постучал по машине, — проделает всё по-прежнему?

Элли Мэй снова начала стучать металлической рукой и кричать. Опять прошло некоторое время, прежде чем она

подобрала правильный звук, и экран загорелся. Ей пришлось проделать это четырежды, прежде чем Джим скопировал карты. Усталая, девочка опустилась на пол.

— Ну, получил ты свою карту, — сказала она. — А как найти то место? Ко'оты не пользуются картами.

Джим изучал свой грубый рисунок. Да, это непросто. Он прикусил странную ручку. Карты — когда они с папой и мамой отправлялись в путешествие на машине, то всегда пользовались картами. Точки означали города, а дороги имели номера. А здесь только линии и никаких других обозначений. Кроме того знака, который, как сказал Мича, означает металл.

Этот знак стоял не внизу карты, скорее в левой стороне, чуть в стороне от линии, ведущей сверху донизу. Другая линия проходила справа налево. И другие линии не касались этих двух.

Ко'оты их не узнают. Как же тогда?..

Джим застыл. Возможно, он прав. С воздуха! Местность гораздо легче разглядеть с воздуха, чем с поверхности. Если бы они могли взглянуть с флаера, то, возможно, нашли бы дорогу к шахте. Ему не хотелось думать о новом полёте во флаере, но другого ничего не придумаешь.

«Прекрасное предложение, брат-родич. — Тиро встал и потянулся. — Хотя мы и уйдём из этого места с тяжёлыми воспоминаниями, — и он с низким ворчанием ненависти огляделся. — Но предварительно нужно тщательно проверить флаер».

2. *Закрытый остров*

В воздух они поднялись на следующий день. Элли Мэй, конечно, предпочла бы пойти пешком, но Тиро, Мер и Мича казались очень уверенными, и девочка не стала ничего говорить, хотя они не знали даже, в каком направлении лететь. Мер, Тиро и Мича сидели на передних сидениях нового, более мощного флаера. Элли Мэй и Джим выглядели из-за их пушистых голов. Элли

размышляла, как Джим перенесёт полёт после аварии, но мальчик только положил свой рисунок на колени и смотрел вниз, стараясь разглядеть хоть что-нибудь похожее. Карта поглотила всё его внимание, не позволяя ему вспоминать вынужденную посадку.

Они по широкому кругу облетели Город Людей, потом сделали второй круг, ещё шире. С каждым новым разом круги увеличивались, а Тиро вёл машину на самой малой скорости. Вскоре они больше не видели Город, тот превратился в точку на горизонте.

— Как насчёт тех холмов? — спросил Джим, указывая мимо Мичи и Мер на север. — На нашей планете шахты часто бывают расположены в горах, — он напряжённо пытался вспомнить всё, что знал о шахтах. Но таких сведений набралось совсем немного. А у Людей здесь могли быть абсолютно иные способы получения руды.

Тиро послушно направил флаер к горам. Тут они снова стали летать взад и вперёд. Но внизу ничто не напоминало карту Джима. Может, он ошибся, уныло думал Джим. Может, то была вовсе и не карта.

Мальчик провёл по линиям пальцем. Одна из них шла прямо, слишком прямо для реки. Может быть, дорога? Но он не видел никаких дорог, идущих от города. Иногда ему казалось, что Люди пользовались только флаерами.

— Дорога... если бы мы увидели дорогу, — подумал он и сказал это вслух.

Тиро повернул флаер от холмов. Теперь они направились на запад, и тут Джим уловил мысль-сообщение большого ко'ота:

«Место, по которому передвигались Люди. Такое есть. Оно ведёт к воде, которую нельзя пить...»

Джим удивился, но Тиро ничего не стал объяснять. Мальчик же внимательно следил за местностью, ожидая появления линии, которая совпала бы с линией на карте.

— Вот! Смотри, Элли Мэй! Вот она!

Они действительно летели теперь над чем-то, напоминающим дорогу. Она была очень узкая и блестящая. Тиро повёл флаер вдоль неё, и посередине этой странной линии-дороги показались какие-то круглые предметы. С

воздуха они напоминали консервные банки, соединённые и уложенные набор.

Мича прижал нос к куполу каюты и посмотрел вниз.

«Там нет жизни, — передал он. — Можно спускаться без страха».

Тиро посадил флаер, и они торопливо выбрались. Пришлось задирать головы, чтобы увидеть верхушки этих круглых предметов. Они были металлические, а на боках у них расползались коричневые пятна, словно они начали ржаветь. Должно быть, лежали здесь давно. Может, с того самого времени, как Люди закрылись в Городе.

И ко'оты и дети научились чрезвычайно осторожно приближаться ко всему, сделанному Людьми. Они на почтительном удалении обошли эти банки.

Элли Мэй знала, что ко'оты чувствуют ловушки Людей. И потому ждала, пока Мер и Тиро не заявили, что здесь безопасно. Но чуть погодя, подойдя ближе, девочка удивлённо воскликнула:

— Это же вовсе не дорога! Посмотрите!

То, что сверху казалось ровной поверхностью, оказалось рвом или колеёй с гладким покрытием, похожим на металл, который повсеместно использовался в Городе. Кроме того, теперь они разглядели, что дно первого из цилиндров опоясывал ободок, точно вписывавшийся в профиль колеи.

Джим изумлённо разглядывал всё это.

— Похоже на поезд, — медленно проговорил он. — Они тут скользили... — мальчик заглянул в ров, потом посмотрел на банки.

Мича прошёл вдоль остановившейся цепочки цилиндров.

«Детёныш прав, — слышалась его мысль. — Это вагоны Людей».

Потом он подошёл к ближайшему и, приняв себя, возбуждённо выгнул рыже-золотистую спину. Добравшись же до середины вагона, ко'от прижался носом к его поверхности. «Здесь отверстие», — сообщил он.

Все четверо поспешили присоединиться к нему. Джим

провёл рукой по краям плотно закрытой овальной двери. Отложив карту, нажал обеими руками. Дверь не открывалась. Мальчик изо всех сил попытался вспомнить, как открываются двери земных поездов, но не смог. Может, и здесь нужен звук.

Элли Мэй, присоединившаяся к нему, высказала предположение.

— Двери в Городе — ты толкал их в сторону, а не в середину. Может, эти действуют так же.

Почему он сам не подумал об этом? Джиму не понравилось, что Элли Мэй вспомнила об этом раньше его. Он быстро сменил место и стал нажимать влево. Элли Мэй прижала рядом свои коричневые пальчики. Они нажали вдвоём.

Послышался скрежет. Дверь немного подалась.

— Толкай! — приказал Джим. — Заело. Её долго не открывали.

Они толкали изо всех сил. Дверь немного подалась, но дальше сдвинуть створку они не смогли. А щель была слишком узка, чтобы они прошли внутрь. И как они ни старались, однако расширить её не смогли.

Но Мича легко просунул в щель голову и плечи. И мгновение спустя мысль, громкая, как крик, достигла их сознания:

«Металл! Много металла! Замечательная находка!»

Джим тяжело дышал от усилий, вытирая рукой пот со лба. Ну и что, что металл? Шахту-то они не нашли. Мальчик сел на землю и снова посмотрел на карту.

Ко'оты возились у вагона. Должно быть, это действительно когда-то был вагон, а всё вместе — поезд. Они протиснулись в щель, слишком узкую для детей, и осматривали находку.

— Наверное, они смогут это использовать, — Джим махнул рукой на шесть вагонов, — но навсегда этого не хватит. Должна быть где-то шахта, и нам нужно найти её.

Элли Мэй села рядом с ним, посмотрела на карту.

— Но если это железная дорога, — девочка провела по линии пальцем, — где-то она кончается? А что там, в конце?

Джим кивнул.

— Может, вот здесь, — показал он. — Она как-то соединяется с городом. Или соединялась когда-то. Так что шахта должна находиться там... — он полуобернулся и указал в противоположном направлении. — Нам нужно туда.

«Мы пойдём туда, детёныш-родич, — Тиро выбрался из дверной щели. — Твои рассуждения дают надежду. Мича хочет определить размеры этого новонайденного сокровища, даже если оно и не даст нам всё необходимое. Так что действительно нужно найти его источник».

Мича остался у поезда, а дети вместе с Мер и Тиро снова сели во флаер. Они полетели вдоль дороги и вскоре увидели берег, на который обрушивались волны. Тиро опустил флаер ниже.

«Плохая вода, — объявил он. — Её нельзя пить...»

— Море! — Джим прижался к боку флаера. — И смотри — корабли!

Дорога заканчивалась широким кольцом. Здесь валялось ещё много вагонов-банок и стояли несколько зданий. Не такие большие, как здания Города, и в целом они были устроены одинаково. На берегу раскинулась пристань, возле которой в море виднелись несколько кораблей. Только два из них ещё держались на плаву. Корпуса остальных покрывала вода.

— Там что-то есть! — Элли Мэй указала на море. — Посмотрим, что это!

Она оказалась права. Джим тоже заметил тёмное пятно на воде. Оно странно выглядело и было наполовину скрыто туманом. С берега было видно только тёмное пятно.

Тиро разделил любопытство Элли Мэй, потому что повёл флаер над водой к туманному месту. Они подлетали ближе, и пятно становилось всё больше и больше. Однако туман был такой густой, что никаких подробностей так и не появлялось.

Неожиданно флаер наклонился и чуть не упал в воду. Тиро вздёрнул голову, а Мер зашипела. Флаер резко взял вправо, развернулся и полетел назад к берегу.

— Что случилось? — удивлённо спросил Джим.

«Тут защита... Разве ты не почувствовал?» — спросила Мер.

— Мы ничего не почувствовали, — ответила за обоих Элли Мэй. — Это прозвучало в ваших головах?

«Именно так, детёныш-родич, — ответила Мер. — Защита, установленная Людьми».

— Но если они установили защиту, — заметил Джим, — значит, там что-то важное.

Должно быть, это и есть то место, в котором вагоны загружали металлом. Тогда это шахта. Но кто слышал о шахтах в море?

Тиро привёл флаер к берегу и посадил машину на открытой площадке возле зданий. Все вышли и осторожно огляделись. Испытав ужасные ловушки Города, они опасались, что и здесь их может ждать что-нибудь подобное. Немного погодя Тиро покачал головой.

«Мёртвое место,— помыслил он, — тут нет живых машин».

Однако Джим считал, что всё же нужна осторожность. И он уговорил ко'отов, что они с Элли Мэй должны пойти первыми. Они ведь уже убедились, что стражники, оставленные Людьми, их не трогают, а Тиро и Мер могут оказаться в опасности.

В первых двух зданиях они увидели груды металлических брусков. А в третьем — большие чаны, полные металлических окатышей: круглых, размером в мраморные шарики, или меньших, как пули. А также устройство, которое могло быть печью. Здесь шарики расплавлялись и отливались в бруски.

«Большая находка! — Тиро был очень возбуждён. — Теперь у нас есть всё необходимое».

Джим подобрал несколько металлических шариков и пропустил их между пальцами.

— Да, это поможет продержаться какое-то время. Но мы не нашли шахту. А если бы нашли, то всегда имели бы необходимое. Если шахта там, — он кивнул в сторону стены, выходящей на море, — значит, нам нужно попасть туда.

«То место защищено», — напомнила ему Мер.

— От ко'отов, — подхватила Элли Мэй. — Но мы-то с Джимом сможем пройти. И там, может, найдём что-нибудь сломать — как сломали ту штуку в городе, отчего все роботы умерли. Тогда вы тоже смогли бы прийти...

Джим кивнул.

— Стоит попробовать. Мы можем взять флаер и воспользоваться ручным управлением. Посмотрим, что там.

Тиро и Мер переглянулись. Джим знал, что они обсуждают это предложение, хотя теперь дети не слышали их мысли. Мальчик был уверен, что его слова имеют смысл. Барьер, который удерживает ко'отов, не остановит детей. Это они доказали, пройдя в Город. Но в то же время он не был уверен, что так уж хочет идти. Что-то страшное скрывалось в том затянутом туманом месте в море.

«Твоё предложение разумно, — на этот раз Джим уловил мысль Тиро. — Действительно, ты сможешь воспользоваться ручным управлением флаера, как делали Люди. Идите и посмотрите, что там, но не спускайтесь опрометчиво».

— Не беспокойся, — ответил Джим. — Я буду осторожен.

— Мы будем осторожны, — Элли Мэй уже направилась к двери.

Джим знал, что бесполезно с ней спорить. Он подозревал, что в глубине души Элли Мэй тоже не хочется отправляться туда. Но она ни за что не согласится остаться.

Флаер поднимался не ровно, как под управлением опытного Тиро, но Джим уже пользовался раньше ручным управлением. Скоро флаер направился в море. Мальчик повёл его прямо к туманному острову.

Джим внимательно следил за приборами. На таком флаере он летал, когда несколько месяцев назад они с Элли Мэй отправились исследовать Город Людей. С тех пор он много практиковался в использовании различных машин ко'отов. Но всегда боялся совершить ошибку, хотя не хотел, чтобы Элли Мэй догадалась об этом.

— Как странно он выглядит... — Элли Мэй тоже наклонилась вперёд. — Всё в тумане...

Чем ближе они подлетали, тем меньше видели. Флаер погрузился в необычайно густой туман. Джим весь напрягся. Ему вовсе не хотелось затеряться в этом тумане и налететь на какое-нибудь здание — если тут есть здания.

— Смотри! — Элли Мэй прижала лоб к стеклу. Под ними показалась гладкая поверхность, похожая на верхушку большого купола. Тут негде посадить флаер. Похоже на стекло, как в кабине флаера, хотя во много раз больше. Туман садился на него и каплями стекал по покрытию.

Джим полетал взад и вперёд в тумане. Внизу не было ничего, кроме огромной выпуклой поверхности. «Она закрывает площадь размером в половину Города», — подумал Джим. Негде было приземлиться, и ничего не было видно. А под изгибающейся поверхностью тоже клубилось какое-то облако, только ещё гуще. И ничего не видно.

Наконец Джим повернул флаер назад. Они с Элли Мэй не могут...

И тут Джим закричал. Флаер нырнул, мальчик потерял контроль за приборами. И услышал крик Элли Мэй:

— Нет! Не нужно!..

Это был не страх перед крушением. Совсем другое — что-то ужасное в голове. Девочка руками зажала уши, но не могла заглушить то, что слышала в сознании.

Не крик ко'отов, совсем другое. Что-то там было внизу — и это что-то было ранено и испугано, очень сильно испугано!

3. Крик о помощи

Джим тоже почувствовал это. Он затряс головой, стараясь преодолеть боль. Элли Мэй права! Там внизу что-то живое, ему страшно и ужасно больно. Но это не ко'от. Оно не посылало мысль, как Мер или Тиро. Оно могло передать только страх и боль. И ему нужна была помощь!

— Мы должны помочь... — Элли Мэй прижала ладони к ушам. Девочке было так плохо, требовалось немедленно

что-то сделать. Но она не знала, что именно. — Мы должны спуститься и помочь...

— Мы не можем приземлиться, — ответил Джим. — Здесь некуда посадить флаер.

Они летали взад и вперёд над вершиной купола. Ровного места для посадки не находилось. А из-за густого тумана невозможно было сказать, что находится дальше.

— Больно! — Элли Мэй раскачивалась на слишком тесном сидении. — Больно в голове!

— Знаю... — Джим развернул флаер и направился сквозь туман назад к берегу.

— Мы же должны спуститься и помочь! — закричала Элли Мэй. — А ты уводишь нас!

Джим ожидал, что когда они вылетят из тумана, ощущение в голове исчезнет. Но хоть оно и стало менее напряжённым (словно человек перестал кричать и перешёл на шёпот), он по-прежнему испытывал его.

— Мы можем взять лодку... — Элли Мэй смотрела на верфь и на катера в ней.

— Вряд ли какая-нибудь из них поплывет, — возразил Джим. Крик почти стих, и он не хотел его возвращения.

— Может, хоть одна поплывёт. Мы должны идти — ты знаешь!

Но мальчик не хотел возвращаться к тому большому пузырю, в котором находилось существо, которое проникло в их головы. Джим посадил флаер, и дети вышли к поджидавшим их ко'отам. Джим увидел, что Мича оставил остановившийся поезд и присоединился к Мер и Тиро.

Элли Мэй начала мысленно рассказывать, ещё не коснувшись ногами земли; она делилась с Мер и остальными их открытием. Девочка задыхалась, словно выпаливала это вслух и одно слово обгоняло другое.

«...и ему больно. Оно нуждается в помощи...»

Мер потёрлась о ноги Элли Мэй. Её мысль успокаивала.

«А что это, детёныш? Оно говорит мысленно, как ко'оты?»

Тиро и Мича немигающим взглядом смотрели на детей. Джим слышал их невысказанные вопросы. Вместе с

Элли Мэй они рассказали всё, что узнали: о куполе-пузыре поверх острова, об этом крике.

«Не ко'от, — задумчиво повторил Тиро. — И не из Людей?»

Джим сел на землю и потёр рукой лоб. Элли Мэй, сидевшая за ним, скрестив ноги, гладила Мер, и белая ко'ошка лапой коснулась её щеки. Об этом Джим не подумал. Может, они уловили призыв Людей? Но ведь Люди давным-давно заперлись в своём последнем Городе.

И в этом Городе никого не осталось, только машины и роботы. Неужели несколько человек, даже один или два ещё живут там?

— Оно послало нам мысль! — ответила Элли Мэй. — А вы говорили, что Люди боялись мысленного разговора. Они так никогда не делали!

«Это правда, — задумчиво пробормотал Тиро. — И вы уверены, что это не ко'от?»

Дети кивнули. Крик был каким-то странным. Он не состоял из настоящих слов, как мысль ко'ота. Он передавал только чувства — боли и страха.

«Не машина, — сказал Мича. — Мы не знаем машин, которые могли бы так передавать чувства. Но тогда что же это?»

Элли Мэй приподнялась на коленях.

— Мы должны пойти туда и посмотреть! Там происходит что-то плохое, и, может быть, мы сможем помочь. Если взять одну из лодок... — девочка указала на причал, где на воде ещё держались две лодки.

Джим заёрзал. Конечно, он тоже чувствовал тревогу, но предвидел, какие трудности их ждут. Даже если одна из лодок ещё на плаву, как они заставят её двигаться? Он ничего не знает о лодках.

А если там их что-то ждёт?.. У него нет ни пистолета, ни другого оружия. Возвращаться глупо.

Элли Мэй схватила его за руку.

— Пошли посмотрим на лодки! Мы должны вернуться...

— Хорошо.

Вместе с ко'отами они пришли на причал. Всего здесь

было семь кораблей. Два валялись на берегу, носы их зарылись в землю, пробив глубокие рвы. Другие три частично затонули, скрылись под водой, и над ними плескались волны.

Джим осторожно ступил на причал. Тот был как будто сделан из того же металла, что и вагоны, рельсы и вообще всё в Городе. Кое-где виднелись пятна, и Джим старался избегать их, боясь, что ржавчина ослабила поверхность.

Две лодки, пока ещё державшиеся на воде, стояли по обе стороны причала. Одна погрузилась в воду заметно сильнее. Дети, заглянув внутрь, увидели, что внутри стоит вода. Слишком рискованно было бы пойти на ней.

Мича прошёл к другой лодке и мыслью позвал остальных.

«Эта как будто свободна от воды. И у неё есть ручное управление, как у флаеров».

Он оказался прав. Лодка была меньше других, и воды в ней оказалось совсем немного. Переднюю часть занимали сидения, как на флаере. Но здесь они были большие и предназначены, несомненно, для Людей. Перед левым сидением располагались приборы управления, как во флаере.

Джим, а вслед за ним Элли Мэй заглянули в рубку. За сидениями оставалось большое пространство, как в грузовике. Очевидно, исчезнувшие Люди что-то перевозили в таких лодках.

Дети, расплёскивая мутную воду, пробрались к сидениям. Джим сел в левое.

— Сможешь вести её? — спросила Элли Мэй.

— Не знаю.

Осталось ли у лодки горючее? Можно было попробовать. Немного побаиваясь, мальчик наклонился вперёд и повернул ручку, которой на флаере включается двигатель. Ручку заело, так что ему пришлось поворачивать её обеими руками и постепенно.

Довольно долго ничего не происходило, и Джим подумал, что, подобно своим создателям, мотор лодки мёртв.

Потом послышался кашляющий звук. Лодка вздрогнула и ожила. Отрезвляющая мысль заставила Джима заколебаться. А что, если двигатель остановится на пол-

пути к острову? Джим немного умеет плавать, но он сомневался, чтобы умела Элли Мэй.

Но если у него и были сомнения, Элли Мэй их не разделяла. Она уже мысленно попросила ко'отов отдать концы. И прежде чем Джим успел возразить, лодка закачалась на волнах.

— Быстрей! — приказала Элли Мэй. — Мы должны приплыть туда и помочь...

— Кому помочь? — спросил Джим.

Теперь лодка пугала его ещё больше. Он проверил приборы, вполне похожие на управление флаера, и подумал, что сумеет вести её. По крайней мере, он надеялся на это.

— Помочь тому существу! — девочка испытывала нетерпение. Рукой она показала на остров, который с уровня моря казался бесформенной тенью на воде.

Джим глубоко вздохнул и двинул лодку. Тело его онемело, и мальчик старался не думать о том, что произойдёт, если двигатель действительно остановится и они с Элли Мэй не смогут вернуться на берег.

Время от времени мотор начинал кашлять. И каждый раз Джим был уверен, что тот совсем заглохнет. Затаив дыхание, он ждал, когда работа наладится. Они двигались гораздо медленнее, чем во флаере, а волны делали путь ещё труднее.

Джим не хотел оглядываться и смотреть на далёкий берег. Лодка шла вперёд, но остров, казалось, не приближался. На уровне моря туман оказался ещё гуще.

Неожиданно Джим потерял всякое желание возвращаться. Что-то в нём появилось... чувство, что он обязан продолжать...

Элли Мэй опять обхватила руками голову, зажала уши. И Джим тоже уловил это. Слабое чувство, с каждым мгновением становившееся сильнее. Не страх, только боль, ужасная боль!..

Элли Мэй плотно закрыла глаза.

— Быстрей! — закричала она. — Быстрей!

Но невозможно было ускорить продвижение лодки, хотя они продолжали приближаться к острову. И тут

жалобный крик прекратился, оставив странную пустоту и тишину в сознании.

Элли Мэй опустила руки.

— Оно умерло, — негромко сказала она. — Мы не помогли вовремя, и теперь оно умерло!

Джим был согласен с нею. Но когда он попробовал переключить приборы, ничего не получилось. Лодка продолжала идти вперёд.

Они уже добрались до тумана. Джим сражался с приборами. Если так будет продолжаться, они могут удариться обо что-нибудь в тумане. Но как он ни тянул и ни поворачивал, ничего не откликалось.

— Я не могу остановить её!

Элли Мэй кивнула.

— Разве ты не чувствуешь? — спросила она.

«Что чувствую?» — мелькнула первая мысль Джима. Но тут же он понял. Их притягивает! И не то существо, которое звало на помощь, а что-то другое. Не живое... Это... Нет, он не мог объяснить, что их притягивает. Но это очень страшно.

Туман так сгустился, что они ничего не видели за пределами рубки. Он был густой и влажный, как настоящий дождь. Элли Мэй поводила рукой перед лицом, но разогнать туман и хоть что-нибудь увидеть так и не смогла.

Это место оказалось даже страшнее молчаливого Города. О Городе они хоть немного слышали, а об этом острове не знали ничего. То, что притягивало их, — мертво, и Элли Мэй стало страшно. Когда кто-то звал, она хотела только прийти и помочь. Но теперь... Девочка взяла Джима за руку и крепко сжала. Джим, наверное, чувствует то же самое.

Лодка пошла медленнее. Джим и не пытался управлять ею. Хотя двигатель стих, они продолжали двигаться вперёд.

Скоро впереди что-то показалось. Они въехали под какую-то крышу, но продолжали двигаться. Туман стал реже. Дети увидели тёмные стены, словно сложенные из гладкого камня.

Элли Мэй вздрогнула.

— Что это? — спросила она дрожащим голосом.

— Не знаю, — ответил Джим. — Тут ужасно темно.

Куда они направляются? И что движет их, теперь, когда мотор стих?

Впереди показался свет. Лодка медленно приближалась к нему, пока не оказалась между двумя выступающими каменными стенками. И остановилась она так неожиданно, что детей сбросило с сидений.

По обе стороны виднелись ещё такие же узкие пространства между стенками. В двух из них стояли лодки. Обе пустые. Джим посмотрел на Элли Мэй.

— Прибыли, — сказал он. — Только куда?

— Я так думаю, на остров под пузырьём, — ответила девочка. Она оглядывалась. — Только... тут никого нет. Куда... куда подевалось то существо?

Джим испытывал облегчение от того, что их никто не встретил. Они сумели пробраться под купол. Может, теперь лучше вернуться. Он коснулся приборов: никакого результата.

— Может, посмотрим? — спросила Элли Мэй. — Может... оно не мертво... только ранено...

Она была уверена, что существо мертво, но сидеть и ждать неприятностей — Элли Мэй так не привыкла. Всегда лучше идти им навстречу. И иногда можно победить их, если пойдёшь вперёд.

— Может быть... — неохотно согласился Джим. Элли Мэй права: просто сидеть здесь и ждать ничего хорошего не даст. Хотел бы он иметь пистолет — впрочем, он не умеет стрелять, или палку, или камень — хоть что-нибудь. Он осмотрел лодку. Ничего.

— Пошли! — Элли Мэй уже выбиралась на берег. Джим последовал за ней. Впереди в стене открывался туннель. Если не считать воды, его отверстие — единственный выход отсюда.

Дети не торопились. Шли медленно, осторожно осматриваясь, следя за всем, где можно спрятаться. Так они и вошли в туннель. По стенам в нём шли слабо светящиеся линии, которые всё же давали достаточно света.

Сначала туннель поднимался, потом пошёл ровно. Впереди замерцал свет. Дети заторопились туда.

И выбрались в огромное помещение, похожее на пещеру. Большую часть её пола занимал бассейн, как будто неглубокий. Бассейн был разделён на части невысокими стенками, их поверхность чуть выступала над водой.

В противоположной стене этой огромной комнаты виднелась другая чёрная дыра в стене, но она только чуть поднималась над поверхностью воды. А по краю бассейна, недалеко от детей, что-то двигалось.

Элли Мэй закричала. Существо, похожее одновременно на паука и краба, большое, щёлкая мощными челюстями, погрузилось в воду и направилось между стенками к дыре в противоположной стене.

А там, где оно только что было, осталось что-то похожее на длинные листья, зелёные, с коричневыми пятнами. И толстый стебель, сломанный или перерезанный на несколько кусков. И из порезов вытекала густая зеленоватая жидкость.

4. Морской сад

— Что это? — Элли Мэй сделала осторожный шаг, потом другой, разглядывая растерзанные останки, которые лежали на камне.

— Какое-то растение... — Джим смотрел туда, где в воде исчезло существо с клешнями. Оно двигалось так быстро. И оно очень не понравилось мальчику.

Элли Мэй присела, разглядывая листья и стебель.

— Ой, смотри! Видишь... — девочка указывала на большой лист.

Джим, продолжая посматривать на воду, подошёл ближе. Лист лежал на камне, и по краю его шли какие-то шарики. Прежде чем Джим смог возразить, Элли Мэй пальцем коснулась одного из них. Шарик выкатился на камень и упал бы в воду, если бы Джим не остановил его ногой.

Мальчик подобрал шарик. Тяжёлый, примерно такого

размера, каким играют в камушки. И металлический. Но что он делал в листе?

— А вот ещё — видишь? — Элли Мэй подбирала шарики, и не только с листьев. Они лежали и на камне. — Что это?

Джим покачал головой.

— Не знаю. Может, лучше их не трогать, — однако сам он не выпустил тот, что подобрал. Это место гораздо необычнее Города. Город и роботов, охранявших его, он понимал. Но здесь такое странное место — разорванное растение и краб... Что всё это значит?

Элли Мэй, держа в руке металлические шарики, встала и осмотрелась.

— Чем это было? — повторила она молчаливый вопрос Джима. — Какое странное место. А как ты думаешь, что ЭТО?

И она указала на стену перед ними. Там в камень была вделана металлическая сетка, словно оконный экран. Джим подошёл к ней поближе. За ней ничего не было видно, кроме ровной гладкой пластины.

Элли Мэй вздрогнула.

— Мне это место не нравится. Пошли отсюда, Джим.

Девочка подальше обошла сетку и направилась назад, к лодке. Но тут Джим заметил кое-что ещё — волнение в воде в одном из углублений между стенками.

— Пошли! — он схватил Элли Мэй за руку — Там что-то есть...

И не одно, подумал он. Элли Мэй отступила на шаг-два, потом остановилась, упираясь.

— Слушай! — сказала она.

— Что слушать? — и тут же Джим понял. Не слова возникали в голове, как при мыслях ко'отов, а скорее чувства.

Элли Мэй стояла неподвижно, повернув голову так, чтобы видеть низкое отверстие в противоположной стене, в котором плескалась вода. Она пыталась уловить мысль. Но это был не мысленный разговор, как у неё с Мер.

— Кто ты? — она задала этот вопрос мысленно и вслух, как будто звуки здесь тоже были важны.

— Смотри! — Джим дёрнул её за руку, заставив повернуть голову.

Решётка на стене больше не была серой, как камень. По проводам пробежали искорки, и решётка засветилась, как внутренняя сетка тостера.

Джим выпустил руку Элли Мэй и подошёл ближе к сетке, хотя не совсем близко. Свет, пробежавший по проводам, исчез. Сетка снова стала серой и мёртвой.

— Кто ты? — повторил Джим вопрос Элли.

И снова по проводам пробежали огоньки. Элли Мэй показалось, что она поняла.

— Это не мысль. Это как машины в городе, нужно разговаривать вслух.

Провода снова потускнели. Джим смотрел на них.

— Не на все слова реагирует, — задумчиво проговорил он. — Почему?..

— Может, на слова и мысли вместе, — предположила Элли Мэй. — Я делала именно так, когда она ожила в первый раз.

— Но ведь Люди Города не говорили мыслью, — медленно сказал Джим.

Элли Мэй перевела взгляд с сетки на воду. Там что-то шевелилось. И — оно чего-то хотело. Оно было испугано, но шло к ним, потому что то, что ему было нужно, — очень важно. Необходимо!

— Ему нужны мы... — сказала она. — Ты разве не чувствуешь?

Джим кивнул.

— Нам лучше уйти. Возможно, это ловушка!

Вода вдоль одной из стенок заволновалась. Из неё показалась верхушка растения. Листья, прижатые к стеблю, расправились, как только оказались в воздухе. Растение продолжало приближаться к детям.

Оно было очень похоже на то, разорванное на куски, но гораздо больше и двигалось, словно животное, а не растение с корнями.

Элли Мэй склонилась к краю бассейна. Два верхних листа на толстом стебле повернулись к ней, как глаза.

— Оно боится! — негромко сказала Элли Мэй. — Оно пришло, но боится!

Джим тоже чувствовал этот страх. Тот же страх, который ощутил во время полёта над островом под куполом. Но растение не может ни думать, ни чувствовать! Что же это?

Верхушка с листьями приблизилась. Растение ещё выше поднялось над водой. Если бы оно выбралось на берег, то оказалось бы выше детей.

Элли Мэй увидела круглые, похожие на верёвки отростки, отходившие от стебля ниже широких листьев. Эти отростки разворачивались и прикреплялись к стене под водой. Закрепившись, они натягивались, и растение подтягивало себя вперёд.

В самом растении ничего страшного не было. Страшно было, что оно знало о них. Что оно пришло для встречи с ними!

Дети вздрогнули от щёлкающих звуков. Они оглянулись. Экран снова засветился, но на этот раз неравномерно, некоторые проволочки светились, другие нет.

— Растение — оно пытается говорить! — Элли Мэй махнула в сторону экрана. — Пытается говорить с нами с помощью этого!

— Но мы-то его не понимаем, — Джим вслушивался в щёлканье и смотрел на растение. Оно раскачивалось и размахивало нижними листьями под двумя верхними, которые оставались неподвижно обращёнными к детям. Как настоящие глаза.

По кромкам нижних листьев выступали металлические шарики, они ярко блестели даже в тусклом свете пещеры.

— Оно боится... — Элли Мэй опустила, свесив ноги над водой, и наклонилась, стараясь понять. — Оно ужасно боится! Но не нас...

Джим тоже уловил это. Крабы!.. Он мысленно представил себе такого краба, скользнувшего в воду, и растение задрожало. Листья его начали раскачиваться ещё сильнее. Быстрее задвигались отростки, с помощью которых оно

передвигалось. Если бы о растении можно было сказать, что оно побежало, то именно это оно и пыталось сделать.

Элли Мэй отодвинулась, потому что отростки приблизились к ней. Она уступила им место, и они уцепились за тот камень, на котором сидела девочка, напряглись и подтащили толстый стебель поближе.

С большим усилием растение вытящило свою верхнюю часть. Нижняя оставалась в воде, и Джим предположил, что там же находятся и корни.

Растение свело листья, потёрло ими друг о друга. И на камень выпали металлические шарики, большие и маленькие. Сбросив их, растение пригнулось, очевидно, чего-то ожидая.

— Оно хочет, чтобы мы их взяли... — Элли Мэй подбирала шарики. — Оно принесло их нам...

Джим был уверен, что она права. Но трудно поверить, что металл Людям поставляли ходячие мыслящие растения. Как они его добывают? Копают под водой? Он покачал головой. Найти бы книгу, ленту или хоть что-нибудь, что могло бы объяснить...

— Как бы я хотела поговорить с ним по-настоящему... — Элли Мэй смотрела на растение и говорила медленно и задумчиво.

Щёлканье экрана стало громче. Растение покачнулось, его листья вздымались и опадали. Элли Мэй через плечо оглянулась на Джима.

— Ему что-то нужно... очень нужно! А я не знаю, что! Нужно узнать! — она отбросила шарики и сжала руки в кулаки. — Мы должны узнать, Джим. Это важно! Может, Мер смогла бы.

Девочка чуть подняла голову, и на лице её появилось замкнутое выражение. Джим знал, что она пытается связаться с Мер. Не слишком ли велико расстояние между островом и берегом? Он должен тоже попытаться связаться с Тиро. Ведь это планета ко'отов, и если кто-то знает о водных растениях, дающих металл, то скорее всего они.

Джим закрыл глаза и нацелил свою мысль. Представив себе Тиро, мальчик начал мысленно говорить.

«Да, детёныш? Что вы нашли?»

Ответ слышался слабо, но Джим приободрился. Они не отрезаны от берега. Он попытался как можно чётче сформулировать своё сообщение: их появление в помещении с бассейном, приход растения, которое принесло в дар металл.

Ответ Тиро пришёл быстрый и уверенный:

«Это очень важно, детёныш-родич. Ты сможешь отключить силу, которая не даёт нам пройти на остров? Мы должны посмотреть сами...»

Отключить силу? Может, они и смогли бы, как отключили энергию в Городе. Он ответил и открыл глаза — как раз вовремя.

— Смотри! Джим, надо остановить их! — Элли Мэй закричала. Растение дико забилося. Джим чувствовал его страх и боль. В воде что-то двигалось. Крабы вернулись! Они напали на корни растения.

Джим судорожно огляделся в поисках оружия. У него нет даже дубинки! Растение дёргалось, и Элли Мэй протянула к нему руки. Отростки ухватились за руки девочки. Она потянула, и растение начало подниматься из воды. Показался толстый корень. А в него вцепились крабы, они резали его.

Джим протиснулся между Элли Мэй и бьющимся растением и начал пинать крабов. Один за другим они отцеплялись, а растение всё выше поднималось из воды. Но некоторые крабы теперь пытались выбраться из бассейна. Джим снова начал пинать их, но тут почувствовал острую боль. Один из крабов ущипнул его прямо сквозь ботинок. Джим наступил на него и продолжал бить ногами.

Элли Мэй кричала. Её голос каким-то необычным образом усиливался и заполнял всё помещение. Всё больше крабов падало в воду. Джим понял, что это не из-за его усилий. Шум? Может, их испугали крики Элли Мэй?

Тогда он тоже завопил. От производимого ими шума заболели уши. Зато крабы уходили. Растение на своих отростках приблизилось к Элли Мэй, два его верхних листа поднимались над головой девочки.

— Йииаааа! — Элли Мэй не кричала, она орала. Она,

как и Джим, догадалась о действии звука. — Йииииаааа! — у неё даже горло заболело.

Крабы исчезли. Там, где они нападали на растение, теперь только волновалась вода. Джим продолжал кричать, пока не убедился, что все крабы ушли.

— Они до тебя не доберутся! — голос Элли Мэй прозвучал совсем хрипло. Она обращалась непосредственно к растению, которое медленно распрямляло стебель. Но отростки по-прежнему прочно держались за девочку.

— Они ушли — на время, — сказал Джим, с опаской поглядывая на воду. Он не считал, что крабы так легко сдадутся просто потому, что не любят шум.

И тут они получили жуткую встряску. Как звук их совместного крика почти оглушил мальчика, так и теперь этот звук потряс всё его тело. Как будто их заключили в огромную клетку и начали трясти. Он даже вытянул руки, пытаясь сохранить равновесие.

Растение выпустило Элли Мэй. Корни его снова ушли в воду. Но дети больше не чувствовали его страх. Ощущалось нечто другое — хорошее чувство, словно больше бояться нечего.

Тряска продолжалась, хотя на самом деле они не тряслись. Просто так казалось, ощущение распространялось по телу через ноги. Джим закрыл глаза. Его словно бросало из стороны в сторону, как в лодке.

— Что... что... — услышал он вопрос Элли Мэй и открыл глаза.

Её огромные глаза удивлённо смотрели на него.

— Всё трясется...

Джим высказал догадку.

— Нет, мы только так чувствуем. Это вибрация в камне, — и он топнул ногой по полу.

Ощущение быстро проходило. Растение стояло на берегу, опустив нижнюю часть в воду. Оно больше не распространяло чувство страха или опасности. Что бы ни случилось, крабов они отогнали, пусть на время. Но нужно что-то сделать, прежде чем крабы вернуться.

Элли Мэй думала.

— Нам нужна Мер, — твёрдо заявила она. — Мер и Тиро и, может быть, Мича. Нужно найти способ доставить их сюда. Так сказала Мер.

— Тиро тоже. Нужно посмотреть, что мы можем сделать. Но как же оно? Как мы его здесь оставим, ведь крабы вернутся в любой момент, — мальчик указал на растение.

— Сейчас оно не боится. Может, крабы вернутся не скоро. А мы поторопимся... — Элли Мэй уже направлялась к туннелю.

5. Тайна купола

Лодка по-прежнему стояла на месте. Позади остался туннель, который ведёт в морской сад, где из воды выходят растения. Куда же дети пойдут отсюда? Джим и Элли Мэй не видели другого выхода, но были уверены, что он существует.

Они осторожно пошли вдоль стены. Элли Мэй напряжённо думала. Отсюда должен быть выход. Но девочка не видела никаких отверстий.

Джим застыл на месте. Медленно поворачивая голову, он разглядывал стену. Элли Мэй провела пальцами по влажной поверхности.

— Здесь должен быть выход.

— Конечно. Но где он?

Неожиданно Элли Мэй закрыла глаза. Люди Города не пользовались мысленным разговором ко'отов, они его ненавидели и боялись. Они пользовались кнопками, рычагами — и звуками! Звуки заставляли работать машины в Городе. И тот проволочный экран ожил, когда они одновременно думали и говорили. Девочка провела языком по верхней губе.

— Может, надо пошуметь, — предположила она.

Джим рассмеялся.

— Как Али Баба?

Элли Мэй повернула к нему голову.

— А это кто?

— Парень из волшебной сказки. Он нашёл пещеру,

полную сокровищ, спрятанных разбойниками. Но дверь открывалась, только если скажешь «Сезам, откройся». Он спрятался и подслушал, как это сказал разбойник, а потом вошёл сам. Но что нам здесь сказать? И за миллион миллионов лет мы не найдём нужные слова!

Но тут, к его удивлению, Элли Мэй посмотрела на стену и вполне серьёзно сказала:

— Сезам, откройся!

— Эй, это ведь сказка! — засмеялся Джим. — Тут не подействует.

Она пожала плечами.

— Может, и нет. Но никакого вреда нет, если попробовать. Ведь что-то должно быть. Надо просто поискать.

— Мы можем искать и искать и никогда не найдём нужные слова. Мы вообще не знаем, как говорили эти Люди.

Элли Мэй упрямо стояла у стены.

— Надо попробовать, — повторила она. И начала выкрикивать бессмысленные звуки, как в Городе, когда пыталась оживить машины.

Стена оставалась прежней, без всяких признаков выхода.

— Бесполезно, говорю тебе! — взорвался Джим. — Мы никогда не найдём нужный звук! Яаааа! — чтобы показать ей, он повернулся к стене и завопил изо всех сил.

— Смотри!

Там, где только что был цельный камень, появилась тёмная трещина.

— Повтори-ка снова! — приказала Элли Мэй.

Изрядно удивлённый, Джим набрал полные лёгкие воздуха и закричал снова. Но ничего не произошло.

— Я же тебе говорил...

— Ты делал неправильно, — ответила она. — Сделай снова, постарайся крикнуть по-другому.

Джим никак не мог вспомнить, что он провопил вначале. Но послушно закричал в третий раз.

— Видишь? — Элли Мэй запрыгала.

Щель расширилась. Появился узкий проход, через который они смогут пройти только боком и протискиваясь. Но идти туда... Джим представил себе, как щель

снова закрывается, как закрываются двери в Городе, если их не заклинить. Ему вовсе не хотелось, чтобы стена раздавила его, когда он будет протискиваться.

Он бегом вернулся к лодке. Там не нашлось ничего, чем можно было бы заклинить дверь. В другой лодке оказалась большая груда металлических шариков, таких же, как принесённые растением. Джим набрал их в обе руки. Но они тут же укатятся. Дверь отбросит их и закроется. Как бы высоко он их ни нагромоздил, это не подействует.

Элли Мэй уловила его мысль. Они не говорили друг с другом мысленно, как с ко'отами, но иногда могли поймать мысль друг друга. Девочка подошла к лодке и попробовала снять подушку с сидения.

Подушка снялась легко, и Элли Мэй перенесла её к груде шариков. Они вместе разорвали покрытие в углу подушки (оно, должно быть, немного прогнило в лодке) и забили её полость металлическими шариками. Теперь тяжёлая, полная металла подушка сможет удержать дверь.

Они аккуратно уложили её в щель, и Джим протиснулся первым. Там оказалось темно, но просторно, стоило пройти чуть дальше за стену. Джим потянулся назад и взял Элли Мэй за руку.

По-прежнему держась за руки, они пальцами нащупали противоположную стену. И осторожно двинулись в глубь прохода, часто оглядываясь на узкую щель, через которую вошли.

— Уххх! — Элли Мэй споткнулась и выпустила руку Джима. — Тут ступеньки, идут вверх. Надо разведать.

Они на четвереньках поползли по лестнице, как и предложила Элли Мэй, нащупывая очередную ступеньку. И наконец оказались в месте, где ступеньки кончились. Джим осторожно встал и поискал рукой стену. Сделал вперёд шаг, другой...

Послышался какой-то скрип. Перед ними открылась ещё одна дверь и стало светло.

— Пошли! — Джим схватил девочку и потащил к свету. Может, следовало идти осторожней, но, пробыв какое-то время в темноте, он очень хотел снова видеть.

Они оказались в большой комнате с машинами, похо-

жими на ящики, как и в Городе, расставленными по всем сторонам. Джим был уверен, что и работают они так же. В самой середине комнаты под свисавшими с потолка лампами стоял прямоугольный блок с плоской поверхностью, который мог использоваться как стол. На нём валялась груда кубиков чуть больше ладони Джима.

Одна грань каждого кубика была окрашена — зелёная, жёлтая, синяя, две красных и чёрная. За столом стояло широкое кресло, в нём вполне могли сесть рядом три-четыре Джима или Элли Мэй.

Стены были прозрачные, и за ними клубился туман, окружавший купол.

— Какая большая комната! — Элли Мэй посмотрела в один конец, в другой. — Как мы найдём, что нужно отключить? Это не больно-то похоже на Город.

В Городе им помог шар, взятый с флиттера. Он привёл их прямо к главному источнику энергии. Там Элли Мэй храбро разбила большой шар, отключив энергию и остановив всех роботов. Здесь же у них не было огненного шара, и ничего не показывало, где им действовать.

— Вот тут... — Джим указал на стол — они, должно быть, сидели. Люди, которые всем управляли.

— Мне кажется, на машину не похоже, — с сомнением заметила Элли Мэй.

— Это не машина, — пояснил Джим. — Просто место, где они сидели, если всё шло нормально... — он махнул в сторону ящиков вдоль стен.

В большой комнате стояла полная тишина. Всё было видно, и никаких роботов. Но Джиму всё равно не хотелось идти дальше. Если это место играло важную роль у Людей — а мальчик был уверен, что так оно и есть, — то здесь должны существовать ловушки, которые они даже представить себе не могут. Пока не попадутся в них.

— Я пойду с этой стороны, — Элли Мэй показала влево, — а ты с той. Если увидим что-нибудь, крикнем... ладно?

— Мы даже не знаем, чего искать, — медленно ответил Джим. Но он уже пробирался вдоль своей стороны куполообразной комнаты.

Большинство ящиков выглядели совершенно одинаково-

во. Он решил, что это какие-то компьютеры. Но они все были отключены. С другого края комнаты доносился голос Элли Мэй, она пыталась петь, говорить, кричать. Неожиданно Джим сдался и направился к центру. Там, он был уверен в этом, находилось самое главное место.

Он взвесил в руке кубики с окрашенными гранями. Если не считать цветных полосок, они были целиком серые. Вначале мальчик решил, что это какие-то ящички. Однако он не смог найти ни одной зацепки — их невозможно было открыть.

И тут прямо перед сидением в столе Джим обнаружил отверстие, которое стало видно, только когда он подошёл совсем близко. Он взял кубик и приложил к отверстию. Точное совпадение. Эти кубики наверняка должны вставляться именно сюда. Но если он вставит такой кубик, что произойдёт? Мальчик вытер вспотевшие руки о свой пушистый костюм. Если он выберет не тот кубик, вдруг что-то взорвётся, или войдёт робот, или они с Элли Мэй окажутся в клетке, как ко'оты в старом Городе?

— Ты что это здесь делаешь? — Элли Мэй оставила бесполезные попытки разбудить машины.

— Эти штуки, — Джим указал на кубики. — Видишь отверстие? Они должны вставляться туда.

— Интересно, зачем? А если вставить... — Элли Мэй протянула руку, но Джим торопливо перехватил её.

— Мы же не знаем, что произойдёт.

— Ну, а если не попробуем, то никогда и не узнаем. Мы даже не знаем, сможем ли выбраться отсюда. Может, лодка не пойдёт обратно. Ты об этом подумал?

Джим-то думал об этом и до сих пор старался отодвинуть эту неприятную мысль подальше. Не хотел о ней помнить.

— Можно спросить Мер... — Элли Мэй закрыла глаза, на лице её появилось странное выражение. Она пыталась связаться с ко'ошкой на берегу.

Мер может не знать. А Тиро? Тиро старше Мер, он гораздо дольше был разведчиком. Джим представил себе большого чёрного ко'ота, своего друга.

«Что вы нашли?» — ясно услышал он мысль Тиро.

Джим как можно тщательнее постарался представить

комнату, особенно стол с отверстием и кубиками. Он не был уверен, что Тиро сможет помочь. Хотя ко'оты пользуются многими машинами Людей, они не понимают машины в Городе, не поймут и эти.

«Я расскажу Миче, — слышался ответ Тиро. — Он больше меня знает о машинах Людей».

Джим сел за стол, и чуть погодя к нему присоединилась Элли Мэй.

— Мер не знает, — сообщила она. — Она хочет спросить Мича.

— Тиро тоже так ответил.

— Эти цвета должны означать что-то важное, — Элли Мэй поставила кубики в ряд. Выбрав красный и зелёный, она поставила их рядом. — У нас дома вот это значит, что можно идти, — она указательным пальцем толкнула зелёный кубик, — а когда нельзя идти — это, — и постучала по красному.

— Красное означает опасность — вот что это значит, — Джим кивнул. — И чёрное, — он указал на единственный кубик с таким цветом, — тоже, должно быть, что-то плохое. Но мы не можем быть уверены, Элли Мэй. Может, на этой планете зелёное означает плохое, а красное — хорошее.

— А это что? — Элли Мэй наклонилась над столом. Указательным пальцем она провела линию, и Джим только тогда увидел, на что она показывает.

Часть поверхности стола представляла собой гораздо больший квадрат. Он был того же цвета, что и столешница, и его трудно было разглядеть, если, как Элли Мэй, не провести по его границам с четырёх сторон. Джим тоже провёл пальцем по его поверхности. Гладко. Похоже на стекло.

Элли Мэй попыталась просунуть ногти в щель.

— Не похоже на крышку, — пробормотала девочка и надавила ладонью. — Нельзя ни поднять, ни сдвинуть.

Отверстие, которое они заметили раньше, находилось непосредственно перед этим загадочным квадратом. Неожиданная мысль пришла в голову Джиму. Что если это экран для картинок, такой же, как на машинах в Городе? И если сунуть в щель кубик, экран заработает?

Не дожидаясь сообщений Мичи, переданных мыслью Тиро, он схватил ближайший кубик, зелёный, и решительно сунул его в щель. Кубик опустился примерно на треть. Надавить сильнее Джим опасался.

Но тут...

Квадрат на крышке стола изменился! Вначале засветился, потом появилось изображение.

— Это пещера, где плавает большое растение! — воскликнула Элли Мэй.

Действительно. Только на экране появился вид сверху, словно они смотрели сквозь потолок большой пещеры. Растение по-прежнему было здесь, хотя теперь глубже опустилось в воду, и два листа, которые казались глазами, были повёрнуты в сторону отверстия, через которое растение пришло.

Но и это оказалось не всё. Они не только видели растение, они могли и слышать. Звук был громкий, словно растение кричало — как кричали дети, отгоняя крабов. Хотя это не крик, решил Джим, скорее, музыка. И растение извивалось всем стеблем в такт этой музыке.

Вода тоже изменилась. Теперь она стала коричневой, как будто кто-то вылил в неё большую чашку кофе.

— Что происходит? — спросила Элли Мэй.

Джим мог бы и сам повторить этот вопрос. В воде у выхода в море что-то взволновалось. Над поверхностью показалась верхушка второго растения, за ним ещё и ещё...

— Мы... это... — Джим хлопнул рукой по столу — Эта штука зовёт их...

6. Нападение из моря

— Выключи его! — Элли Мэй схватила кубик и вырвала его из отверстия, прежде чем Джим смог ей помешать.

— Зачем ты это сделала? — спросил мальчик.

— Ты разве не видел их? Этих крабов? Они тоже шли!

Джим не видел ничего, кроме растений. Но Элли Мэй вполне могла быть права, здесь всё может случиться.

— Они доберутся до растений, — продолжала Элли Мэй. — Мы должны что-то сделать, и побыстрее!

— Что? — спросил Джим. — Пойти назад и наорать на них?

— Если понадобится...

Но он хотел быть полностью уверенным. Элли Мэй крепко держала в руках зелёный кубик, и он не мог отобрать его. Но тут есть ещё один, точно такой же. Джим взял его и сунул в отверстие.

На экране снова появилась картинка, как в телевизоре у них дома. Но теперь они увидели не бассейн с растениями, перед ними заволновалось море. Они словно вышли за пределы купола.

И снова послышался звук. На этот раз резкий крик, который резал слух. Волны обрушивались на песок и камни, и в воде чётко обозначилось движение. Но дети не видели, что его вызывает. Потому что то, что вызывало волнение, не показывалось над водой.

— Убери его! — Элли Мэй выронила куб, который держала, и потянулась к новому.

Джим оттолкнул девочку.

— Оставь...

— Ты хочешь,, чтобы крабы до них добрались? — спросила она. — Разве ты не чувствуешь, прямо в голове? Они не говорят мыслью, но чувствуют!

Джим вздрогнул. Она была права. Страх вернулся. Мальчик быстро достал второй кубик. Но что всё это значит?

— Мы сами вызвали их, — Элли Мэй с силой швырнула кубик, тот ударился о стол и отскочил. — Понимаешь? Мы вызвали крабов, и теперь они съедят растения. Мы сами это сделали! — она чуть не плакала.

Джим знал, что она права. Растения ответили на призыв, который использовали Люди. Они пришли, и теперь крабы доберутся до них. Как их остановить?

— Попробуй это, — Элли Мэй взяла куб в красной гранью. — Может, мы сумеем отправить их назад.

Надеясь, что она права, Джим вставил куб в гнездо. Снова ожил экран, но теперь они увидели не подземный бассейн и не берег острова. Напротив, прямо перед ними оказались Мича и Тиро, которые расхаживали взад и вперёд в одном из зданий на берегу.

— Тиро! — чуть не закричал Джим. Он увидел, как большой ко'от вздрогнул, повернулся, прижав уши к голове, шерсть на его спине встала дыбом, глаза сузились.

«Тиро! — Джим торопливо перешёл на мысленную речь. — Я тебя вижу! А ты меня?»

Но хотя ко'оты смотрели в его сторону, они выглядели удивлёнными. Послышался ответ Тиро:

«Мы видим только стену этого места, однако из неё доносится твой голос. Это ещё одна хитрость Людей...»

Джиму придало уверенность, что он видит Тиро, хотя ко'от его не видел. Он поскорее рассказал о том, что произошло за последние несколько минут.

«Мы должны прийти на остров, — Тиро нос к носу посоветовался с Мичей. Снова донеслась его мысль: — Ты можешь найти способ?»

Джим посмотрел на кубики. Может, один из них откроет остров для ко'отов. Но посмеет ли он испытывать их один за другим? Ведь так случайно можно включить какое-нибудь оружие. Но ничего не оставалось делать, как рискнуть.

«Попробуем», — передал он Тиро. Потом вытащил кубик с красной гранью, и картина здания на берегу исчезла. Зелёное означало растения, первая красная грань связала остров с берегом. Может, другие тоже окажутся полезными. Оставались жёлтые и одна чёрная. Он задержал руку на двумя жёлтыми и чёрной.

— Попробуй это, — Элли Мэй указала на чёрную.

— Не знаю, — Джим был осторожен. — Может, чёрное означает что-то плохое...

— Может, да, а может, и нет, — задумчиво ответила Элли Мэй. — Он только один такой. Попробуй его вначале...

— Ладно, — Джим быстро вложил кубик. Если он ещё хоть немного промедлит, то вообще не решится.

На экране ничего не появилось, словно этот кубик и вовсе не работал. Но тут Элли Мэй удивлённо вскрикнула и указала на изгиб стены. Туман над островом расходился. Его как будто разносило морским ветром. И они смогли заглянуть за него.

Дети торопливо прижались лицами к закруглённой

прозрачной стене. Отсюда им даже был виден берег и здания, возле которых стояли лодки. Но если рассеялся туман, может, теперь снята и защита от ко'отов?

— Смотри! — Элли Мэй первой увидела посадочную площадку. Она была поднята не так высоко, как эта комната, и дети смотрели на неё сверху. Широкая и плоская, она была сделана из того же серого материала, что здания и большая часть машин.

— Мер! Нужно сказать Мер! — девочка уже передавала Мер новость, что здесь есть место, куда можно сесть.

Мер быстро уловила сообщение.

— Они скоро прилетят к нам! — сообщила Элли Мэй. — Я знала, что мы это сделаем! Знала, что сможем отключить защиту!

— Возможно, мы сделали кое-что ещё... — Джим увидел, что происходит внизу на берегу, и вздрогнул.

Крабы! Не один или два, не несколько, как в бассейне. Их тут сотни! Берег был буквально заполнён ими. И они всё ближе подползали к куполу. Мальчик не думал, что они смогут прорваться, но несколько крабов появились уже на краю посадочной площадки. А вдруг — тут он вспомнил отверстие, ведущее в море, — вдруг они проберутся!

Глаза Элли Мэй стали огромными.

— Джим, что нам делать? Мер, Тиро, Мича — эти крабы до них доберутся! Мы должны что-то сделать!

Джим не видел ни одной двери в этой круглой комнате, ничего такого, что позволило бы добраться отсюда до посадочной площадки. Но ведь должен же быть проход! Люди приходили сюда по морю и воздухом, это точно. Как же они проникали снаружи?

Тем временем срочно следовало предупредить Тиро. И он послал торопливый мысленный вызов.

«Мы видели тех, о ком ты говоришь, — ответил Тиро. — Они поедают мясо и растения. Когда их много, они опасны. Мы подумаем о посадке...»

Джим схватил Элли Мэй за руку.

— Мы сделали то, зачем пришли, — сказал он. — Нужно возвращаться...

— Но мы же не можем! Они... они доберутся до

растений! Ох! — девочка поднесла руки к ушам, но не смогла закрыть мозг от боли и ужаса. Станные подводные жители были захвачены в подземном бассейне, они не могли защититься от смертельных челюстей.

Джим прикусил губу. Он не видел, как они могут помочь растениям. Однако знал, что должны помочь. Если бы они не включили призыв, растения не пострадали бы. Так что они за это отвечают. Но все эти крабы... Они с Элли Мэй не могут сражаться с сотнями!

«Возвращайтесь!» — раздался резкий приказ Тиро.

«Пока не можем», — ответил Джим. Он должен быть уверен, что ничего не сможет сделать. Но Элли Мэй должна вернуться. Он не хочет, чтобы её где-нибудь окружили сотни крабов. Пока они приближались снаружи. Их ряды уже закрыли половину посадочной площадки.

— Элли Мэй! — приказал Джим. — Бери лодку и уплывай...

Она покачала головой, прежде чем он кончил.

— Не буду! Крабы меня не пропустят! Кто скажет, что они не могут забраться из воды прямо в лодку?

Она была права. Джим глотнул. Плыть в лодке сейчас опасно. Он не много знал о крабах, даже о крабах своей родной планеты. А эти, с планеты ко'отов, возможно, ещё хуже. Сверху он видел, что среди ползущих по площадке попадают гораздо большие, чем те, которых они с Элли Мэй прогнали из бассейна.

Теперь страх растений, который он ощущал мысленно, стал просто ужасен. Как и Элли Мэй, Джим хотел закрыть руками уши и ничего не слышать.

Элли Мэй двинулась к двери, через которую они вошли.

— Мы должны им помочь, просто должны! — воскликнула она.

Джим не мог остановить её, мог только пойти за ней. Но спускаться к крабам в темноте — его чуть не затошнило. А молчаливые крики растений продолжали звучать в голове.

Элли Мэй пыталась не думать. Если она начнёт думать, то остановится. Но зачем ждать, пока эти

отвратительные крабы доберутся до неё? Они с Джимом закричат на них — громко, как в тот раз. Девочка вздохнула раз, другой, готовясь закричать, как только увидит, как краб, щёлкая клешнями, ползёт к ней.

Если бы они могли помочь растениям! Она не чувствовала, что плачет, спускаясь по ступеням, хотя в горле что-то заскребло.

Они протиснулись в заклиненную дверь. Джим потянул мешок с шариками. Не следовало оставлять дверь открытой для крабов. Он быстро огляделся. Лодки по-прежнему спокойно качались на воде, крабов пока не было видно.

Элли Мэй остановилась и ухватила за край тяжёлого мешка. Девочка с трудом подняла его, надеясь, что им удастся разбить хоть несколько крабов.

— Что ты хочешь сделать?

Она даже не посмотрела на Джима и почти не слышала его. Ей было так плохо из-за этих растений.

— Перебью всех этих крабов, — сказал она, дёргая тяжёлый мешок, — перебью их до смерти!

Джим схватился за другой конец мешка. Вместе они смогли понести его.

— Мы должны ещё кричать — напомнила ему Элли Мэй.

— Конечно.

Они набрали воздуха и одновременно изо всех сил завопили. Крик разнёсся по проходу. Они снова крикнули и торопливо двинулись вперёд.

И тут Элли Мэй задрожала. Одно из растений умерло. И от его смерти стало так больно в голове. Следовало поторопиться, а то никого не останется.

Прибежав в помещение с бассейном, Джим и Элли Мэй увидели, как крабы рвут два мёртвых растения на части, срывают листья со стеблей, раскусывают большими клешнями сами стебли. Ещё два растения почти выбрались из воды. Они отбивались от крабов отростками, которыми пользуются при передвижении. Однако сами отбиться от врага явно не могли.

Дети снова закричали. Проволочный экран засверкал, а крики детей стали прямо-таки оглушительными.

Крабы, рвавшие мёртвые растения, отступили, а те, что нападали на ещё живые, остановились. Второй крик заставил часть крабов прыгнуть в бассейн. Джим заметил, что они не уплывают, а сразу идут на дно. Но что там происходило, он не видел: коричневая плёнка затянула всю поверхность.

— Ещё раз! — выдохнул Джим.

Дети в третий раз закричали вместе. Растения, выбравшиеся из воды, закачались, как под ветром. Ещё какая-то часть крабов прыгнула в воду, но не все. Последние, хотя и перестав рвать растения, окружили их и отказывались отступать. Джим выронил тяжёлый мешок и подбежал к краю бассейна.

Ноги его поскользнулись на листе, оторванном от мёртвого растения. Мальчик закричал, на этот раз в страхе, и заскользил к тёмной воде. Схватиться было абсолютно не за что, он упадёт прямо к крабам!

И тут что-то мелькнуло в воздухе и сжало его вытянутую руку. Ухватило и задержало. Джим не упал через край. Растение, которое удерживало его своим самым толстым отростком, согнулось вдвое под его тяжестью, так что листья чуть не коснулись лица мальчика.

И он увидел необычные жилки на листьях, жилки, по форме действительно напоминавшие глаза.

Рядом появилась Элли Мэй, схватила за другую руку и потащила от края бассейна. Крабы, окружавшие растения, теперь надвигались на детей. Не вставая, Джим снова закричал. На этот раз от страха крик его прозвучал ещё громче. Крабы запрыгали в воду.

Они уходили, но Джим понимал, что ушли они недалеко. Растение отпустило его руку и распрямилось. Оно его спасло, это точно. И оно отличалось от других растений. Это, как сказала Элли Мэй, растение-личность. И они теперь не могут оставить личность, которая их спасла. Ведь её убьют крабы. Должен быть выход. Но они с Элли Мэй не смогут долго кричать. Если бы найти какой-нибудь другой звук, который они могли бы запустить... Если бы они больше знали о том, что осталось от Людей! Джим был уверен, что наверняка на острове есть что-то,

чего крабы действительно боятся. Может, они сумеют это найти.

7. Большой крик

Элли Мэй взглянула на Джима.

— Что будем делать? Мы же не можем кричать бесконечно...

— Знаю, — согласился он. Горло у него уже саднило. А крабы, которые ушли в воду, может, они спокойно рвут корни растений? Ведь они по-прежнему в воде.

— Где бы раздобыть подходящий шум? — Элли Мэй разглядывала сетку, которая освещалась, когда они кричали, и которая как будто усиливала этот звук. — Мы должны узнать, как управлять этим...

Но как? Это ещё одна тайна Людей. Джиму захотелось пнуть экран, заставить его работать. Всё равно что прочитать книгу, в которой все слова на другом языке. Мальчик потёр горло. У себя дома они могли бы записать свой крик и всё время проигрывать эту запись. Может, у Людей тоже существовала звукозапись. А может — он вздрогнул — может, ко'оты?

Большинство их машин (на самом деле все, какие видел Джим) управлялись мыслью. А машины Людей — звуками, как крики Элли Мэй и его самого. Руки и звук — Люди использовали и то и другое. Судя по рассказам ко'отов, Люди боялись разговоров мыслью, они уничтожили большую часть поверхности своего мира, чтобы изгнать ко'отов, когда узнали, что те общаются мыслью.

А ко'оты не издают звуков. Точнее, они вообще-то могут — могут мурлыкать. Есть у них и другие звуки, громкие и странные (по крайней мере для Джима и Элли Мэй). Для других же ко'отов эти звуки имеют значение. И если машины Людей их не слушаются, это ещё не значит, что голоса ко'отов нельзя использовать по-другому.

— Ко'оты тоже могут издавать звуки... — Джим всё ещё пытался сформулировать свою мысль.

— Конечно, могут! — согласилась Элли Мэй. — Ты

думаешь... — девочка перевела взгляд с Джима на проводочный экран, потом назад. — Ты думаешь, — снова начала она, — что, может, Мер и Тиро придут сюда, закричат и напугают крабов? И, может, сделают это лучше нас?

— Может быть...

— Нужно им сказать! — быстро согласилась Элли Мэй. Она закрыла глаза, как всегда, когда сосредоточивалась для мысленного разговора. Так ей легче было мысленно увидеть Мер.

И Мер появилась, как и надеялась Элли Мэй. Девочка попыталась ей объяснить, и Мер взволновалась.

«Мы поймали одного такого с клешнями, — ответила Мер. — Сейчас попробуем на нём, как ты просишь. Посмотрим...» — её мысль стихла, и Элли Мэй пояснила Джиму:

— Они поймали одного краба и хотят покричать на него сами. Может быть, подействует.

Джим сел на край бассейна. Растение, которое спасло его, слегка обвисло, листья его держались не прямо, а опустились к толстому стеблю. Но оно больше не боялось, скорее сильно устало.

Среди мёртвых растений валялось множество металлических шариков. Другие шарики сбросили живые растения. Откуда они берут металл? Как растения могут добывать его? Нужно иметь кирки и лопаты, чтобы копать руду. Джим попытался вспомнить, что знал о шахтах и шахтёрах на своей планете. Он видел на картинках шахтёров, которые спускаются под землю. Но они на суше, а не в воде. И растение не может держать лопату, не может копать...

Он пытался разрешить эту загадку, когда в голове его прозвучал голос Тиро:

«Детёныш-родич прав! Эти, с клешнями, боятся наших криков. Мы идём к вам...»

Джим встал.

— Они идут...

Элли Мэй кивнула.

— Знаю. Нужно найти выход отсюда. Но если мы оставим здесь растения, крабы могут вернуться.

Она опять была права. Но правда и то, что ко'оты с посадочной площадки могут не найти вход под купол.

— Я пойду поищу для них путь, — Элли Мэй направилась ко входу в туннель. — А ты оставайся и кричи на крабов.

— Я сам пойду...

Но Элли Мэй уже бежала к туннелю.

— Ты умеешь кричать громче — и, может, дольше. Я хочу поискать путь. Если не найду, вернусь, и тогда ты попробуешь.

И девочка скрылась в туннеле. Где она собиралась искать дверь? Джим нашёл только одну, через которую они поднялись в круглую комнату. Но та комната располагалась над посадочной площадкой. Дверь на неё должна быть дальше.

Вернувшись к лодкам, Элли Мэй начала снова осматривать стены. Дверь должна быть дальше, в другом конце причала. Она прошла туда и стала ощупывать камни стены.

Камни ничем не отличались друг от друга, и она дошла почти до конца. Дальше была только вода. А девочка не верила, что дверь Людей может открываться в воду.

Ту дверь открыл крик, крик Джима. Может, и ей покричать? Элли Мэй чуть отодвинулась, в упор глядя на стену. Набрав воздуха, она изо всех сил закричала.

Ничего не открылось. Она потёрла ладонью рот.

Крик не сработал. Может, Джим попробует. Но пока нет. Она пыталась рассуждать логично. Если не открывает громкий звук, может, попробовать другие?

Она вспомнила, что рассказывал ей Джим о человеке, который словом открыл пещеру. Но им-то не известно, какие слова использовали Люди. Итак... Элли Мэй покачала головой. Она не сдастся. Девочка провела языком по губам и начала:

— Один, два, три, О'Лири,
Четыре, пять, шесть, О'Лири,
Семь, восемь, девять, О'Лири,
Десять, О'Лири, выходи!

Элли Мэй пела старую считалку обычным голосом, только чуть громче. Ответа не было. Хорошо, так не получилось. Но с одной из машин в Городе получилось. Значит, её слова всё же похожи на те, что использовали Люди. Элли Мэй вздохнула. Если бы только она знала!

— О'Лири, О'Лири, О'...

Нашла! В стене образовалась трещина, на самом деле! Элли Мэй от возбуждения заплясала.

— О'Лири, О'Лири!

Дверь, настоящая дверь! Она должна удержать её открытой. Элли Мэй метнулась назад и схватила ещё одну подушку, но не стала набивать в неё шарики. Просто сложила вдвое и сунула в полуоткрытую дверь, а потом прошла в проём.

Там не было темно, как на лестнице. Впереди дрожал свет. И чуть позже она оказалась под открытым небом, на краю посадочной площадки.

Крабы, сотни и сотни, ползали повсюду, словно за кем-то охотились. Может, как раз за ней!

Элли Мэй попятилась в проход. Нет, пока они не приближались к ней. А если начнут, она закричит, будет кричать так сильно, чтобы только не порвать голосовые связки.

Послышался новый звук, и девочка посмотрела в небо. Флаер! Элли Мэй заплясала в нетерпении. Они с Джимом разогнали туман, но остаётся ещё защита. Смогут ли Мер, Тиро и Мича приземлиться?

Флаер спускался. А крабы не уходили с его пути. Элли Мэй испустила свой самый громкий крик. Крабы повернулись к ней. Некоторые попятились. Она снова закричала, чтобы отогнать их и расчистить место для посадки.

Флаер не сел сразу, а сперва завис над крабами. Крышка кабины поднялась, и Элли Мэй увидела не только Тиро, Мер и Мичу, но и Ану и ещё двоих предводителей ко'отов. Они все выставили наружу головы и раскрыли пасти. И от мощного рёва даже Элли Мэй попятилась в проход, заткнув руками уши.

Ко'оты кричали громче и отвратительней, чем любые коты, которых слышала когда-нибудь Элли Мэй. И какой

звук! Она видела, как крабы бросились к краю платформы и прыгали в воду, как волна, уходящая от берега.

Флаер приземлился, ко'оты выпрыгнули из него, но первым делом направились не к девочке — они выстроились в линию на той стороне платформы и снова ужасающе завывли. Крабы уже очистили всю площадку и в панике убегали в море.

Ещё долго — Элли Мэй могла бы сосчитать до двадцати — ко'оты стояли на краю площадки и издавали свой ужасный вопль. Потом они смолкли и во главе с Аной направились к Элли Мэй.

«Родич ко'отов, — помыслила Ана, — это было хорошо сделано. Хотя то, что вы нашли, большая загадка, чем Город. Посмотрим...»

«Пожалуйста... — Элли Мэй осмелилась прервать мысль ко'ошки, хотя немного побаивалась Аны. — Джим там с растениями; и там ещё много крабов...»

«Да? Пошли туда», — Ана уже прошла в дверь. Элли Мэй и остальные ко'оты последовали за ней.

Они торопливо пробежали мимо лодок и пошли по туннелю. Оттуда слышались крики Джима. Крабы! Элли Мэй рванулась вперёд. Но Тиро, Ана и Мер держались наравне с ней.

И вот они ворвались в пещеру с бассейном. Джим стоял перед растением, размахивая подушкой с шариками, и хрипло кричал. А из воды сплошным потоком выползали крабы и направлялись к нему.

Ко'оты быстро снова выстроились линией и пошли на крабов. Послышался ужасный вопль, они закричали все вместе. Элли Мэй тоже закричала: проволоочная сетка на стене ярко вспыхнула, и шум стал абсолютно невыносимым для ушей. Девочка попыталась заткнуть их пальцами.

Джим выронил подушку и тоже закрыл уши. А растение затряслось, как будто кто-то дёргал его за стебель. Но крабы — они не просто разбежались. Крик словно смёл их в воду.

Ко'оты выстроились на краю бассейна, как и на площадке, и нагнули головы, глядя вниз. Элли Мэй, увидев, что их рты закрыты, осмелилась отнять пальцы от ушей.

И она ничего не услышала. Мер повернулась и подошла к ней.

«Люди, которые построили это, — пришла её мысль, — сделали и усилитель звуков, — она подняла лапу и указала на проволочный экран, на котором затухали огни. — Это ещё одна их тайна, которую мы пока не можем понять».

Ана, Мича и ещё один ко'от, в котором Элли Мэй узнала большого золотого ко'ота Фледия, одного из предводителей, равного по рангу Ане, остановились возле Джима. Мальчик отступил, чтобы ко'оты встали перед растением.

С момента прекращения звука растение больше не дрожало. Его верхние листья чуть опустились, словно глядя на ко'отов. Может быть, оно удивилось, увидев их. Но Элли Мэй знала, что оно больше не боится. Потом она услышала мысль:

«Это... эта форма жизни не принимает мысль... — заявила Ана. — Вы уверены, что это не просто растение?»

«Оно спасло мне жизнь», — быстро ответил Джим и мысленно показал, как растение помешало ему упасть в воду.

«Но оно не мыслит, — возразил ко'от. — Оно не понимает нас...»

«Может, оно в чём-то похоже на Людей, — ответил мальчик. — Они ведь тоже не говорили мыслями. Просто растение думает не так, как мы. Но оно пришло, когда мы позвали, и принесло нам металл», — и он указал на шарики.

Мича прошёл к самому краю бассейна, опустил лапу в воду и поднёс к носу.

«В воде есть питание для растений».

Джим быстро описал, как растения ответили на его призыв из комнаты наверху, и как вода стала коричневой.

Ана села и обернула хвостом лапы.

«Эти растения отдают металл в обмен на питание. Они так выучены, я думаю».

Мича кивнул.

«А металл, возможно, извлекается из воды. Люди делали много странных вещей, даже с растениями».

«Не может быть! — взорвался Джим. — Как можно получить металл из воды?»

«Благодаря каким-то процессам в стебле растения. Мы знаем, что растения получают пищу из земли. Мы сами уже давно сажаем некоторые растения, которые нам годятся в пищу. Растений так много, и они такие разные. Они дают нам возможность питаться, не убивая... А ваши люди убивали для еды», — и Мича фыркнул от отвращения.

«Теперь что касается этого растения, — продолжал он. — Оно больше чем растение. Его родичи работали для Людей. И хотя Люди давно исчезли, эти растения как будто не вымерли. Они сохранили в своей памяти вызов и то, что за ним идёт пища. И пришли, когда вы их позвали. И будут приходить к нам. Нам нужно ещё многое узнать о Людах. Но это великое открытие, великое!»

«А как же эти противные крабы?» — спросила Элли Мэй.

«Мы своим криком обратили их в бегство. Может, найдётся способ установить источники подобного звука вокруг всего острова, чтобы они ушли туда, где не смогут нападать на растения. А до того времени мы выставим здесь патруль — из самых голосистых ко'отов. Покажи нам, откуда можно вызывать эти растения».

Но Элли Мэй не сразу повернулась. Напротив, сначала она подошла к растению и изо всех сил попыталась мысленно поговорить с ним. Растение-личность стояло прямо, повернув глаза-листья к девочке. Элли Мэй хотела показать, что они друзья, настоящие друзья. Потом...

Как раньше она испытала страх и боль, так теперь ей стало внутри хорошо и спокойно. Может, растение и не издаёт звуки, не говорит мыслями — но оно чувствует и умеет передавать свои чувства!

«Странно, — донеслась мысль Фледия, — детёныш понимает. А я ничего не почувствовал».

— Я тоже ощутил, — воскликнул Джим. — Оно... оно чувствует себя в безопасности и хочет, чтобы мы знали это.

«Вы были нашими руками, — заявил Фледий, — потому что внешне вы как Люди. Теперь вы будете говорить с этими растениями, потому что этого дара у нас тоже нет».

Элли Мэй протянула руку. Но не коснулась листьев, теперь высоко поднятых.

— Оно... я думаю, мы ему нравимся... все мы, — медленно проговорила она. — Мы ему нравимся, и оно хочет, чтобы мы тут оставались.

«Хорошо, — резко помыслила Ана. — А теперь посмотрим, что можно сделать с этим местом Людей. Это ещё одна их тайна, которая нам очень важна, родичко'от».

Все пошли в туннель, но Элли Мэй задержалась, глядя на растение. Потом помахала ему рукой.

— Не бойся, — сказала она. Может, растение и не понимает её слов, но зато понимает чувства. — Мы так всё устроим, что ты больше никогда не будешь бояться.

В ответ она ощутила чувство — хорошее чувство. Растение медленно взмахнуло листьями, а Элли Мэй повернулась и заторопилась за остальными.

**СЕМЬ ЧУДЕС
К
ВОСКРЕСЕНЬЮ**

1. Познакомьтесь: это Монни — и Бим.

Монни сидела на корточках и обеими руками пыталась вытащить из кармана фломастер. Грязные джинсы сидели на ней в обтяжку и фломастер протёк, оставив на кармане большое красное пятно.

«Надеюсь, он ещё пишет», — подумала девочка и провела пальцем по фетровому кончику. На пальце появилась розовая полоска. Затем она рассеянно вытерла руку о колено и принялась разглядывать то, что лежало у её ног.

Чего только не было на этой старой свалке, но чтобы здесь бросили почтовый ящик — такого ещё не случилось. Да к тому же такой большой. И верх весь помят, будто кто-то взял бейсбольную биту и попытался превратить его в лепёшку.

Но ящик оказался прочным. Если очень постараться, можно было даже закрыть крышку и поднять флажок, показывающий, есть в ящике письма, или нет.

Поигрывая фломастером, девочка пристально разглядывала ящик. Пройти один квартал, и пойдут ряды новостроек. Конечно, там тоже есть почтовые ящики. Но не такие большие и они висят в парадных на стене. У многих сломаны или совсем вырваны дверцы. Так что толку от них уже никакого.

А таких больших и необычных ящиков Монни никогда не видела. Разве что на картинке — на рождественской открытке. Там похожий ящик был установлен на столбике где-то за городом, с него свисали гирлянды, а вокруг виселись большие сугробы.

Она протянула руку и дотронулась до искорёженной крышки. Какой странный цвет — кто-то покрасил ящик бледно-лиловой краской. Или он лежал здесь так долго, что краска выгорела на солнце. И номера на нём нет.

Сунув в зубы фломастер, Монни обеими руками перевернула ящик и поставила его стоймя. Потом нашла несколько кирпичей и привалила к столбику, чтобы ящик

не падал. И только тут заметила, что на нём что-то нарисовано. Звёздочки. Одна, вторая... Считая, она до-трагивалась до них. Звёздочек оказалось семь, они располагались в ряд, сверху вниз, и были такие бледные, что девочка их с трудом различала, но это точно были звёздочки. Интересно, зачем здесь звёздочки, если нет ни номера дома, ни фамилии? Хотя какое это имеет значение.

Всё ещё держа в зубах фломастер, Монни отыскивала ещё несколько кирпичей и привалила их к столбику, чтобы ящик больше не падал. Затем потянула за флажок. Несмотря на вмятины, тот со скрежетом поднялся и опустился.

Ящик вполне можно было здесь и оставить. От дорожки, ведущей к жилым домам, его загораживал старый ржавый автомобиль, а высокая сухая трава скрывала его ещё лучше. Чуть нахмурившись, Монни огляделась по сторонам. Да, она выбрала самое лучшее место.

Светило солнце, но на ветру было холодно и Монни чуть наклонилась вперёд. Руки замёрзли, она зябко повела плечами. Жакет, который ей выделила миссис Джонсон, не спасал от холода, кроме того, он явно был ей маловат. Наверное, у неё никогда не будет вещей, которые ей по-настоящему впору. По крайней мере до тех пор, пока она не закончит школу и не найдёт настоящую работу. Только тогда у неё могут появиться собственные деньги.

На минутку Монни представила себя, что работает официанткой, как Стелла. Конечно, та всё время жаловалась, что ужасно болят ноги и щедрых чаевых никто не даёт. А может быть, Монни удастся устроиться в пекарню. Девочка глубоко вздохнула. Она так явственно ощутила запах шоколадной глазури и сдобных булочек. Но для этого нужно быть взрослой — похоже, всё хорошее происходит только со взрослыми.

А что она здесь, собственно, делает? Ведёт себя как маленькая глупая девочка. Монни уже собиралась убрать фломастер в карман и хорошенько наподдать ящик ногой, но что-то её всё-таки удержало.

Странное дело, с самого вчерашнего дня, когда она обнаружила этот ящик, её не покидало чувство, что он представляет для неё большую ценность, хотя о какой ценности может идти речь, если на всём белом свете нет ни единого человека, кто бы мог прислать письмо ей, Монни Фиттс. Даже не письмо, хоть какой-нибудь ничкёмный проспект. Она была одна-одинёшенька. Монни подумала, что если она просто встанет сейчас и уйдёт куда-нибудь с этой свалки, то никто особенно не будет волноваться.

О, мисс Ридер — та некоторое время будет приходить к Джонсонам и спрашивать, куда подевалась Монни Фиттс. Но скорее всего, она только обрадуется. Любая на её месте с радостью избавилась бы от такой девяти-, нет, уже скоро десятилетней девочки, успевшей сменить столько приёмных родителей, как Монни.

А Джонсоны — что ж, у них ещё есть этот Бим Росс и их дочь Стелла, которую они всё время ставят в пример.

«Стелла всегда хорошо училась — в твоём возрасте Стелла никогда этого не делала — Стелла...» Монни собрала во рту побольше слюны и как следует сплюнула. Она хотела попасть в почтовый ящик, но промахнулась, и плевок повис на засохшем стебле.

Будь у неё деньги, она бы сбежала отсюда, честное слово, сбежала бы!

Так почему же она сидит здесь и думает о почте, которую ей никогда не получить? Она уже не маленькая девочка, чтобы надеяться на перемены к лучшему. Не такая она дурочка.

А сама принялась тем временем усердно выводить на ящике буквы:

«М-о-н-н-и».

Места для фамилии оставалось мало, поэтому одна буква «т» оказалась чуть ниже другой:

«Ф-и-т-т-с».

Она старалась не выходить за звёздочки, и красные буквы на бледно-лиловом фоне были хорошо видны. Монни отложила фломастер и потянула за флажок. Те-

перь он был поднят. Затем девочка достала из-за пазухи сложенный листок бумаги.

Конечно, не было никакой возможности достать настоящую писчую бумагу. Они бы стали спрашивать, зачем она ей нужна. Так что Монни вырвала из своей школьной тетради последний лист, завернула его в коричневую бумагу — остатки бумажной сумки — сложила пополам и ещё раз пополам и заклеила липкой лентой.

И теперь она сжимала письмо в руке, всё ещё не решив, не скомкать ли и не выбросить ли его. Глупости всё это, сплошное ребячество...

Ей незачем было перечитывать письмо — она знала его наизусть. Монни так долго провозилась с этим посланием, потому что писала не очень хорошо, хотя читать любила. Правда, чаще всего ей попадались комиксы. Один из комиксов и навёл её на мысль о письме.

«Меня зовут Монни Фиттс, и я хочу получить письмо. Настоящее письмо, адресованное именно мне, Монни Фиттс».

Лучше выкинуть его. Что за глупость — никто ведь не найдёт этот почтовый ящик...

Но руки Монни действовали как бы сами по себе. Коричневый свёрток исчез в ящике и она быстро захлопнула крышку. Однако недостаточно быстро.

— Эй, Монни, что это ты тут делаешь?

Монни развернулась спиной к ящику и встретила непрошенного гостя самой неприятной из своих ухмылок.

— Не твоё дело, Бим, — она уже приготовилась царапаться, если он бросится в драку. Ну надо же, такое невезение! Наверное, он её выследил.

— Что это там у тебя? — мальчик подобрался поближе, не спуская с неё настороженного взгляда. У них уже было несколько стычек, и он знал, что если Монни довести, она дерётся не хуже Мэтта Прингла.

— Тебя не касается, — Монни боялась пошевеливаться. Стоит Биму увидеть почтовый ящик, пиши пропало. Он станет её дразнить, да ещё всем разболтает.

— Тебя ищет мама Джонсон. Она хочет, чтобы ты сходила в магазин.

И мальчишка попытался продвинуться влево, чтобы увидеть, что она так старательно загораживает от него.

— Не ври, — спокойно ответила Монни. — Она больше не просит меня... — и покраснела, поняв, что чуть не проговорилась. Вот что значит язык без костей.

— Конечно, она больше не посылает тебя в магазин, потому что ты присвоила себе сдачу, — Бим ухмыльнулся. — Нужно же было сморозить такую глупость. Купить на эти деньги банку кошачьих консервов и попасться на глаза Розы, как раз когда ты кормила эту старую уличную...

— У неё родились котята — я слышала, как они пищат. А в мусорных баках для неё ничего не нашлось, — и снова Монни сказала, не подумав. Такие вещи Биму не объяснишь.

— Кошки в счёт не идут, — мальчишка засмеялся. — Так что это ты там прячешь?

И он бросился вперёд, так сильно ударив в её плечо, что Монни потеряла равновесие и упала, а он смог увидеть почтовый ящик.

Но к её большому удивлению Бим не засмеялся. Наоборот, он как-то странно смотрел на её находку, и у него было такое выражение лица — ничего подобного пока Монни видеть не приходилось. Бим был худым мальчишкой с копной светлых сальных волос. Они выбивались из-под любой кепки. Лицо у него всегда было грязным. Сегодня грязь лежала даже на верхней губе, будто усики пробивались, а нос покраснел. Бим постоянно шмыгал, видно опять здорово простудился.

— Почтовый ящик...

Даже для Бима замечание было слишком глупым. И так ясно, что это такое.

— Таких нигде больше нет... — казалось, он разговаривает сам с собой, думает вслух.

— Как он сюда попал?

Монни пожала плечами.

— Откуда мне знать? Кто-то притащил его и бросил здесь, на свалке.

Бим не стал трогать ящик. Он уселся на корточки неподалёку от Монни и принялся его разглядывать.

— Какая странная штука, — заметил он, так ни к кому и не обращаясь. — Такой странный цвет — не красный, не синий. И не... А это что такое? — он показал на звёздочки. — Где фамилия, номер дома, или что там ещё должно быть?

— Ничего нет — только звёздочки, — Монни трудно было разобраться в своих чувствах. Ей больше не хотелось драться с Бимом, чтобы защитить свой секрет. И вовсе он над ней не смеялся. Похоже, он заинтересовался не меньше её.

— Здесь твоё имя. Зачем ты его написала?

— Почему бы мне и не написать? — огрызнулась она. — Старый-престарый разбитый почтовый ящик. Если мне хочется написать на нём своё имя — кто мне запретит?

Она ожидала, что Бим, как всегда, скажет какую-нибудь гадость, однако к ещё большему её удивлению он некоторое время помолчал, а потом пробормотал.

— Ни один почтальон не станет искать здесь почтовый ящик.

— Я знаю!

Бим вытер рукой нос, от чего усы стали ещё чернее и шмыгнул.

— Но это ведь не обычный ящик. А что, если в нём прячут донесения — как капитан Норекс?

— Капитан Норекс, — фыркнула Монни, — это же всё выдумки. Такое бывает лишь в кино и в этих глупых комиксах.

Бим медленно покачал головой.

— Откуда ты знаешь? Я никогда не слышал о лиловых почтовых ящиках со звёздочками. Спорим, и ты никогда не слышала. Он здесь не просто так. И я — я собираюсь во всё разобраться!

И тут, прежде чем Монни смогла ему помешать, он

схватил фломастер, который она оставила на земле, и ещё более корявыми, чем у неё, буквами вывел на ящике:

«Б-и-м Р-о-с-с».

Монни яростно набросилась на мальчишку. Однако Бим был готов к нападению. Не выпуская фломастер из рук, он резко отклонился назад, пробежал на четвереньках, отпихиваясь, когда она пыталась его схватить, а оказавшись за проржавевшей машиной, встал на ноги и побежал.

Биму не составляло большого труда перегнать её. Собственно, он мог перегнать почти любого из ребят в их квартале. Друзей у него было не больше, чем у неё, и Монни знала, что Мэтт Прингл дважды устраивал ему взбучку, просто так, чтобы не мешался под ногами.

Монни медленно возвратилась к почтовому ящику. Его имя теперь не сотрёшь. Зато, по крайней мере, он не открыл ящик и не увидел её письмо. Вернётся ли он ещё? Монни потянула крышку на себя. Лучше забрать письмо. Тогда Бим не сможет показывать его всем подряд и делать из неё посмешище.

Только вот чем сильнее девочка тянула, тем плотнее закрывалась крышка. Ну что же, если она не может открыть ящик, то и Биму это не удастся. Может быть, позже она вернётся с отвёрткой и вскрыет его.

И вновь ящик проявил себя удивительным образом — звёздочки как будто стали ярче и сами собой засветились. Монни захотелось дотронуться до одной из них, но сияние стало таким необычным, что она просто не посмела.

Она встала и огляделась. Бим был прав. Ящик никто не увидит — разве что будет знать, где его искать. Так что незачем здесь болтаться. Она ещё успеет его открыть.

Девочка протиснулась мимо разбитой машины и выбралась на растрескавшийся тротуар. Здесь чудом сохранился кусочек старой улицы. Раньше здесь стояли дома. Часть домов снесли, или они сами развалились, и сюда стали свозить всяческий хлам. Вообще-то здесь собирались построить новые дома, но то ли деньги кон-

чилились, то ли ещё что-то случилось, короче, свалка здесь уже многие годы, по крайней мере миссис Джонсон ничего другого припомнить не может.

И помимо всего прочего здесь имелся один особенный уголочек. Посреди старой улицы, как раз напротив того места, где сейчас лежал почтовый ящик, стояло старое деревянное здание. Когда-то это был магазин. Его окна теперь были разбиты, деревянные наличники сорваны. Но самое интересное начиналось за магазином.

Там стоял дом. Монни сама его нашла и была уверена, что больше о нём никто не знает. А тот, кто знал, давно забыл. В отличие от остальных полуразрушенных зданий старой улицы этот дом был построен не из дерева. Его стены были сложены из больших камней, разной величины и формы, однако пригнанных друг к другу так плотно, что даже теперь выпало всего лишь несколько штук.

Конечно, крыша наполовину сгнила, потому что она-то была из дерева, а в полу зияли дыры. Но Монни знала, где они находятся и близко к ним не подходила. Больше всего её поразило то, что дом оказался такой маленький, будто его строили не для взрослых, а для детей. И стоял он здесь очень, очень долго.

В нём была всего одна большая комната, но вдоль одной из стен шла лестница, которая никуда не вела. Девочка решила, что наверху тоже была комната, а сейчас от неё ничего не осталось.

Большую часть одной из стен занимал огромный очаг, в нём даже сохранился обрывок ржавой цепи. Наверное, люди, которые здесь жили, вешали на цепь котелок и готовили себе еду на огне, а не на плите.

Летом вокруг дома буйно росли цветы со странными листьями и ещё более странным запахом. Некоторые из них пахли очень приятно, Монни растирала пальцами лепестки и вдыхала их аромат. Но теперь все они отцвели и высохли.

И что-то ещё было связано с домом, только она никак не могла вспомнить, что именно. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что за ней никто не следит — больше

всего она опасалась Бима, — Монни быстро направилась к дому. Что же это было? Она точно видела здесь что-то важное, но что?

Девочка старалась ступать как можно осторожнее. Очаг! Конечно, что-то связанное с очагом! Но в полумраке комнаты можно было разглядеть лишь цепь, больше ничего.

Монни даже попыталась заглянуть в дымоход. Но там оказалось так темно и грязно, что ей стало страшновато, как будто она просунула голову в клетку, а та могла захлопнуться у неё за спиной.

И только отойдя от очага она наконец вспомнила. Очаг был тоже сложен из больших камней, и на одном из них она видела выгравированные звёздочки, почти неразличимые под слоем пыли и осыпавшейся с потолка трухи. Это точно были они!

Монни встала на цыпочки и очистила одну из звёздочек от пыли. Она не ошиблась.

Это действительно звёздочки! Монни медленно пересчитала их. И здесь звёздочек было семь!

Почтовый ящик — неужели он отсюда? Выяснить это стало просто необходимо. От неизвестности ей даже стало как-то нехорошо — так бывает, когда сидишь в приёмной у зубного врача (ничего хуже зубного врача Монни придумать не смогла) и знаешь только одно: тебя ждёт что-то ужасное!

Ей стало страшно. Незачем, незачем было опускать то письмо!

Монни бросилась назад, на поле свалки, стремительно обогнула разбитую машину... Но что это?

Флажок, который она так старательно поднимала, был опущен! Наверное, здесь опять побывал Бим. Искорёженная крышка почтового ящика прилежала теперь неплотно. Монни просунула пальцы в образовавшуюся щель и изо всех сил рванула крышку на себя.

Ящик был пуст. Ну ничего, дайте ей только добраться до Бима! Да если бы... пусть только посмеет разболтать о письме... пусть только попробует!

2. Письмо для Монни

Бим прятался за ржавым автомобилем. Лёжа на животе, он видел, как Монни пересекла улицу и исчезла за домом. Он давно знал, что она туда ходит, к тому старому каменному домику. Он дважды пытался выяснить, что она там делает, и тихонько пробирался за ней следом. Однако она просто сидела или стояла там, и лицо у неё было такое непроницаемое, как будто она думала о чём-то очень важном — вот и всё, что ему удалось установить.

Он всегда знал, когда Монни думает о чём-то своём. Девочка как-то особенно щурила глаза, а рот превращался в прямую линию. Между густых чёрных бровей появлялась сердитая складка. По правде говоря, Монни заинтересовала его с того самого дня, когда мисс Ридер привела её к Джонсонам, три месяца тому назад.

Она была крепким орешком, по-своему не слабее Мэтта Прингла, даром что девочка. Невозможно было угадать, о чём она думает и из-за чего вдруг завопит и полезет в драку.

Бим перевернулся на спину. По небу плыли не белые облака, как показывают в телефильмах, а клубы чего-то серого, похожего на дым. У Джонсонов было не так уж плохо. Кормили хорошо и не ругались — почти не ругались. Но ему было одиноко — особенно с тех пор, как стало ясно, что от шайки Мэтта нужно держаться подальше. Для них он никогда не станет своим, как ни старайся.

Так что большую часть свободного времени он был предоставлен самому себе. Именно поэтому Бим и стал следить за Монни. Похоже, она-то всегда знала, что будет делать или куда пойдёт.

Однако, что это за почтовый ящик? Почтовый ящик устанавливают, когда ждут писем. Бим стал думать о письмах. Однажды он получил открытку, её послал Хэнк Бьюис. Года два назад Хэнку удалось съездить в летний лагерь. Наверное, он и послал-то её только затем, чтобы доказать, что смог побывать в лагере. О такой поездке Биму оставалось только мечтать.

Но откуда взяться письмам, если почтовый ящик весь побит и стоит на свалке? А может, Монни входит в банду — банду шпионов, оставляющих друг другу донесения?

Бим аж сел. Тайный почтовый ящик! Да, но если всё держится в секрете, почему тогда Монни написала на нём своё имя? Своё имя... А он своё разве не написал?

Биму вдруг стало холодно, он даже поёжился. Его имя тоже написано на почтовом ящике, прочесть его сможет любой, и если Монни шпионка или что-нибудь в этом роде, тогда те, с кем она работает — или на кого она работает, — начнут искать его, Бима Росса!

Бим выскочил из-за машины. Почтовый ящик был на месте, обломки кирпичей вокруг столбика не давали ему упасть. Флажок был поднят. И яркими — слишком яркими — буквами на его боку красовались их имена. Бим вырвал пучок сухой травы и начал усердно стирать своё имя. Но ни одна буква даже не смазалась.

Что же Монни положила в ящик? Быть может, если ему удастся всё выяснить — и достать донесение из ящика, — он сможет договориться с бандой? Он начал изо всех сил дёргать крышку, но та не поддавалась, как будто ящик был заперт. А может, он действительно заперт, и только Монни знает, как его открыть?

Бим обернулся. Монни не было видно, но на улице появилась команда ребят — то был Мэтт со своей шайкой. Не хватало только быть застигнутым врасплох на этом пустыре, подумал Бим.

Он ползком добрался до разбитой машины и, оказавшись под её защитой, встал на ноги и побежал. Остановился он только в подъезде дома, где жили Джонсоны, и там прислонился к грязной, покрытой всевозможными надписями стене, чтобы перевести дух.

Вечером он продолжал украдкой наблюдать за Монни. Так что же она положила в ящик, и зачем? Иногда он и сам ловил на себе сердитые взгляды девочки, как будто она читала его мысли. Бим отправился спать так рано, что миссис Джонсон решила, что он заболел, и зашла к нему в комнату, чтобы померить температуру. Зато от

Монни его теперь отделял коридор. А когда миссис Джонсон ушла, Бим встал и придвинул к двери чемодан.

Просто он не хотел неожиданностей. Сама мысль о почтовом ящике вгоняла его в дрожь, как будто Мэтт поджидал его за углом. Пожалуй, почтовый ящик был даже страшнее, потому что Бим точно знал, что случится, если его поймает Мэтт, а вот что касается почтового ящика, на котором он как последний дурак написал своё имя, то он не мог даже предположить, кто туда придёт!

Монни лежала в своей постели. Кровать была двухъярусной: Монни занимала верхнее место, а Стелла — она пришла позже — спала внизу. Обычно Монни удавалось заснуть, думая о домике. Она начала о нём думать, ещё живя в семье Ренфру, а это было уже давно, Монни была тогда совсем маленькой.

Всё началось с того, что Пэтси Рэнфру взяла её с собой в библиотеку на детские чтения, и библиотекарша показала им одну книгу. Там были только картинки — текста не было совсем — и книжка оказалась очень необычной, потому что каждая страница там была поделена надвое. Переворачиваешь страницу, и полкартинки меняется.

Именно тогда Монни впервые попала в беду. Она дождалась того момента, когда библиотекарша положила книгу на стол, схватила её и спрятала под пальто. А миссис Ренфру — та тогда совсем взбеленилась. Обнаружив книгу, она тут же отвела Монни в библиотеку. Библиотекарша пыталась объяснить миссис Ренфру, что существуют карточки и книгу можно взять домой. Но она даже слушать не захотела и никогда больше не позволяла Пэтси брать Монни в библиотеку. Более того, она позвонила мисс Ридер и сказала, что не потерпит в своём доме воровку.

Так Монни попала к Эбботсам. Но их не интересовали библиотеки, да и пробыла у них Монни совсем недолго, пока не заболела мама миссис Эбботс. Она переехала к ним жить, и для Монни места уже не нашлось. Поэтому Монни попала к Льюисам и... — да что об этом говорить. Она нигде подолгу не задерживалась.

Всё дело было в домике из этой книжки. Монни в любой момент могла закрыть глаза и представить себе домик и все те изменения, что происходили с ним, когда перелистываешь страницы. Ей всегда казалось, что домик настоящий. И девочка надеялась, что когда-нибудь она найдёт его, войдёт внутрь, хорошенько закроет за собой дверь и наконец очутится в безопасности. И может быть ей никогда больше не придётся переезжать с места на место. Мысленно она обставляла каждую комнату — где какой стул поставить. Обычно она засыпала, не успев расставить мебель даже в гостиной.

А потом Монни переехала сюда и нашла этот каменный дом. Он оказался настолько похож на домик из книжки, что поначалу она просто испугалась. Зато теперь тот дом, о котором она думала перед сном, был похож и на настоящий, и на домик из книжки, но он ей никогда не снился,

А сегодня...

Девочка даже не слышала, как пришла Стелла. И в выдуманном домике она не добралась даже до очага. Вместо этого...

Было темно и холодно, и она не знала, где находится. Её окружали странные тени. Монни стояла неподвижно, приближаться к этим теням ей вовсе не хотелось. Она сосредоточенно вслушивалась в тишину, почему-то это казалось ей очень важным. Но было тихо — слишком тихо. Ей так хотелось услышать шум машины, хотя бы отдалённый гудок — только чтобы нарушить эту тишину.

Оглянувшись по сторонам, она поняла, где находится. Ничего общего с её выдуманным домом! Она стояла на свалке, её окружали груды мусора. А самая страшная на вид тень, напоминавшая большое животное, готовое в любой момент наброситься на неё, оказалась разбитой машиной. Но было там ещё что-то, ближе к ней и значительно ниже — какие-то сияющие точки.

Увидев их, Монни почувствовала себя значительно лучше. Тени уменьшились и больше не казались такими страшными. Сверкающих точек было семь — девочке

удалось их сосчитать. К тому же это были вовсе не точки, а звёздочки — семь расположенных в ряд звёздочек! Звёздочки на почтовом ящике! Они сияли как настоящие, хотя было облачно и настоящих звёзд на небе почти не было видно.

И сегодня звёздочки выглядели как-то по-другому. Чем дольше Монни на них смотрела, тем больше убеждалась в этом. Верхняя сияла ярче всех — как большой алмаз. Монни хотелось подойти и дотронуться до огонька, но ноги почему-то не слушались её. А потом...

«Монни!»

Как же Монни не хотелось отзываться! Но против её воли глаза сами собой раскрылись. Прямо над головой нависал потолок. Если забыть об осторожности и слишком резко сесть в постели, запросто можно удариться. И уже наступило утро. Она закрыла глаза и попыталась вернуться к своим ночным приключениям — они уже не казались такими страшными, — но это ей не удалось. Наступило утро понедельника, и если она не встанет, не умоется, не оденется и не сделает всё то, что положено делать каждым тоскливым утром, то миссис Джонсон или Стелла всё равно её заставят.

И Монни со вздохом приготовилась встретить ещё один понедельник, который будет ничуть не лучше всех предыдущих. Однако на этот раз она никак не могла забыть свой странный сон. И — она взглянула на кухонные часы, — если она поторопится, то успеет пройти через пустырь и сесть на автобус на углу улицы Амстердам. Она так иногда делала, чтобы не ходить вместе с Бимом.

Бим... Она вспомнила, что ящик был открыт. Неужели Бим взял её письмо и спрятал в одном из своих учебников? В этот момент мальчик поднял голову, увидел, что она за ним наблюдает, и быстро отвёл глаза. Он с такой поспешностью поглощал кукурузные хлопья, как будто тоже хотел уйти пораньше.

Но сегодня она его опередила — и первой оказалась на пустыре. Бим не смог за ней увязаться, потому что в

самый последний момент его позвали, чтобы он взял забытый свёрток с завтраком. Монни сразу направилась к почтовому ящику. Она хотела сначала взглянуть на него, а уже потом бежать на автобус.

Флажок был поднят! Девочка удивлённо опустилась на колени и подёргала за крышку. Нет, нужно действовать осторожнее. А что, если Бог устроил ей какой-нибудь неприятный сюрприз? К тому же сегодня крышка легко поддалась, хотя вчера её невозможно было сдвинуть с места.

Внутри лежало письмо! Настоящее письмо. Но скажите, кто когда-нибудь слышал о лиловых конвертах? Монни схватила его и вытащила из ящика.

Она не верила своим глазам. На конверте было написано «Мисс Монни Фиттс».

Но и это было ещё не всё. В левом верхнем углу серебряными буквами было выведено две строчки: «Семь чудес».

Вместо почтовой марки справа сверкала звезда — такая же серебряная и сияющая, как и надпись. А её имя было написано красным, как на крышке почтового ящика.

Бим? Нет, не он — в этом она была уверена. Где бы он взял лиловый конверт, серебряные чернила, такую звезду? Конверт действительно предназначался ей, это неделки Бима.

Монни аккуратно положила письмо в карман. Если она хочет успеть на автобус, нужно спешить. Но она впервые получила письмо — настоящее письмо. От этой мысли ей стало так тепло, как будто на ней было по крайней мере три жакета, один поверх другого. Монни закрыла почтовый ящик и поспешила на остановку.

Там уже стояли Энн Перри и Эстер Хартмен, они хихикали и делали вид, что не замечают Монни. Однако сегодня это не испортило ей настроения. Скорее бы пришёл автобус! Она сядет на переднее сиденье — там одно место — и тогда сможет наконец открыть конверт...

Усевшись позади водителя, мистера Чамберса, Монни

осторожно выудила письмо из кармана и подалась немного вперёд, чтобы его никто не увидел. Но к её изумлению ярко-лиловый конверт как будто выцвел, а серебряные буквы и звёздочки стали такими бледными, что их почти не было видно. Однако её имя было написано всё так же чётко. Монни поддела уголок конверта, никак не ожидая, что он так легко отклеится. Внутри лежало что-то твёрдое, завернутое в листок бумаги.

Монни приоткрыла конверт и осторожно заглянула в него.

Твёрдый предмет оказался длиной с её средний палец и такой же серебристый, как буквы и звёздочки. Поначалу она решила, что это ручка, но где это видано, чтобы ручки были такими странными. А потом как-то сразу поняла, что это метла — маленькая метёлка. Совсем не такая, как дома. Эта выглядела так, как будто кто-то набрал веточек и крепко-накрепко привязал их к длинной крючковой палке. Довольно неопрятная метёлка.

А на бумаге было написано: «Вымети дочиста».

Да, действительно, метла предназначена для того, чтобы подмести. Но как можно что-либо вымести, если метёлка такая маленькая, да ещё из серебра? Почему-то Монни показалось, что самое главное — найти ответ на этот вопрос. Нахмурившись, девочка завернула метёлку в бумагу, потом в конверт и спрятала в кошелек. И в самое время, потому что Сельма Ленг шлёпнулась на сиденье рядом с ней.

Судя по выражению её лица, необходимость сидеть рядом радовала Сельму ничуть не больше, чем Монни. Это была невысокая девочка с торчащими как у кролика зубами. Она грызла ногти, а говорить могла только о самых модных песенках. Поёрзав на сиденье и не найдя более достойной аудитории, она выпалила:

— Ты вчера слышала концерт «Бэтс»? Его больше часа передавали по радио. Папа сказал, что разобьёт приёмник молотком, если я его не выключу. А я пошла в комнату Джеми — он был у Руфи — и дослушала всё до конца. Классный концерт!

— У меня нет радио, — коротко ответила Монни.

— Ах, да, конечно, — согласилась Сельма.

Монни расвирипела. Сельма говорила таким тоном, как будто у Монни Фиттс вообще не могло быть хороших вещей — например, приёмника, чтобы слушать вопли «Бэтс» или любой другой группы. От резкого ответа девочку удержала только мысль о том, что лежит у неё в кармане. У Сельмы Ленг ведь никогда не было серебряной метёлки.

Зато сам день прошёл очень даже неплохо. Монни привыкла ждать худшего, однако случались дни, когда всё шло хорошо. Правда, потом Монни так и не смогла припомнить, когда же в последний раз выпадал такой день.

На уроке социологии был устроен неожиданный опрос, а Монни никак не могла вспомнить правильный ответ, и вдруг она представила себе свою метёлку. Несколько взмахов метёлки — и Монни увидела маленькую картинку. Это было как раз то, что она не могла вспомнить.

Более того, сегодня ничто не могло вывести её из себя. Опустив руку в карман и дотронувшись до кошелька, она вдруг поняла, что её абсолютно не волнуют ни колкости, ни глупая болтовня, ни то, что в столовой ей придётся есть в одиночестве, тогда как за соседним столиком будут всю веселиться Энн, Эстер и даже Сельма.

Монни с удивлением обнаружила, что слушает, по-настоящему слушает то, что, пытаясь перекричать шум в классе, стараются объяснить учителя. И оказавшись в библиотеке, она почему-то заинтересовалась стеллажами, на которые раньше даже не смотрела. Когда к ней подошла библиотекарьша и с преувеличенным спокойствием спросила, что её интересует, Монни, к своему большому удивлению, ответила, что ищет книгу о старых домах — действительно старых, когда ещё не было плит и люди готовили еду на огне.

Такая книга нашлась, и в ней было много картинок. На одной картинке был изображён очаг, а рядом стояла метла — точно такая же, как у Монни в кошельке.

Метла настолько заинтересовала Монни, что она подошла к библиотекарше и показала ей картинку.

— Как можно подметать такой метлой? — спросила девочка. — Посмотрите, она же внизу неровная. Теперь мётлы другие.

— Фабричных метёлок тогда не было. Люди их сами делали, — мисс Эшфорд откинулась на спинку стула. — О таких мётлах рассказывают странные истории. Их делали из веток определённых пород деревьев или кустарников, и тогда они обладали волшебными свойствами.

Монни рассмеялась, хотя ей стало не по себе.

— На них летали ведьмы?

Мисс Эшфорд кивнула.

— Да, так говорится в одной из старых легенд. Только метлу нужно было сделать из бузины. Потому люди часто не хотели, чтобы рядом с домом росла бузина. Но были и другие, хорошие деревья и кустарники, и если связать метлу из их веток, можно было отвести от дома несчастье. Наши сегодняшние пылесосы на это не способны.

Монни ещё раз посмотрела на картинку.

— А есть книга о хороших и плохих деревьях? — спросила она.

— Здесь её нет, но если хочешь, я могу её заказать.

Монни подумала, что мисс Эшфорд уже не выглядит такой усталой, хотя совсем недавно казалось, что единственное желание библиотекарши — чтобы её оставили в покое.

И вновь Монни с удивлением услышала, как её собственный голос произнёс:

— Да, пожалуйста, мне бы очень хотелось. А эту книгу можно взять на дом?

Пряча книгу в портфель, девочка испытывала странное чувство — как будто она больше не Монни Фиттс. Хотя нет, быть того не может.

После школы она снова вышла на остановку раньше и направилась к свалке. Почтовый ящик стоял на своём месте, но флажок был опущен, а крышка приоткрыта. Внутри ничего не было. Монни опустила на корточки и

вырвала из тетради половинку листка. И впервые по доброй воле — а не потому, что взрослые требуют от неё вежливости, хочет она того или нет, — девочка вывела: «Спасибо».

А потом для верности добавила:

«Монни Фиттс».

Монни решительно положила письмо в ящик и как можно выше подняла флажок.

3. Что делать с палочкой?

— Са Бум!

Бим наподдал ногой банку из-под пива. Он собирался пойти вслед за Монни, хотя почему — и сам не знал. Но девчонка вышла из автобуса на остановку раньше, на улице Амстердам. Значит, она пошла через пустырь. Почтовый ящик — шпионский почтовый ящик! Бим заколебался, ему хотелось посмотреть, есть ли что-нибудь в ящике, и узнать таким образом, побывала ли там Монни. То есть с одной стороны ему этого хотелось, а с другой стороны у него не было ни малейшего желания и близко к нему подходить.

Поддев ногой ещё одну жестянку, Бим попытался собраться с мыслями. Поблизости никого не было — разве что кто-нибудь прячется за углом. Бим вполне мог бы прокрасться к ящику и...

«Вот он!»

Бим подпрыгнул и опрометью бросился бежать, все мысли о походе к почтовому ящику мигом вылетели у него из головы. Он бежал, а коробка для завтраков была его по ногам. Мэтт со своей шайкой!

Наконец Бим очутился в подъезде своего дома. У него сильно кололо в боку. Мэтт со своими дружками наблюдал за ним с противоположной стороны улицы. Сегодня Бим от них ушёл, но как долго это может продолжаться? Бим вытер нос рукой и шмыгнул. А что, если... Но как убедить миссис Джонсон, что у него грипп?

Всё началось с водяного пистолета. Мэтт прицелился в

Бима, а Бим увернулся, и чернила — пистолет был заряжен чернилами, а не водой — попали на рубашку мистера Эндрю.

Мэтту пришлось плохо, но Биму пришлось ещё хуже, потому что Мэтт всерьёз утверждал, что виновником неудачного выстрела является Бим. Мэтт целился ему в лицо, вот и незачем было уворачиваться. Бим усмехнулся. Ни в чём он не виноват. И не такой он дурак, чтобы стоять и смотреть, как его обливают красными чернилами.

Бим протопал по ступенькам на второй этаж, разъярясь всё больше и больше. Если бы Мэтт не водился с Редом, Питом и Ханки, он бы ему... Увы, Бим прекрасно знал, что даже сам по себе Мэтт всё равно сильнее. Бим пошмыгал носом, пробуя, что из этого получится. Ей-богу похоже на простуду. На настоящую серьёзную простуду.

Бим уже с порога собирался пошмыгать перед миссис Джонсон, но её не было видно. Услышав, как хлопнула дверца холодильника, Бим поспешил на кухню, чтобы бросить коробку для завтраков на палочку рядом с мойкой, однако застал там Монни. Та держала во рту пончик и доставала из холодильника другой. стакан молока стоял на столе рядом с книгой, в которую вместо закладки был вложен странный лиловатый конверт. Монни положила оба пончика рядом со стаканом. В её взгляде читалось явное желание, чтобы он побыстрее выметался из кухни.

— Я тоже имею право здесь находиться, — огрызнулся мальчик.

Однако резкого ответа не последовало. Монни посмотрела на него долгим взглядом, а потом достала второй стакан и налила молока.

— Там ещё два пончика, — сказала она безразличным тоном.

Бим осторожно направился к другому концу стола. Поведение Монни его настолько потрясло, что он ничуть не удивился бы, если бы она выхватила у него стакан или нарочно разлила молоко.

А Монни уселась на стул и принялась за первый пончик, не обращая внимания на Бима, ни малейшего внимания, хотя он поглядывал на неё время от времени. Монни смотрела прямо перед собой, как будто на стене был телевизор. Бим ошарашенно держал в одной руке пончик, а в другой стакан молока, не решаясь произнести ни слова. Ему хотелось поговорить, а не сидеть одному в своей комнате, даже если собеседник — всего лишь Монни, которая, к тому же, голову ему оторвёт, если он к ней обратится.

Внезапно Монни отвела взгляд от стены и открыла книгу, придерживая её одной рукой и слизывая с пальцев остатки сахарной пудры. Бим немного подвинулся, чтобы разглядеть картинку — она занимала весь разворот. Там была изображена комната с большим очагом — таким большим, что над огнём висел на цепи котелок.

Монни водила пальцем по другой стороне картинки — там что-то стояло у стены рядом с очагом, но Бим не смог разглядеть, что это такое.

Любопытство взяло верх над обычной в таких случаях осторожностью.

— Что ты читаешь?

— Я не читаю, — ответила Монни, но резкости в её голосе не было. — Я просто смотрю. Ты когда-нибудь видел такую метлу? — и она убрала палец и даже немного подвинулась, чтобы ему лучше было видно.

— Метлу? — Бим страшно удивился. Почему она вдруг заинтересовалась метлой? А та, что на картинке — если это действительно метла, — больше походила на связку прутьев, насаженную на палку.

— Да, вот такую! — Монни ткнула пальцем в связку прутьев. Теперь в её голосе слышалось знакомое нетерпение.

— Нет, — Бим снова отодвинулся на безопасное расстояние.

— Когда люди жили в бревенчатых домах, у них были такие мётлы, — Бим не мог припомнить ни единого случая, чтобы Монни произнесла такую длинную речь,

ни разу на него не заорав. — Они срезали с кустов ветки и всякое такое и привязывали к палке. Мисс Эшфорд говорит, что на таких вот мётлах летали колдуньи. Только их нужно было делать из веток определённых деревьев и...

— Колдуньи, — Бим плюхнулся на свой стул. — С чего это ты заговорила о колдуньях? До дня всех святых ещё больше месяца. Ты собираешься стать колдуньей? — он подумал, что это у неё здорово получилось бы. Узкое лицо, тёмные длинные волосы и густые брови — она и так немного походила на колдунью. Приделать большой нос — ей и маска не потребуется.

А сейчас, когда девочка опять скорчила злобную мину, она и впрямь стала вылитой ведьмочкой.

— Я... Да разве ты поймёшь, дурья твоя башка! — Монни захлопнула книгу, поставила свой стакан в мойку и вышла из кухни, даже не подумав стереть со стола крошки.

Оставшись в одиночестве, Бим снова стал самим собой — но ненадолго. А потом ему ещё сильнее захотелось поговорить — только разговаривать было не с кем. Он неохотно достал учебник, оставил стакан на столе, протопал по коридору до своей комнаты, плюхнулся на кровать и усталился на потолок.

Завтра — завтра его наверняка будет поджидать Мэтт, разве что попробовать притвориться больным и остаться дома. Но нет, этот номер не пройдёт. Миссис Джонсон трудно обмануть. Так что... Монни почти никогда не ходит на остановку на Уокер-стрит. Когда автобус приходит туда, она чаще всего уже сидит в нём. А это значит, что она идёт напрямик через свалку, пересекает две улицы и ждёт автобус на Амстердам.

Так почему бы и ему не проделать то же самое? Тем более, что завтра ему даже не придётся идти вместе с Монни. Мисс Ридер записала её на приём к зубному врачу и миссис Джонсон отвезёт Монни в город. А в автобусе Мэтт и остальные не посмеют ничего сделать. С

мистером Чамберсом шутки плохи. Где угодно, но только не в его автобусе!

Отчасти разобравшись со своими проблемами, Бим вздохнул с облегчением. Не обращая внимания на учебник, он вытащил книжку комиксов о похождениях суперменов и уже не мог от неё оторваться. Интересно, каково это — посадить на землю самолёт, голыми руками остановить поезд или схватить Мэтта Прингла и остальных из его шайки и кинуть в первую попавшуюся канаву.

А ещё лучше — быть человеком-роботом, тогда и руками действовать не надо. Как этот парень, Чудо-Голова: только подумал и бац — всё сбывается! Вот если бы он, Бим Росс, мог войти завтра в класс, наставить палец на мисс Эймс и сказать: «На следующей самостоятельной работе я получу одни пятерки!» И бац — так и будет...

Самостоятельная работа... Мечты кончились, Бим вернулся к суровой действительности. На следующей неделе его ждала самостоятельная работа — их стали устраивать раз в две недели для тех, кто в начале года не смог справиться с большой контрольной. Бим был уверен, что и на этот раз ничего хорошего у него не получится. Он взял учебник и пролистал его безо всякого энтузиазма. Что толку? От одного слова «контрольная» его бросало то в жар, то в холод. И всё вылетало у него из головы, как будто кто-то брал ластик и начисто стирал все знания.

Жизнь — штука сложная, особенно для мужчины. Не одно, так другое. То на него ополчается Мэтт и ждёт не дожётся, чтобы устроить Биму взбучку, то в школе одни неприятности. Такая вот невезуха. Так что нечего и пытаться.

Поэтому он и не пытался. Вместо уроков он смотрел по телевизору «Людоеда» до тех пор, пока миссис Джонсон не загнала его в постель. Уже ложась спать, Бим пнул ненавистный учебник.

И Биму приснился сон. Но такой странный — ничего подобного ему никогда не снилось. Прежде всего сон был ужасно достоверный — как будто всё происходило на

самом деле. Мальчику даже стало холодно, как будто он действительно стоял на улице в одной пижаме. И он узнал место. Свалка. А вот разбитая машина — казалось, она вся как-то подобралась для прыжка. А прямо перед ним был почтовый ящик — шпионский почтовый ящик Монни. На его крышке светились звёздочки, и вторая — ярче всех.

Глядя на звёздочки, Бим забыл и про холод и про страх. Почти совсем забыл. И проснувшись утром, Бим понял, что очень хорошо запомнил свой сон, он как будто всё ещё видел мерцающую звёздочку.

Так что, выйдя из дому и убедившись, что Мэтта поблизости нет, Бим привёл свой план в исполнение и отправился на свалку, к почтовому ящику.

Флажок был поднят. Бим помедлил. Значит, внутри что-то есть.

Но ведь сегодня утром Монни не могла ничего туда положить. В этот момент она уже ехала к зубному врачу. Мисс Ридер всегда записывала к врачу на самое утро, чтобы пропустить поменьше занятий. Короче говоря, Монни можно было не опасаться, так что он вполне мог посмотреть, что же она положила в ящик. А вдруг ему повезёт и он узнает, кто вместе с ней занимается шпионскими делами.

Бим наклонился, ухватился за погнутую крышку и потянул. На этот раз она открылась так легко, что он чуть не упал. Внутри лежало письмо или, по крайней мере, лиловый конверт.

Бим вытащил его из ящика. Но что это?

На конверте красными чернилами было выведено его имя: «Бим Росс», именно так, как он сам написал его на почтовом ящике. Хотя нет, так аккуратно у него ни за что не получилось бы.

Испугавшись, он чуть было не отбросил конверт в сторону. Потом внимательно огляделся по сторонам. Они его знают, значит, они и сейчас могут за ним следить! Кто такие — «они», Бим понятия не имел, и от этого становилось только страшнее.

Бим ещё раз поднёс письмо к свету: действительно, там стояло его имя. Теперь Бим разглядел и всё остальное — две звёздочки в правом верхнем углу, а слева надпись: «Семь чудес». Может, всё-таки выбросить? Почему-то он не мог этого сделать. Бим засунул письмо в карман ветровки, захлопнул ящик и бегом бросился к остановке на углу улицы Амстердам.

Он доведёт письмо до школы, а там выбросит в первую же мусорную корзину. Конечно, сначала он порвёт письмо, чтобы никто не смог прочесть его имя.

Задержавшись на свалке, Бим чуть было не опоздал на автобус и оказался в очереди самым последним. В результате Мэтт уж точно ничего себе не позволит, а когда автобус остановится перед школой, Бим сможет выскочить первым, так что Мэтт с друзьями его не поймают.

Но письмо — кто ему написал, и зачем? Предупредить, чтобы Бим не шпионил? Нужно выяснить.

Мальчик достал конверт. Теперь тот уже не был таким лиловым, и буквы в левом верхнем углу потускнели. Но его имя читалось по-прежнему хорошо. Бим поддел уголок конверта, и он легко открылся.

Внутри лежал листок бумаги, в него было что-то завернуто. Бим вытряхнул содержимое конверта на колени и увидел металлическую полоску серебристого цвета, длинной с его средний палец. На одной стороне полоски были нанесены странные рисунки. Некоторые из них казались лицами людей, другие — мордами животных, но рисунки оказались такими мелкими, что невооружённым взглядом разглядеть их было невозможно. Посмотрев на них какое-то время, Бим даже обрадовался, что видно плохо — некоторые рисунки были такими странными. А другая сторона полоски была покрыта странными загогулинами — такие закорючки иногда рисуют, разговаривая по телефону.

На бумаге, в которую была завернута полоска, Бим увидел всего два слова, написанных большими красными буквами — такие буквы он точно мог прочесть:

«Са-бум».

Понимай, как хочешь. Автобус замедлял ход. И его поджидали Мэтт, и Тони, и Пит.

Бим не знал, как это произошло. Его рука сама собой поднялась, так что серебристая полоска указала прямо на дверь.

«Са-бум!» Неужели он действительно произнёс эти слова?

Мотор заурчал громче. Автобус подъехал к остановке, чтобы подобрать ожидавших его ребят. И Бим увидел, что мистер Чамберс пытается открыть двери. Однако несмотря на все его усилия, двери не поддавались. Потом автобус тронулся с места, но и на трёх следующих остановках повторилось то же самое. У мистера Чамберса покраснела и вспотела шея, а из салона посыпались вопросы. Началось всеобщее возбуждение, а одна девочка даже заплакала.

Бим вздрогнул. Получалось, что странное происшествие с автобусом пугающим образом связано с палочкой у него в руке. Но вот уже и стоянка перед школой. Бим подумал было, что автобус и сейчас проедет мимо, а они останутся в нём пленниками. Но нет, мистер Чамберс приложил героические усилия, и они всё-таки подъехали к школе, хотя учеников в автобусе оказалось примерно на треть меньше, чем обычно.

Автобус остановился на своём обычном месте. Бим поспешно завернул палочку, засунул её в конверт и спрятал в карман. Дети уже толпились у дверей. Двери наконец-то открылись, и ученики, повалив из автобуса, бросились врассыпную.

Бим спокойно направился к школе. Мэтт с друзьями остались далеко позади, так что бояться ему было нечего. Пожалуй, это было интересное приключение, подумал Бим, оценивая последние события. Дежурный по стоянке, мистер Парсон, слушал мистера Чамберса. Тот размахивал руками, как будто пытался объяснить то, что объяснению не поддавалось. Потом водитель забрался в автобус и стал открывать и закрывать двери, как бы показывая, что это можно сделать. Бим хмыкнул и вошёл в вестибюль.

Сегодня он чувствовал себя совсем по-другому, как будто дела у него ради разнообразия пошли на лад. Наверное, мистеру Чамберсу придётся вернуться за остальными ребятами. Интересно, удастся ли ему это? Может, стоит автобусу отъехать от школы, как двери опять перестанут работать.

Видно, двери работали нормально, потому что вскоре появились и Мэтт, и все остальные. Конечно, они опоздали. Но мистер Парсон их впустил, объявив, правда, что так как они опоздали к началу контрольной работы, то им придётся закончить её в счёт библиотечного времени.

Бим тем временем не обращал на них внимания, он целиком сосредоточился на листке с вопросами. И оказалось, что на многие из них он может ответить. Как будто поуменьшился страх, всегда возникавший у него при виде листка с контрольной работой и превращавший его в полного идиота. Страх никуда не делся, но на этот раз с ним можно было совладать.

Как только Бим сел на своё место, он достал лиловый конверт, и теперь серебристая палочка лежала под его левой рукой, а правой он писал.

А когда встала мисс Эймс, чтобы раздать задание по математике, Бим вновь прошептал «Са-бум!», сам того не осознавая.

Какое-то время мисс Эймс рассматривала листки с контрольной работой, затем стала их перетасовывать, как будто они лежали не в том порядке. Дважды перебрав все листки, она подняла глаза, и выражение лица у неё было очень странное.

— Вероятно, в типографии произошла ошибка, — сказала мисс Эймс. — Придётся отложить контрольную работу до тех пор, пока мне не пришлют правильный вариант.

Она даже бросила пачку листов на пол, похоже, это её здорово разозлило.

Бим закончил свою контрольную и передал листок вперёд, их уже собирали. Какое счастье, подумал он, ведь математика ему никак не давалась. А так день-два можно не беспокоиться.

Металлическая палочка-полоска была тёплой на ощупь, он спрятал её в карман рубашки. Может, это амулет, который принесёт ему счастье? Бим знал, что такое бывает. Сначала с автобусом случилось что-то странное, теперь вот с контрольными работами...

Один из листочков слетел со стола мисс Эймс и упал на пол. Бим заметил его, когда наклонился, чтобы поднять карандаш. Вместо заданий по математике там были сплошные закорючки — как на его палочке!

«Са-бум!», еле слышно повторил Бим. Что же случилось? Ему стало не по себе. Он засунул палочку поглубже в карман. Он и боялся её, и в то же время страшился потерять. Что же это такое?

4. Кукла, не наводящая порчу

Монни осторожно дотронулась языком до новой пломбы. Зуб побаливал, но не сильно — как бы не забыть, что им нельзя жевать. Поход к врачу имел и свои преимущества. Ей пришлось подождать — принимали пациента с острой болью — так что когда с ней наконец закончили, им с миссис Джонсон ничего не оставалось, как перекусить гамбургерами на 12-й улице, а ехать в школу было уже поздно. Они всё-таки остановились у школы, но лишь затем, чтобы захватить Бима — им было по пути.

Мальчишка сразу начал болтать, и Монни собиралась уже скорчить недовольную мину, только вот Бим рассказывал интересные вещи. Первым делом он сообщил про автобус — что двери не открывались и многие ребята опоздали в школу. Потом рассказал о контрольной работе и о том, что в типографии что-то перепутали.

Миссис Джонсон нахмурилась.

— Неполадки с автобусом, — она покачала головой. — Это плохо. Если Генри сможет поехать на работу попозже, он отвезёт вас в школу. Мне не нравится, что вы ездите на автобусе, у которого не открываются двери...

— Нет, теперь всё в порядке, — ответил Бим. — Автобус выезжал ещё раз, и двери уже работали. Я

слышал, как мистер Парсон сказал, что они дважды его проверяли, а потом ещё вызвали механика, и тот тоже всё осмотрел. Но вообще-то всё это очень странно.

Монни обратила внимание, что Бим постоянно прижимает руку к груди, как будто у него что-то болит. Но он даже не шмыгал, как вчера. Время от времени девочка ловила на себе его взгляды, как будто он хотел ей что-то сообщить, но не мог этого сделать.

И он изменился. Обычно Бим выглядел, как испуганный мышонок — как будто всё время ждал удара. Хотя, глядя на его испуганное лицо и впрямь хотелось его стукнуть. В нём было что-то такое, что заставляло других приставать к нему. Он постоянно улыбался, как будто отношение к нему могло от этого улучшиться. Наверное, он всё время чего-то боится, подумала Монни. Даже во сне.

Во сне... Девочка крепче сжала кошелёк. В нём лежала метёлка, по-прежнему завёрнутая в бумагу. Хорошо бы повесить её на цепочку, подумала Монни. Или на шнурок. Когда метёлка очутится у неё на шее, под блузкой и свитером, вот тогда она будет в полной безопасности. Монни позабыла о столь необычной для Бима уверенности в себе и стала думать о метёлке.

«Вымети дочиста!» Что можно вымести такой маленькой метёлкой? И что вообще подметают? Для комнат у мисс Джонсон существовал пылесос, а для кухни и ванной — швабра. Монни была хорошо знакома и с тем, и с другим, еженедельная уборка входила в её обязанности, если только не удавалось от неё увильнуть.

Нет, серебряная метёлка не для того, чтобы убираться дома. Где же тогда?

«Вымети дочиста...» Монни поёрзала. Что-то нуждается в чистке, она была в этом уверена. Но что именно, и где, и когда — этого она пока не знала.

Они ехали мимо мусорной свалки, и девочка в первый раз задала вопрос.

— Сколько лет всем этим домам? — она хотела спросить, сколько лет магазину и расположенному за ним

дому. Но дом — это такой секрет, которым ни с кем нельзя поделиться. О нём нельзя даже спрашивать.

— Не знаю, — немного удивлённо ответила миссис Джонсон. — Это самая старая часть города. Когда я была маленькой, мы сюда совсем не ходили. Место было не самое подходящее, в этих домах — или в тех, что здесь стояли раньше — обитали люди, с которыми жители наших кварталов предпочитали не общаться.

Уже тогда многие дома были заколочены и разваливались. Но я слышала однажды, как подруга моей мамы говорила, что это — самая старая часть Инглстона.

— Инглстона? — повторила Монни.

— Да, так назывался другой город, его потом поглотил Честерсон — когда построили большую фабрику и сюда понаехало много народу. А до этого Честерсон начинался за железной дорогой, ближе к холмам. Но Инглстон страшнее. Ты бы спросила у своей учительницы, Монни, — это ведь местная история, надо думать?

Машина свернула на боковую улицу, она подъезжали к стоянке перед домом.

— Хорошо бы, чтобы они убрали эту свалку и сделали парк и зону отдыха, как и обещали, когда мы только переехали сюда. Боюсь, что это были лишь предвыборные обещания. Возьми, пожалуйста, сумки, Бим.

Они шли к дому, нагруженные сумками с продуктами. Монни думала лишь о почтовом ящике. Когда она сможет туда выбраться? Интересно, её записку уже нашли? А если она оставит ещё одну, спросит, что это за метёлка и зачем она нужна, «они» ей ответят?

В поисках шнурка, на который можно было бы повесить метёлку, девочка зашла в свою комнату и остановилась в дверях.

И впервые по настоящему её увидела. Как будто до этого она была близорукой, что ли, а вот теперь надела очки и хорошенько всё разглядела.

Кавардак — в комнате стоял настоящий кавардак.

Да, действительно, свою постель она заправляла. Иначе миссис Джонсон сделала бы ей замечание. Но шкаф

был приоткрыт, и внутри виднелись брошенные туфли, а рядом с ними — соскользнувшее с вешалки платье. А что творилось на комодѣ! Многие вещи принадлежали Стелле, но они валялись вперемежку, а пудра просыпалась, и...

Монни как будто впервые увидела комнату, и восторга это зрелище у неё не вызвало. Подобная картина подвигла девочку на такие действия, о которых она раньше и не мечтала. Она взялась за работу. Можно было подумать, что у неё в руках метѣлка, которая требует, чтобы всё было не только выметено, но и вычищено.

Монни не смогла бы объяснить, почему ей стало так приятно от того, что всё лежит на своих местах, что грязные блузки и джинсы отправлены в стирку, туфли сложены в определённом месте, просыпанная пудра убрана, все принадлежащие Стелле баночки и коробочки стоят ровно, а её собственные щѣтки и гребни побывали в ванной и хорошенько отмыты.

Взглянув в ванной на себя в зеркало, она опять-таки нахмурилась. Той Монни Фиттс, что смотрела на неё из зеркала, тоже не помешала бы хорошенькая чистка. Волосы спутались и падают на глаза, а лицо едва ли не грязнее рубашки.

До ужина Монни не только сходила в подвал, где стояла стиральная машина с сушилкой, но и в меру своих сил привела в порядок и комнату, и себя. Она даже потратила на стирку несколько двадцатипятицентовиков из своих карманных денег. Монни так устала, как будто прошагала тысячу миль — или хотя бы пятьдесят.

— Вымети... — проговорила Монни, критически оглядываясь вокруг. — Думаю, я это сделала. А ещё вытерла пыль, всё вымыла и...

— Что случилось?

Позади неё стояла Стелла. Раскрыв от удивления рот и вытаращив глаза, она заглядывала в комнату.

— Нет, ничего не говори! — Стелла закрыла глаза и прижала ладонь ко лбу. — Дай-ка я подумаю... Землетрясение?

Шуточки Стеллы никогда не приводили Монни в восторг, однако сейчас она рассмеялась.

— Ошибаешься, — ответила она. Несмотря на усталость у неё было такое хорошее настроение.

— Значит, тебе предложили миллион долларов, чтобы ты проделала это перед телекамерой, и ты тренируешься! — быстроотреагировала Стелла.

— Да нет, — чуть помедлив, ответила Монни., — мне просто надоел беспорядок. Так что я взяла метлу...

Стелла открыла глаза.

— Похоже, что не только метлу, моя девочка. Ты уверена, что здесь обошлось без лопаты и экскаватора? Ты не заболела?

Хорошее настроение начинало испаряться. Стоило Стелле заговорить таким тоном, как Монни выходила из себя.

— Я немного убралась, — огрызнулась она. — Что тебе не нравится?

— Не знаю, но когда ты начинаешь убираться...

— Ну так сначала узнай! — Монни протиснулась мимо Стеллы. Она так увлеклась уборкой, что совсем забыла о почтовом ящике. Может, ещё не поздно туда сбегать? Увы, было слишком поздно. Пришла миссис Джонсон и обед уже стоял на столе. А выходить в темноте на улицу — уж этого ей Джонсоны точно не позволят.

За столом Монни сидела надувшись. То хорошее настроение, что владело ею во время уборки, испарилось окончательно, когда Стелла стала об этом рассказывать. Да она её просто высмеивала. И Монни замкнулась в себе.

Если бы у неё был свой дом, по-настоящему свой, как тот, о котором она так долго мечтала, — как приятно было бы наводить там порядок. Но ей всю жизнь приходилось довольствоваться комнатой в чужих домах, так что какая разница, чисто там или грязно. Чтобы она ещё хоть раз взялась за уборку!..

Однако когда Монни забралась вечером в постель, она повела носом, принюхиваясь. Пахло стеллиными духами

и пудрой — та отправилась на свидание. А ещё немножко пахло лаком, чистящими средствами и... Да, если бы у Монни был свой дом, именно так там и должно было бы пахнуть! Она закрыла глаза, чтобы снова увидеть в мечтах свой дом.

Только она до него не дошла. Входная дверь была открыта, как будто приглашая Монни войти. Но как девочка ни старалась, ей никак не удавалось приблизиться к дому. Было темно, но из открытой двери лился свет, так что Монни смогла разглядеть, что находится...

На свалке!

Рядом с ней что-то светилося — конечно же, это были звёздочки на почтовом ящике! Монни повернулась к нему лицом. Одна — две — три — четыре — пять — шесть — семь. Все они светились, но третья — ярче всех. Почему третья, а не вторая? Монни изо всех сил старалась пробиться к ящику и посмотреть, что её ждёт на этот раз. Но сон прервался, рассыпался как стекло, в которое кто-то бросил камень.

Наступило утро и Стелла трясла её за плечо.

— Вставай, детка. Вот уж точно у тебя чистая совесть, если ты так спишь! Сегодня ты хоть сможешь найти свою одежду...

— Ладно, — Монни свесила ноги и прыгнула вниз. Странно было приземлиться на пол, а не на кучу одежды, как всегда. В своей борьбе с беспорядком Монни дошла вчера вечером до того, что повесила одежду на стул.

Держа в руках зеркало и сосредоточенно нахмурившись, Стелла красила губы. Вот она последний раз провела помадой по губам, будто нанесла на холст последний мазок. Монни собралась с духом и спросила.

— Стелла, помнишь, ты как-то порвала цепочку? Там ещё был кулончик в виде чайки.

— Что? А, ту, что Ральф подарил мне на день рождения. Конечно помню. Она должна быть в шкатулке. А почему ты спрашиваешь?

— Она тебе ещё нужна? Я хочу сказать, что с Ральфом

ты больше не встречаешься, а кулончик, ты мне говорила, потерял. Эта цепочка — она всё ещё порвана?

— Наверное, я ведь её так и не починила. А зачем она тебе?

— Знаешь, мы в школе делаем бусы... — собственно говоря, это не было ложью. Они действительно мастерили пластилиновые бусы, другое дело, что её бусы не заслуживали того, чтобы их носить.

Стелла завинтила тюбик с губной помадой и посмотрела на Монни.

— Конечно, детка. Если сможешь её найти, — Стелла слегка подтолкнула к Монни шкапулку с тремя выдвижными ящичками, — она твоя.

С этими словами Стелла вылетела из комнаты. А Монни нашла цепочку. Конечно, она была порвана, но в месте разрыва её вполне можно было скрепить ниткой, а потом сделать петлю и связать вокруг метёлки. Сегодня же вечером Монни этим займётся, и тогда уже можно будет не бояться, что метёлка потеряется.

Монни никак не могла забыть свой сон. Следовало поторопиться, чтобы успеть пройти через пустырь и заглянуть в почтовый ящик. А вдруг там что-то лежит ещё со вчерашнего дня, когда ей пришлось поехать к зубному врачу!

Утром миссис Джонсон опять заговорила о школьном автобусе. Она созвонилась с миссис Лутц и миссис Райнхарт, и они решили, что сегодня вполне можно ехать на автобусе, тем более что никто из них не мог подбросить детей на машине. Монни взяла портфель и коробку с завтраком, крикнула всем «пока» и вылетела из дому, когда Бим ещё только приступил к апельсиновому соку.

Бим так задержался, потому что прислушивался к телефонным разговорам по поводу школьного автобуса. Монни видела, как он ухмыляется за спиной миссис Джонсон, как будто ему что-то известно. Но у Бима своих забот хватало. Монни слышала, что за ним охотится Мэтт

Прингл со своими друзьями. Бим вряд ли станет следить за ней, ему бы самому не быть застигнутым врасплох.

Монни быстро добралась до почтового ящика. Точно — флажок поднят. Чтобы открыть ящик, Монни встала на колени. Сердце сильно забилося.

И точно! Внутри лежал ещё один лиловый конверт. Он оказался толще и тяжелее первого. Её имя было написано такими же ярко-красными буквами. На уголки конверта Монни тоже посмотрела.

«Семь Чудес» — но в другом углу сияли три звёздочки вместо одной. Может, это просто марки, новый конверт тяжелее, вот и марок нужно больше.

Монни не терпелось открыть конверт, хотя бы заглянуть в него. Нет уж, до автобуса она ждать не станет.

В конверте оказалась плоская кукла, наподобие бу-мажной. На ней был модный джинсовый костюмчик, а куртка даже снималась. Только голова была очень стран-ной. По форме — нормальная головка, длинные распущенные волосы, но ни лицо, ни волосы не нарисо-ваны, вместо них — ровная зеркальная поверхность, как будто... как будто лицо было не закончено, и дорисовать его придётся Монни. Какие странные, однако, мысли стали приходить ей в голову.

К кукле прилагались маленькие цветочки, они сияли как алмазы. Или как рубины. Цветочки оказались була-вочными головками. И булавки, и странная кукла без волос и без лица были завернуты в бумагу.

«Кукла, не наводящая порчу. Использовать с добрыми намерениями».

«Не наводящая порчу?» — повторила Монни. Что-то подобное она уже слышала. Ну, конечно. Кукла, наводя-щая порчу. Идиотская тряпичная кукла, которую Сельма принесла как-то в школу. Сельма тогда сказала, что хорошо бы, чтобы у мисс Эймс разболелась голова и она ушла с занятий, тогда Сельма смогла бы пораньше сбе-жать из школы и успела бы съездить за билетами на концерт «Припадочных». С этими словами Сельма по-ложила куклу на стол и воткнула ей в голову булавку.

Только из той затеи ничего не вышло. Мисс Эймс с дежурства не ушла, и Сельма осталась без билетов. Сельма тогда пришла в ярость и после уроков выбросила куклу в мусорную корзину. Это была кукла, наводящая порчу, приносящая людям несчастье. Но что такое кукла, не наводящая порчу?

Так и не найдя ответа, Монни сунула куклу в кошелёк и побежала к остановке. Если она опоздает на автобус, придётся всем и каждому объяснять, как это случилось, а пока что она не могла придумать ни единого правдоподобного объяснения.

Перед самой остановкой её перехватил Бим.

— Что ты там нашла? — еле слышно спросил он. — Что ты взяла из того старого почтового ящика?

Монни покрепче прижала к себе кошелёк. Значит, он действительно за ней шпионил! Хорошо, что она первой добралась до ящика, иначе не видать бы ей конверта, даже если он адресован лично ей.

— Не твоё дело! — громко ответила она и протиснулась в толпу школьников. Автобус только что подошёл. Сегодня двери открывались нормально, но мистер Чамберс всё равно не спускал с них глаз. Монни прошла в середину салона и плюхнулась на сиденье рядом с Элис Пакстон, чуть-чуть опередив Рут Ритчи. Обе девочки злобно уставились на Монни, а Элис стала пихать её в бок, как будто стараясь столкнуть в проход. Однако Монни не обращала на неё никакого внимания. Её мысли были заняты совсем другим. Похоже, Бим шпионил за ней, когда она ходила к почтовому ящику, и вполне возможно, что он собирается шпионить и впредь. От этой мысли Монни пришла в ярость. Увидев её лицо, Элис перестала толкаться и отодвинулась в угол.

Но не это было самым главным. Что такое «кукла, не наводящая порчу», и как ею пользоваться? А в том, что куклой придётся воспользоваться, Монни не сомневалась.

5. Свет во тьме

Кукла, не наводящая порчу, лежала между страницами учебника. Монни достала её и разглядела получше. Если не обращать внимания на голову, кукла была похожа... пожалуй, на Стеллу, надевшую по случаю свидания свой новый костюм.

Нет, скорее, не на Стеллу... Монни потрясла головой. Казалось, на её глазах кукла стала короче и чуть толще, теперь она стала похожа на Сельму. Монни подняла голову от книги и окинула Сельму взглядом. Развалившись на стуле, та накручивала на палец прядь волос и постукивала другой рукой по парте, отбивая такт лишь ей одной слышной песни. Сельма — ну-ну!

А может, кукла похожа на Энн Перри — или Эстер... Монни отыскала взглядом обеих девочек. Но нет, её мысли всё время возвращались к Сельме. Монни впервые попыталась представить себе, каково это — быть Сельмой, или, скажем, Элис Пакстон. А вдруг случится невероятное, и однажды утром окажется, что все поменялись друг с другом телами. Останутся ли они собой — в чужом теле — или...

Раньше такие мысли никогда ей в голову не приходили. Странно всё это. Монни посмотрела на куклу и чуть не вскрикнула от удивления. У куклы действительно была голова Сельмы — как будто фотографию наклеили — и она вопросительно поглядывала на Монни, будто чего-то ждала. Что бы это значило?

Сельма совсем не интересовала Монни. Она была одной из тех девочек, кого лучше избегать. И эти её вечные разговоры о «Припадочных», «Скакунах» и остальных модных на данный момент группах. Монни попыталась соскоблить изображение Сельмы. Ничего не получилось. Монни злобно уставилась на куклу. Если это Сельма, она ей не нужна. Вне всякого сомнения.

Однако Монни смотрела на куклу, и постепенно неприязнь стала отступать на задний план. Сельма не была её подругой. И выглядела она глупо: глаза косят, рот постоянно приоткрыт, даже когда она молчит.

Монни почувствовала, что уколола палец, тот самый, которым пыталась соскрести изображение Сельмы. И оказалось, что это она наткнулась на одну из коротких булавок с головками в виде цветов, которые лежали в конверте вместе с куклой. Булавка прямо-таки впилась в палец, Монни даже не сразу её стряхнула.

Головкой у этой булавки была малюсенькая тёмно-красная розочка. Монни вытащила её из пальца, но продолжала держать в руках.

Кукла, не наводящая порчу — и та, что приносила Сельма, она ведь втыкала в ту куклу булавки. Наводить порчу — не наводить порчу, беззвучно повторяла Монни. Сельма принесла ту куклу, чтобы причинить вред. Некоторые девочки поверили, что она сможет это сделать. Только ничего из этого не вышло. Разве можно вызвать у кого-нибудь головную боль, втыкая в куклу булавку?

Булавка с розочкой — она такая хорошенькая. А ведь Сельма выглядела бы значительно лучше, если бы перестала накручивать на палец волосы и держала рот закрытым. Монни с удивлением обнаружила, что её рука сдвинулась с места и вот уже булавка вошла в маленькую дырочку на голове куклы. Розочка хорошо смотрелась в волосах. Можно подумать, что это заколка, чтобы волосы не лезли в глаза. Булавка не выпадала.

— Монни?

Она вздрогнула и захлопнула книгу.

— Да, мисс Эймс?

— Ты уже выбрала тему домашней работы к следующей пятнице?

Какая домашняя работа? Монни даже не сразу поняла, о чём идёт речь. Потом девочка вспомнила свой поход в библиотеку — казалось, это было сто лет назад — и книгу о старых домах. Она понятия не имела, в чём будет заключаться её работа, что ж, придётся придумывать на ходу.

— Да, мисс Эймс, — ответила Монни, пытаясь придать голосу уверенность.

Похоже, мисс Эймс такой уверенности не испытывала. Слишком часто подобные попытки заканчивались для

Монни полным провалом — или почти полным, что одно и то же. Почему-то всегда, когда дело касалось уроков или домашних заданий, руки у Монни словно отказывались служить, так что сделать макет, или открытку, или, что ещё хуже, написать стихотворение или сочинение на страничку — это было просто выше её сил. Она знала, что хочет сказать, но на бумаге ничего не получалось. Так что она и пытаться перестала.

Монни подождала, пока мисс Эймс не отвернётся и начнёт писать на доске, чтобы ещё раз посмотреть на куклу. Лица у неё больше не было, а булавка выпала. Монни поглядела на Сельму. Та сидела прямее... и выглядела как-то... Монни потрясла головой. Нечего выдумывать. Ей просто померещилось.

Однако она ещё дважды доставала куклу. Сначала кукла превратилась в мисс Эймс, и Монни украсила её, как короной, маленькими белыми цветочками. И сразу же мисс Эймс перестала хмуриться, от чего у неё всегда было такое суровое и требовательное выражение лица, и один раз даже засмеялась.

В следующий раз кукла напомнила Стеллу. Монни выбрала жёлтый цветок и воткнула его не в голову, а в дырочку на горле. Стелла, конечно, любит подшучивать, но она бывает такой милой — вот и цепочку подарила...

На перемене Монни убрала куклу в сумку. В этот момент кто-то остановился рядом с её партой.

— Что ты делаешь в субботу — не в эту, а через одну?

Монни удивлённо подняла голову. Рядом с ней стояла Сельма.

— А в чём дело? — выпалила она первое, что пришло ей в голову.

Сельма начала было накручивать на палец прядь волос, потом отпустила её. Она была явно удивленна, словно не знала, что ответить.

— Знаешь... Мы собираемся к Элис... у неё два новых альбома — Бенни Шульц с «Блок Бастерс». Хочешь пойти с нами?

Монни даже раскрыла от удивления рот. За всё время,

что она прожила у Джонсонов, её впервые куда-то приглашали.

— И день всех святых мы тоже обсудим, — продолжала Сельма, — какие у нас будут костюмы, и всё остальное.

За время своего пребывания в Лэнгли Монни успела выяснить, что день всех святых — штука очень интересная. Но ей и в голову не приходило, что и она может участвовать в празднике.

— Так ты придёшь? — настойчиво повторила Сельма. В её голосе проскользнули знакомые обиженные нотки, как будто она уже пожалела, что подошла к Монни.

— Наверное, если смогу, — ответила Монни, но Сельма уже отвернулась.

Монни сидела не шелохнувшись, а мозг её напряжённо работал. В куклу, наводящую порчу, втыкают булавки, чтобы причинить вред. А что происходит с куклой, не наводящей порчу? Значит ли это, что цветочки-булавки вреда не приносят, и даже совсем наоборот? Нужно побыстрее разобраться.

Монни не стала доставать куклу, а просто подумала о Стелле — представила её себе — и пожелала ей чего-нибудь хорошего, хотя чего именно, она и сама не знала. Может, прибавки жалования или даже нового поклонника — нынешний ухажёр, Фред, Монни совсем не нравился — но непременно хорошего.

В автобусе Монни не замечала никого вокруг. Теперь нужно подождать и выяснить, случится у Стеллы что-нибудь хорошее, или нет. А если случится — Монни глубоко вздохнула, — что же это за кукла? И как ею пользоваться? Кукла, не наводящая порчу — может, она ещё многое умеет делать? Если всё это не выдумки.

Тем временем Бим тоже ворочался на сиденье в автобусе. День прошёл вполне сносно. Мистер Парсон посматривал за Мэттом и остальными, так что они не смогли заловить Бима. К счастью, Мэтту пришлось остаться в школе после уроков. Чернильный пистолет так и висел у него на шее. Надо надеяться, без Мэтта они оставят Бима в покое. Бим опустил руку в карман и нащупал полоску металла. Что за странные на ней буквы!

Больше никаких «Са-бум» — Бим боялся того, что может случиться. Но неужели палочка взаправду перекрыла двери автобуса?

Вот бы проверить, но нет, страшно.

По крайней мере, новые варианты контрольной ещё не прислали, так что о математике пока можно было не беспокоиться. Впереди Бим увидел Монни. Она так напряжённо вглядывалась во что-то за окном, что Бим тоже повернул голову. Однако ничего интересного там не было — всё те же улицы.

На какой остановке она выйдет? На Амстердам? Наверное, в почтовом ящике её что-то ждёт. Нет, Монни собралась выходить на их остановке.

Бим проводил её взглядом. Она даже не оглянулась. Мальчик тоже подошёл к дверям — на следующей остановке он собирался выходить — и стал посматривать на улицу. Потом внимательно оглядел свалку, ожидая, что Монни появится с другой стороны. Но никого там не было. Бим сам поплёлся на свалку, к почтовому ящику. Наверное, сегодня ничего не будет, даже если и пришло письмо, его скорее всего взяла Монни. Она так спешила утром.

Вот и почтовый ящик. Бим опустился перед ним на колени. Флажок был опущен, а крышка не поддавалась, сколько Бим её ни тянул. А ведь раньше она так легко открывалась. Казалось, они с Монни только сегодня написали на ящике свои имена — такой яркой и блестящей была краска. А что, если... Бим достал металлическую полоску и навёл её на ящик.

«Са-бум», — не слишком громко, но с нажимом произнёс он.

Но несмотря на все его усилия, ящик не открывался. Бим даже подумал, что запер его навсегда — или по крайней мере на некоторое время, как тогда в автобусе. Опечаленный этой мыслью, мальчик отправился домой.

У миссис Джонсон были гости. Бим скорчил гримасу. Он ещё в коридоре услышал этот слишком хорошо знакомый голос. Больше всего на свете ему хотелось закрыть за собой дверь и очутиться на улице, но Бим знал, что

этого ему не позволят. Что здесь делает мисс Валаско? Для её обычного визита слишком рано.

Раз в месяц она приходила узнать, как у него дела. Но она же была здесь всего две недели назад, и тогда ему пришлось давать объяснения по поводу экзамена, и она что-то говорила о дополнительных занятиях. Вот, наверное, чего они хотят, — чтобы он больше времени проводил в школе. Бим выпятил нижнюю губу и с радостью пнул бы дверь ногой, но не посмел.

— Бим, это ты? — уши у миссис Джонсон, что твои радары (о них недавно говорили в школе), а на затылке у неё точно ещё пара глаз — по крайней мере, иногда.

— Да.

— Заходи.

Бим неохотно повиновался. В комнате сидела мисс Валаско. При виде Бима она нацепила свою улыбочку; Биму она казалась ещё более фальшивой, чем те усы, что пририсовал себе Мэтт, когда изображал из себя босса.

— Я рада тебя видеть, Бим.

— Здравствуйте, мисс Валаско, — ответил он, хорошо зная, чего от него ожидают, и быстро добавил: — Повторной контрольной ещё не было, что-то случилось с вариантами заданий. Раньше следующей недели контрольной по математике у меня не будет.

— А я уверена, что на этот раз ты всё решишь, — ободрила она мальчика. — Ты даже не знаешь, как хорошо можешь учиться. Всё будет отлично, вот так, — и она подняла большой палец кверху. Бим понятия не имел, что бы это значило.

По крайней мере больше вопросов она ему не задавала. Вместо этого она сказала, обращаясь к миссис Джонсон.

— Конечно, ещё ничего не решено. Мы вам позвоним. Удачи тебе, Бим.

На этот раз её улыбка не казалась такой приклеенной, как обычно. Может, она действительно желает ему добра? Мисс Валаско собралась уходить, и миссис Джонсон проводила её до дверей, а Бим направился в кухню.

И снова увидел Монни. На столе рядом с ней стоял стакан молока, а на бумажной салфетке лежали два

шоколадных пирожных с орехами, но девочка не притронулась ни к молоку, ни к пирожным. И опять этот странный взгляд.

— ...новое платье, — прошептала она, как будто Бима в комнате не было. — Вот, что надо — новое платье.

— Кто это собирается тебе его подарить? — спросил Бим.

Монни буквально подскочила. Похоже, она не замечала присутствия Бима, пока он не задал вопрос. Затем она покачала головой.

— Платья мне никто не подарит. Наоборот, может, я его кое-кому подарю.

— А откуда деньги возьмёшь? — спросил Бим.

Монни засунула в рот всё пирожное целиком, и ей пришлось хорошенько прожевать, прежде чем она смогла ответить.

— А я ещё не знаю. Может, подарю, а может, и нет. Здесь была твоя мисс Валаско. Зачем она приходила — ещё раз убедиться в твоей тупости?

Бим рассвирепел.

— А вот и нет! Она пожелала мне удачи. Понятия не имею, зачем она приходила.

— Может, тебя опять переселят, — Монни сделала большой глоток молока, чтобы запить пирожное. — А если это и так, ты ведь был бы рад оказаться подальше от Мэтта?

Опять переезжать? Бим обвёл глазами кухню. Конечно, он боялся Мэтта с его шайкой, и в Джонсонах ему многое не нравилось. Но оказывается, нравилось ему в них гораздо больше. Аппетит у него совсем пропал, даже желудок заболел. За одно это предположение он так возненавидел Монни, что чуть не ударил её по лицу. Впрочем, ударь он её, началась бы драка, и его ждали бы новые неприятности. Если они только задумались его переселить, то драка с Монни укрепит их в этом намерении.

— Ты что-то слышала? — спросил он, хотя ему ужасно не хотелось показывать, какое впечатление произвели на него слова Монни. Но нужно выяснить, что ей известно.

— Нет. Просто это не её день, так ведь? А если ни с того, ни с сего приходит твой социальный инспектор, значит, тебя хотят переселить. Так всегда бывает, — Монни кивнула со знанием дела, как будто столько раз сталкивалась с подобной ситуацией, что могла распознать её с первого взгляда. Бим задумался. Монни пришлось сменить много приёмных родителей, гораздо больше, чем Биму, так что, наверное, она права.

Бим не стал отвечать на её вопрос, а пошёл в свою комнату и сел на кровать. «Его» комната, «его» кровать — и вовсе они не его, всё это принадлежит Джонсонам. Ничего своего у него нет. И как долго он здесь ещё пробудет?

Весь вечер он наблюдал за Джонсонами, пытаясь понять по их разговорам, что происходит. Но всё проходило как всегда, только Стелла пришла домой ужасно возбуждённая, потому что её сделали помощником кассира в ресторане, и если у неё всё будет хорошо, через несколько недель обещали повысить и жалованье. Только вот ведь что интересно: пока Стелла рассказывала, Монни сидела и улыбалась странной такой улыбкой, и Бим никак не мог понять, что она означала. Бим дважды видел у неё такую улыбку, в обоих случаях Монни удавалось кого-то надуть. Но какое отношение могла иметь Монни к повышению, обещанному Стелле?

Бим лёг спать, чувствуя себя самым несчастным человеком. Никто ничего не сказал. Ни слова, ни намёка на то, что его собираются перевести в другое место. Но не будут же они молчать до последней минуты... Наверное, всё дело в его плохой учебе. Если он сдаст экзамен по математике, они передумают. Пошарив под подушкой, он нащупал металлическую полоску и крепко зажал её в руке.

«Са-бум», — прошептал он в темноте. — «Са-бум».

Было очень темно и холодно. Он снова стоял на пустыре, вот и почтовый ящик со светящимися звёздочками. И страха, что его могут переселить, больше не было. Наоборот, его охватило возбуждение, как будто сейчас Рождество, перед ним большущая коробка с по-

дарками, и вот-вот он её откроет. Четвёртая звёздочка на почтовом ящике сверкала как ёлочное украшение. Его ждал подарок, замечательный подарок, следовало лишь поднять крышку и достать его!

Но не успел он протянуть руку, как тьма расступилась, а он очнулся в постели. Он всё ещё сжимал металлическую палочку. Было очень рано, за окном серели предрассветные сумерки. Бим выскользнул из постели и оделся так быстро, как будто хотел поставить рекорд. Надёжно спрятав под курткой свой первый подарок, он отодвинул засовы, открыл замок и помчался по улице. Нет, сегодня он ждать не станет, он должен посмотреть, что делается на свалке, он просто обязан!

Когда Бим добрался до ржавой машины, небо на востоке слегка порозовело. Так и есть, флажок поднят! Собственно, Бим и не сомневался в этом. Он бросился на колени и потянул крышку.

На этот раз его ждало не письмо, а скорее круглый свёрток, на котором стояло его имя. Были на свёртке и четыре звёздочки — марки. Дрожа от нетерпения, Бим разорвал бумагу. Из свёртка выпала серебристая трубка — такого же цвета, что и звёздочки.

Сбоку у неё располагалась кнопка. Тот конец трубки, что ближе к кнопке, имел странную заострённую форму. Бим поднял трубку острым концом вверх. Теперь она напоминала горящую свечу! Не думая о последствиях, Бим нажал на кнопку. И вся заострённая часть трубки засветилась голубым светом.

В отличие от фонаря, эта штука ничего не освещала. Собственно говоря, огонёк был виден, только если смотреть прямо на трубку. Нет, он был холодным.

Бим случайно поднёс трубку к почтовому ящику и с удивлением обнаружил, что четвёртая звёздочка на его крышке замерцала и стала ярче, засветилась голубоватым светом, как будто эта странная свеча отдала ей часть своей энергии.

Бим ещё раз нажал на кнопку, и огонёк исчез. Понадёжнее спрятав находку, Бим помчался домой, надеясь,

что его не хватились, и это утреннее приключение останется в тайне.

Зачем ему нужна свеча, он не знал, но был уверен в том, что она очень пригодится

6. Так кто боится?

Бим сидел в постели. Он успел как раз вовремя. Из-за двери доносилось гудение бритвы мистера Джонсона, а из кухни долетал аромат кофе. Никто так и не узнал, что он выходил из дому. Бим подумал о Монни. Но на каждом конверте стояло его имя. Мальчик достал похожий на свечу фонарь и попробовал вновь нажать на кнопку. Заострённый кончик еле приметно засветился, а сама кнопка только чуть-чуть сдвинулась, но дальше не шла. Зато гудение бритвы прекратилось, а из кухни послышались возгласы.

Свет в коридоре помигал, а потом опять загорелся. Бим решился ещё на один эксперимент и повторно осторожно нажал на кнопку. И опять свечка на мгновение вспыхнула, а свет замигал. Бим никак не мог понять, что произошло. Он положил свой новый подарок рядом с палочкой «Са-бум» и стал их внимательно разглядывать.

Он был твёрдо убежден, что слово «Са-бум» и металлическая палочка с её непонятными рисунками и закорючками имели какое-то отношение к странному происшествию с автобусом и к ещё более странно перепутанным вариантам контрольной. Теперь ещё и эта штука, похожая на свечу.

Бим хотел было снова нажать на кнопку, но отдернул руку. Кто оставлял в ящике лиловые конверты? И зачем?

— Позвони Стивенсу, — услышал он голос мистера Джонсона. — Что-то случилось с электропроводкой. Если пробки неисправны, пусть он позаботится, чтобы их заменили.

Бим схватил свечу и палочку и спрятал их подальше. Предположим — только предположим, — что свет действительно потух из-за свечи, и Джонсоны об этом узнают.

И кто поверит в его рассказы о почтовом ящике, подарках и «Семи чудесах»? В поисках конвертов Бим порылся в своём портфеле. Первый конверт сохранился, но он совершенно выцвел. Ни надписей в углу, ни марок-звёздочек. Даже своё собственное имя Бим различил с большим трудом. Конверт, в котором была свеча, тоже уже сильно посветлел.

Хорошо бы поговорить с Монни, подумал он. Какие подарки достались ей? В том, что она что-то доставала из ящика, он не сомневался. Она должна знать, кто такие «Семь Чудес» и почему он получил такие подарки. Да, нужно прижать Монни к стенке и потребовать ответа!

Полный решимости, Бим помчался в кухню и залпом проглотил свой завтрак, так что миссис Джонсон пришлось дважды напомнить ему, что спешить за едой нельзя. Но мысли миссис Джонсон были заняты неполадками с электричеством. Она обещала испечь печенье для церковного благотворительного базара и боялась, что плита не будет работать. Так что Бим, который всегда долго сидел за столом и крайне неохотно выходил из дому, сегодня оказался первым — после еды Монни вернулась за чем-то в свою комнату.

Спрятавшись в подъезде, Бим пропустил Монни вперёд. Не оглядываясь по сторонам — впервые с тех пор, как за ним стал охотиться Мэтт, — Бим устремился за Монни. Как он и предполагал, она направилась к пустырю.

Когда Бим настиг девочку, она стояла на коленях и дёргала крышку почтового ящика.

— Там ничего нет!

Монни обернулась так резко, что чуть не упала. Лицо у неё покраснело, глаза сверкали. Она готовилась к настоящей драке. Бим отступил на шаг.

— Послушай, — он говорил быстро, но не потому, что боялся драки, особенно здесь, на пустыре. Даже если они с Монни сцепятся, Джонсоны всё равно ничего не узнают и список его прегрешений не пополнится. — Что это за ящик? Кто им пользуется — кроме тебя? Кто такие «Семь Чудес»?

Монни вскочила и теперь наступала на него, лицо у неё перекошилось от ярости.

— А что ты о них знаешь, — спросила она в свою очередь.

— Только то, что они оставляют письма, а в этих письмах лежат...

— Ты брал письма? — такой разъярённой он её никогда ещё не видел.

— На них стояло моё имя, — поспешно возразил он. — Как на почтовом ящике. Вот, смотри! — он вытащил из кармана оба конверта и помахал у неё перед носом.

Монни вцепилась в них, а так как Бим не сразу разжал пальцы, верхний конверт порвался. Однако на конверте действительно было выведено его имя, даже Монни пришлось это признать.

— Я нашёл их здесь, — Бим указал на почтовый ящик, — и они предназначались мне. Надеюсь, ты читать умеешь?

Выражение лица девочки не изменилось, но она кивнула, хотя и крайне неохотно.

Бим вздохнул с облегчением. Монни он теперь не боялся, но по-прежнему хотел получить ответы на свои вопросы. В конце концов, ящик — её идея.

— Кто такие «Семь Чудес»? — повторил он свой вопрос.

Монни пожала плечами.

— Не знаю.

— Но ты установила ящик и написала на нём своё имя. Значит, ты их ждала, — продолжал настаивать Бим.

Монни пнула ящик ногой.

— Я просто подумала о письмах. Мне и в голову не приходило, что их действительно пришлют, — ей очень не хотелось рассказывать всё это Биму. Единственным её желанием было убежать отсюда подальше, — чтобы не слушать Бима и не находиться рядом с ящиком. Но что присылали Биму в этих выцветших конвертах? Монни не двинулась с места.

— Что было в твоих письмах? — резко спросила она.

Бим помолчал. Монни решила, что он не ответит и её

захлестнула волна гнева. Вот бы врезать ему хорошенько за то, что он всё испортил. Но тут он достал из кармана ветровки какой-то предмет, завернутый в рваный листок из школьной тетради.

— Сначала я получил вот это, — Бим держал в руке палочку «Са-бум», — а вот что лежало в ящике сегодня утром, — он протянул ей свечу-фонарик. — А что прислали тебе? — он был уверен, что и Монни получала подарки.

— Метлу и куклу, — ответила она со своей обычной резкостью в голосе.

Метлу? Бим посмотрел на почтовый ящик. Метлу в него точно не засунешь. Монни всё придумала.

Повинуясь внезапному импульсу, девочка достала из-под джемпера висевшую на починенной цепочке метёлку.

— Видишь?

— Это метла?

— Она похожа на те, что делали раньше, — уж если она достала метёлку, чего делать совсем не собиралась, то можно и объяснить. — А ещё кукла, не наводящая порчу.

Бим ничего не мог понять. Странная серебряная штука — пусть Монни и утверждает, что это метла, — на его взгляд не имела с метлой ничего общего — и кукла! И что такое кукла, не наводящая порчу? Ни о чём подобном ему слышать не приходилось.

Монни уже не казалась такой разъярённой, скорее, она о чём-то задумалась. Вот она снова наклонилась, дотронулась до звёздочек на крышке ящика и заговорила, не отрывая глаз от серебряных пятнышек.

— Для чего они предназначены?

Бим решил, что она имеет в виду те подарки, что они находили в почтовом ящике. Он помедлил с ответом. Стоит ли рассказывать ей о происшествиях с автобусом и вариантами контрольной? О том, что, по его мнению, всё произошло из-за слова «Са-бум»?

— А твой? — задал он встречный вопрос.

— Точно не знаю, — Монни теребила метёлку на шее. Куклу она ему не показала. — Я не совсем уверена.

Метёлка — к ней была приложена записка: «Вымети дочиста».

— Что вымети? — спросил Бим, когда она замолчала.

— Думаю... да нет, не знаю.

Такой Монни Бим ещё не разу не видел. Она больше не хмурилась. Хотя обычно, глядя на неё, казалось, что она в любой момент бросится в драку — только дай ей повод.

— Что касается куклы... — теперь Монни говорила значительно увереннее. — Помнишь ту куклу, что приносила Сельма? Ту, в которую втыкают булавки, чтобы у кого-нибудь заболел живот, или голова, или ещё что-нибудь?

Бим кивнул. Про куклу он слышал и знал, чем кончилась вся эта история. Об этом знали почти все пятиклассники.

— Так вот, кукла, не наводящая порчу, действует совсем наоборот! Втыкаешь в неё булавку с цветком и желаешь кому-нибудь что-нибудь хорошее — и это сбывается!

Бим нервно рассмеялся. Монни говорила так убедительно, что он чуть было ей не поверил. Но нет, его не проведёшь. Она явно что-то замышляет.

— Действительно сбывается! — девочка метнула на него яростный взгляд. — Я проверяла. Вчера я попробовала со Стеллой — и всё получилось! Ей предложили новую работу. А сегодня утром я попробовала с миссис Джонсон — я пожелала ей новое платье...

— Надо думать, она нашла его в своём шкафу. Или ещё не нашла?

— Оно появится, вот увидишь, — Монни уверенно кивнула головой. Бим понял, что она не обманывает его, что она по-настоящему верит в то, что говорит. Теперь Монни задала ему вопрос.

— А что могут эти штуковины? — она указала на палочку и свечу, которые Бим всё ещё держал в руках.

Бим помолчал. Не одна Монни была уверена в способностях своей куклы, Бим тоже верил в волшебные свойства «Са-бум», как он называл теперь палочку. Наконец маль-

чик решился и поведал Монни о школьном автобусе и о вариантах контрольной работы, не сомневаясь, что она поднимет его на смех.

Но Монни выслушала его с таким интересом, как будто поверила каждому слову.

— В тот день автобус проверили, но всё было в порядке, — сказала она. — И с тех пор он работает нормально. Я слышала, как мисс Льюис разговаривала с мисс Эймс о контрольной — там действительно что-то напутали. А что ещё ты пробовал делать?

— Больше ничего, — признался Бим. Но он рассказал Монни, какие странные вещи творились сегодня с электричеством, когда он включил свечу.

— Миссис Джонсон решила, что вылетели пробки, — сказала Монни. — Даже плита на минутку выключилась. И холодильник. Но зачем нужна такая штука, которая всё выключает?

— Не знаю, — честно признался Бим. Он завернул свечу и «Са-бум» в бумагу и убрал в карман.

Монни подняла с земли портфель.

— Нам пора. Скоро придёт автобус.

И впервые с тех пор, как они появились у Джонсонов, они пошли вместе, не ссорясь, поглощённые странными новыми мыслями.

— Кажется, я знаю, где раньше стоял почтовый ящик, — они уже почти дошли до остановки, когда Монни наконец нарушила молчание.

— Где? — тут же переспросил Бим.

— У старого дома. Я...

Закончить предложение она не успела. Подошёл автобус, и они бегом бросились к остановке. Бим втиснулся на сиденье рядом с незнакомым мальчиком, а Монни села рядом с Сельмой. К её великому удивлению, Сельма даже подвинулась.

— Ты спросила разрешение? — пробурчала она вместо приветствия.

Какое разрешение? Все мысли Монни были заняты почтовым ящиком, находками Бима и её собственными, она даже не сразу поняла, о чём идёт речь.

— Так ты спросила? — в голосе Сельмы послышалось знакомое раздражение. Однако волосы у неё сегодня были расчёсаны, и хотя она время от времени поднимала руку, чтобы по привычке покрутить прядь волос, но тут же её опускала.

— Нет ещё... Подходящего момента не было, — ответила Монни. Что соответствовало действительности. Стелла была настолько возбуждена своими успехами на работе, что Монни ни на минуту не оставалась наедине с миссис Джонсон. — Я сегодня спрошу...

— А они с тобой строги, эти Джонсоны? — допытывалась Сельма. — Тебе нравится у них жить? — Монни уже давно знала, как отвечать на подобные вопросы. На любые вопросы, касающиеся многочисленных приёмных родителей, у которых она побывала.

— Нет, они очень милые люди, — ответила Монни, и вдруг с удивлением обнаружила, что это чистая правда. Джонсоны действительно милые люди. Мисс Ридер, её социальный инспектор, могла многое им порассказать и наверняка сообщила, что Монни нигде не могла долго ужиться, однако ей, Монни, они никогда ничего не говорили. Стелла, правда, любит поддразнивать, однако и она оказалась неплохим человеком. Цепочку вот подарила, ничего не попросив взамен. И миссис Джонсон — нет, правда, приёмная мать из неё получилась совсем неплохая. Тут Монни пришла к заключению, что Джонсоны, пожалуй, самые лучшие приёмные родители, с которыми ей приходилось иметь дело — на сегодняшний день.

— Но тебе нужно быть очень осторожной, — продолжала Сельма. — Ты не боишься, что тебя могут отослать обратно?

— Обратно? Куда? — Монни стиснула кошелёк, в котором лежала кукла, не навозящая порчу, приносящая людям добро. На мгновение ей захотелось, чтобы кукла могла приносить зло. — Что ты имеешь в виду?

Сельма скорчила гримасу.

— Туда, откуда ты приехала.

Монни подумала о Льюисах, у них она жила до того, как приехала сюда. Нет, к Льюисам она не вернётся, они уже взяли другую девочку. Но что, если Сельма права, и её действительно могут перевести в другое место! В автобусе было жарко, но у неё похолодело в груди, как будто съеденный завтрак превратился в ледышку.

— Я никуда не поеду, — решительно заявила Монни. До визита Ридер оставалось две недели и Монни не могла припомнить за собой ни одного прегрешения. Она вспомнила об уборке, на которую её подвигла метёлка. Она и дальше будет убираться в доме и остерегаться всего, что может навлечь на неё неприятности. Придётся быть очень осторожной.

— Даже к Элис? — с улыбочкой спросила Сельма. Тут Монни вспомнила о вчерашнем приглашении.

— Не знаю. Я спрошу.

В конце концов сама Элис её не приглашала. Так что ещё неизвестно, стоит ли воспринимать приглашение всерьёз.

Однако уже в классе к ней подошла и Элис.

— Так ты приедешь в субботу?

— Мне нужно спросить разрешения, — пояснила Монни. Она и сама не знала, хочется ей пойти, или нет. Приглашение к Элис означало, что её считают своей, однако почему-то ей было не по себе. А потом она открыла тетрадь, в которую выписала кое-что из книги с метлой на картинке, и начисто забыла о разговоре. В книге говорилось о том, как жили первые поселенцы, о том, что они всё делали своими руками — и метлы тоже. Она провела рукой по груди и ей показалось, что от висящей на цепочки метёлки исходит приятное тепло, как будто та ответила на её прикосновение.

Бим ёрзал на стуле. Всю дорогу до школы он обдумывал скупые фразы Монни. О каком доме она говорила? О том старом доме, что стоит за разваливающимся магазином, куда она постоянно ходит? Все остальные дома в округе многоквартирные, так что... Он настолько погрузился в свои мысли, что вздрогнул, когда к нему обратилась

мисс Эймс, и почти не расслышал вопрос. Однако то, что он всё-таки услышал, заставило его ответить:

— Электричество, — Бим сам не знал, как это слово пришло ему в голову. Как будто кто-то подсказал его.

— Правильно. А теперь опусти, пожалуйста, шторы, Артур, и мы посмотрим фильм...

Комната погрузилась во тьму, наполнилась неясными тенями и шорохами. Уловив рядом с собой какое-то движение, Бим понял, что шайка Мэтта перешла в наступление. Мисс Эймс рассадил их подальше друг от друга, но разве могли они упустить такую замечательную возможность, как показ фильма в затемнённом классе!

Чья-то рука схватила Бима за плечо. Он резко развернулся и на кого-то наткнулся. Кто-то вскрикнул, последовала вспышка. Похоже, что кричала сидевшая рядом с ним Мэри. На полу что-то искрило.

Не думая о последствиях, Бим опустил свободную руку в карман. Даже сквозь бумагу, в которой была завернута трубка-свеча, его палец нащупал кнопку и с силой надавил на неё.

Потрескивание прекратилось. В тот же миг шторы взлетели вверх, и комната наполнилась солнечным светом. Мэтт, вцепившийся в Бима, отпрыгнул в сторону, но слишком поздно: к нему уже устремилась мисс Эймс. Не двигаясь с места, Бим ждал, когда разразится гроза. Теперь его поведут к директору, может быть, даже вызовут миссис Джонсон, и... Он старался не думать о странном визите мисс Валаско и о том, какие от него могут быть последствия.

— Я больше не намерена это терпеть! — голос мисс Эймс прозвучал, как выстрел из пистолета в телефильмах. — Что здесь происходит? — место Мэтта было в другом ряду, через проход. Билл Хадсон, второй нападавший, тоже встал со своего места.

— Мэтт, вы с Биллом немедленно отправляетесь к мистеру Хейнсу. Вы могли повредить оборудование, — она посмотрела на пол, на сложенный кольцами провод. Искры сыпались оттуда, даже горелым пахло. Но огня не было.

Бим заметил, что мисс Эймс удивлённо посмотрела на окна. Но она ничего не сказала по этому поводу, а задала классу задание — прочесть текст из учебника — и вышла вместе с Мэттом и Биллом.

Бим глубоко вздохнул. Почему и его не отправили к директору? Наверное, потому, что он сидел на своём месте. А может быть, есть другое объяснение? Он снова опустил руку в карман и дотронулся до палочки и свечи.

Так кто боится, спросил он себя, прекрасно зная ответ и не решаясь поверить. Ещё недавно это был Бим Росс. А потом он написал на почтовом ящике своё имя и стали происходить события настолько странные, настолько несовместимые с нормальной жизнью, к которой он привык, что сразу поверить в них было невозможно. Ему ужасно хотелось поговорить с Монни, узнать у неё всё, что известно ей самой, спросить у неё, не выбросить ли все подарки «Семи Чудес», чтобы не сойти с ума.

7. Ты мне, зеркальце, скажи

Хорошо, хоть завтра уроков не будет — родительское собрание. Бим вздохнул с облегчением, но положил в портфель учебник по математике. Экзамен состоится в понедельник, и на этот раз он просто должен его сдать. Мэтт и Билл вышли из кабинета директора злые как черти, но свести счёты с Бимом не пытались. А Биму ужасно хотелось поговорить с Монни, спросить, что ещё ей известно. Этот дом, о котором она говорила...

Монни слышала о происшествии с киноаппаратом и о том, что виноват был Мэтт. Наверное, хотел добраться до Бима, подумала она. Интересно, что его остановило — свеча?

Девочка заметила, что в автобусе Бим искал её глазами. Но она бросила на него только один равнодушный взгляд. Мысль о том, что он тоже получил два письма, всё ещё приводила её в ярость. Это она выдумала такую игру, а он пришёл и написал на ящике своё имя. Не имел он права, ни малейшего.

Монни нарочно проехала мимо Амстердам и вышла на углу своей улицы. Она хотела ещё раз посмотреть на старый дом, но без Бима. Должно быть, она совсем спятила, если заговорила с ним о доме.

Монни пошла быстрее, прекрасно зная, что Бим не подойдёт к ней на виду у других мальчишек. Она успела войти в квартиру, запыхавшийся Бим влетел следом.

— Эй, послушай, — начал он, даже не отдышавшись. Монни повернула голову и одарила его самым свирепым из своих взглядов.

— Сам слушай, — яростно ответила она. — Я ничего тебе не скажу. Ты понял — ничего!

Монни произнесла эту тираду свистящим шёпотом, потому что у миссис Джонсон были гости и Монни не собиралась отвечать ни на какие вопросы — ни Биму, ни кому-нибудь другому!

Бим попытался схватить её за руку, но Монни вырвалась.

— Этот старый дом — ты сказала, что почтовый ящик...

— Заткнись! — прошипела Монни. Послышался голос миссис Джонсон.

— Это ты, Монни? Зайди, пожалуйста.

Монни скорчила самую страшную гримасу, на которую была способна и вошла в комнату, оставив Бима стоять с разинутым ртом.

В комнате сидела мисс Ридер. В руке она держала чашку. Миссис Джонсон всегда встречала социальных работников чаем с домашним печеньем. Теперь обе дамы улыбались Монни. Но мисс Ридер не должна была сегодня приходить! Так почему... Монни глубоко вздохнула. Неужели её собираются перевести в другое место?

— Здравствуйте, мисс Ридер, — никто не должен догадаться насколько она взволнована, даже если её действительно переведут. Вопросов Монни не задавала, она лишь постаралась правильно отвечать на вопросы мисс Ридер. Миссис Джонсон извинилась и вышла из комнаты, сказав, что ей нужно упаковать печенье для благотворительного базара. Монни взяла предложенное

ей печенье, но никак не могла с ним справиться. Рот у неё пересох и вкуса она не ощущала. Каждый глоток давался ей с таким трудом, как будто во рту перекатывались камешки.

Да, ей нравится школа, да, дела у неё идут хорошо, да, и ещё раз да...

Если её сейчас переселят, она так и не узнает, что же это за почтовый ящик и кто такие «Семь Чудес». Всё достанется Биму. Этого она не перенесёт.

— Я рада, что у тебя всё в порядке, — должно быть, улыбочка у мисс Ридер изрядно поизносились, она так давно её нацепила. Монни боялась, что вопрос, который она так хотела и так страшилась задать, сорвётся с её губ сам собой.

Что здесь делает мисс Ридер?

Монни так и не решилась спросить, а мисс Ридер не собиралась ничего объяснять. Она попрощалась с миссис Джонсон, оставив встревоженную Монни наедине со своими мыслями. Вчера приходила мисс Валаско, а сегодня мисс Ридер.

Монни приглядывалась к миссис Джонсон. Неужели Джонсоны хотят взять кого-нибудь другого? После того, как на прошлой неделе пришло письмо, они долго что-то обсуждали. Перед тем как заснуть — она в тот вечер опять думала о доме — Монни слышала их приглушённые голоса. Она чуть не подавилась остатками печенья и поспешила в свою комнату. Вернее, в комнату Стеллы, которой ей разрешено пользоваться.

Девочка осторожно закрыла за собой дверь и огляделась. Да, теперь комната выглядела значительно лучше. С тех пор, как у Монни появилась метёлка (она подняла руку — всё в порядке, метёлка на месте), она перестала разбрасывать свои вещи и старалась содержать их в чистоте. Но раньше... А ещё бывали случаи, когда она нарочно не выполняла требования Джонсонов. Просто потому, что не желала, чтобы кто-то указывал ей, Монни Фиттс, что можно делать, а что нельзя.

Монни без сил опустилась на кровать. Она представила себе, что могла бы сказать миссис Джонсон, если бы

пришла к выводу, что с Монни невозможно справиться, и у неё подкосились ноги. Раньше, в других «домах» ей слишком часто приходилось слышать подобные разговоры.

Монни припомнила всё то, что ставилось ей в вину. Раньше ей было всё равно. Она «трудный ребенок», — очень хорошо, этим она, Монни Фиттс, и отличается от других приёмных детей. Но теперь — о, теперь ей не было всё равно. Может, Джонсоны и не такие уж прекрасные, просто она устала от бесконечных переездов. В конце концов, она не кукла, чтобы переводить её из одной семьи в другую, не интересуясь, хочет она того, или нет.

Кукла... Монни достала из кармана кошелёк и вынула оттуда куклу, не наводящую порчу. И в первый раз попыталась увидеть в ней саму себя. Может, ей бы удалось пожелать себе чего-нибудь хорошего. Но головка куклы оставалась гладкой и пустой.

Хотя нет, вскоре лицо её стало меняться! Кукла лежала рядом с ней на кровати, и Монни не спускала с неё глаз. Зеркальная поверхность затуманилась. Это было лицо пожилого человека. Вокруг глаз собрались морщины, а сами глаза были посажены так глубоко, что их почти не было видно, хотя Монни и почудились синие искорки под густыми бровями.

Морщины собрались и вокруг рта, прочертив на подбородке вертикальные линии. А кожа была мучнисто-белая. Седые волосы над высоким, изборождённым морщинами лбом были стянуты на затылке. Кто это? В их доме жила старая миссис Притчет. Хотя... лицо казалось таким живым, гораздо более живым, чем другие лица, появлявшиеся на зеркальной поверхности.

Эти глубоко посаженные глаза — они так пристально, так странно смотрели на неё. Ничего страшнее Монни испытать не доводилось. И в то же время... Да, сначала было страшно, но потом появилось другое чувство. У Монни возникло предчувствие, что должно произойти что-то очень важное.

Монни наклонилась к кукле. И прошептала едва слышно:

«Кто ты? И что должно случиться?»

Девочка была уверена, что её губы шевельнулись. Она приникла к кукле, но ничего не смогла расслышать. А потом лицо исчезло, как будто Монни стёрла его рукой, а ведь она и пальцем не пошевелинула!

Монни завернула куклу в конверт, а конверт убрала в кошелёк. Потом встала и засунула кошелёк под подушку на своей верхней койке. Почему-то ей расхотелось держать куклу в кармане.

Кто эта старая женщина, и что ей нужно от Монни? Девочка была уверена, что ей пытались сообщить что-то важное, а она так и не смогла понять, что именно. Её опять охватило нетерпение.

Из кухни раздался голос миссис Джонсон. Монни сняла жакет и поспешила на зов. Прежние опасения навалились с новой силой. Если на неё поступили жалобы, её точно переведут. Теперь ей стало понятно, каково было вчера Биму.

Дверь в его комнату оказалась закрытой. Монни осталась в нерешительности. Ей просто необходимо было с кем-то поговорить. А Бима эти странные события тоже коснулись.

Но к мальчику она так и не зашла. Вместо этого она направилась в кухню выпить свой стакан молока. Касается это Бима, или не касается, а к нему она обращаться не станет. Она справится одна, как всегда.

Благотворительный базар проводили в пятницу, миссис Джонсон была членом комитета. Ей предстояло рано выйти из дому, поэтому она взяла с обоих детей обещание, что они перекусят сэндвичами — их нужно было только достать из холодильника, — а потом придут в церковь. Так что всё утро у них оставалось свободным.

Монни никак не могла решить, идти ей к ящику, или нет. Этой ночью ей не приснился тот странный сон, в котором она оказывалась на пустыре и видела светящуюся звёздочку на почтовом ящике. Значило ли это, что

письма для неё нет? Ей ужасно хотелось сходить на свалку и проверить, но как избавиться от Бима? Он, правда, сказал, что будет готовиться к контрольной и ушёл в свою комнату, но дверь оставил приоткрытой. Если она выйдет из дому, он точно увяжется за ней.

Но оставаться дома она не могла. Её так тянуло к почтовому ящику, что в конце концов она вышла на улицу, состроив Биму — через дверь — страшную гримасу. Прятаться не имело смысла, он всё равно догадается, куда она пошла. Так что Монни прямоиком направилась к почтовому ящику.

Флажок был поднят!

Однако Монни не торопилась открывать ящик. И с ней, и Бимом стали происходить странные вещи. И она никак не могла забыть лицо той старой женщины, в которую вдруг превратилась кукла.

Что это за женщина? И что всё это значит?

Монни с такой силой стиснула руки, что у неё свело пальцы.

Открывать почтовый ящик, или нет? Она и хотела, и боялась этого. Монни никак не могла решиться.

— И что в нём на этот раз?

Ухмылка Монни не предвещала ничего хорошего. Бим всё-таки выследил её, впрочем, она и не сомневалась в этом.

— Давай, открывай! — какой же пронзительный у Бима голос. Она и не посмотрела в его сторону. — Может быть, там письмо для меня, — Бим протянул руку и схватился за крышку. — И оно принесёт мне удачу.

Но крышка не поддавалась. Монни решительно оттолкнула Бима. Она была так уверена, что письмо предназначается ей, как будто уже держала в руках знакомый лиловый конверт и успела прочесть на нём своё имя.

— Это мне, — спокойно сказала она и потянула крышку. Ящик открылся, как только она к нему прикоснулась.

Внутри лежало письмо, по крайней мере конверт, на котором стояло её имя. В левом углу та же надпись серебряными буквами, те же звёздочки в правом. Только

на этот раз звёздочек оказалось пять, и конверт тяжелее.

— Открывай! — требовал Бим. — Давай посмотрим, что там внутри!

Теперь, когда конверт был у Монни в руках, ей тоже захотелось его открыть. Она поддела один из уголков, и у неё на ладони оказалось зеркало.

Серебряную раму украшали непонятные рисунки, а само зеркало было таким же, как лицо у куклы. Казалось, листок бумаги, в который оно было завернуто, раскрылся сам собой и Монни увидела надпись:

«Посмотри на себя».

Бим прочёл её вслух.

— Что бы это значило? — спросил он. — Кого же ещё видишь в зеркале, как не себя? А что может это зеркало?

Монни поднесла зеркало поближе и посмотрелась в него. Да, она увидела своё изображение, но на минутку, не более. А потом зеркало затуманилось, и туман стал подниматься вверх, как дым от костра.

Монни с криком отшвырнула от себя зеркало. Туман стал сгущаться, его становилось всё больше и больше. И он уже не был светло-серым, как раньше. Появился блекло-голубой оттенок, потом коричневый, вернее, каштановый, как её волосы.

А потом туман... Нет, это был уже не туман... а Монни — вторая Монни, такая же настоящая, как и первая. Вторая Монни ухмыльнулась и скорчила гримасу.

— Кто ты? — спросила Монни.

Девочка из зеркала рассмеялась.

— Я — Монни Фиттс, — заявила она. — Спроси Бима!

Монни посмотрела туда, куда указывала Монни из зеркала. Бим стоял, выпучив глаза, и так побледнел, как будто вот-вот упадёт в обморок.

— Я — Монни, — повторила странная девочка и сделала шаг по направлению к Биму. — Так ведь? Ну, скажи, Бим, ведь я — Монни!

Бим в ужасе закрыл лицо руками и отступил на шаг.

— Пусть она уйдёт! — пронзительно закричал он. — Пусть она уйдёт!

Девочка из зеркала презрительно рассмеялась.

— С какой стати? Я — Монни, Монни Фиттс. И ты меня хорошо знаешь, Бим. Так и скажи.

Бим бросился бежать, как будто за ним по пятам гнались Мэтт и вся его компания. Пожалуй, даже быстрее. Девочка из зеркала рассмеялась в третий раз.

— Трус, с головы до пяток трус, — высказала она вслух то, о чём Монни и сама не раз думала. Бегал Бим значительно лучше, чем дрался.

Но теперь и самой Монни стало так страшно, что она чуть не бросилась вслед за Бимом. Ведь Монни Фиттс — это она сама! И, значит, другая — не Монни, а просто отражение, которое каким-то образом выбралось из зеркала.

— Ты сама знаешь, что я настоящая, — девочка подошла к Монни и протянула ей руку. — Если не веришь, ущипни меня.

Ни за что на свете Монни не стала бы дотрагиваться до этого — этого существа, так похожего на неё саму.

— Нет, ты не настоящая! — дрожащему голосу Монни явно не хватало уверенности.

Девочка из зеркала скорчила ещё одну гримасу.

— Ах так? Ну что ж, посмотрим — ох, мы ещё посмотрим!

— Убирайся! — в сухой траве что-то сверкнуло. Зеркало. Монни и подумать-то о нём теперь было страшно, не то что коснуться, но она всё-таки подняла его с земли. — Убирайся...

— С удовольствием. Именно это я и собираюсь сделать, — Монни из зеркала повернулась и зашагала прочь, оставив другую Монни у почтового ящика и с зеркалом в руках. Ещё мгновение, и Монни осталась одна. Девочку так трясло, что она чуть не выронила зеркало. Нет, только не это. Ей почему-то казалось, что если с зеркалом что-то случится, другая Монни останется здесь навсегда. А вдруг от этой ужасной Монни уже не отделаешься?

До сих пор почтовый ящик присылал ей только хорошие подарки. Монни глубоко вздохнула. Метёлка — никакого вреда от неё не было. А кукла — та даже

принесла пользу. Стелла получила повышение, а Сельма перестала накручивать на палец волосы и даже подружилась с Монни. Только миссис Джонсон осталась без нового платья.

И Бим тоже получил неплохие подарки, хотя временами они и норовили выкинуть какую-нибудь шутку. Однако шутка с автобусом продолжалась недолго, да и перепутанные варианты контрольной никому не принесли вреда. А свеча, надо думать, предотвратила пожар — провод мог загореться.

Но зеркало! Девочка всё ещё не могла унять дрожь. А вдруг та Монни придёт в квартиру и скажет, что она там живёт. Бим промолчит, он слишком напуган. И что тогда делать настоящей Монни?

Не сидеть же здесь до бесконечности. Монни положила зеркало в конверт и засунула в карман джинсов. Куда ей теперь пойти? Конечно же, в старый дом! Никто не станет там её искать, даже Бим, потому что никто не знает об этом месте.

И девочка побежала. Интересно, а что сейчас делает другая Монни? А вдруг она что-нибудь натворит? Монни припомнила некоторые поступки, которые она сама ещё недавно совершала или о которых только думала. А вдруг об этом узнает Монни из зеркала? Господи, да она может натворить, что угодно, и потом исчезнуть, — а отвечать придётся настоящей Монни!

Монни обогнула бывший магазин и подбежала к маленькому домику. Она неслась так быстро, что у неё закололо в боку. И так же закололо сердце, едва она представила себе, что сейчас может происходить в квартире, если там — другая Монни. Её следовало побыстрее остановить, загнать обратно в зеркало. Но как это сделать?

Девочка устало опустила на пол перед очагом. Если поднять голову, можно было увидеть семь звёздочек, вырезанных в каминной доске над её головой. Монни вдруг поняла, что говорит вслух, как будто в доме было кому её выслушать. И не только выслушать, но и поверить и даже помочь.

— Я должна её вернуть, — сказала она, заканчивая свой рассказ, хотя слушателями были лишь воздух да очаг. — Страшно подумать, что она может там натворить. А настоящая Монни Фиттс — я, а не она.

Монни вынула все три подарка, присланные ей почтовым ящиком.

— Видите? Я их верну — только пусть всё будет как прежде. Только сделайте так, чтобы она не натворила... — впервые за многие годы Монни закрыла лицо руками и зарыдала. Она прекрасно представляла себе, что может сотворить другая Монни, временами она сама каких только гадостей не желала — и Биму, и Стелле, и девочкам в школе, — и всему миру, где ей было так плохо и одиноко.

— Помогите мне её вернуть, — прошептала Монни. — Вернуть, пока она...

Монни помедлила, а потом заставила себя сказать всё до конца.

— Пока она не сделает то, что хотела сделать я сама. Она — она ни перед чем не остановится!

8. Посмотри на себя!

Монни и сама не знала, какого ответа она ожидала. Можно подумать, что её кто-то слышал! Но постепенно она собралась с мыслями и ей удалось почти совсем унять дрожь. В конце концов, может, ничего и не случилось! Может быть, это просто сон, как те, другие сны, когда она оказывалась на пустыре и видела сверкающие звёздочки на крышке почтового ящика.

Почтовый ящик!

Монни сжала губы. Если бы почтовый ящик куда-нибудь делся, может быть, вместе с ним исчезло бы и всё то, что им с Бимом присылали в письмах. А что, если она просто разобьёт ящик, превратит его в лепёшку и выбросит вон?

Монни вскочила на ноги. Именно так она и поступит. Только вот...

Она попыталась сделать шаг к дверям, но ноги не слушались, как будто их приклеили к полу или они увязли в цементе. Её захлестнула волна страха. Она не могла сдвинуться с места!

«Пожалуйста!» — закричала она. Но рядом никого не было, ни единой живой души! Она повернулась всем телом, но ноги были всё так же приклеены к полу.

Монни стало дурно. Что её ждёт? Почему она застряла в этом старом доме? Ей хотелось закричать изо всех сил, но оказалось, что она не может издать ни звука.

Ей стало так плохо, что она опустилась на пол, свернулась калачиком и закрыла лицо руками. Её здесь держат, чтобы другая Монни смогла натворить всё то, что приходило в голову ей, настоящей Монни. Увидеть себя — вот что было написано на бумаге, в которую завернули зеркало. Она увидела себя — частичку себя — и ей стало так страшно.

Дрожащими пальцами она открыла кошелек и положила на каменную плиту куклу, лицом вверх. Затем она сняла с шеи цепочку и положила метёлку рядом с куклой. Последним она выложила зеркало, хотя глаза бы её на него не смотрели. Теперь все подарки из почтового ящика лежали рядышком.

— Заберите их, — хрипло прошептала она. — Пожалуйста, заберите их, только оставьте меня в покое.

Серебряные предметы сверкали так ярко, как будто их освещали лучи солнца. И оказалось, что Монни не может отвести от них глаз, хотя всей душой желала никогда больше их не видеть.

А кукла стала меняться! У неё опять появилось лицо. Монни хотелось кричать, но она не могла издать ни звука. Это было её собственное лицо. Да, её собственное, но какое-то другое. Казалось, она стала старше, такой же взрослой, как Стелла, а лицо продолжало меняться. Вот она стала ещё старше, как мисс Ридер, как... Вокруг глаз, вокруг рта залегли морщинки, волосы поседели, стали совсем белыми. Теперь это было лицо старой женщины — то самое лицо.

Кукла зашевелила губами. На этот раз Монни смогла разобрать слова: «Готовься».

Монни всхлипнула.

— К чему готовиться? Скажи, как мне загнать её обратно в зеркало? — девочка не смогла бы объяснить, откуда пришло к ней это предчувствие, но ей почему-то казалось, что кукла с лицом старухи сможет ей все объяснить.

— Посмотри на себя, — повторили губы.

Монни повиновалась, она ничего не могла с собой поделать, но у неё так тряслись руки, что девочке пришлось взять зеркало обеими руками. Она посмотрела в зеркало и...

Ничего не увидела!

Зеркало оставалось абсолютно незамутнённым, ей было видно всё, что находится позади — стены дома, дверной проём и даже кусочек улицы — вот только себя она не увидела!

— Меня нет! — прошептала она.

Она ещё раз посмотрела на куклу, ожидая, что и лицо исчезло. Ничего подобного.

— Я не вижу себя, — сказала она кукле.

— Посмотри на себя, — повторили старческие губы.

Монни попробовала ещё раз. Стены дома, дверь — их было хорошо видно. Монни обернулась и посмотрела назад. Да, именно эта картина и отражалась в зеркале. Только её самой не было.

— Меня нет!

— Посмотри на себя.

Монни со слезами схватила куклу и засунула её в кошелёк. Туда же отправилась и метёлка. Она бы с радостью оставила зеркало на каменной плите, но почему-то не посмела. Отнести это всё назад, в почтовый ящик! Вот что нужно сделать.

Ноги девочки опять были свободны, и она снова помчалась, только теперь не к дому, а в обратную сторону, к свалке. Ящик стоял на своём месте. Флажок был опущен, крышка закрыта. Монни схватилась за ручку и потянула изо всех сил. Почтовый ящик не открывался.

Она хотела было оставить метёлку, куклу и зеркало возле ящика, но оказалось, что пальцы её не слушаются и она просто не может бросить подарки на землю.

Страх уступил место злости и Монни забарабанила кулаками по упрямому ящику.

— Открывайся! — закричала она. Можно подумать, что ящик испугается окрика и подчинится приказу.

Наконец она поняла, что ничего не получится. Крышка была пригнана так плотно, что будто её приклеили на веки вечные. Монни неохотно спрятала метёлку, куклу и зеркало в кошелёк.

Придётся вернуться домой, к Джонсонам. Нужно узнать, что там натворила другая Монни, та Монни, что на самом деле была частью её самой.

Теперь она не спешила, пытаясь на ходу собраться с мыслями. Что случится, если люди увидят обеих Монни вместе? Как она сможет объяснить, что произошло? Да нет, никак...

Она подошла к дому и неохотно вошла в подъезд.

— Эй!

Монни испуганно подскочила и обернулась. Это был Бим, он прятался у дверей Стивенсов. Цвет лица мальчика не изменился, и он слегка дрожал.

— Она... она пошла наверх, — пробормотал он.

Ему незачем было уточнять, кто «она». Монни посмотрела на лестницу, её трясло, как и Бима. Что там делала та, другая?

Монни вновь припомнила всё то, что иногда приходило ей в голову, когда настроение бывало настолько поганым, что хотелось поколотить Стеллу за её вечные издевки и специально нарушить хоть одно из надоевших правил, установленных в семье Джонсонов.

— Мне нужно посмотреть, что там делается, — пробормотала Монни, не столько обращаясь к Биму, сколько уговаривая саму себя.

— А она — она останется навсегда? — спросил Бим.

— Не знаю, — честно призналась Монни. Она стала подниматься по лестнице, прислушиваясь и не зная толком, что собиралась услышать.

Её ключ от квартиры лежал в кармане и дверь была заперта, однако девочка была почему-то уверена, что для той, другой Монни ни ключи, ни замки ничего не значат. Монни подёргала за ручку. Действительно, дверь заперта.

Позади она услышала какой-то шорох. Рядом с ней стоял Бим; такой смелости от него она не ожидала. В руках он сжимал свои подарки из почтового ящика.

— Может быть, — неуверенно начал он, — если мы их вернём...

Монни покачала головой.

— Я уже пыталась, — коротко ответила девочка и открыла дверь. Потом она немного постояла, прислушиваясь. Из квартиры не раздавалось ни звука. Тем не менее от этой тишины становилось ещё страшнее. Ей хотелось захлопнуть дверь и бежать без оглядки.

Но нет, нужно идти вперёд, увидеть, что её там ожидает.

В гостиной никого не было, и в спальне Джонсонов царил полный порядок, после ухода миссис Джонсон там ничего не изменилось. Монни вздохнула с облегчением. Миссис Джонсон так много говорила о чистоте и аккуратности, что временами Монни хотелось устроить в её спальне хорошенький кавардак. Но её собственная комната — вернее, комната Стеллы, — что происходило там?

Монни заставила себя протянуть руку к двери и со страхом распахнула их настежь. Зрелище, которое представало её глазам, можно было описать только одним словом: катастрофа!

Комната выглядела так, как будто кто-то задался целью учинить самый страшный разгром. Бутылочки и баночки, стоявшие на трюмо, были сметены на пол, обе постели разворошены, шкаф открыт и одежда вся валялась на полу. На голой кровати Стеллы сидела, поджав под себя ноги, другая Монни. Она ела шоколадные конфеты, обеими руками доставая их из коробки, которую вчера принесла Стелла. И при этом ещё гнусно ухмылялась.

— По-моему, очень даже неплохо. Что скажешь? — спросила она. — Как раз то, что мы хотели сделать, когда мисс Длинный Нос так разоралась по поводу своих

старых духов. А теперь мы их вылили в раковину! И посмотри, что мы сделали с её одеждой, с её модными штучками-дрючками!

Липким от шоколада пальцем она указала на гору мятой, перепачканной одежды. А на самом верху Монни с ужасом увидела новое платье Стеллы, оно было измазано губной помадой и тенями для век.

— Нет! — закричала Монни, отказываясь верить своим глазам.

Другая Монни рассмеялась.

— Да! Подожди, ещё увидишь, что мы натворили на кухне! «Монни, когда помоешь стаканы, не забудь их потом убрать!» — она проговорила это совсем так, как миссис Джонсон, уставшая повторять, что нужно делать. — «Дорогая моя, домашнее задание нужно делать вовремя. Не забудь надеть тёплый свитер. Послушай, Монни, у тебя неважные оценки. Может быть, ты постарайся учиться получше? Монни, у тебя видна нижняя юбка. Надень другую. И...» — Монни из зеркала засунула в рот сразу две шоколадки, и всё остальное она пробубнила с набитым ртом. — «Нет, ты не останешься смотреть «Чемпионов». Нет, Монни, эти джинсы носить нельзя, это полное безобразие. Монни, оставь Бима в покое! Монни, ты опять копалась в вещах Стеллы? Монни, перестань — перестань — перестань...»

— Замолчи! — закричала Монни. Всё это она действительно часто слышала и действительно каждый раз приходила в ярость.

— Всё время к нам придираются, — заявила Монни из зеркала и отшвырнула пустую коробку из-под конфет. — Ведь правда, они всё время к нам придираются? Ну, так мы им покажем, ещё как покажем!

— Это ты сделала, — сказала Монни, — а не я!

— Ты, я — какая разница, — ответила другая Монни. Она взяла с кровати незакрытый тубик губной помады, хлопнулась на живот, лицом к стене, и принялась выводить на ней каракули. Но тут ярость пересилила страх, и настоящая Монни бросилась на пришлую и ударила по руке.

Но её кулак свободно прошёл сквозь руку другой Монни, как будто той и в помине не было.

— Ты не настоящая! — торжествующе закричала Монни.

— Ещё какая настоящая, — возразила та, — Я тоже Монни. И я могу это доказать. Помнишь...

Монни слушала и вспоминала. Всё плохое, что с ней случилось — книги из библиотеки, тот раз, когда её не пригласили на праздник, хотя всех остальных пригласили, и другой раз, когда она скопила деньги на покупку куклы Барби, а ей пришлось заплатить за разбитую вазу, и ещё... Всё то, что причиняло ей боль и приводило в ярость — ничего не было пропущено.

Ей хотелось закрыть уши, как закрывают глаза, чтобы не видеть какую-нибудь гадость, но приходилось слушать.

— Они могут делать, что хотят, ведь правда? — продолжала Монни из зеркала; она всё так же улыбалась, но это была гримаса ненависти. — И ты им запретить не можешь! Ты уже давно хотела проделать всё это, — она указала на царивший в комнате беспорядок. — Ты давно хотела показать им всем. Ну вот, мы это и сделали. И мы ещё не закончили, ведь правда? — повторила она вновь, потому что Монни не ответила.

— Нет, я тебе не позволю! — яростно закричала Монни. Увидеть всё это наяву — вовсе не то, что просто думать об этом. Новое платье, которым Стелла так гордилась, испорчено. Стена разрисована. А что ещё ждёт её на кухне? И главное, она-то не виновата, совсем не виновата!

Можно подумать, что Монни из зеркала читала её мысли.

— Ещё как виновата! Ты сама хотела всё это проделать, только боялась. А теперь мы больше не боимся, и мы им покажем. Следующая на очереди — комната миссис Джонсон.

Монни из зеркала соскользнула с кровати.

— Помнишь, о чём ты думала две недели назад? Вот будет потеха!

Монни слишком хорошо всё помнила.

— Нет! — застонала она.

— Но ты же этого хочешь, сама знаешь, что хочешь, — заявила Монни из зеркала.

— Нет, — возразила Монни. — Нет, не хочу! Миссис Джонсон, она...

— Она придирается, и командует тобой, и всё время задаёт вопросы, — подсказала Монни из зеркала. — Ты её не любишь, ты не любишь Стеллу, ты вообще никого не любишь, ведь правда?

— Ненавижу тебя! — закричала Монни. — Я ненавижу тебя!

Монни из зеркала кивнула головой. И эта мерзкая улыбочка никак не сходила с её губ.

— Конечно. Ты ненавидишь меня, ты ненавидишь себя, ты ненавидишь весь белый свет. Ну так давай покажем им...

— Нет! — Монни загородила собой дверь. — Я тебе не позволю.

— Но ты об этом думала, ты хотела это сделать?

— Это было. Больше я этого не хочу. Я не хочу тебя видеть, уходи!

— Не могу. Не забывай, я — это ты, я — Монни-Фиттс.

Монни покачала головой.

— Нет, и ещё раз нет! Я тебе не позволю. Я... — в полном отчаянии она достала кошелёк, покопалась в нём и зеркало снова очутилось у неё в руках.

Однако на этот раз она направила его на другую Монни. Та перестала улыбаться. На её лице читались и злость, и хитрость одновременно.

— Ты не можешь этого сделать, — резко сказала она, — Ты не можешь загнать меня назад. Я — это ты, и ты — это я. От меня тебе не избавиться.

— Я — не ты! — завопила Монни, от страха её голос сбивался на визг. — И ты — не я, нет, не я!

— Ты сама меня создала.

— Тогда я тебя рассоздам! — Монни сама не знала, что она хочет сказать. Она поднесла зеркало к лицу другой

Монни. — Залезай, — скомандовала она, почти не надеясь, что Монни из зеркала её послушается. — Залезай и возвращайся туда, откуда пришла.

— Я — это ты, — сказала другая Монни, однако уверенности у неё в голосе поубавилось.

— Нет! Я тебе не позволю! — Монни сделала шаг, другой, по-прежнему держа зеркало на такой высоте, чтобы вторая Монни могла видеть своё лицо, если только она вообще туда посмотрит. Однако именно это она сейчас и делала.

Монни из зеркала вздрогнула.

— Я — это ты! — повторила она, но уже тихо и неуверенно.

Монни почувствовала, что страх чуть-чуть отступил.

— Ты — не я, я тебе этого не позволю.

— Вот увидишь, ты не сможешь измениться, — очертания другой Монни потеряли чёткость.

— Смогу, — яростно ответила Монни. — Я стану собой и не допущу, чтобы ты была частью меня.

Монни из зеркала становилась всё более прозрачной, превращаясь в туманную дымку. Потом по комнате как будто ветер пронёсся, подхватил туман и закружил его вокруг зеркала. Монни крепко вцепилась в зеркало, хотя ей очень хотелось его отшвырнуть. Полоска тумана коснулась зеркальной поверхности и втянулась внутрь. Монни поспешила убрать зеркало в конверт.

— Она исчезла, она действительно исчезла! — на пороге комнаты стоял Бим. — Но ты посмотри, что она наделала!

Монни обвела глазами комнату. Зрелище было ужасное. Внутри у неё всё оборвалось. Всей жизни не хватит, чтобы уничтожить следы пребывания другой Монни. И как всё это объяснить? Никто не поверит, даже если Бим подтвердит её слова. Ей хотелось сесть и завывать — но что это изменит?

— Что ты собираешься делать? — спросил Бим.

— Постараюсь убрать, что смогу, — ответила Монни бесцветным голосом.

— Послушай, — Бим явно чувствовал себя крайне неловко, — я могу помочь. Хоть чем-нибудь.

Монни удивлённо посмотрела на него.

— Зачем? Ты же в этом не участвовал.

— Да, но и ты тоже. Нечестно, если во всём обвинят одну тебя.

Монни прямо-таки онемела от изумления.

— Правду я им рассказать не могу, — сказала Монни, — а если ты начнёшь мне помогать, они подумают, что ты тоже виноват.

Неожиданно он улыбнулся.

— Знаешь, если бы я посмотрел в зеркало, мог бы появиться такой же Бим, если не хуже. Давай лучше попробуем что-нибудь сделать.

Они принялись за работу и оказалось, что дела обстоят не так уж и плохо. Когда Монни встряхнула платье Стеллы и повесила его на плечики, то увидела, что оно совсем не мягкое, и пятна на нём — всего лишь следы пудры, которые девочка легко удалила щёткой. С помощью Бима она довольно быстро привела комнату в божеский вид. Монни вздохнула с облегчением. Даже размазанная по стенам губная помада отщёрлась влажной тряпкой.

— Теперь пойду на кухню, посмотрю, что там творится, — сказала Монни. — Послушай-ка, — Монни открыла кошелек и достала деньги, которые копила на маску для дня всех святых. — Ты не купишь конфет, такую же коробку? — и она показала ему ту, что опустошила другая Монни. Её мучило от одной мысли о конфетах, как будто она сама их все съела.

— Конечно, — согласился Бим. — А она ведь больше не вернётся, правда?

— Нет! — твёрдо ответила Монни. — Я сделаю всё, чтобы она больше не вернулась. Никогда!

9. Дверь в никуда

Когда Монни взялась за наведение порядка в кухне, то вскоре выяснила, что и здесь всё совсем не плохо. Она

быстро собрала с пола и выкинула мусор, а то, что чудом уцелело, убрала в холодильник. Бим удивлял её всё больше и больше. Вернувшись из магазина, он снова стал помогать. Им ещё очень повезло, что миссис Джонсон отправилась на благотворительный базар и дома никого не было. Монни так устала, что у неё заболели плечи. Она уселась на стул и ещё раз огляделась. Следов пребывания Монни из зеркала не осталось.

Бим облокотился на стол.

— Ты действительно этого хотела? — спросил он.

Монни кивнула.

— Думаю, да. Иногда так хочется перевернуть всё вверх дном, или что-нибудь разбить, или...

Теперь кивнул Бим.

— Знаю. Кажется, что ты просто обязан это сделать.

— Но на самом деле я ничего такого не делала, честное слово, — быстро добавила Монни. — Я только думала об этом, — она вздрогнула. Похоже, что даже мысли могут довести до беды.

— Я не смог бы посмотреть в это зеркало даже за миллион долларов, — сказал вдруг Бим. — Я... — он покачал головой и после паузы продолжил, — думаю, что появился бы значительно худший Бим. Хотя, — задумчиво добавил он, — если бы этот Бим смог устроить Мэтту...

— Нет! — закричала Монни, обеими руками закрывая карман, в котором лежал кошелек. — Я тебе ни за что не позволю...

— Да не хочу я этого! — успокоил её Бим. — Послушай, ты знаешь, который час? Нам пора отправляться в церковь, пока миссис Джонсон нас нехватила, — и мальчик показал на стенные часы.

Было около двух часов дня. Монни посмотрела на свою одежду: и рубашка, и джинсы были грязными. В таком виде в церкви лучше не появляться. Потом она бросила оценивающий взгляд на Бима.

— Нам лучше переодеться. Ей не понравится, если мы придём в таком виде.

Бим оглядел свою грязную одежду. По ней точно можно было сказать, чем он недавно занимался.

— Ладно. Послушай,.. — он остановился у двери, — ты что-нибудь слышала?..

— О чём?

— О визите мисс Валаско на прошлой неделе, — он облизал губы и отвёл глаза, избегая взгляда Монни. Она легко смогла догадаться, о чём он думает.

— Ты думаешь, тебя опять переведут в другое место? — спросила Монни.

Бим пожал плечами.

— Не знаю. Но ты что-нибудь слышала?

— Нет. Мисс Ридер тоже приходила раньше времени.

— А мне здесь нравится, — медленно проговорил Бим.

— Джонсоны не такие уж и плохие. А в следующем сезоне мистер Джонсон собирается сводить меня на соревнования Младшей Лиги. Если я здесь останусь.

Если я здесь останусь! Эти слова не давали покоя и ей; Монни и сама могла бы сказать то же самое. Девочка зябко повела плечами.

— Если мы будем осторожны, по-настоящему осторожны, — задумчиво проговорила она, — может, они передумают.

— Может быть, — однако особой уверенности у него в голосе не было. Бим вышел из кухни. Монни немного задержалась, чтобы ещё раз окинуть взглядом кухню. Она хотела убедиться, что всё в порядке.

Потом Монни отправилась в свою комнату и там тоже хорошенько огляделась. Все следы пребывания Монни-разрушительницы исчезли, а коробка конфет лежала на своём месте. Просто удивительно, до чего ужасно всё выглядело и как легко удалось навести порядок.

Вымети дочиста. Почему-то ей вдруг вспомнились эти слова. Может быть, именно благодаря метёлке удалось так быстро ликвидировать последствия разгрома, что учинила другая Монни.

Она сбросила блузку и джинсы и надела джемпер и другую блузку — клетчатую, в которой ходила в школу. А потом впервые уселась перед зеркалом — перед настоящим зеркалом — и занялась своими непослушными

волосами. В ход пошли гребни, щётка и заколки, которые она позаимствовала у Стеллы.

Теперь она действительно выглядела по-другому! По крайней мере, снаружи. И если в ней всё-таки где-то сидит та, другая Монни, нужно сделать так, чтобы она никогда больше не выбралась на свет божий. После чего очень осторожно, чтобы не дай Бог не посмотреться в зеркальце из ящика, она завернула его в тряпочку, потом в другую и убрала в кошелёк. Потом взяла в руки метёлку. Поколебавшись, она всё-таки надела цепочку на шею и спрятала под блузку.

На куклу она смотреть не собиралась — от неё можно было ожидать чего угодно, как и от зеркала. Но как же ей повезло, как повезло! Монни вздохнула с облегчением. А что, если бы она не успела убраться? Нет, об этом лучше не думать!

И всё-таки весь вечер Монни было не по себе. А вдруг что-нибудь окажется не на месте и миссис Джонсон или Стелла обо всём догадаются? Но никто ничего не заметил. Единственное, что их удивило — это то, что Монни отказалась от конфет. Она смотреть на них не могла, не то что проглотить!

Девочка так устала, что у неё слипались глаза. Однако, даже засыпая, она думала о том, как ей повезло. Вот только почему мисс Ридер пришла раньше времени? И вдруг другая Монни появится ещё раз? Нет, об этом она даже думать себе не позволит! Весь следующий день она старалась не думать о случившемся, но всё равно очень переживала. И миссис Джонсон была какой-то странно рассеянной. Она даже не проверила, как Монни убралась в квартире, а вечером поехала с Бимом в магазин, чтобы купить ему новые пижамы и рубашки.

Монни призадумалась. Неужели они собираются отослать Бима? Ей вдруг стало очень одиноко. Наверное, тогда и её ждёт переезд.

Но вопросов она не задавала и с радостью отправилась спать, хотя была суббота. Думать о доме ей почему-то не хотелось и она довольно долго не могла уснуть.

Было темно и холодно. Монни попыталась плотнее закутаться в одеяло, только одеяла на месте не оказалось. Да и была она вовсе не в постели. Одна только темнота, а вокруг притаились какие-то тени. Да она же на свалке!

Девочка находилась у разбитой машины, а кто-то другой стоял на коленях у почтового ящика. Видно было плохо; но она решила, что это Бим. Бим! Как он посмел прийти ещё раз? Неужели им мало неприятностей с зеркалом?

Бим протянул руку к крышке ящика. Монни хотелось остановить его. Она стояла босиком, поверх пижамы был накинут только её старенький халат. Какой странный сон — уж слишком он был похож на действительность. Она действительно находилась на пустыре, хотя понятия не имела, как здесь очутилась. И Бим тоже.

Вот он открыл ящик. У Монни даже горло заболело, так она старалась закричать, остановить его, но девочка не смогла издать ни звука. Пошевелиться она тоже не могла. Приходилось стоять и смотреть, как Бим засовывает руку в почтовый ящик. Ему достался большой конверт — такой большой, что мальчику пришлось изрядно попотеть, дергая его туда-сюда, прежде чем он смог его вытащить.

Конверт был лиловым, шесть марок-звёздочек, казались светлячками, такими они были яркими. Монни не видела лица Бима — он наклонился, чтобы положить конверт на землю. Некоторое время мальчик просто смотрел на конверт, не пытаясь его открыть. Наверное, боится, подумала Монни. Ещё бы, после всего случившегося и ей было страшно.

Она всё ещё не могла не только сдвинуться с места, но и просто крикнуть, чтобы предостеречь Бима. Он тоже был в халате, из которого давно вырос, голые руки торчали из рукавов чуть лишь не по локоть. Но вот он всё-таки начал открывать конверт.

Бим нетерпеливо поддел уголок, дёрнул посильнее, и конверт раскрылся. Мальчик осторожно вытряхнул содержимое конверта на землю, как будто оно могло его

укусить. Монни до боли стиснула руки и ещё раз попыталась крикнуть Биму, чтобы он оставил конверт в покое, а не то беды не оберёшься. Она знала это наверняка, как и то, что её трясёт от холода.

Но чтобы там ни лежало, само оно из конверта не вытряхивалось, Биму пришлось приложить усилия. Наконец попытки мальчика увенчались успехом, и новый подарок оказался у него в руках. Монни боялась, что в конверте окажется ещё одно зеркало, но её страхи оказались напрасными. Бим держал в руках звезду — пятиконечную звезду — вернее, её контур, потому что она была сделана из проволоки.

Внезапно звезда вспыхнула, засияв так ярко, что Бим вскрикнул от неожиданности и уронил её на землю. А потом...

Казалось, что звезда ожила! Она стала увеличиваться, расти, пока не стала такой большой, что внутри неё можно было стоять. От неё исходило сияние, и ярче всего светились контуры лучей.

Бим встал. Теперь Монни смогла рассмотреть его лицо. Глаза у него были закрыты. Так и не открывая их, мальчик сделал шаг, другой. Как будто шёл во сне.

— Бим! — каким-то чудом у неё прорезался голос и ей наконец-то удалось позвать Бима.

Но он даже не посмотрел в её сторону, а сделал третий шаг и очутился внутри звезды. Лучи засветились ещё ярче. Какое-то время Бим постоял, так и не открывая глаз, а потом...

Бим исчез!

Монни рванулась вперёд, ей всё-таки удалось сдвинуться с места. Она стремительно подбежала к звезде, которая на её глазах стала уменьшаться. Но в ней же исчез Бим! Не раздумывая, Монни впрыгнула внутрь, ей еле-еле хватило места.

Девочку окружала тьма. А сама она падала... нет, не падала, скорее плыла... или летела... бог его знает, что это было. Но от того, что почва ушла из-под ног, ей стало муторно и страшно, так страшно, как не было даже при появлении другой Монни из зеркала.

А она всё неслась сквозь тьму. Монни расставила руки и пыталась нащупать хоть что-нибудь, за что можно уцепиться. Но кроме тьмы вокруг не было ничего.

Бим медленно открыл глаза. Ему снился очень страшный сон. Как будто он встал среди ночи, надел халат и вышел из квартиры. Потом он видел во сне почтовый ящик и какую-то звезду, большую и сияющую, и...

Бим потряс головой. Он не в своей спальне, здесь совсем другой потолок, с теряющимися во тьме массивными поперечными балками. Было очень темно, хотя откуда-то слева струился неясный мерцающий свет. Мальчик осторожно пошевелил руками. Он лежал на каком-то подобии кровати, по крайней мере, было чем укрыться, только одеяло оказалось жёстким и тяжёлым.

Наверно, сон всё ещё продолжался, но уж больно он был похож на действительность.

Бим медленно повернул голову к свету. И увидел огонь — настоящий огонь, горевший в таком большом очаге, что он занимал чуть ли не всю стену. Очаг казался большой тёмной пещерой, в которой горел маленький костёр.

Высоко над огнём шла каменная каминная доска, а на ней...

Звёздочки, семь звёздочек. Не серебристые, как на конверте... каком конверте? Бим мучительно пытался вспомнить. Всё это было так давно. Почтовый ящик — да, действительно, был почтовый ящик и на нём были нарисованы звёздочки.

А здесь звёздочки светились лиловым. И огонь был настоящий — Бим чувствовал исходящее от него тепло. Какое-то время мальчик смотрел на огонь, а потом перевёл взгляд на свою постель. Вне всяких сомнений, это не его постель, не в ней он заснул вчера вечером. Эта была и уже, и ниже, так что его лицо оказалось вровень с языками пламени.

Бим сел в постели. Ему стало по-настоящему страшно, потому что всё вокруг было таким реальным. Очаг служил единственным источником света, поэтому почти ничего

не было видно. Его низкая кровать стояла у стены как раз напротив очага. У дальней стены стоял стол, несколько деревянных стульев и ещё какой-то предмет, который в этом неверном свете можно было принять за буфет.

С потолка свисали какие-то пучки сухой травы. А ещё там были связки лука и перца, только совсем сморщенно-го. Кроме Бима в комнате никого не было.

Бим осторожно встал на ноги, напряжённо вглядываясь в тёмные углы. Ни малейших признаков жизни. Бим и сам не знал, кого он ожидал здесь увидеть, но убедившись, что он в одиночестве, мальчик вздохнул с облегчением. Но стоило его взгляду упасть на красноватые светящиеся звёздочки на каминной доске, как его пронизал страх. От них жди беды, в этом Бим был уверен.

Мальчик сделал шаг, другой. Теперь он был ближе к огню. И только тут он заметил, что на нём не пижама и даже не джинсы с рубашкой, а короткие брюки из такой же грубой ткани, что и одеяло, внизу они были заправлены в толстые носки. Клетчатая, коричневая с белым рубашка была ему велика, и манжеты спускались до самых пальцев. Широкий кожаный ремень опоясывал рубашку.

Бим потряс головой, закрыл глаза, сосчитал до десяти и снова их открыл. Всё оставалось по-прежнему. Нет, это сон, иначе и быть не может!

Он ущипнул себя за руку. Ущипнул так сильно, что даже вскрикнул. Ему было больно!

Но ведь не может же это происходить на самом деле! А если всё-таки может, то где он находится и как сюда попал? Бим уставился на огонь невидящим взглядом. Он пытался собраться с мыслями. Почтовый ящик, с ним что-то связано. Что же случилось?

Постепенно он всё вспомнил. Почтовый ящик Монни — и его собственный. Он вспомнил и про палочку «Сабум», и про серебряную свечу... Бим бросился к кровати. Когда он засыпал в своей комнате, его подарки лежали у него под подушкой. Однако здесь подушки не было, её заменял сложенный в несколько раз кусок одеяла. Бим

сунул под него руку и ощутил холод металла. Оба подарка из почтового ящика были на месте, Оба? Ещё какой-то предмет упал на пол.

Бим наклонился и поднял звезду — пятиконечную звезду из проволоки. На концах лучи чуть утолщались. Такая странная штука вполне могла быть очередным подарком «Семи Чудес». Только Бим не помнил, как этот подарок к нему попал.

Бим дотронулся до него с большой опаской. Первые два подарка Монни вреда не принесли, но вот третий — зеркало... А это его третий подарок. Биму совсем не хотелось, чтобы и с ним случилось что-нибудь подобное. Одно было ясно: звезда того же происхождения, что и палочка и свеча. Она такая же серебристая и так же светится в темноте.

В темноте... Где он находится? Бим передвинулся поближе к огню. Здесь он чувствовал себя спокойнее, даже не от тепла, а просто от света. А на звёздочки на каминной доске он больше смотреть не будет. Мальчик облизал пересохшие губы и осторожно проговорил: «Эй!»

Он и сам не знал, какого ответа ожидал, и от кого. Всё так же потрескивало пламя, других звуков не было слышно. Вдруг Бим заметил, что огонь затухает. Он в ужасе огляделся. Остаться одному в тёмной комнате — нет, ни за что! Этого он не допустит. Рядом с очагом лежала кучка деревянных брусочков, покрытых корой, — похоже, это было дерево, и его срубили совсем недавно. Бим схватил несколько штук и сунул в огонь. В какой-то момент ему показалось, что он совсем загасил пламя. Но затем на верхнем полене занялась и ярко загорелась ветка, и мальчик вздохнул с облегчением.

Бим следил за огнём до тех пор, пока не убедился, что он не потухнет. Затем Бим призвал на помощь всю свою храбрость и медленно обошёл комнату, поминутно озираясь. И хотя он никого не видел, в нём крепла уверенность, что он не один.

В комнате имелось два окна, но толку от них не было никакого, потому что их прикрывали тяжёлые деревян-

ные ставни, закрытые, к тому же, на засов. Такой же засов запирал изнутри дверь. Ещё Бим нашёл несколько сундучков — вернее, он просто натыкался на них, — а когда, набравшись смелости, он открыл дверцу буфета, то увидел лишь глиняные горшки и кувшины, все с крышками, и несколько толстых коричневых тарелок.

Обойдя всю комнату, Бим вернулся к очагу и сел возле огня, скрестив ноги и радуясь теплу. В дальней части комнаты было значительно холоднее. У кровати он нашёл ботинки. Когда он их примерил, оказалось, что с толстыми носками они подходят ему в самый раз. Странные это были ботинки, на толстой подошве и совершенно одинаковые, где правый, где левый — не разберёшь.

Если он не спит, а Бим всё больше и больше убеждался в этом, то как же он всё-таки сюда попал? Бим выложил на каменные плиты у очага — здесь было светлее — все подарки из почтового ящика. «Са-бум» и свеча были старыми добрыми друзьями. Звезду он положил подальше, ей он совсем не доверял. А потом обернулся, потому что точно знал, что в комнате он не один.

И не убирая руки с палочки и свечи, он спросил ещё раз: «Пожалуйста, скажите, где я?»

Ему приходилось жить в разных местах, каждый раз начиная новую жизнь. Но все переезды были похожи один на другой. Его всегда сопровождала мисс Валаско, и жить ему предстояло в квартире или доме, не так уж отличающихся от тех квартир и домов, где он уже жил. Но здесь всё было совершенно по-другому.

«Где я?» — повторил мальчик, сжимая в руках палочку «Са-бум» и свечу. Его сердце колотилось так сильно, что при каждом ударе он вздрагивал всем телом.

10. Где наш дом?

Огонь в очаге ярко вспыхнул. Бим повернул голову.
— Так ты вернулся домой, Хоза?

Бим резко развернулся. Она сидела на одном из маленьких стульчиков, ножки у него были такие коротенькие,

что казалось, что она сидит на корточках. Света было достаточно, чтобы хорошо разглядеть женщину, хотя длинное мешковатое платье оставляло открытым лишь её лицо и шею.

Она была по-настоящему старой, старше миссис Причтетт. Почти всю голову покрывал лиловый чепец, но на лбу и на висках из-под него выбивались длинные пряди седых волос. Глаза у неё... глаз почти не было видно, так низко нависали над ними кустистые брови. А крупный нос загibalся книзу, как клюв у попугая (Бим его однажды видел), так что под этим нависающим носом губы казались маленькими и тонкими.

Её руки не отрывались от вязанья. Но хотя пальцы так и мелькали, сопровождаемые ритмичным пощёлкиванием спиц, на свою работу она совсем не смотрела. Она пристально изучала Бима.

Мальчик сделал шаг назад, потом другой. Она настолько отличалась от людей из его мира, что Бим испугался, хотя она не угрожала ему, а сидела себе и вязала. Но откуда она взялась? И двери, и окна по-прежнему были закрыты на засовы. А больше никак нельзя было попасть в комнату.

— Добро пожаловать домой, — теперь, когда она открыла рот, Бим заметил два желтоватых зуба.

— Но я не... — начал было Бим, но замолчал на середине фразы. Пусть он не знает, где находится, но это — не его дом. А где тогда его дом? У Джонсонов? Да, не сегодняшний день — да.

— Не совсем в себе, Хоза? — старая женщина покачала головой, поля её большого лилового чепца затряслись, отбрасывая причудливые тени. — Может, путешествие слишком затянулось?

Бим собрал всю свою храбрость.

— Меня зовут Бим Росс, — он пытался говорить уверенным тоном, но несмотря на все его усилия голос всё-таки предательски дрожал. — И я хочу домой.

Старуха покачала головой и погрозила ему спицей.

— Эх, Хоза, ты плохо подумал, ведь так? Садись-ка, парень, и вспоминай хорошенько!

Как по волшебству рядом с ним оказался стул, и Бим сел, сцепив руки и зажав их между колен. У него всё так же стучало сердце, ему было трудно дышать. Пожалуй, это ещё хуже, чем попасться Мэтту с его шайкой.

— Ах, чёрт! — теперь старуха смотрела на своё вязанье, что-то подправляя там той самой спицей, которой только что грозила Биму. — Спущенная петля. Нет, этого допустить нельзя. Спущенная петля, и жизнь пойдёт вкривь и вкось.

Бим внимательнее пригляделся к вязанью. Здесь были нитки всех цвктов, Наверное, из-за плохого освещения они казались такими блеклыми. И вязала старуха что-то очень большое, вернее, длинное. С её коленей вязанье спускалось на пол, закручивалось кольцами, без какого-либо узора или рисунка, просто смешение всех цветов.

— Да нет, Хоза, рисунок здесь есть, — свободной спицей старуха указала на своё вязанье. — Вот счастье, а вот печаль, добро и зло, дождь и солнечный свет, сев и урожай, начало и конец, как и должно быть. Чёрное и белое, красное и синее, жёлтое и зелёное... Тут немного неба, вот этот кусочек побольше — речка, горстка земли, лист с дерева, снежинка, сосулька, капля дождя, солнечный зайчик, — она произносила всё это нараспев, как будто вот-вот запоёт по-настоящему.

И Биму казалось, что детали, о которых она упоминала — небо, речка, земля, лист, — становились на секунду ярче. Но его больше занимали собственные проблемы.

— Где находится этот дом? — спросил он, отводя глаза от мелькающих в её руках спиц.

— В своём времени, Хоза, в своём времени. Время может быть местом. Неужели ты всё забыл? Нужно же было превратиться в такого олуха!

Она досадливо покачала головой, но больше ничего не сказала.

От страха Бим бросился всё отрицать.

— Меня зовут Бим Росс, и никакой я не Хоза, или как его там. И я хочу домой.

— А где твой дом? — спросила она.

— Ну, как же, у Джонсонов. По крайней мере сейчас я там живу.

— Сейчас, потом — время в счёт не идёт. Где угодно, только не здесь. У тебя есть палочка, свеча и звезда. С их помощью ты откроешь...

— Они мне не нужны! — Бим поспешно отодвинул от себя все три предмета на каменной плите, где они ослепительно сверкали.

— Но, Хоза, другого пути у тебя нет. Волшебные предметы принадлежат тебе. Разве ты не пользовался ими? Теперь они твои.

Бим поёжился, хотя стоял у самого огня.

— Заберите их, — отчаянно закричал он. — Меня зовут Бим Росс, и никем другим я быть не хочу. Я не хочу здесь оставаться, отпустите меня домой!

Тут она засмеялась.

— Ты всё так же нетерпелив, Хоза. И так же неосторожен. Коли начал заниматься волшебством, это на всю жизнь. А вернуться назад — это мы ещё посмотрим. Но где же та, что довершает колдовство, хотела бы я знать.

Всё вязанье опять собралось на одной спице, а вторая освободилась. На этот раз старуха указала свободной спицей на звезду из серебряной проволоки, а не на Бима.

Звезда затрепетала, отделилась от каменной плиты, на которой лежала, и, повинаясь манящим движениям спицы, опустилась на пол между Бимом и старухой. Теперь спица взлетела в воздух, указывая поочерёдно на те точки, где сходились лучи звезды.

Эти точки засветились ярче, а сама звезда стала расти. Бим вскрикнул и отодвинул свой стул. Наконец старуха заговорила.

— Она потерялась. Звезда предназначалась тебе... Позови её.

Кого позвать? Сначала Бим растерялся, а потом всё понял. Речь могла идти только о Монни. Где она потерялась? И как...

— Зови, парень, или ты хочешь, чтобы она потерялась навсегда? — голос у старухи стал резким.

— Монни... — хрипло прошептал Бим. — Монни! — он попытался крикнуть громче.

— Нет, не так, мой мальчик. Ты квакаешь как лягушка. Или ты действительно хочешь её потерять? — старуха ткнула спицей в его сторону.

Если бы Монни была здесь! Ему так не хотелось, чтобы она потерялась! Она — настоящая, принадлежит тому миру, куда он так жаждет вернуться. Бим набрал в лёгкие побольше воздуха и изо всех сил завопил:

— Монни!

Ему вторило эхо, отражаясь от стен, снова и снова повторяя её имя. Огонь разгорелся сильнее.

В центре звезды образовался клубок тумана. Бим вдруг вспомнил Монни из зеркала, она появилась точно так же, а её Бим совсем не хотел видеть. Он испуганно следил за тем, как туман поднимается вверх. Потом туман исчез.

Внутри звезды кто-то был. Она свернулась калачиком, обхватив руками согнутые колени и уткнувшись в них лицом, так что Бим видел лишь рассыпанные по плечам волосы. Но у Монни короткие волосы, по крайней мере, значительно короче.

— Монни? — неуверенно спросил Бим. Он видел, что девочка дрожит всем телом. И одета она была по-другому, не в джинсы с рубашкой, и даже не в её самый лучший джемпер с блузкой. На ней было что-то странное и мешковатое, тускло-коричневого цвета, почти такого же, как её волосы, так что трудно было сказать, где кончаются волосы и начинается одежда. Непонятно, слышала его девочка, или нет, но она не ответила и не пошевелилась.

— Монни? — чуть громче повторил он.

— Не буду открывать глаза, не буду! — её голос звучал глухо, она говорила, не поднимая головы. — Здесь так страшно и темно, не буду открывать глаза!

— Монни, это я, Бим, — нетерпеливо повторил он. — Поверь мне...

Монни медленно подняла голову, теперь Бим видел её лицо, но глаза были всё ещё закрыты.

— Не буду открывать глаза! — повторила она. — Я не могу!

— Нет, можешь!

И едва Бим проговорил эти слова, раздался какой-то звук. Звезда, внутри которой скорчилась Монни, поднялась в воздух и повисла у неё над головой. Потом она быстро уменьшилась и превратилась в ту звёздочку из проволоки, что лежала на каменной плите. Туда же, на каменную плиту, она теперь и вернулась и легла рядом с палочкой и свечой.

— Добро пожаловать, Ханна, — старуха ещё быстрее заработала спицами, как будто навёрстывала упущенное.

Монни открыла глаза. Она долго смотрела на огонь, а потом перевела взгляд на старуху, не обращая на Бима ни малейшего внимания.

— Я... я вас знаю, — медленно проговорила она. — Вы — кукла, не наводящая порчу!

— А теперь? — пожилая женщина засмеялась. — Согласись, Ханна, я вовсе не кукла.

— А я не Ханна, — Монни упрямо выставила вперёд подбородок, Бим часто видел её такой. — Я Монни Фиттс!

— Да, так ты себя называешь, что и подтвердила в письменном виде, — старуха кивнула головой. — Так вот, Монни, здесь ты Ханна. Но почему ты решила нас навестить? Это был не твой волшебный подарок...

— Бим... — Монни огляделась. — А, так ты здесь! — можно было подумать, что она жутко разозлилась на мальчишку, такой у неё был недовольный голос. — Что ты наделал? Где мы находимся?

Не успел он ответить, как старуха рассмеялась; Биму её смех совсем не понравился.

— Но ты-то знаешь, где находишься, Ханна. Оглядишься по сторонам, девочка, глаза у тебя есть?

Пока Монни не двигалась с места, оставаясь всё в той же позе, в которой появилась внутри звезды. И только теперь она медленно повернула голову, а потом развернулась всем телом, по-прежнему не вставая на ноги, и оглядела комнату. Девочка хмурилась, но не потому, что

всё ещё зла на него, подумал Бим. Скорее, она пыталась что-то вспомнить.

Так оно и было, Монни действительно вспоминала. Она долгое время находилась в холодной темноте. Никогда в жизни она не испытывала подобного ужаса, ужаса от того, что может остаться в этом холоде навсегда. А потом — потом она очутилась здесь и услышала, как Бим её позвал.

Старуха — это та самая кукла (по крайней мере, у неё лицо куклы, в этом Монни была уверена). А эта комната... Монни подняла голову и увидела... — звёздочки, вырезанные на каминной доске высоко над огнём.

— Это старый дом, — уверенно заявила она. — Но теперь он какой-то другой. В нём живут. Вы... — она посмотрела на старуху. — Это вы здесь живёте?

— Можно сказать, что я живу здесь. По крайней мере, я живу в доме, который теперь...

— Теперь? — переспросила Монни.

Конечно, он изменился. Дверь была на месте, появилась мебель, хотя Монни по-другому представляла себе убранство комнаты.

— Монни, — услышала она голос Бима. — Она сумасшедшая! Она говорит, что ты Ханна, а я — какой-то Хоза, и... Монни, нам нужно вернуться домой.

Монни перевела взгляд на старуху.

— Почему вы называете меня Ханной? — спросила она.

— А почему ты называешь себя Монни?

— Потому что меня так зовут!

— А ты уверена? — неожиданно спросила старуха.

— Конечно, уверена, — ответила Монни. — А это Бим, Бим Росс. А где мы, кстати говорю?

— А где бы ты больше всего хотела оказаться?

Вопрос удивил Монни. Где бы она хотела оказаться?

— Дома! — быстро ответила она.

— Да, дома, — эхом отозвался Бим. — Позвольте нам вернуться домой!

— А где ваш дом?

Монни открыла было рот и уже собиралась сказать «У

Джонсонов», но осеклась. Нет, это не дом. Дом — это то место, о котором она мечтала по ночам, хотя прекрасно знала, что этим мечтам не суждено сбыться.

— Вот видишь, — старуха как будто читала её мысли. — Ты даже не знаешь, где находится тот дом, в котором ты бы хотела оказаться. Или всё-таки знаешь?

— Она знает! — жалобно протянул Бим. — Скажи ей, Монни! Мы живём у Джонсонов и хотим туда вернуться.

— Мы живём у Джонсонов, — медленно повторила Монни, — но это не настоящий дом, Бим.

Мальчик сжал кулаки, казалось, он хотел её ударить. А потом опустил глаза.

— Всё равно — я хочу назад, — тихо пробормотал он.

— Вы принесли с собой ключи,.. — старуха ткнула спицей в сторону очага, где на каменной плите лежали палочка, свеча и звезда. А под складками своего длинного мешковатого платья Монни почувствовала какое-то шевеление. И прежде чем она смогла понять, что произошло, метёлка, кукла и зеркало вылетели через вырез ворота и улеглись рядом с подарками Бима. И никаких обёрток на них не было, а ведь Монни так тщательно заворачивала зеркало.

— Остальное зависит от вас, — сказала старуха.

Монни переводила взгляд со старой женщины на шесть вещичек, лежавших на плите, и обратно. А старуха не обращала на них ни малейшего внимания. Из сумки, свисавшей у неё с пояса, она достала ещё один клубок шерсти, на этот раз блекло-красного цвета, и снова быстро заработала спицами.

— Что остальное? — Монни хотелось вырвать из рук старухи вязанье, заставить её объяснить.

— Увидите, — вот и всё, что она услышала в ответ. Монни разозлилась. Но старуха даже не посмотрела на неё, и почему-то Монни не только не посмела рвануть вязанье к себе, а ведь Монни очень этого хотелось, но даже подергать её за юбку.

Ей очень этого хотелось! Монни в ужасе посмотрела на зеркало. А что, если её мысли сбудутся, ведь Монни из зеркала уже доказала, что это возможно.

Метёлка, кукла, зеркало. Старуха назвала их ключами, если Монни её правильно поняла. Какими ключами, что ими открывают? Они совсем не походили на ключи от квартиры Джонсонов.

— Как мы сможем вернуться назад? — спросил Бим, обращаясь к Монни.

— Не знаю, — это была чистая правда. — Пока не знаю.

— Думай... — спицы в руках старухи опять замелькали. Казалось, они движутся сами собой, и нет таких пальцев, которые могли бы за ними поспеть. И они посверкивали, искрили, лиловые искорки разлетались в разные стороны. Искры становились всё ярче, их было всё больше и больше, пока водопад искр совсем не заслонил старую женщину.

А потом всё исчезло: и старуха, и её вязанье. Остался только стул у огня.

Бим вскочил на ноги.

— Не могла же она просто испариться? — он повернулся к очагу и взял в руки палочку. Он и сам не знал, что собирается делать, пока не направил палочку на пустой стул и не закричал: «Са-бум!»

Однако если у палочки и была какая-то сила, которая смогла запереть двери автобуса и перепутать варианты контрольной, то теперь она не сработала. Бим потряс её, а потом положил назад.

— Думаю, нужно отыскать дорогу домой, — медленно проговорила Монни.

— Звезда — ведь это она нас сюда привела! — Бим вцепился в проволочную звезду. Он бросил её на пол и стал ждать. Однако на этот раз с ней ничего не произошло. Ярче она не засветилась и в размерах не увеличилась.

— Не так всё просто, — задумчиво прошептала Монни. Она внимательно посмотрела на свои подарки, но не притронулась к ним. Метёлка, кукла, зеркало — у них есть какое-то назначение, как и у тех вещичек, что достались Биму. Если бы она только знала, зачем они нужны, если бы ей кто-нибудь подсказал...

— Мы должны вернуться назад, — у Бима тряслись руки. — Вот-вот что-то случится...

Он был прав. Монни тоже это чувствовала. Она быстро обернулась и оглядела тёмные углы. У девочки зародилось предчувствие, нехорошее предчувствие. Такое у неё уже бывало, например, когда появлялась мисс Ридер, чтобы отвезти её к новым приёмным родителям. Их ждали перемены. А перемены обычно не предвещали ничего хорошего.

А сейчас предчувствие подсказывало ей, что из-за закрытых дверей должно что-то появиться. И очень скоро.

Монни растерянно посмотрела на пустой стул, на котором ещё совсем недавно сидела старуха. Звать её бесполезно, в этом Монни была уверена. Что бы ни ждало их впереди, им придётся выкручиваться самим. Им самим... Теперь она взглянула на Бима, того самого Бима, который убегал от Мэтта, того Бима, у которого, по её мнению, смелости было не больше, чем у грудного младенца.

Но к её большому удивлению Бим тоже смотрел на дверь, причём с каким-то таким странным выражением лица... Впервые за всё время их знакомства он казался сильным.

— Нам нужно.., — что именно им нужно, она и сама не знала.

И прежде чем она смогла подобрать верные слова, Бим повернулся к очагу и взял оттуда звезду, свечу и палочку. Кивком головы он указал на её собственные подарки.

— Они нам понадобятся! — произнёс мальчик с такой убеждённой в голосе, что Монни почему-то сразу поверила, что он прав.

11. Метёлка и палочка, зеркало и звезда

Монни крайне неохотно взяла в руки свои подарки — если их вообще можно было назвать подарками. На

ощупь они были тёплыми, но Монни решила, что они нагрелись, лёжа у очага.

Бим всё так же смотрел на дверь. В одной руке он держал палочку, в другой — звезду и свечу. Кончик палочки смотрел прямо на дверной засов.

А он — он двигался!

Монни придвинулась поближе к Биму. Следуя его примеру, она взяла куклу и метёлку в левую руку, а зеркало в правую, повернув его к двери. Засов поднялся вверх, как будто его двигала невидимая рука. А потом опустился, так что свободный конец с глухим стуком ударился об пол.

За дверью что-то было! Монни затаила дыхание. Ни в одном кошмарном сне она не испытывала такого ужаса. Девочка стояла, тесно прижавшись к Биму, и чувствовала, как и его сотрясает мелкая дрожь.

Несмотря на то, что засова на двери больше не было, та всё ещё не открывалась, вернее, её пока не открывали. Бим с удивлением обнаружил, что на языке у него вертится какое-то стихотворение, он и сам не знал, где мог его услышать. Мальчик стал декламировать его вслух. Странное это было ощущение — как будто Бим не участник всего происходящего, а всего лишь инструмент, как молоток или пила, в руках у кого-то другого. Однако времени на то, чтобы обдумать эту необычную мысль у него уже не было.

*«Полы дубовые,
Двери тёсовые,
Пепел у двери лежит,
Палочку крепко сжимаю в руке,
Зло от дверей тех бежит».*

Его голос отдавался сильным эхом, как тогда, когда он звал Монни. Бим не знал, где выучил эти слова, но в одном он был уверен: когда-то он их действительно выучил. И когда-то он уже стоял вот так, в этой самой комнате, лицом к лицу с...

Не успело смолкнуть эхо, как зазвучал голос Монни:

*«Серебро луны,
Серебро зеркал
Будь снаружи и внутри!
Что на радость одному
Для других — грех».*

Дверь с треском распахнулась, стукнулась о стену. В тот же миг и свеча, и зеркало ярко вспыхнули, освещая то, что стояло в дверях.

«Нет!» — закричала Монни.

Потому что в дверном проёме стояла Монни из зеркала, по крайней мере, что-то на неё очень похожее — Монни со спутанными волосами, с ухмылкой на лице, в порванных на коленях джинсах и грязной рубашке.

А рядом с Монни из зеркала, с которой, как надеялась девочка, она давно покончила, стоял Бим — Бим с пятном грязи под носом, с бегающими глазами и неуверенными движениями.

Но ведь настоящий Бим стоял рядом с ней, она чувствовала его плечо! И настоящая Монни — это она!

Стоявшая в дверном проёме парочка вошла в комнату: Монни со своей вызывающей походочкой, и Бим чуть поодаль, как будто боялся, что на него кто-то набросится... Но они были не одни.

Вслед за ними в комнату устремились тени. Вот Монни увидела знакомое лицо, лицо, которое она ни за что не хотела бы больше видеть. Рассмотрев повнимательнее ещё несколько теней, она покраснела от стыда. Если Монни у зеркала воплощала её мысли, то эти тени напомнили девочке её поступки.

Однако не все тени воплощали её преступления. Те, что явно касались только Бима, были еле видны, а лиц совсем не различить. Видно, каждый из них должен был видеть лишь свои тени.

Другая Монни протянула ей руку.

— Пошли, — приказала она. — Пора домой. Ты же хотела вернуться. Мы тебя проводим.

Тени позади этой новой Монни стали сгущаться, а

потом влились в неё, так что она стала больше, и, как поняла вдруг настоящая Монни, сильнее. Скоро она дотронется до Монни, и тогда...

— Нет! — закричала настоящая Монни.

— Да! — кивнула головой вторая Монни. — Ты же хотела вернуться, это так просто. Возьми меня за руку, и...

И тут Монни всё поняла. Если она дотронется до той руки, она действительно вернётся назад, только станет такой же, как та, другая; и Монни из зеркала опять поселится у неё в сердце, и будет только ждать удобного случая, чтобы завладеть ею целиком.

Бим так сильно сжимал палочку, что у него побелели пальцы. Он смотрел на другого Бима и на тени за его спиной. И он всё вспомнил — как он лгал из трусости, как взял деньги из копилки маленькой Кэти, потому что боялся признаться, что потерял двадцатипятицентовик, на который должен был купить марок, и ещё, и ещё...

Вокруг второго Бима тоже стали собираться тени, они так же влились в него, и тогда этот второй Бим ухмыльнулся в лицо настоящему Биму.

— Хочешь вернуться? Это так просто. Иди сюда...

Бим нацелил на своего двойника волшебную палочку.

— Я тебя знаю! — он почти визжал.

— Ещё как знаешь. О чём тут говорить?

И правда, перед ним стоял Бим, почти настоящий Бим. И кто же тогда он сам? Казалось, мимо пронёсся порыв холодного ветра, так ему вдруг стало холодно. Кто он на самом деле?

— Ты — не настоящий, — заявил второй Бим, злорадно ухмыляясь. — Ты — Хоза, неужели забыл? А я — настоящий...

— Нет! — возразил Бим. Его уверенность убывала на глазах.

— Выбрось! — второй Бим указывал на палочку у мальчика в руках. — Выкини и всё остальное; если будешь цепляться за эти штуковины, никогда не вернёшься домой.

За него ответила Монни.

— Не слушай его, Бим...

— Но они же настоящие, — теперь Бим почти шептал.

— Ты сама видишь...

— Но мы тоже, — Монни повыше подняла руку с зеркалом. — Бим, это мы — настоящие.

— Она свихнулась, — вмешался другой Бим. — Ты же сам видишь, мы — настоящие, а не вы. Если хочешь вернуться, пойдём.

— Только не с вами! — ответила Монни, а затем добавила, обращаясь к стоявшему рядом с ней Биму. — Не позволяй им прикасаться к себе, Бим. Неужели ты хочешь стать таким, как они?

Мальчик посмотрел на того Бима, что появился из-за двери. И не на шутку перепугался. Казалось, все слившиеся с тем Бимом тени поочерёдно заглядывали ему в глаза.

Другой Бим сделал ещё один шаг вперёд.

— Тебе не уйти, ты и сам это прекрасно знаешь, — можно было подумать, что это говорит Мэтт, сумевший наконец-таки загнать Бима в угол. — Мы тебя голыми руками возьмём.

У Бима пересохло во рту, он не мог вымолвить ни слова. На Монни он тоже не решался взглянуть. Другой Бим прав, он действительно больше, сильнее, крепче него.

Палочка в руках у Бима дрогнула, её кончик смотрел теперь в пол. И Монни рядом больше не было. Похоже, она бросила его одного, не захотела разделить с ним опасность. Он остался один на один с тем, другим Бимом, и тот его вот-вот схватит.

Бим повнимательнее пригляделся к другому Биму — выражение лица у того постоянно менялось — и ему стало тошно. Другой Бим — это часть его самого, от него не убежать.

Убежать? Он всю жизнь только и знал, что бегал, прятался, лгал, короче, делал всё то, что нёс в себе другой Бим. Вечно напуганный Бим Росс. Нет, больше он таким не будет.

Он заставил себя успокоиться, рука перестала дрожать. Другой Бим больше не улыбался, лицо его выражало злобу и силу, как у Мэтта. Это и был Мэтт!

— Нет! — кричал Бим, отказываясь верить своим глазам. Другой Бим, превратившийся в Мэтта, был готов броситься в драку. Не раздумывая, Бим сделал свой выбор. Он отбросил палочку, свечу и звезду и поднял руки с неумело сжатыми кулаками.

— Я не убегаю, я не собираюсь больше... — и вслепую ударил по надвигавшейся фигуре Мэтта-Бима.

Монни почувствовала, что Бим отдалился, и вдруг поняла, что другая Монни воспользовалась её желанием, чтобы Бим ввязался в драку, и уже приблизилась к ней чуть ли не на расстояние вытянутой руки. И зачем ей нужно было, чтобы Бим дрался, спасал свою жизнь? Кто он ей, в конце концов? Да никто.

Она потрясла головой. Это была мысль другой Монни, та забросила её, как аркан. Это была мысль Монни из зеркала.

— Ты — это я, — сказала другая Монни. — Тебе от меня не избавиться, сама знаешь, — она уверенно кивнула.

— У меня есть право выбора, — ответила Монни.

И девочка ещё крепче вцепилась в зеркало, слегка повернув его к себе, хотя ей было так страшно, что она сама не знала, сможет ли выполнить задуманное. Наконец зеркало повернулось, теперь в нём отражалось её собственное лицо. Она ждала, когда это произойдёт, когда из зеркальной поверхности возникнет вторая или третья Монни. Однако в зеркале отражалось лишь её бледное лицо в обрамлении спутанных волос.

— Я вижу себя, — твёрдо сказала она. И продолжала смотреть в зеркало, сама не зная, чего ещё хочет. То ли появления ещё одной Монни, то ли того момента, когда её схватит та, другая.

Но ничего не произошло. В зеркале она видела лишь своё лицо. Девочке показалось, что время остановилось. Наконец её рука с зеркалом опустилась. Они все исчезли: другая Монни, другой Бим.

Поодаль на коленях стоял Бим, который встретил её здесь. Он закрывал лицо ладонями, и она поначалу решила, что мальчик плачет, однако когда он поднял голову, слёз не было видно. Он явно изменился.

— Я это сделал, — медленно проговорил он. — Я больше не убегаю. Я... — я дал сдачи! Я стал другим.

— Однако мы всё ещё здесь, — Монни вспомнила, как те, другие, угрожали, что Монни с Бимом останутся здесь навсегда.

Но...

Комната изменилась. Огонь в очаге больше не согревал их своим теплом, исчезла мебель, на месте двери и окон зияли дыры. Монни посмотрела на свои руки. И метёлка, и кукла, и палочка — всё исчезло.

— Мы вернулись. Но...

Монни поняла Бима с полуслова.

— Мы вернулись без их помощи, — быстро завершила она.

Мальчик глубоко вздохнул, будто всхлипнул.

— Ты уверена?

— Уверена, — твёрдо сказала Монни.

— И что всё это значило? Что это было?

Монни покачала головой.

— Не знаю.

Бим посмотрел на себя. На нём больше не было той грубой одежды, в которой он проснулся на низкой кровати, тоже исчезнувшей. Теперь поверх пижамы на нём был халат, а на ногах — шлёпанцы. И не очаг освещал комнату, сквозь окна и дверь внутрь проникали первые тусклые лучи рассвета. Было очень, очень холодно.

Монни тоже была в пижаме и в халате, как будто только что встала с постели. Волосы у неё стали короче, чем тогда, когда она откликнулась на его зов и появилась в центре звезды.

Звезда! Он посмотрел на пол. Ни одного подарка.

— Всё исчезло! — на секунду Биму стало страшно. Ему так хотелось снова поддержать подарки в руках, даже если потом снова жди беды.

— Знаю, — ответила Монни. — Мои тоже исчезли. И... — она полуобернулась и теперь смотрела на очаг. — Звёздочки...

— Какие звёздочки?

Девочка указала на массивную каминную доску под очагом: «Их там было семь штук».

— Эта старуха всё время называла меня Хоза... — Бим пытался вспомнить, что происходило до появления его страшного двойника.

— Интересно, что она вязала, — медленно проговорила Монни. — Столько разноцветных ниток...

— Она говорила такие странные вещи, — отозвался Бим. — Пойдём, я хочу домой. Здесь очень холодно...

Монни медленно направилась к двери, как будто ей не хотелось уходить, и напоследок ещё раз посмотрела на опустевший холодный очаг.

— Метёлка и палочка, — проговорила она, — зеркало и звезда.

Бим устался на неё.

— Что это значит?

— Не знаю, эти слова постоянно крутились у меня в голове, — ответила Монни. — Знаешь, мне бы хотелось узнать о ней побольше. Я имею в виду старуху.

— А мне — нет, — резко ответил Бим. — Пошли! Смотри, уже почти утро. Должно быть, мы здесь пробыли всю ночь, — он уже вышел на улицу. — Нужно поторапливаться, пока нас никто не увидел.

Монни устремилась за ним. Они пронеслись по улице и оказались на пустыре. Наверное, было ещё очень рано, подумала Монни. Фонари на улицах продолжали гореть, ночные тени ещё не исчезли.

Но почтовый ящик был хорошо виден. Как она его установила, так он и стоял. Даже в таком неверном свете можно было прочесть их имена. И...

Флажок был поднят!

— Бим, — изо всех сил закричала она. Бим обернулся. Монни указала ему на почтовый ящик.

— Там что-то есть!

Он отпрянул, как будто почтовый ящик сам по себе представлял угрозу, потом остановился. Монни заметила у него то самое выражение лица — так он выглядел, когда ждал, что дверь вот-вот откроется.

— Не хочу, — казалось, он размышляет вслух, — но тем не менее...

Медленно, шаг за шагом, как будто его тащили против воли, Бим приближался к почтовому ящику. А Монни уже опустилась рядом на колени. Ей так хотелось потянуть за крышку, и в то же время она боялась последствий. Ведь здесь же было семь звёздочек, а теперь... Как она ни вглядывалась, ей не удалось обнаружить ни одной. Только их имена — Монни Фиттс и Бим Росс — всё так же нацарапаны на крышке.

Семь звёздочек, а они получили всего шесть подарков. Если их ждал седьмой, кому он предназначался, Монни или Биму? Она была уверена, что внутри что-то лежит.

— Так чего ты ждёшь? Открывай! — потребовал Бим. Девочка потянула крышку, но та не поддавалась.

— Не открывается!

— Пусти! — Бим встал на колени рядом с ней. И как только и его рука коснулась крышки, почтовый ящик открылся. Внутри лежало не письмо, а большой свёрток. И он не был упакован в лиловую бумагу, как обычно, а больше походил на небрежно свёрнутое вязанье, в которое завёрнуто что-то размером с их два кулака.

Монни протянула руку и схватила свёрток. Когда она вытащила его на свет божий, вязанье развернулось и упало на землю. А потом разноцветная шерсть — если это была шерсть — рассыпалась в прах, исчезла как прошлогодняя листва.

А у Монни в руках остался шар, однако когда она подняла его повыше, чтобы лучше рассмотреть, шар раскололся на две половинки. В каждой половинке, под прозрачным стеклянным куполом находился маленький домик. Он отличался от старого дома за бывшим магазином, но тоже был из камня. И в нём было что-то очень знакомое.

У девочки перехватило дыхание. Как она могла не узнать этот домик — эти домики, потому что во второй половине шара был точно такой же

Это был тот самый дом, о котором она мечтала бессонными ночами, когда ей так хотелось иметь свой угол. Такая же островерхая крыша, как в той старой книжке с картинками, круглое окошко-глазок над дверью. Это был её дом!

Прижимая к себе свою половину шара, она протянула вторую Биму.

— Домик, — удивлённо пробормотал он. — И что в нём такого особенного?

— Это тот самый дом, — нетерпеливо, как в прежние времена ответила Монни. — Дом, который я хочу — хотела! Посмотри, здесь даже глазок есть в двери! И большие ступеньки перед входом!

Конечно же, Бим не понял, о каком доме идёт речь. Да похоже, он её уже и не слушал, разглядывая домик со всех сторон.

— Ты знаешь, он такой хорошенький. Посмотри, какие окна, и... надо же, такой маленький, а выглядит как настоящий. И как им это удалось?

— Не знаю, но он твой. У меня точно такой же.

— Эй! — Монни всё ещё рассматривала домик, а Бим указывал куда-то рукой. Девочка обернулась. — Эй, посмотри, что случилось с почтовым ящиком!

Монни посмотрела. Ящик упал на землю, он весь проржавел, сбоку зияла дыра, крышка исчезла, а от флажка осталась лишь погнутая ножка.

— Больше им никто не сможет воспользоваться, — печально сказала Монни.

— Да уж. Пойдём! Пора уносить ноги — меня просто жуть берёт!

Удача была на их стороне. Никто не заметил, как они проскользнули в квартиру. Из спальни Джонсонов доносились какие-то звуки. Сегодня ведь воскресенье, вспомнила Монни. Стелла будет спать допозна, но миссис Джонсон будет ждать, пока они не соберутся в

воскресную школу. Бим тоже вспомнил про воскресную школу и юркнул в свою комнату. И Монни отправилась к себе, стараясь не разбудить Стеллу.

Спрятав свою половинку шара с маленьким домиком внутри в самой глубине одного из ящиков комода — этот ящик был отдан в её распоряжение, — Монни попыталась припомнить ночные приключения. Многое теперь казалось сном. Но другую Монни и все те обличья, которые та принимала, Монни никогда не забудет. Если она не будет следить за собой, та может появиться вновь. Метёлка, кукла, зеркало — каждый из подарков её чему-то научил, и забывать этого нельзя.

А Бим стоял у окна, разглядывая маленький домик у себя на ладони. Чем больше он на него смотрел, тем больше ему хотелось бы увидеть точно такой же, только настоящий. Интересно, не исчезнет ли этот подарок, как уже исчезли палочка, свеча и звезда? Он надеялся, что нет. Бим пересёк комнату и подошёл к зеркалу.

Наконец-то он смотрел на самого себя, а не на своего двойника — или же двойников, хотя, пожалуй, Бим не удивился бы, увидев кого-нибудь из них в зеркале. От того, что сидит внутри тебя, не убежишь. Остаётся лишь посмотреть правде в глаза. Бим кивнул своему отражению.

За завтраком и Монни, и Бим были поглощены своими мыслями. Миссис Джонсон тоже была на удивление молчалива. Внезапно она подняла голову. Похоже, ей нужно было что-то им сообщить, и она решила, что это можно сделать сейчас.

— Знаете, оставайтесь сегодня дома и никуда не ходите. Кое-что должно случиться, это вас обоих касается.

Бим поднял голову и замер с ложкой в руке. Так он и знал, так он и знал!

Монни молча смотрела на миссис Джонсон. Ей бы давно пора привыкнуть к подобным вещам, но всё никак не удавалось.

— У них там теперь новая программа, — торопливо продолжала миссис Джонсон. — Замечательная возмож-

ность для вас обоих. Это и дом, и школа — всё вместе — и всё только начинается. Мисс Валаско с мисс Ридер считают, что вам обоим очень понравится.

Бим жевал овсяную кашу, но вкуса не ощущал. Ещё один переезд. Монни отодвинула от себя тарелку, есть ей расхотелось. Какая уж тут еда.

— Вам там должно понравиться, — миссис Джонсон говорила всё быстрее и быстрее, — это старый дом Вениров, на улице Леонар. Сейчас увидите! — она встала из-за стола, принесла какую-то бумагу и положила на стол, чтобы они оба смогли разглядеть фотографию дома. — Это по-настоящему старый дом. Помнишь, Монни, ты недавно спрашивала, сколько лет улице Вениров? Вениры — они первыми здесь обосновались. Они жили где-то здесь, а потом переехали и построили себе большой новый дом. Это не многоквартирный дом, — миссис Джонсон говорила всё более убедительно, — и я знаю, что вам там понравится. Это замечательная возможность для вас обоих. Вас будет всего пятеро — совсем как семья. Вам понравится... — миссис Джонсон умолкла. Можно подумать, она нас действительно уговаривает, сказала себе Монни. А потом она повнимательнее посмотрела на фотографию.

Дом! Это был тот самый дом! Неужели Бим ничего не заметил? Они будут жить в том самом доме!

Бим нахмурился, наклонился вперёд и украдкой взглянул на Монни. Она еле заметно кинула головой, но мальчик всё понял.

— И как долго мы там будем жить? — недоверчиво спросил он.

— Пока не станете взрослыми, — с готовностью ответила миссис Джонсон, как будто вопросы её только радовали, по крайней мере, подобные вопросы.

— И больше никаких переездов? — Монни хотела знать наверняка.

— Никаких, — подтвердила миссис Джонсон. — Видите, как хорошо всё складывается. Мы не знали, что делать. Нам совсем не хотелось расставаться с вами — с

вами обоими — но нам с Эдом придётся уехать на юг, к брату Эда — он заболел. Стелла хочет остаться здесь, она собирается жить со своей подругой Маргарет. Я действительно не знаю, что можно было сделать в такой ситуации. А этот вариант возник так вовремя, — она указала на фотографию на столе.

— Так вовремя, — пробормотала Монни. Она сгорала от нетерпения и лишь с большим трудом заставляла себя сидеть спокойно. Она хотела поскорее увидеть этот дом, ей просто необходимо было его увидеть! Интересно, а внутри он тоже будет таким, как она себе представляла? Иначе и быть не может!

Бим проглотил ещё одну ложку овсянки. Уехать, начать всё сначала, избавиться наконец от ненавистных двойников. Он видел, как взволнована Монни. Пожалуй, он тоже был взволнован — чуть-чуть. Нет, Бим, хватит врать — он был взволнован по-настоящему!

Это было седьмое и, похоже, самое лучшее чудо!

ВОЛШЕБНЫЙ ДОМ

Лорри Маллард прибавила ходу, стараясь не оглядываться по сторонам. Бежать она вовсе не собиралась, но и заткнуть им рты тоже не могла. Ещё целых два квартала, а пристроившиеся сзади Джимми Парвис, Стэн Вормиски и Роб Локнер не отстают.

— Канак!..

В носу защекотало, но плакать Лорри не собиралась — ни за что! И убегать от них тоже — чтобы они не бежали за ней до самого дома. Эти мальчишки — ужасные, злобные мальчишки! Пялятся, подсмеиваются и шепчутся за твоей спиной в классе, норовят дёрнуть за волосы или вырвать из рук сумку с книгами или тащатся следом, распевая эту ужасную отвратительную дразнилку. Ещё целых два квартала...

Правда, можно срезать угол мимо дома колдуньи.

Лорри скосила глаза, как раз настолько, чтобы увидеть аллею, ведущую мимо этого странного дома. Густые, буйно разросшиеся деревья нависали над ржавыми прутьями старой ограды. Это было похоже на джунгли с картинки из учебника по социологии, только облетевшие после бури.

Социология! Лорри поморщилась. Дома, в Канаде, в школе мисс Логан, у них не было никакой «социологии». И мальчишек тоже. У них была история, и историю Лорри учила хорошо. А сейчас оказалось, что она учила вроде как и не ту историю. И вообще она какая-то не такая. Если бы только бабушке после операции не пришлось уехать в Англию, чтобы за ней присмотрели её друзья...

— Канак!

Лорри свернула в эту аллею. Над макушками деревьев стала видна крыша дома колдуньи. Интересно, подумала Лорри, неужели это просто обыкновенный старый сад с одичавшими неухоженными деревьями? На аллею выхо-

* Canuck — канак (анг.) — прозвище канадцев в США. (прим. ред.)

дили ворота, но они были заперты на цепь, такую же старую и ржавую, как и сама ограда. Ворота, наверное, давным-давно не открывали. Да и зачем колдунье нужны ворота? Она просто пролетит над оградой на своём помеле.

— Канак!..

Лорри покрепче прижала к себе сумку с книгами, упрямо сжала губы и ещё выше задрала маленький курносый носик. По сравнению с Джимми, Стэном и Робом даже ведьма за запертыми воротами может показаться цветочком. Она замедлила шаг.

Все — и девчонки, и мальчишки — побаивались или говорили, что боятся этого дома. Лорри не раз слышала, как они подначивают друг друга перелезть через ограду и постучать в парадную дверь. Но никто, даже Джимми Парвис, ни разу не сделал этого.

Справа, по другую сторону аллеи, стоял домик из красного кирпича, окна с давно разбитыми стеклами были крепко заколочены. Раньше там размещалась конюшня, там держали лошадей и коляски. А ещё дальше начиналась автостоянка дома, где жила Лорри. На стоянке в это время дня было совсем пусто — от силы пара машин.

Вдоль аллеи дунул ветерок, зашуршал, завертел опавшей листвой. В саду за оградой почти все деревья и кусты уже облетели, но даже сквозь голые ветки трудно было рассмотреть дом — так густо зарос участок.

Вообще-то Лорри не верила, что в этом доме живёт колдунья, или что по ночам там стонут привидения — Кэти Локнер клялась, что это чистая правда. Тётя Маргарет говорила, что это просто старый дом, не похожий на те дома, что строят сейчас. А Дом-Восьмистенок его зовут, потому что у него и в самом деле восемь стен. Живёт там старая леди, которой уже трудно ходить, поэтому она и не показывается наружу.

Лорри перебросила сумку с книгами в другую руку и подошла к запертым воротам. Да, несомненно, дом был странный. Набравшись смелости, она просунула руку между прутьев, оставляя на ветровке ржавые полосы, и

отодвинула в сторону ветки, чтобы рассмотреть дом по-лучше. Совсем ни на что не похожий. Лорри разглядела крыльцо, дверь, и стену с очень высокими, заострёнными кверху окнами — и решилась.

Хотя её никто и не подбивал залезть внутрь, она ничуть не трусливей остальных. Она обойдёт кругом всего дома колдуньи, и всё-всё там разглядит. Перед тем, как двинуться дальше, Лорри положила сумку на землю и попробовала стереть ржавчину с рукава. Аллея вскоре кончилась, но вместо того, чтобы повернуть на юг, Лорри повернула по Эш Стрит на север, чтобы пройти мимо переднего крыльца Дома-Восьмистенка.

С этой стороны заросший сад оказался вовсе не таким густым, как в аллее. В кустах нашёлся просвет, и Лорри остановилась со вздохом удивления. Последний раз она проходила здесь вместе с тётей Маргарет, или, вернее сказать, пыталась угнаться за торопившейся тётей, которая всегда обгоняла её на шаг, а то и на два. Она только-только приехала в Эштон, с веток ещё не успели облететь листья, и тогда она не заметила оленя, большого оленя, почти как настоящего, только не коричневого, а чёрного с зеленью, будто обросшего мхом.

Лорри прижалась к ограде. Олень стоял на большом каменном пьедестале на фоне каменной стены, камни которой тоже обросли зелёным мхом. А за стеной возвышался дом. Дом с высокими окнами, закрытыми ставнями. В саду же лежал толстый слой опавших листьев, словно здесь никто не сгребал их в кучи, чтоб сжечь.

Лорри прикусила губу... Большие кучи горящих листьев и такой славный запах дыма... Однажды родители положили в жар три больших картошины. Снаружи они все почернели и обуглились, их разламывали и ели, чуть посолив. И белочки выпрашивали у них кусочки.

Тогда она была ещё совсем маленькой. Это... это было пять — нет, шесть лет назад. Но она помнит это, хотя сейчас и хотела бы забыть. Сейчас, когда она живёт в месте, где не жгут листья, не делают вообще ничего подобного, — а саму её обзывают этим идиотским словечком «канак».

Лорри опустила к ногам сумку и взялась за прутья парадных ворот. Цепи здесь не было, но ворота, конечно же, тоже были закрыты. И эти листья...

Во дворе школы мисс Логан стоял большой дуб. И они собирали вокруг жёлуди, стараясь найти самый большой. Лорри ни разу не повезло, а вот Анна, её лучшая подруга, в прошлом году подобрала прямо гигант — размером почти с большой палец Лорри. Школа мисс Логан, Анна... У Лорри снова защекотало в носу.

Здесь, в Эштоне, у неё всё пошло наперекосяк. Может быть, если бы она не опоздала к началу занятий... А так все уже успели обзавестись друзьями и она осталась одна. Нет, просто она какая-то не такая, она «канак» — разве нет?

Неприятности начались с контрольной работы в прошлом месяце. У миссис Рэймонд был грипп, и её подменяла другая учительница. И она всегда была такая строгая и едкая, когда Лорри не сразу понимала вопрос. Лорри же не виновата, что приехала из Канады, где их учили совсем не тому, что проходят здесь? В школе мисс Логан у неё всегда были отличные отметки и бабушка Маллард гордилась этим. А когда бабушку увезли на операцию, Лорри ведь вовсе не напрашивалась приехать в Эштон и жить вместе с тётей Маргарет Джерсон, которая весь день занята на работе. Здесь оказалось, что почти всё, чему её учили у мисс Логан, — неправильно. Когда она в первый раз отвечала у доски и сказала: «Да, миссис Рэймонд» и сделала реверанс, весь класс, все до одного, взорвался от хохота. А потом, на перемене, все эти злобные мальчишки приседали и передразнивали её: «Да, мэ-эм, нет, мэ-эм!» У мисс Логан вообще не было этих ужасных мальчишек!

К тому же Лорри не всегда понимала, о чём болтают Кэти и все остальные девочки. Миссис Рэймонд однажды даже заметила, что Лорри надо бы оставить на второй год, потому что она медленно соображает. На второй год — и только потому, что у них здесь другие уроки!

А затем Джимми Парвис придумал эту дразнилку, и

они постоянно распевали её по пути домой. Лорри не любила возвращаться домой, когда тётя Маргарет ещё не пришла, потому что миссис Локнер постоянно твердила, что ей нельзя оставаться одной в квартире, — пусть сидит у Локнеров.

Лорри несколько раз моргнула. Олень начал было расплываться, а теперь снова выглядел крепким и сильным. Как бы ей хотелось рассмотреть его поближе. За один рог зацепился большой лист, развевавшийся по ветру, как маленький флаг. Лорри улыбнулась — это было забавно, олень был таким большим, гордым и даже строгим, а трепыхавшийся вверх-вниз листок словно смеялся над ним.

Лорри понравился этот дом, несмотря на мрачные заросли, на неубранные листья в саду, несмотря на закрытые ставни. Дом колдуньи оказался вовсе не страшным местом.

А может быть, существуют два разных вида колдуний? Одни — злые и страшные, а другие — вроде крёстной Золушки. То была крёстная-фея, и она делала только хорошее, а не плохое. Как бы сейчас Лорри пригодилась крёстная-фея, чтобы превратить Джимми Парвиса в утёнка.

Лорри прыснула, нагибаясь за сумкой. Она представила себе Джимми Парвиса, покрытого жёлтыми перьями, переваливающегося на жёлтых перепончатых лапах — да, она в первую очередь вспомнила бы о нём, если бы вдруг фея — или добрая колдунья — предложила Лорри три желания. Тогда бы и посмотрели, кто будет носом в землю кряк. Однако пора домой. Она решила соврать миссис Локнер, что ей много задали на дом. Может, та оставит её в покое дома у тёти Маргарет.

И подчиняясь какому-то внутреннему импульсу, Лорри на прощанье неожиданно помахала рукой оленю. В этот момент ветер поднатужился и сорвал-таки флаглистик с рога, перенёс его за ограду и опустил у ног Лорри. Сама не зная, зачем, девочка подняла потрёпанный листок и спрятала его в карман ветровки.

А затем зашагала домой. Но едва успев дойти до аллеи,

она слышала тонкий писк. Что-то в этом звуке остановило её.

— Он туда залез! Выгони его, Стэн, выгони его оттуда, я ловлю!

Джимми Парвис скрючился на коленях перед кустом рядом со старой конюшней. Стэн Вормиски, его верный последователь и подпевала, что-то выковыривал длинной веткой с другой стороны куста. Роб Локнер стоял рядом. Стэн и Джимми были возбуждены, а он почему-то хмурился.

— Давай, Стэн! Гони его! — командовал Джимми. — Вытолкай его, я ловлю!

И снова раздался тонкий жалобный писк. А Лорри обнаружила, что бежит, и не прочь от хулиганов, а прямо к ним. Она ещё не успела добежать до мальчишек, когда маленькая чёрная тень метнулась из-под куста, проскочила мимо Джимми, и прыгнула прямо на неё.

Остриющие коготки впились ей в ногу, потом царапнули юбку, потом зацепились за ветровку — перепуганный котёнок вскарабкался на Лорри, как будто она была деревом. Девочка прикрыла его руками и обернулась к мальчишкам.

— Ты смотри, кто пришёл! Старушка Канак... Это кошка колдуны, Канак, отдай её мне... Давай сюда, ну! — и Джимми, ухмыляясь, направился к ней.

— Нет! — Лорри замахнулась сумкой. Котёнок скорчился у неё на груди, дрожащий пушистый комочек, тоненько мяукавший от страха.

— Давай её сюда, Канак, — Джимми всё ещё улыбался, но теперь Лорри испугалась. Кажется, он собирался вовсе не играть со зверьком. А ей не нравятся подобные забавы.

Лорри повернулась и бросилась бежать, бежать как можно дальше от этой жуткой ухмылки на лице Джимми. До квартиры она добежать не успеет, они её перехватят, это уж точно. А если и успеет, то кто за неё заступится? Тётя Маргарет на работе.

Может — может ей удастся перелезть через ограду и спрятаться в кустах сада. Она любила лазать — во дворе своего дома, в те славные времена. Парадные ворота

дома колдуньи украшены железным орнаментом, по этим кривулькам легко карабкаться. Лорри перебросила сумку за плечо, засунула сопротивлявшегося котёнка за пазуху ветровки и отчаянно полезла вверх.

Она не понимала, почему мальчишки до сих пор не догнали её. Может, Джимми просто не решился преследовать её в таком месте. Но девочка не стала тратить время, чтобы проверить это, вскарабкалась на самый верх, перевалилась через край и с грохотом полетела вниз, на мощёную дорожку.

Бешено вырывавшийся котёнок наконец выскочил из рук, прыгнул на дорожку и бросился вперёд. Однако он побежал не к парадной двери, а вокруг дома. Лорри показалось, что парадная дверь вообще никогда не открывалась. Она побоялась, что перепуганный котёнок снова выскочит на аллею, поднялась с земли и побежала за ним.

Краем глаза она заметила красную куртку Джимми и грязно-серую Стэна. Они бежали вдоль ограды по Эш Стрит, но не особенно торопились. А что, если они полезут вслед за ней?

Не успев и подумать об этом, Лорри бросилась вслед за котёнком — и почти так же быстро. Только через несколько секунд она сообразила, что сад был относительно ухоженным, несмотря на все эти кучи листьев, по которым она с шуршаньем проносилась. Вокруг дома вела дорожка, выложенная кирпичом в крестик, а по краям дорожки — клумбочки с увядшими, побитыми морозом цветами. Полоса густых зарослей шла только вдоль ограды, закрывая от посторонних взглядов внутреннюю часть сада.

Она глянула на дом, обегая один из его углов. Здесь ставни были открыты, но всё равно она ничего не увидела — плотно задёрнутые шторы не позволили заглянуть внутрь.

— Муррр... — слышалось мяуканье котёнка. Лорри бросилась дальше.

Завернув за следующий угол, она обнаружила, что узенькие клумбы, шедшие по краям дорожки, увеличились и стали квадратными. Эти клумбы были совсем

пустыми, как будто всё, что здесь росло, заботливо убрали на зиму. На высоких узких окнах не было ни ставень, ни штор. Лорри увидела в одном из окон краешек белой гардины и тяжёлой красной шторы. Если спереди дом был наглухо закрыт, то здесь было совсем не так.

Лорри замедлила бег, и теперь не торопясь, настороженно зашагала по дорожке. Здесь тоже лежали кучи опавшей листвы. В центре участка, между пустых клумб стоял пустой бассейн. В середине бассейна свернулось в клубок какое-то чудище, дракон, наверное. Он высоко и неудобно задрал голову, и из его открытой пасти высывалась маленькая чёрная трубка. Когда-то он, наверное, лил в бассейн и на свои когтистые лапы воду — в отличие от книжных драконов, которые поливали своих врагов-рыцарей жарким огнём.

— Мрроу... — мяуканье котёнка звало Лорри дальше, за угол. Там была дверь, та самая, которую она видела сквозь запертые на цепь ворота. Котёнок уселся на ступеньках перед дверью и издал ещё один тонкий, но пронзительный вопль.

Услышав скрип, Лорри напряглась и застыла на месте, глядя, как открывается дверь. Котёнок тут же скользнул внутрь, в открывшуюся щель. Но дверь продолжала открываться и Лорри обнаружила, что не может бежать, даже если бы очень захотела. Её ноги буквально приросли к земле, словно она ступила на дорогу, только что покрытую гудроном.

Внутри дома было темно. Хотя уже вечерело и вдоль по улице в окнах загорались огни, в этом доме никакого света пока не было. Но Лорри прекрасно увидела женщину, стоявшую в дверях.

Она была низенькая, не выше, чем сама Лорри, со сгорбленными плечами; у неё был широкий большой нос, а подбородок так выступал вперёд и вверх, словно хотел дотянуться до носа. Над тёмно-коричневыми скулами и лбом из-под чепчика выбивались курчавые блестящие чёрные волосы с сединой — а чепчик с кружевными оборками заключал её лицо в строгую рамку. На ней было тёмно-красное платье с длинной и пышной юбкой, и

большой длинный белый передник с крахмальными гофрированными оборками по нижнему краю. Женщина стояла на верхней ступеньке, не убирая руку с засова и не сводя глаз с Лорри. А затем она улыбнулась, и сразу куда-то пропал и крючковатый нос, и острый подбородок.

— Здрасте, маленькая мисс, — голос у неё оказался низким и очень мягким. — А ты, Сабина, где ты шлялась и что вытворяла? И чего ты принеслась сюда вся такая встрёпанная?

Из-под подола её юбки высунулась чёрная кошачья головка. Круглые голубые глазки на несколько мгновений задержались на женщине, а потом уставились на Лорри.

— Там мальчишки, — заторопилась Лорри, — они...

Женщина покачала головой в чепце с оборками.

— Они хотели набедокурить, да, набедокурить. Но вы ведь присмотрели, чтоб с Сабиной ничего плохого не стало, правда, маленькая мисс? Скажу об этом мисс Шарлотте, будет довольна, очень довольна. Заходи-ка. Хочешь имбирного печенья?

Лорри покачала головой.

— Нет, спасибо. Уже поздно. И миссис Локнер — она расскажет тётке Маргарет, что я поздно вернулась домой, тогда тётя рассердится.

— Ну, тогда приходи как-нибудь снова, — чепчик качнулся вверх-вниз. — А как ты забралась сюда, маленькая мисс?

— Я перелезла через ворота, парадные, — призналась Лорри.

— И так вывозила свою нарядную одежду. Ай-ай, — коричневый палец указал на куртку.

Лорри посмотрела на себя. Спереди и на рукавах её ветровка была перепачкана ржавчиной, юбка и колготки — тоже. Девочка растерянно потёрла самое большое пятно.

— Ну, пойдём. Халли выпустит тебя, как положено.

Женщина медленно, неповоротливо спустилась по ступенькам к стоявшей внизу Лорри. И девочка зашагала вслед за шуршащим по листьям подолом вокруг дома, к

парадному входу, где гордо вздымал свою голову чугуновый олень. Халли протянула свою сморщенную руку к воротам, взялась за верхний прут и дёрнула его на себя. Створка ворот тихо, протестующе заскрипела и отворилась; не настужь — она зацепилась за что-то на мощёной дорожке — но достаточно, чтобы пропустить Лорри.

— Благодарю вас, — манеры, старательно привитые мисс Логан, вернулись к Лорри, и девочка присела в маленьком реверансе. — Большое вам спасибо.

И тут, к её огромному удивлению, руки Халли потянулись к широкому, раздуваемому ветром подолу платья, и старая женщина ответила таким глубоким и величественным реверансом, какого Лорри не видела за всю свою жизнь.

— Всегда пожалуйста, маленькая мисс, всегда пожалуйста.

Однако напоследок сквозь хорошие манеры девочки всё-таки прорвалось любопытство.

— А вы... Это вы?..

Улыбка Халли стала ещё шире.

— Старая ведьма? — прозвище, сказанное мягким голосом, прозвучало ещё хуже.

Лорри покраснела. Нет, она вовсе не бегала вместе с другими мимо Дома-Восьмистенка, выкрикивая это прозвище, и подзуживая других залезть внутрь и постучаться в парадную дверь к старой ведьме.

— Н-нет... это вы та самая леди, что живёт здесь? — пролепетала она.

— Я живу здесь, да. Но я Халли, а не мисс Шарлотта. Мисс Шарлотта, то есть мисс Эшмид.

В устах Халли это прозвучало так, словно мисс Эшмид была не менее важной персоной, чем леди Картрайт, подруга бабушки в Англии.

Но тут улыбка пропала с лица Халли, и её голос стал почти что резким.

— Мисс Эшмид — настоящая леди, не забывай этого.

— Я... я... не забуду. А я Лорри Маллард, — Лорри протянула руку. — Очень приятно с вами познакомиться.

Рука Халли охватила её пальчики.

— И мне тоже, Лорри. Приходи ещё.

Лорри заторопилась вдоль по Эш Стрит. Проходя мимо злополучной аллеи, она обернулась. Ворота Восьмистенка были наглухо закрыты, и Халли исчезла. Дом, тот маленький кусочек, который ей был виден с улицы, снова выглядел совсем заброшенным.

Уже стемнело и ветер задул сильнее, трепля юбку из шотландки, продувая шапочку. Небо тоже стало тёмным, как будто собиралась гроза. Лорри пустилась бегом, не забывая оглядываться по сторонам. Как раз в духе Джими и Стэна — дожидаться её в засаде и неожиданно выскочить перед самым носом. Она вздохнула спокойнее, миновав автостоянку. Машин там прибавилось, но всё равно было ещё слишком мало, чтобы позволить мальчишкам спрятаться за ними.

Лорри взбежала по ступенькам на крыльцо их дома. Мистер Паркинсон вынимал из ящика почту. Лорри сдержала шаг, и попыталась как можно тише прикрыть дверь подъезда. Мистер Паркинсон не любил детей и это было широко известно. Однажды днём Кэти Локнер уронила мяч, который скатился по лестнице до самых дверей. Лорри спустилась за ним, и была обвинена в разнузданном поведении с угрозой довести дело до сведения тёти Маргарет. После этого она старательно избегала мистера Паркинсона.

Вот и сейчас он, нахмурившись, строго посмотрел на неё. Лорри чувствовала себя очень виноватой из-за перемазанной в ржавчине куртки. Что скажет тётя Маргарет, если пятна не отчистятся? Одежда стоит много денег, Лорри знала это. Может быть, если она как следует почистит их щёткой...

Но мистер Паркинсон одним лишь взглядом весьма недвусмысленно выразил своё мнение о грязных и неряшливых маленьких девочках, до слов он не опустился. Лорри проскользнула мимо него и поднялась по лестнице, так медленно и спокойно, насколько у неё хватило сил. Но когда, по её расчетам, она скрылась с глаз строгого соседа, она рванула вверх, задевая сумкой с

книгами сначала за ступеньки, а потом и за стены. Тяжело дыша, она остановилась только у своих дверей, лихорадочно разыскивая под курткой ключ. Дверь Локнеров — по ту сторону коридора — была закрыта, и миссис Локнер не следила за ней.

Лорри повернула ключ и скользнула внутрь, быстро притворив за собой створку. В прихожей она остановилась перед большим зеркалом на двери шкафа для одежды и охнула. Ничего удивительного, что мистер Паркинсон так посмотрел на неё. Она выглядела куда хуже, чем опасалась.

Лорри со всех ног бросилась в спальню, где они спали вместе с тётёй. Там она, быстро стянув с себя одежду, расстелила её на своей кровати, надела старенькое хлопчатобумажное платье и, вооружившись щёткой, принялась за работу, пытаясь стереть следы, оставленные её приключением.

Повезло, ох, как ей повезло! Почти все пятна полностью отчистились! А те, что остались, были почти незаметны, даже когда она рассматривала их на свету. Сегодня пятница, значит, завтра утром можно будет пройтись по ним ещё раз. Наконец она повесила вещи в шкаф и подошла к столику, на котором перед большим зеркалом выстроились приятно пахнущие баночки и бутылочки тёти Маргарет. Они так приятно пахнут. В мире множество приятных запахов — среди них и запах горячей листвы. Лорри пристально смотрела в зеркало, но видела там сейчас не своё отражение, а картины из памяти...

Мама и папа собирают листья, а Лорри высыпает их в большую корзину... Девочка потрянула головой. Она не хотела вспоминать это, потому что тогда придётся вспомнить и всё остальное. Папа, мама и самолёт, который навсегда увёз их от Лорри.

Она закрыла глаза и приказала себе не вспоминать. Теперь — девочка посмотрела в зеркало снова — там было её собственное лицо, чем-то похожее на те кошачьи рожицы, которые она любила рисовать, когда была ма-

ленькой, такое же треугольное. Её чёрные волосы опять выбились из-под резинки, как всегда после школы. Лорри принялась за причёску, с той же сосредоточенностью и целеустремлённостью, как до этого с одеждой.

У неё зелёные глаза — тоже, как у кошки. Вот если бы у неё всё-таки была крестная мать — фея, какое бы желание она загадала после того, как первым делом превратила Джимми Парвиса в большую жёлтую утку? Соломенные волосы и голубые глаза, как у Кэти Локнер? Нет, подумала Лорри, это ей ни к чему. То, что у неё есть, очень даже ей идёт.

Лорри разгладила подол юбки. Интересно, подумала она, каково носить такие длиннющие юбки, как у Халли? А в старину так ходили все, и взрослые женщины, и девочки. Лорри нравилось перелистывать у тёти Маргарет книжки с костюмами, разглядывая картинки. Тётя Маргарет выписывала рекламный журнал «Мода Фредерика» и знала всё о высокой моде. Но такие платья сейчас уже никто не носит, тогда почему Халли в них одевается? Или у неё остались одни лишь очень-очень старые платья? Да нет, это красное платье было вовсе не старым и не поношенным. А может быть, Халли носит то, что ей нравится, не обращая внимания, что модно носить короткую юбку, длинную или что-то посерединке?

Лорри отправилась на кухню и вытащила из морозилки несколько пакетов. Устраиваясь за столом, она думала о Джимми и его банде. Джимми, конечно, ей не забудет, но завтра будет суббота, а потом воскресенье, никакой школы, и никакого Джимми. Так что у неё по крайней мере два дня спокойной жизни.

Если тёте Маргарет не придётся работать сверхурочно, то может быть, утром они вместе пойдут по магазинам. А потом Лорри сможет забежать в библиотеку. И хорошо бы тётя Маргарет перестала беспокоиться о том, что у Лорри нет близких друзей. Кому нужны такие близкие друзья, как здесь? Кэти Локнер, с этими её идиотскими шуточками, вечно шепчется о мальчишках и слушает какие-то жуткие визжащие пластинки.

Но последнее время от разговоров тёти Маргарет о друзьях увиливать становилось всё труднее и труднее. Хотя Лорри и не подавала виду. Она не собиралась говорить тёте, что терпеть не может ни Кэти, ни её подружек.

Правда, в школе были другие девочки, с которыми Лорри охотно познакомилась бы поближе. Лизабет Росс, например. Лизабет ведь тоже не особенно дружит с остальными. Лизабет умница и любит читать те же книги, что и она сама. Лорри видела у неё на парте «Секретный сад». Ей даже захотелось спросить у Лизабет, какая часть ей понравилась больше всего, и читала ли она «Маленькую принцессу». Но в тот момент миссис Рэймонд заговорила с Лорри об её ошибках по математике, а потом как-то не было подходящего случая... Лизабет живёт на Бракстен Драйв, и сама никогда не говорила Лорри ничего, кроме «привет». Но тратить время на болтовню с Кэти, слушать её идиотские пластинки и бесконечно возиться с причёской — ну уж нет!

Вот бабушка никогда так не беспокоилась о ней. Если Лорри хотелось сидеть и читать — отлично. И у неё была там хорошая подруга — Анна. Только... всё это ушло, вместе со школой мисс Логан и со всем остальным, всё, что теперь казалось Лорри воплощением покоя и согласия. Если очень хочется, то плохое легко забывается, и помнишь одни только солнечные дни.

Ну подумай же о чём-нибудь другом, быстрее! Не о мисс Логан, не о Хэмпстеде, не о Канаде, не о горелой листве и не о... папе и маме...

Дом-Восьмистенок. Вот. Лорри уцепилась за это. Станный дом и чёрный котёнок Сабина, да, именно так кошечку звала Халли — и сама Халли. Халли приглашала её прийти ещё. И может быть, если она когда-нибудь пораньше выберется из школы, и немного пробежится, то зайдёт туда снова.

Лорри присела на кухонную табуретку и задумалась над этим. Она видела этот странный дом вблизи, и в нём не оказалось ничего страшного. Интересно, а изнутри он

такой же странный? И на что похожи его комнаты — треугольные, как куски пирога? Хотелось бы узнать.

В замочной скважине щёлкнул ключ, и Лорри заторопилась к дверям. Рассказать тётё Маргарет об её приключении, хотя бы наполовину? Пока ещё нет, решила Лорри, как раз, когда дверь открылась.

Тяжёлая неделя и старая мисс Эшмид

Тяжёлая неделя началась в субботу, с самого утра. Подул резкий, пронизывающий ветер, небо затянуло облаками, и вдобавок будильник тёти Маргарет не зазвонил. Тётё в этот день нужно было сверхурочно работать в магазине, а теперь она опаздывала, и поэтому даже толком не позавтракала, как следует. Пока Лорри готовила ей кофе, она поспешно нацарапала список нужных покупок.

Да, сегодня не получится вместе походить по магазинам. Тётё придётся постараться самой купить всё, что нужно, по пути домой.

— Извини, малышка, — тётя нахмурилась, глядя в зеркало в прихожей. — С этим Рождеством сегодня никак с работы не убежать. Миссис Локнер поедет в универмаг и захватит тебя в библиотеку. Только попроси. Ну, — она быстро оглядела себя, — кажется, всё. До свиданья, крошка, будь умницей. Ах, чёртов будильник! Как же я опаздываю.

Она закрыла дверь и побежала по коридору. Лорри не успела моргнуть, как каблуки тёти уже цокали по лестнице. Лорри побрела на кухню, доедать завтрак. Все её планы рухнули. За окном, под тёмными тучами, уже падали первые капли дождя, и это как-то особенно угнетало в выходной день.

Лорри допила апельсиновый сок. Она ни о чём не собиралась просить миссис Локнер. Меньше всего на свете ей хотелось ехать в библиотеку вместе с кланом Локнеров. Нет, Кэти и Роб, конечно же, ходили туда —

или были записаны. Но они думали о библиотеке, как о части школы, куда приходится ходить, если учитель задаёт прочесть такую-то и такую-то книги. Она однажды пошла с ними в библиотеку и до сих пор вспоминает, как ей было стыдно. Роба выставили прочь за то, что он громко разговаривал, и библиотекарша отчитала Кэти и Лорри, потому что Кэти без конца болтала. Кэти с Робом болтались рядом с Лорри, без конца удивляясь, зачем ей нужна «эта идиотская книга» и всё время подгоняя: «Ну, скоро ты там? Ну пошли!».

А для Лорри библиотека казалась местом, где царила тишина и покой. Местом, где можно было, не торопясь, выбрать себе книгу. А выбирать нужно было, действительно не торопясь, потому что можно было взять не больше двух книг сразу, а Лорри очень быстро читала. Большинство книг она проглатывала в ту же субботу, так что содержание — и размер — книги были очень важны. Недавно она наткнулась на настоящую сокровищницу — целая полка годовых подшивок журналов, переплетённых в большие тяжёлые тома. Это были старые журналы, старее, чем журналы тёти Маргарет (хотя Лорри, когда была маленькая, перечитала, наверное, и их тоже — однажды она открыла один из тётиных журналов и нашла там знакомый рассказ), и даже старее, чем журналы у бабушки Маллард. Но там попадались интересные рассказы.

Лорри сложила свою тарелку и тётиную чашку из-под кофе в раковину и принялась за мытьё посуды.

Ей уже пора было сдавать книги, и она хотела взять по крайней мере одну подшивку того журнала, «Сент Николас». Ведь если она пойдёт в библиотеку сама, то больше одного такого тома не унесёт. А она собиралась пойти в библиотеку сама. Если как следует всё продумать, то это совсем не трудно. Она спустится на угол Уилтон и Эш и сядет на автобус по Вудсвилл-стрит. Автобус довезёт её до универмага, а там есть светофор, поэтому можно будет спокойно перейти улицу и попасть прямо в библиотеку. И на той же стороне улицы — автобусная остановка, где

она сядет и поедет домой. Проезд для детей стоит всего двенадцать центов, а у неё был целый четвертак.

Лорри никогда ещё не ходила в библиотеку сама, но не видела никаких причин, почему ей нельзя этого делать. Да и сама тётя Маргарет никогда не говорила, что нельзя. Конечно, Лорри никогда не спрашивала у неё об этом, но девочка благоразумно отмахнулась от этой мысли.

Дождь пошёл сильнее. Ей придётся надеть резиновые сапоги и плащ, и взять пластиковый пакет, чтобы завернуть книги. Лорри убрала посуду в шкаф и насухо вытерла мойку бумажным полотенцем. Библиотека открывается в десять, а добираться туда где-то полчаса. Значит, ей нужно выйти в начале десятого, чтобы миссис Локнер не успела её перехватить.

Лорри вздохнула. Люди, которые хотят быть доброжелательными и услужливыми, иногда порядком усложняют жизнь. «Доброжелательная» — именно так тётя Маргарет говорила о миссис Локнер. Лорри же она чаще всего казалась просто надоедливой.

Теперь, когда она наконец решила, как поступит, Лорри почувствовала приятное возбуждение. Так ведь можно будет ездить каждую субботу, и она сможет проводить в библиотеке столько времени, сколько захочет. Никто не будет её подгонять, и она даже сможет почитать немного прямо там. При мысли о такой роскоши Лорри не смогла усидеть на месте и торопливо зашагала по комнате, изо всех сил желая, чтобы стрелки часов крутились побыстрее.

В девять часов Лорри была уже одета и готова. Она крутилась у двери, поглядывая в глазок на дверь Локнеров. Наконец девочка не выдержала. Прижав к себе сумку с книгами, она заперла дверь и бросилась по коридору, слегка притормозив только у ступенек.

Пока Лорри дошла до автобусной остановки, дождь уже лил вовсю. Но у остановки был навес, она спряталась под него и стала ждать. Автобуса не было, казалось, целый час, но вот он всё-таки появился, и когда девочка выходила у универмага, она была очень довольна своей сообразительностью.

У дверей библиотеки пришлось ждать ещё. Она прижала книги к себе, надеясь, что ни них не попадёт ни капли. Когда, наконец, сторож открыл двери, плащ Лорри уже начал промокать.

Но стоило ей войти внутрь, как Лорри забыла обо всём и с головой окунулась в книги. У неё было сколько угодно времени, чтобы от души покопаться на полках, вытянуть любимую книгу, прочесть страничку там, страничку здесь, хотя любимые рассказы она и так запоминала почти наизусть. Для Лорри время перестало существовать, пока вдруг не засосало под ложечкой и она не оглянулась на часы на стене. Ого, уже двенадцать часов! Они, наверное, так же поломаны, как и будильник тёти.

Лорри взяла тяжёлую подшивку и вместе со второй книгой «Почти волшебство» — она уже два раза её перечитывала — заторопилась к стойке библиотекаря.

— Не тяжело тебе? — участливо спросила та.

Лорри решительно замотала головой.

— Я поеду на автобусе, мне нести недалеко. Вот, — она вытащила из кармана пластиковый пакет, который перед этим старательно вытерла своим носовым платком, так что он не казался мокрым. — Я положу их сюда, они даже не намокнут.

— Они и так не намокнут, дождь кончился. Но я рада, что ты знаешь, как нужно обращаться с книгами.

Ещё бы, подумала Лорри. Взрослые всегда думают, что ты не знаешь таких элементарных вещей, и страшно удивляются, когда оказывается наоборот. Но, наверное, у них есть причины для беспокойства. Однажды она видела, как Джимми Парвис кинул книгу, просто взял и кинул. А Стэн не поймал её, и она упала на пол, так что выпало несколько страниц. А Сэлли Уолтерс, так та рисовала картинки на полях одной своей книги.

Дождь, может, и закончился, но ветер всё равно был холодным. Здесь навеса на остановке не было, а Лорри боялась, что пропустит автобус, поэтому ей пришлось стоять прямо рядом с табличкой на углу, где ветер особенно продувал.

— Лорри! Лорри Маллард! Что ты здесь делаешь?

С автостоянки универмага через улицу к ней подъехала машина. Дверь распахнулась и миссис Локнер резко скомандовала:

— Немедленно залезай, Лорри. Ты вся посинела от холода. Где ты была? И где твоя тётя?

Лорри вздохнула. Но бежать было некуда. Понуриив голову, она уселась рядом с миссис Локнер.

— Тётя Маргарет на работе. А я была в библиотеке.

— Одна? А тётя разрешила тебе?

— Я приехала на автобусе, — принялась оправдываться Лорри. — Мне книги пора было сдавать.

— Но, Лорри, ты же знала, что я еду в город, ты должна была поехать с нами. Боже, посмотри на часы! Я должна заехать на Элсмер-стрит, забрать Кэти с танцев, а потом успеть домой и проводить Робу на игру! Ох, какая большая книга у тебя, Лорри. Тебе не тяжело?

— Она мне нравится. И вовсе не тяжёлая.

Как всегда, голос миссис Локнер действовал Лорри на нервы. Она вечно задавала кучу вопросов. Наверное, будь это кто-нибудь другой, Лорри отвечала бы без раздражения, по крайней мере, без того раздражения, которое всегда вызывала у неё миссис Локнер.

— Надеюсь, Кэти уже закончила, — миссис Локнер проехала два квартала, потом повернула направо. — Они готовятся к концерту и иногда репетиции затягиваются. Кэти будет солировать, она будет танцевать цыганку.

— Она мне говорила, — кивнула Лорри. — И показала свой костюм.

Лорри несколько не завидовала тому, что Кэти ходит по субботам в школу танцев. Но костюм — это было совсем другое дело. Наряжаться — это здорово! Раньше Лорри со своей подружкой Анной с удовольствием рылись в бабушкиных сундуках на чердаке, когда бабушка разрешала.

— Приехали. Слава Богу, Кэти уже ждёт! Открой ей дверь, дорогая. Нам придётся поспешить, если мы хотим успеть домой и вовремя проводить Робу.

Таким образом, Локнеры умыкнули Лорри, привезли

её домой и накормили обедом, невзирая на все её протесты. Но по крайней мере она не пошла с Кэти после обеда в кино, на двухсерийный фильм со всякими чудовищами.

Миссис Локнер только покачала головой, когда Лорри взмолилась отпустить её домой делать уроки. Но не могла же она вытолкать её за дверь вместе с Кэти? Как только Лорри оказалась снова дома, в квартире тёти Маргарет, она вытащила учебники и принялась за домашние задания. Сначала она сделала математику, потому что терпеть её не могла. Лорри всегда старалась делать сначала самое противное, чтобы потом, не торопясь, заниматься приятными вещами.

Сегодня на приятное она оставила сочинение про осень. И Лорри уже знала, о чём она будет писать — об опавших листьях и кострах. Опавшие листья — тут она вновь вспомнила о Доме-Восьмистенке. Ведь сегодня такой ветер, что там, наверное, все листья разбросало. Интересно, Халли когда-нибудь убирает их? Может быть, Лорри следует помочь ей?

Лорри уже переписывала черновик набело, когда услышала в замке скрежет ключа тёти Маргарет. Она была так довольна своим сочинением, что бросилась ей навстречу с исписанным листом бумаги в руках.

— Тётя Маргарет, я...

Но тётя Маргарет хмурилась. С трудом удерживая под мышкой большую сумку с продуктами, она прошла мимо Лорри на кухню.

— Закрой дверь, Лорри, и иди сюда. Я должна поговорить с тобой.

Лорри повиновалась. Когда она зашла на кухню, тётя Маргарет уже сняла пальто и присела на табуретку. Она выглядела очень уставшей, да ещё и хмурилась, так что над глазами сложились две резкие морщины.

— Лорри, миссис Локнер только что пожаловалась мне на тебя. Она сказала, что ты одна отправилась в библиотеку, и что она нашла тебя на углу у универмага.

— Я стояла на автобусной остановке, — возразила Лорри.

— Даже не знаю, что с тобой делать, Лорри, — тётя

Маргарет стащила перчатки и разглаживала их пальцами. — Я бы с удовольствием проводила с тобой больше времени, но я просто физически не могу. Миссис Локнер очень добра к нам. Если меня нет дома, она с радостью соглашается, чтобы ты оставалась у них вместе с Кэти. Она подвезла бы тебя до библиотеки.

— Но я не хотела ехать туда с Локнерами.

— Лорри, в таких случаях ты не можешь поступать, как тебе заблагорассудится. Для такой маленькой девочки, как ты, просто опасно ходить по городу одной. С тобой может случиться любое несчастье. И потом, ты и так слишком много времени проводишь одна. Ещё миссис Локнер жаловалась, что ты не пошла вместе с Кэти в кино, хотя Кэти так упрашивала.

— Это старый фильм с чудовищами, а мне они не нравятся. И мне нужно было делать уроки, — Лорри разочарованно скомкала своё сочинение.

— Я не собираюсь спорить с тобой, Лорри. Но и не собираюсь смотреть, как ты продолжаешь вести себя в том же духе. С сегодняшнего дня, когда меня нет дома, ты должна быть у Локнеров. Пока я не договорюсь о чём-нибудь другом.

Тётя поднялась и взяла пальто. Она вышла в коридор, а Лорри поплелась следом, с ужасом представляя себе будущее, — проводить всё свободное время вместе с Кэти, Робом и, возможно, с Джимми Парвисом тоже, потому что он был одним из лучших друзей Роба.

Проходя мимо журнального столика, тётя взяла библиотечные книги.

— А чтобы ты лучше усвоила мой приказ, Лорри, эти книги отправятся в шкаф и будут стоять там запертыми, пока ты не докажешь, что на тебя можно положиться, что ты научилась поступать, как положено.

И унесла обе книги.

Лорри молча складывала учебники и тетрадки. Это же нечестно! Она — один человек, а Кэти — совсем другой. Она просто не выдержит, если ей придётся всё время проводить вместе с Кэти! И — и она больше никогда не пойдёт в Дом-Восьмистенок.

Так началась тяжёлая неделя, и Лорри казалось, что она так никогда и не закончится. Ей пришлось ходить в школу вместе с Кэти и играть там в баскетбол, который она ненавидела, её неповоротливость выводила других игроков из себя. Она получила плохую оценку по математике. Про сочинение миссис Рэймонд сказала, что оно забавно, но уж очень много в нём ошибок. На переменах во дворе Джимми Парвис всё распевал свою ужасную дразнилку и некоторые девочки подхватывали её. А тётя Маргарет постоянно расспрашивала её о школе, подружилась ли она с кем-нибудь, и почему она сделала то и не сделала это, и даже сказала, что ей придётся серьёзно поговорить с миссис Рэймонд.

Лорри ощущала себя засунутой в какой-то мешок, ей не давали никакой возможности оставаться самой собой. К вечеру пятницы она была так несчастна, что знала наверняка: больше она не выдержит.

И вечером в пятницу случилось самое скверное. Тётя Маргарет сказала, что после школы Лорри должна остаться у Локнеров, поэтому ей пришлось взять туда кое-какие вещи. На этот раз она взяла с собой маленький раздвижной планшет, подарок бабушки Маллард. Она хотела написать бабушке особенное письмо, без всяких нюнь, потому что когда бабушка уезжала в Англию, доктор Крейтон как следует объяснил Лорри, что её ни в коем случае нельзя беспокоить.

Но эта неделя была такая тяжёлая! Лорри просто боялась, что несмотря на все усилия, она всё-таки пожалеется бабушке на что-нибудь. Она писала бабушке каждую неделю и не могла больше задерживать письмо. Черновик Лорри писала на простом листке из блокнота, а набело собиралась переписать на особенной бумаге, тоже подарке бабушки, с именем Лорри на каждом листе.

Лорри разложила бумагу на журнальном столике, за который её усадила миссис Локнер. Но тут зазвонил телефон, и миссис Локнер позвала её к трубке — звонила тётя Маргарет, сообщая, что ей придётся задержаться дольше обычного, поэтому пусть Лорри ещё посидит у Локнеров.

Возражать не имело смысла, но всё равно Лорри возвращалась назад, понутив голову. И тут — её глаза округлились и все беды недели разом вырвались наружу.

— Отдай! — она потянулась за вещью, которую Кэти вытащила из планшета.

— Нет, дай посмотреть! — Кэти, хохоча, отскочила в сторону, взмахнув рукой, так что Кэти не смогла дотянуться до неё. — Какая забавная куколка! Ты до сих пор играешь в куклы, Лорри? Только маленькие дети играют в куклы.

В её руке болталась старенькая кукла. Неосторожный взмах — и хрупкая фарфоровая головка ударилась о стену и разлетелась на тысячи кусочков.

— Миранда! — Лорри прыгнула на Кэти, растерянно стоявшую над фарфоровыми осколками и изо всех сил ударила её по щеке. — Дай сюда!

— Да ладно, забирай! — Кэти швырнула безголовое тельце в Лорри и оно упало на планшет.

Лорри подхватила планшет и всё остальное и опрометью выскочила из квартиры Локнеров. Она возилась с замком, когда в коридор выбежала миссис Локнер.

— В чём дело, Лорри? Отвечай немедленно!

Лорри оттолкнула руку, схватившую её за плечо.

— Оставьте меня в покое! Оставьте же вы все меня в покое, наконец! — теперь она уже редела, несмотря на все усилия не расплакаться.

— Но почему ты ударила Кэти? Лорри, да скажи, что случилось?

— Оставьте меня в покое!

Ключ наконец попал в замочную скважину, Лорри вырвалась из рук миссис Локнер и бросилась внутрь. Планшет и бумага рассыпались по полу, но это уже не имело никакого значения. То, что сейчас имело значение, она тесно прижимала к груди.

Лорри захлопнула дверь прямо перед носом миссис Локнер и повернула ключ. Она слышала, как та кричит и барабанит в дверь. Да пусть они хоть все соберутся — она ни за что не откроет! Ничего не видя от слёз, Лорри расстелила кровать и бросилась на одеяло. Миранда

больно колола ей грудь, но Лорри не в силах была смотреть на её обезглавленное тело.

Миранда была особенная. Она была не просто куклой, она была почти живая. И она была очень, очень старой. Ещё её бабушка играла с ней, когда сама была маленькая, и играла чрезвычайно осторожно, потому что уже тогда Миранда была особенной куклой. Ведь и бабушке куклу подарила её собственная бабушка. Этой куколке было больше, чем сто лет! А теперь — теперь Миранда превратилась в ничто!

Лорри перекатилась на бок и посмотрела на останки. Маленькие ручки, сделанные из кожи, остались целы, и ножки в красно-белых полосатых чулочках и чёрных ботиночках — тоже. Но из-под ворота старомодного платья, сделанного руками бабушки, выглядывал только зазубренный осколок. И голова и плечи погибли. Миранда умерла, и убила её Кэти! Никогда, никогда больше она не будет разговаривать с Кэти Локнер! Никогда, никогда больше она не переступит порог квартиры Локнеров!

Всё ещё всхлипывая и глотая слёзы, Лорри поднялась с кровати и подошла к шкафу. Она вытащила оттуда старый платок — тоже подарок бабушки — мягкого плотного шёлка, пожелтевший от времени, а в углу была вышита большая толстая буква «Г» и узорчик вокруг. Когда-то этот платок принадлежал отцу бабушки.

Лорри осторожно завернула Миранду в платок. Миранда умерла и Лорри невыносимо было даже смотреть на неё. А ведь её могут просто выбросить в мусор, словно какую-то старую поломанную куклу. Нет, Миранда не попадёт в мусорный бак. Она будет лежать в особенном месте, таком, где летом зацветут цветы.

И это место — Дом-Восьмистенок! Лорри натянула плащ и шапочку. Она вышла через чёрный ход, сжимая Миранду в руке, и тихо спустилась по ступенькам. Уже темнело, но идти ей было недалеко. В другой руке она держала большую ложку, которую стащила из кухонного шкафа. Ею она выкопает могилку. Лишь бы земля была не очень промёрзлой.

Лорри пробежала мимо стоянки, потом по улице, и наконец добралась до ворот, через которые карабкалась в свой первый визит. Она не увидела в доме никаких огней, а деревья и кусты делали его особенно мрачным. Но Лорри была слишком опечалена, чтобы бояться.

Чтобы открыть ворота, Халли что-то сделала с верхним прутком. Но она-то стояла с другой стороны. Так что Лорри придётся снова карабкаться. Так она и хотела сделать, и уже ухватила рукой за прут, когда ворота подались и приоткрылись, куда легче, чем когда их открывала Халли, и Лорри оказалась на покрытой тенями кирпичной дорожке.

Клумбы, клумбы за домом. Там, наверное, будет легче копать. Не обращая внимания на тени, Лорри заторопилась к клумбам у бассейна. Там она присела и принялась копать ямку ложкой.

Ветра не было, поэтому она сразу услышала стук. Лорри обернулась и посмотрела на дом. В окне, которое раньше было зашторено, теперь горел свет, неяркий, но женщину, наклонившуюся к стеклу, видно было хорошо. И это была не Халли.

Сначала Лорри испугалась, чересчур испугалась, даже чтобы убежать. Но затем она разглядела, что женщина не хмурится, и даже ни чуточки не сердится, как полагалось бы, когда видишь, как кто-то копает ямку в твоём саду. Вместо этого она улыбалась, а теперь даже помахала Лорри рукой, указав в сторону чёрного хода.

Лорри немного поколебалась, а затем поднялась на ноги, всё ещё прижимая Миранду к себе. Женщина ещё раз постучала в стекло, снова указав на заднюю дверь. Лорри кивнула и зашагала по дорожке.

Не успела Лорри подняться по ступенькам, как дверь открылась и навстречу заулыбалась Халли.

— А-а, мисс Лорри, заходите, заходите! Мисс Эшмид уже ждёт вас!

Лорри вошла в прихожую. Несмотря на светильник на стене, углы прихожей были темны. Комнатка была треугольная, и в каждой стене — дверь; одна вела на кухню, Лорри заметила краешек плиты. А вторая открывалась в

комнату с тем зашторенным окном. И Халли кивала как раз на неё.

— Заходите, заходите прямо туда.

Неожиданно Лорри оробела. Леди в окне улыбалась и казалась дружелюбной, но она не приглашала её в комнату.

Это была самая странная комната, которую Лорри видела в жизни. Свет — а там было достаточно света — лился из ламп и мерцавших свечей. На окнах, поверх белых кружевных гардин, висели красные бархатные шторы, а на полу лежал красный ковёр. В центре комнаты стоял большой стол, а на нём — два канделябра и было разложено множество всякой всячины. А слева располагался камин, в нём горел огонь, а перед камином на коврике лежала Сабина.

Между столом и окном стояло кресло с выгнутыми ручками и высокой спинкой, а в кресле сидела леди. Леди, одетая в платье с узкой талией и длинной пышной юбкой, как у Халли. Только это платье было странно-зелёного цвета, и длинный фартучек был не белый со сборками, как у Халли, а из чёрной тафты, а по краям на нём яркими цветными шелками были вышиты блестящие цветы и птицы. Леди была совсем седой, но волосы всё ещё были густыми — тугую косу, уложенную вокруг головы, закрепляла тёмно-красная лента с чёрными кружевами.

На коленях лежали большие пальцы, словно она только что оторвалась от работы, а на пальцах было растянuto полотно с наполовину вышитой картинкой. Сейчас её руки покоились на подлокотниках кресла, а на пальцах блестело множество колец, почти все украшенные красными камнями. Гранаты, догадалась Лорри, она видела такие же у бабушки, только та носила их редко.

На груди женщины поблескивало ожерелье из таких же камней, а в ушах — серёжки. Она не была похожа ни на одну из леди, которых видела Лорри, но в этой комнате она была настоящей леди.

— Подойди ближе, Лорри. Дай-ка я посмотрю на Миранду.

Она протянула руку и кольца блеснули в свете камина.

Лорри даже не показалось странным, что мисс Эшмид знает, что она держит завернутым в платок.

Мисс Эшмид прикрыла свёрток второй рукой, так что Миранда оказалась между её ладонями. Несколько мгновений она сидела неподвижно, а затем заговорила:

— В мире ломается и рвётся множество вещей, Лорри. Но существует и такая вещь, как игла с ниткой, чтобы зашить прореху. Если, конечно, хватит желания и терпения. Никогда не торопись, потому что спешка может превратить маленькую неприятность в большое горе. Лучше скажи, что ты думаешь об этом?

И она показала на что-то, лежавшее с другой стороны стола. Лорри подошла поближе и увидела кружевной отрез. Кружева были настолько нежные и красивые, что она ни за что не осмелилась бы потрогать их, хотя ей очень захотелось. Кружево выглядело словно паутинка, если бы какой-нибудь паук решил ткать узором, а не кругами, как обычно. Но несколько нитей было порвано, и в узоре образовалась дыра, которая всё портила.

— Поспешешь — людей насмешишь, — мисс Эшмид покачала головой. — Теперь, чтобы починить это, уйдёт куда больше времени и терпения.

— Но Миранду уже не починишь, — возразила Лорри. — Её голова раскололась на мелкие кусочки.

— Посмотрим, — кивнула женщина, всё ещё не разворачивая Миранду, чтобы взглянуть на неё. — А пока, Лорри, что ты здесь хочешь посмотреть? Смотри как следует, не торопясь. Но, — тут мисс Эшмид улыбнулась, — смотри глазами, а не руками.

Лорри кивнула. «Руками не трогать», подумала она про себя. Она могла бы и фыркнуть от такого предупреждения, она ведь уже не ребёнок. Но почему-то такое замечание было здесь к месту. И она стала смотреть по сторонам, обходя комнату кругом.

А посмотреть было на что! На стенах висели картины в тяжёлых рамах, некоторые слишком потемневшие, чтобы можно было хоть что-то рассмотреть. Лорри показалось,

что некоторые из них — куски ткани, а рисунок сделан не кистью и красками, а иглой и нитью. На спинке дивана лежала квадратная салфетка с великолепной вышивкой крестиком — букет цветов. Сиденье и спинка каждого стула были украшены похожей вышивкой.

А над камином висел гобелен, который надолго задержал внимание Лорри. К тёмному лесу скакали рыцарь и его оруженосец, а на переднем плане смотрела им вслед девушка в платье такого же зелёного цвета, что и на мисс Эшмид. Она была босая, а из-под гирлянды белых цветов на плечи свободно падали тёмные волосы.

— Это Принцесса-Из-Гобелена.

Лорри обернулась.

— Это сказка? — спросила девочка.

— Это сказка, Лорри. А смысл той сказки таков: лучше синица в руках, чем журавль в небе... но помни и о журавле. Будь довольна малым, но не забывай о своих мечтах. Когда-то эта принцесса была дочерью короля и у неё было всё, что душе угодно. Но потом для её отца наступили тяжкие дни, а её саму враги схватили и заточили в башню. И всё, что у неё осталось — это один из подарков крёстной: всего лишь золотая иголочка.

И тогда принцесса научилась шить, чтобы латать свою износившуюся одежду. И так прекрасна была её работа, так сложна и изысканна, что узурпатор, занявший трон её отца, заставил принцессу соткать новые одежды для его собственной дочери, новой принцессы. А она постепенно росла, становилась старше и старше, но никому не было до этого дела.

И тогда она принялась ткать гобелен. Сначала она вышила рыцаря и его оруженосца, а затем тёмный лес позади, а затем луг и траву — всё, кроме одного места на переднем плане. Одна из дочерей узурпатора пришла, чтобы приказать ей сшить новое платье, но увидев гобелен, вместо этого приказала ей поскорее заканчивать его, чтобы повесить на стене на свой свадебный пир.

И принцесса ткала всю ночь, чтобы закончить его. А девушка, которую она вышивала на оставшемся месте,

была так же молода и красива, как и она сама, когда была ещё совсем молодой. И когда был закончен последний стежок, принцесса исчезла из башни, и никто с тех пор никогда не видел её.

— И она... ушла в гобелен?

— Так говорят. На самом-то деле она нашла какой-то путь к свободе, и только её портрет на гобелене напоминает нам об её истории. Но я вижу, что тебя гнетёт какая-то своя история, Лорри. Что произошло?

И сама не зная почему, Лорри выплеснула всё, что случилось за эту тяжёлую неделю, и многое другое, что давно уже копилось в ней, долго-долго не давало покоя.

— И ты говоришь, что по-настоящему ненавидишь Кэти, дорогая? Только потому, что она сломала Миранду?

Лорри опустила глаза на моток шёлка на коленях у мисс Эшмид.

— Нет, наверное, я не то, чтобы ненавижу её... И я... мне жаль, что я ударила её. Она ведь не хотела разбить Миранду.

— Ненависть — большое и жестокое слово, Лорри. Не говори о ней, пока ты не будешь в этом уверена. Ты была несчастлива, и поэтому видела вокруг только неприятные вещи. Ты повела кривую строчку, и теперь стежки придётся распарывать и шить заново. Но это нужно делать, иначе первоначальный замысел пойдёт насмарку.

— Мне бы хотелось, — Лорри поискала глазами куклу, — мне бы хотелось остаться здесь.

— Ты не хочешь возвращаться домой к тёте Маргарет? — в голосе мисс Эшмид тут же зазвучали резкие ноты.

— Нет, нет, я не то хотела сказать... Я хотела сказать, можно мне хоть иногда приходить сюда?

Мисс Эшмид поманила её:

— Иди ко мне, дитя моё.

Лорри обошла вокруг стола, и встала прямо перед мисс Эшмид, между пальцами с незаконченной вышивкой и столиком со сдвигающейся крышкой, под которой оказалось множество маленьких отделений, наполненных

катушками и моточками яркого цветного шёлка и шерсти.

Рука мисс Эшмид приподняла её подбородок, старая леди наклонилась и заглянула Лорри прямо в глаза. Лорри показалось, что она читает все её мысли, и неожиданно ей стало стыдно за кое-какие из них, и она попробовала отвернуться от этого пристального взгляда, но не смогла.

А потом мисс Эшмид кивнула.

— Ну, может быть, мы что-нибудь придумаем. А теперь, Лорри, я напишу записку, которую ты отнесёшь своей тётке, чтобы она знала, где ты была. А Миранду оставь мне. Это лучше, чем хоронить её в моём саду, как ты собиралась.

Верхом на белом коне

Лорри понуро вытирала ноги в коридоре. Она знала, что должна сделать — позвонить в дверь Локнеров. Лорри чувствовала, что если сейчас же не сделает этого, то повернётся и снова сбежит. Прозвенел звонок, она посмотрела в лицо Кэти и торопливо проговорила:

— Извини, что я тебя ударила.

— Мам, это Лорри! Слушай, твоя тётя здесь. Они тебя везде искали, — Кэти схватила её за локоть. — Слушай, мама мне такую взбучку дала за твою куклу. Я не хотела, честно.

Лорри кивнула. За спиной у Кэти стояла тётя Маргарет. Она мрачно посмотрела на Лорри и взяла её за плечи.

— Пойдём, Лорри. Я думаю, что тебе есть что сказать и миссис Локнер.

Лорри снова кивнула. В горле у неё стоял комок, и от этого голос дрожал, когда Лорри заговорила с миссис Локнер:

— Извините меня. Я не должна была бить Кэти. И убегать тоже.

— Да, не должна. Но и Кэти не должна была брать твою куклу. Твоя тётя объяснила мне, что она значила

для тебя. А где она? Может быть, её можно исправить?

— Нет, — Лорри не могла глядеть в глаза миссис Локнер. — Её у меня больше нет.

— Я думаю, что на сегодня Лорри уже причинила достаточно неприятностей, миссис Локнер. Мы лучше пойдём домой.

Рука тёти Маргарет подтолкнула Лорри к двери их квартиры. Внутри она со вздохом уселась в сторонке, оставив Лорри стоять у входа. Тётя уронила голову на плечо, закрыла глаза и вдруг показалась такой усталой... Лорри повозилась с молнией, стащила куртку с плеч. Куртка упала на пол, а из кармана выпал конвертик с запиской от мисс Эшмид. Лорри подняла записку и принялась крутить её в руках, не зная, что сказать.

— Не знаю, что с тобой делать, Лорри. Этот... побег, и ты ударила Кэти Локнер. Она только хотела посмотреть твою куклу. Если ты не хотела показывать ей Миранду, то зачем вообще взяла её туда?

— Миранда лежала у меня в планшете. Я взяла его, чтобы написать письмо бабушке.

Если тётя и расслышала её слова, то не обратила на них внимания. Она снова вздохнула и поднялась так, словно это требовало большого усилия.

— Я слишком устала, чтобы сейчас говорить с тобой, Лорри. Отправляйся в свою комнату и подумай о том, что ты сегодня сделала. Подумай как следует.

И она направилась на кухню.

— Тетя, я же ещё не накрыла на стол.

— Я думаю, что с этим прекрасно управлюсь и без тебя. И я хочу, чтобы ты немного подумала над своим поведением, Лорри. Немедленно!

Лорри поплелась в спальню. Письмо она положила на маленький столик. Теперь оно было уже неважно. Тётя Маргарет рассердилась и — что было хуже — Лорри доставила ей боль. Лорри уселась на пуфик перед ночным столиком, посмотрела на своё отражение в зеркале и закрыла лицо руками.

Подумай о том, что ты сделала сегодня, сказала тётя Маргарет. Сейчас ей трудно было даже понять, что имен-

но случилось, а ещё труднее отгадать — почему. Она не хотела идти к Локнерам, а потом Кэти с Мирандой... голова Миранды с хрустом разбивается о стенку... рука Лорри на щеке Кэти. А затем эта идея похоронить Миранду... она идёт к Дому-Восьмистенку и встречает там мисс Эшмид — и что там сказала мисс Эшмид? Поспешишь — людей насмешишь...

Лорри достала из коробочки в верхнем ящике бумажный носовой платок, промокнула глаза и высморкалась. Сейчас ей было жаль Кэти и неудобно за то, что она доставила миссис Локнер и тётю Маргарет столько неприятностей. А вот о том, что она встретилась с мисс Эшмид, Лорри ни капельки не жалела — наоборот, она была рада.

— Лорри! — позвала тётя Маргарет.

— Иду, — отозвалась Лорри, последний раз утерев покрасневшие глаза.

Тётя Маргарет уже сидела за столом. Лорри тихо скользнула на своё место напротив. В пятницу они обычно готовили что-нибудь особенное, и вообще это был маленький праздник, но сегодня... Лорри вздохнула.

— Тётя Маргарет... — комок в горле оказался таким большим, что ей даже стало трудно глотать. — Извините меня...

— Да, сейчас ты извиняешься, Лорри. А вот надолго ли хватит твоих извинений? Или опять выкинешь что-нибудь такое? Ты же знаешь, что я с удовольствием проводила бы с тобой больше времени. Но я не могу. И я не могу оставлять тебя одну. Миссис Локнер больше чем добра к нам. И как ты её отблагодарила?

Лорри поперхнулась, уставившись в тарелку.

— Лорри, я понимаю, что жизнь здесь непохожа на ту, когда ты жила у бабушки Маллард. Но фокусничать из-за этого?

Лорри полезла в карман за платком.

— И ничего удивительного, что у тебя нет друзей, раз ты такая недотрога. Когда Кэти приглашает тебя куда-нибудь сходить, ты всегда говоришь «нет». Ты не записалась ни в один школьный клуб. Миссис Рэймонд жалуется мне, что на большой перемене ты всегда сидишь, уткнув-

шись в книгу, пока учитель не попросит — или заставит — тебя включиться в игру. Я понимаю, что в первые дни тебе всё это казалось незнакомым и странным. Но сейчас-то это не так, и ты вполне могла бы с кем-нибудь подружиться.

Тётя Маргарет отодвинула тарелку, словно ей тоже кусок в горло не лез, и взялась за кофе. Она пила медленными глотками, нахмурившись, так что морщины на лбу выступили особенно отчётливо.

— А что ты сделала с Мирандой? — неожиданно спросила она.

— Я отнесла её в Дом-Восьмистенок, — тихо-тихо, почти шёпотом призналась Лорри.

— В... в Дом-Восьмистенок? Боже, почему? — в голосе тёти прозвучало неприкрытое изумление.

— Я хотела похоронить Миранду, а не просто выбросить её на мусорку. А там есть сад.

— А откуда ты про него знаешь?

И Лорри рассказала о котёнке, о том, как она познакомилась с Халли, и о том, как сегодня попала в гостиную к мисс Эшмид. Пока она рассказывала всю эту историю, всё её огорчение куда-то ушло, и она снова смогла поднять глаза на тётю.

— ...и она написала тебе записку, — Лорри бросилась в коридор, и вернулась с конвертиком, который положила на стол перед тётей Маргарет.

Тётя распечатала конверт, и Лорри мельком заметила, каким удивительным почерком написано письмо — не похожим ни на что, с завитушками и петельками, совсем как украшения на заржавевших железных воротах.

Тётя Маргарет дважды прочла записку и сердитый взгляд сменился удивлённым. Она ещё раз пригляделась к подписи и повернулась к Лорри.

— Мисс Эшмид... хочет, чтобы ты завтра пришла к ней в гости. На целый день.

А можно? Лорри даже не смела спрашивать. Не пускать её — тёте Маргарет вполне могло прийти в голову и такое, чтобы как следует наказать. Ой, если только она её

отпустит, Лорри сделает всё, что только её ни будут заставлять — ходить на фильмы ужасов вместе с Кэти, играть в баскетбол, и если они думают, что ей доставляет удовольствие заниматься всякой ерундой, она будет заниматься всякой ерундой, лишь бы только... У Лорри даже не поворачивался язык упрашивать или обещать. Она не догадывалась, что загоревшиеся глаза и умоляющее выражение лица говорили за неё.

— Ну хорошо, — тётя Маргарет спрятала записку обратно в конверт. — Сходишь.

Это решение словно разогнало на кухне все чёрные тучи. Тётя принялась за ужин, и Лорри тоже вдруг почувствовала себя ужасно голодной. Она сглотнула — комок в горле пропал и всё крутом показалось ей просто прекрасным.

В этот вечер она сделала всё домашнее задание, дважды проверила математику, а тётя Маргарет в это время корпела над своими бумагами и эскизами на другом конце стола. Лорри подтянула к себе один набросок, случайно попавший между черновиками. Посмотрев на нарисованное кресло, почему-то сразу показавшееся знакомым, она вдруг поняла, что видела точно такое же — в комнате мисс Эшмид. Только это с золотистой обивкой, подумала Лорри, а с вышитыми цветами было бы куда красивей.

— А почему бы здесь не вышить цветы? — спросила она, протянув тёте рисунок. — У мисс Эшмид вышиты, розовые, жёлтые и зелёные... светло-зелёные.

Тут Лорри даже прикрыла глаза, чтобы лучше представить себе то кресло.

— Ты видела такое кресло у мисс Эшмид?

Лорри открыла глаза. Тётя снова с удивлением глядела на нее.

— Да. Целых два. Они стоят у камина. Только у неё с вышитой спинкой и сиденьем.

— И какие цвета?

— Ну, фон такой... светло-жёлтый, даже кремовый. А цветы неяркие, но их сразу видно. Розовые розы впере-

между с такими маленькими жёлтыми цветочками, вроде колокольчиков, и весь букетик перевязан ленточкой, и ленточка тоже розовая. А вокруг вышит веночек из листьев, вроде виноградных, и он светлозелёный.

Тетя кивнула.

— Понятно. Это отличная идея — мы собирались использовать такие кресла как задний план для моделей вечерних платьев. Лорри, когда ты будешь там завтра, постарайся запомнить цвета и рисунок. Ты знаешь, судя по тому, что я слышала, тебе здорово повезло. Дом мисс Эшмид должен быть полон таких вот красивых старомодных вещей.

— Они прекрасные, просто прекрасные! — воскликнула Лорри. — А подсвечники, камин такой... такой...

Тётя Маргарет улыбнулась, складывая листы обратно в папку.

— Могу себе представить. Ладно, Лорри, уже поздно. Завтра наступит быстрее, если ты быстренько отправишься в кровать.

Заснуть сегодня будет так же трудно, как в рождественскую ночь, подумала Лорри. Однако нет, уснула она так быстро, что на другое утро даже не помнила, как забралась под одеяло. И утро действительно наступило быстро.

Утром Лорри быстро расправилась со своей частью домашних забот. Потом ей пришло в голову, что визит такой важности требует лучшего, самого парадного платья. Увы, платье оказалось тесным, и тётя Маргарет, посмотрев на Лорри перед тем, как она собиралась надеть пальто, согласилась — с тех пор, как бабушка сшила это платье, Лорри порядком подросла.

А затем Лорри оказалась на улице, торопясь по Эш Стрит к Дому-Восьмистенку. Ворота снова подались под её рукой, и Лорри благопристойно замедлила ход, обходя вокруг дома к заднему ходу. И вновь, не успела она постучать, как Халли открыла дверь.

— Заходите, заходите, они пьют утренний шоколад, и вас тоже чашечка дожидается, мисс Лорри, заходите!

И Лорри снова оказалась в комнате красного бархата.

Шторы были отдёрнуты, чтобы впустить солнце. Огонь в камине всё ещё горел, но в свечах нужды не было.

Кресло мисс Эшмид было передвинуто ближе к окну и дневной свет падал прямо на пятачок и на столик, на котором были разложены моточки шёлка и шерсти. А прямо перед мисс Эшмид стоял другой столик, а на нём — высокий, с простыми прямыми линиями, кофейник. По белым бокам кофейника были рассыпаны фиалки, а по ручке шла золотая каёмочка. Две таких же чашки стояли на маленьком подносе вместе с блюдцем, накрытым кружевной салфеткой.

— Доброе утро, Лорри.

Лорри замешкалась, потому что как раз в этот момент стояла в дверях. Наконец она сделала реверанс.

— Доброе утро, мисс Эшмид.

Она должна следить за своими манерами, напомнила себе девочка. В этой комнате подобало вести себя, только как настоящая леди.

— Передай Халли пальто и шляпу, дорогая. Хочешь шоколаду?

Лорри стянула пальто.

— Да, с удовольствием.

Повинуясь жесту мисс Эшмид, она уселась на высоком стуле, напротив пожилой женщины. Мисс Эшмид налила шоколад из высокого кофейника и сняла салфетку с блюда — там лежали бисквиты. Лорри сделала маленький глоточек, чашка была такая тонкая и лёгкая, что казалось — неловкое прикосновение и она расколется. Затем она откусила кусочек бисквита, который оказался хрустящим и несладким, с каким-то своим, особенным вкусом. Такого Лорри ещё не пробовала.

— Ты умеешь шить, Лорри? — спросила мисс Эшмид, допивая свою чашку.

— Неможко. Моя бабушка учила меня шить платья Миранде.

— Одна леди из Англии, — покачала головой мисс Эшмид, — одна леди однажды сказала, что так же стыдно настоящей леди не уметь шить, как джентльмену — не уметь владеть шпагой.

Тут она вытерла пальцы маленькой салфеточкой. Лорри не знала, чего от неё ждут, но после маленькой паузы ответила:

— Джентльмены больше не носят шпаг.

— Да. Да и леди не часто берут в руки иголку. Но всё равно — когда искусство забывают или бросают, как ненужную вещь, очень жалко.

Мисс Эшмид скользнула взглядом по картинам, по кусочкам материи, лежавшим на длинном столе, потом взгляд её остановился на гобелене над камином. Она взяла серебряный колокольчик, на звон которого явилась Халли, чтобы забрать поднос.

Тут Лорри в первый раз увидела, что прячется на столешнице под подносом. На чёрном фоне там была нарисована картина, которая надолго привлекла её: на горе стоял золотой замок с перламутровыми окошками, а над ним из золотых облаков выглядывала такая же перламутровая луна. Мисс Эшмид заметила её взгляд и провела по картине пальцем.

— Это папье-маше, моя дорогая. Когда-то это было очень популярно. А теперь, Лорри, будь так добра, отставь этот столик в сторону, он ведь нам больше не нужен.

Столик оказался очень лёгким, и Лорри без труда перенесла его. Когда она вернулась, мисс Эшмид что-то искала в столике с маленькими отделениями под сдвигающейся крышкой. Она подвинула к себе пяльца с незаконченной работой, и теперь Лорри видела, что это тоже картина, в рамке из цветов.

— Ты не могла бы помочь мне, дорогая?

— О да! — с готовностью ответила Лорри.

— Вдень, пожалуйста, нитки в эти иголки, — улыбнулась мисс Эшмид. — Зрение у меня уже не то, что раньше, и иногда вдеть нитку в иголку становится настоящим мучением. Вот, в этой коробочке нитки. Мне понадобятся нити вот такой длины, эти, эти и эти.

И она указала на разноцветные шерстяные нитки, туго намотанные на вырезанные из слоновой кости шпульки.

Лорри принялась за работу. У тоненьких иголок оказались самые больше ушки из всех, что она видела. Поэтому вдевать нитки было вовсе нетрудно. Иголок было довольно много, они хранились в забавной коробочке из слоновой кости, сделанной в форме кошки — чтобы вынуть иголки, следовало открутить ей голову. И это была не единственная игольница в столе. Мисс Эшмид достала оттуда ещё одну и тоже открыла её. Внутри хватило бы места для множества иголок, но там в кусочке зелёного бархата торчали только две иглы. Они были совсем непохожи на те иглы, в которые вдевала ниточки Лорри, — под солнечным светом они отливали золотом, а не серебром, как остальные.

— А это, Лорри, — голос мисс Эшмид прозвучал очень серьёзно, — особенные, специальные иглы. Ими нельзя пользоваться слишком часто.

— Они блестят, как золотые.

— А они и есть золотые. И это непростые иглы.

— Как волшебная иголочка у принцессы?

— Именно так. Этих иголок не трогай, Лорри. Поняла?

— Поняла, мисс Эшмид.

Мисс Эшмид закрыла игольницу и спрятала её обратно. Лорри мельком заметила, что коробочка сделана из потемневшего от старости дерева, а на крышке был нанесён узор из потускневшего серебра.

— Вот спасибо, Лорри, — улыбнулась мисс Эшмид, увидев, что работа сделана. — Теперь воткни эти иглы в пяльца, вот здесь, с краю, чтобы их удобно было достать. Ты так долго сидела на месте, а для девочки твоих лет это нелегко, сама прекрасно помню. Так что можешь теперь осмотреться кругом.

— Осмотреться? — эхом повторила Лорри.

— Посмотреть дом. Лорри, ты вольна заглядывать в любую комнату, дверь которой откроется перед тобой.

Как она странно сказала, подумала Лорри. Как будто дверь сама может выбирать, открываться ей или нет. А вот посмотреть дом! Ох, как здорово!

— Спасибо.

Мисс Эшмид снова улыбнулась.

— Поблагодаришь, когда вернёшься, Лорри... если захочешь.

Это тоже прозвучало, как загадка. Но Лорри даже не стала раздумывать над этим — она просто встала и направилась ко второй двери из комнаты, как раз напротив той, через которую вошла. А мисс Эшмид склонилась над пальцами, протянув руку за иголкой.

Лорри осторожно вошла в соседнюю комнату. Здесь стоял полумрак, так как ставни были закрыты. В отличие от тёплой и приветливой комнаты, где сидела мисс Эшмид, здесь было прохладно и темно, в камине не горел огонь, а мебель была закрыта чехлами. Лорри огляделась вокруг. Комната впустила её, но смотреть здесь было не на что. За этой комнатой шёл коридор, а потом ещё одна комната, она должна была находиться как раз напротив комнаты мисс Эшмид. Здесь располагалась спальня, и она тоже была обжитой и открытой, но только зелёного цвета — зелёного, как платье у мисс Эшмид. Кровать была огромной, а над кроватью на четырёх резных столбиках стоял балдахин со светло-зелёными занавесями, по которым вниз сбегал узор из темно-зелёной виноградной лозы. И таким же тёмно-зелёным был ковёр под ногами Лорри. И ещё два кресла и маленькая софа, тоже обитые светло-зелёной материей с листьями более тёмного оттенка. Можно подумать, мелькнуло у Лорри, что здесь настоящий лес.

Она остановилась в ногах у кровати, разглядывая её. Мисс Эшмид сказала ей, что она может войти в любую дверь, которая откроется перед ней. Но здесь Лорри почему-то было неудобно.

— Мррряу...

Лорри испуганно оглянулась. В эту комнату выходили ещё две двери. И о косяк ближайшей тёрлась Сабина. Она опять открыла свой маленький рот и мяукнула, слишком уж громко для такого маленького котёнка. Она словно нетерпеливо подгоняет меня, подумала Лорри.

Как только Лорри шагнула к ней, Сабина скользнула за дверь и исчезла в соседней комнате. Лорри вошла следом.

И оказалась в маленькой комнате причудливой формы. Внешняя стена с единственным окном сходилась с правой стеной под очень острым — и очень узким углом. А если посмотреть налево, то это была обычная комната с нормальными углами. На окне не было ни гардин, ни занавесок, поэтому яркий свет заливал всё, что находилось в комнате.

Лорри ахнула. В центре странной комнаты стояла восьмиугольная платформа или постамент полированного дерева. По бокам в него были встроены выдвижные ящички, поблескивавшие медными ручками и замочными скважинами. И этот постамент служил фундаментом для восьмиугольного дома из красного кирпича с деревянной галерейкой вокруг — точной копии того самого дома, в котором она сейчас находилась. Если это был кукольный домик, то самый большой и великолепный из всех, какие только Лорри когда-либо видела. Он был даже выше, чем сама Лорри, этот дом заполнял собой всю комнату.

Там, где у настоящего дома располагалась парадная дверь, здесь стоял деревянный конь-качалка, почти такой же, каких Лорри видела на старых картинках в журнале «Сент-Николас». Он был почти как настоящий, такой же большой, как тот пони, на котором она каталась в парке прошлым летом. И он был белый, с шелковистой гривой, а на спине — красное седло. Только седло имело странную форму, заметила Лорри, подойдя поближе, таких она раньше не видела.

Она осторожно протянула руку. Ой, конёк был покрыт настоящей шкурой! Лорри погладила его ещё, на этот раз смелее, и под её рукой он закачался вперёд-назад, с еле слышным поскрипыванием.

— Мррряу! — Сабина вытянулась на задних лапах, опёршись передними о деревянную платформу — она словно хотела заглянуть в окна домика. Но они были

слишком высоко для неё. Лорри опустилась на колени, чтобы тоже заглянуть внутрь.

Она как будто смотрела внутрь настоящего дома, только через перевёрнутый бинокль, так что вместо того, чтобы увеличиваться, всё становилось меньше. Внутри домика стояла настоящая мебель, а на полу были постелены дорожки. Она даже разглядела маленький столик с чайным сервизом, так и ожидающий, чтобы кто-то налил чай в чашки. Пока Лорри обходила на четвереньках дом, у неё появилось чувство, что дом-то обитаемый, и если бы она была чуть проворнее, то заметила бы человечка, который только что выскочил из комнаты, в которую она заглянула.

Вот только красная бархатная комната мисс Эшмид была другой — здесь эта комната служила столовой, где длинный стол был накрыт как для обеда. Она доползла до кухни, а потом — до зелёной спальни. На втором этаже тоже располагались спальни — три больших квадратных. И ещё там было три больших треугольных комнаты с большими комодами и ещё одна маленькая комнатка странной формы, в которую вела лестница снизу.

И всё это было сделано и обставлено чрезвычайно тщательно — заходи и живи. Даже в приоткрытой духовке в плите на кухне она заметила выглядывающий оттуда каравай.

Все кукольные домики открываются, значит, и этот должен. Как же ещё внутрь поставили игрушечную мебель? Но когда Лорри поискала крючок или защёлку, то не нашла ничего. Она озадаченно уселась перед домом на корточках. Затем потянула за ручки несколько ящичков в деревянной подставке. Ни один не поддался. Наверное, они были закрыты.

Она ещё раз обошла домик кругом. Если считать подставку, он был чуть-чуть выше её. В помещениях на чердаке было темно, она ничего так и не разглядела через узенькие окна. Если там и были комнаты, то они остались загадкой. А может быть, этот дом сам по себе какой-то особенный, та самая вещь, о которой мисс

Эшмид говорила: смотри глазами, а не пальцами? Здесь было на что посмотреть, каждая новая комнатка, в которую она заглядывала, была наполнена крошечными чудесами.

Лорри отступила. Она не могла избавиться от чувства, что это не просто игрушечный кукольный домик. Он был так похож на большой дом, в котором стоял, что казался настоящим, живым, живее, чем те комнаты с мебелью, покрытой чехлами. И девочку никак не покидало чувство, что во всём маленьком доме, везде, в каждой комнате, кто-то жил.

Жил — но кто? Она торопливо обошла угол, заглянула в окно, потом бросилась к другому окошечку. Если бы только она пробежала достаточно быстро, чтобы заметить этого маленького человечка, который только что вышел из комнаты! Затем она выпрямилась и оглянулась на Сабину, которая устроилась на подоконнике и вылизывала заднюю лапу, посвятив всё своё внимание и старания растопыренным коготкам.

— Это... это просто кукольный домик, да, Сабина? Никто там не живёт. Там никто не может жить.

Сабина и ухом не повела. Лорри сделала ещё шаг назад и натолкнулась спиной на игрушечного коня. Тот снова закачался и половицы под ним скрипнули. Лорри провела рукой по гриве. Почти... почти как настоящий пони.

Она присмотрелась к странному седлу. Почему оно так устроено? Наверное, будет приятно покачаться на таком. Вообще-то качалки обычно делают для маленьких... но этот такой большой.

Лорри вскарабкалась коньку на спину и попыталась сесть в седло верхом, по-мужски. Но сидеть было неудобно. Это седло было странно выгнуто в самых неудобных местах. Немного повозившись, сама не зная как, она неожиданно уселась по-другому, так, что обе ноги свесились с одного боку, а под коленками оказался удобный упор. И конь качнулся, закачался, ещё, быстрее и быстрее...

Ей в лицо ударил порыв ветра, несущего ворох опавших листьев, — листьев? Лорри удивлённо захлопала

глазами. Комната пропала, перед ней расстилалась дорога, и ветер шумел в ветвях деревьев, росших с обеих сторон. А она сидела не на игрушечном коне, а на настоящем. На ней была длинная юбка, развевающаяся по ветру. На мгновение девочка сжалась от испуга, но это тут же прошло. Осталось только смутное ощущение, что всё это она уже делала раньше, и всё идёт так, как и должно.

Белый конь шёл ровной рысью, и Лорри ехала верхом так, будто это было самой обычной вещью на свете. Впереди, не очень далеко, появился кирпичный дом. Дом-Восьмистенок! Сердце Лорри застучало быстрее. Там её ждали — кто-то или что-то, и это было самое важное!

Конь вскинул голову и потряс гривой. Он остановился у большого камня перед железными воротами. Лорри соскользнула с седла, сначала на камень, потом на землю. Ей пришлось подобрать длинные складки юбки, потому что она наступила бы на них. Девочка открыла ворота и поспешила к парадной двери.

На двери висел медный молоточек, Лорри подняла его, а потом отпустила и он ударился о дерево с громким стуком. Но — ответа не последовало. Никто не вышел на стук, а когда она подёргала дверь, та оказалась закрытой. Счастливое возбуждение пропало. Неожиданно она поёжилась, ей стало не по себе.

Ветер дунул прямо ей в лицо, и Лорри закрыла глаза. А когда открыла их вновь — не было никакой парадной двери. Она стояла перед кукольным домиком. Длинная юбка тоже пропала. Всё стало таким же, как и раньше. Лорри снова заморгала. Это был сон, вот что это такое! Только почему-то ей больше не хотелось оставаться в этой комнате.

И смотреть дом дальше Лорри тоже расхотелось. Она быстро вернулась в красную комнату. Только одна игла осталась торчать в пальцах. Мисс Эшмид взглянула, как Лорри торопится к дневному свету, и Лорри показалось, что она тут же узнала обо всём, что произошло. Но всё равно, даже с мисс Эшмид она не хотела говорить ни о кукольном домике, ни о игрушечном коньке.

— Ну, что ж, моя дорогая, я уже почти закончила свой утренний урок. Ты ведь знаешь, что такое урок?

— Да, в школе... — Лорри выпрямилась на стуле.

— И не только в школе. Раньше, когда я была маленькой, то каждая девочка занималась рукоделием — вышивала или ткала. И каждый день полагалось сделать столько-то и столько. Это тоже называлось уроком. Так учили и шитью, и дисциплине.

Она выдернула последнюю иголку.

— Остался последний стежок...

— Ох! — восхищённо выдохнула Лорри.

Теперь на вышивке к дереву, которое уже было там утром, добавился ещё и маленький оленёнок — совсем как живой! Лорри показалось, что если она протянет руку, то коснётся настоящей, согретой солнышком шёрстки.

— Нравится?

— Он как настоящий.

— Хочешь научиться?

— А можно? Я и правда смогу вышить такую картину?

Мисс Эшмид снова посмотрела на неё долгим пронизывающим взглядом.

— Для этого потребуется много терпения, много старания и труда, Лорри. И никакой спешки, понимаешь? Никакой спешки.

— А я могу попробовать? — Лорри нисколько не была обескуражена.

— Попробовать всегда можно, — улыбнулась мисс Эшмид. — Да, Лорри, ты можешь попробовать. Ты можешь начать прямо сейчас, если хочешь. Но сначала тебе придётся научиться делать простую работу. Сначала будет очень скучно, тебе предстоит долго учиться и упражняться.

— Но я всё равно хотела бы попробовать, — настаивала Лорри.

— Тогда ты попробуешь. Посмотрим, есть ли у тебя такой талант. А сейчас, дорогая, сходи скажи Халли, чтобы подавала обед.

Финеас и Феба

После этой субботы Лорри зажила какой-то странной двойной жизнью. Это вовсе не мешало ей быть примерной девочкой Лорри Маллард, которая ходила в школу, делала уроки, вместе с Кэти возвращалась домой, помогала по хозяйству. Делать всё это оказалось нетрудно, потому что Лорри всегда могла сбежать в Дом-Восьмистенок. Конечно, она ходила туда не часто, но каждый день по дороге в школу или обратно девочка старалась неторопливым шагом пройти мимо него по маленькой аллейке. И два раза у запертых на цепь задних ворот её встречала Халли с запиской тёте Маргарет — приглашением для Лорри прийти на целый день в гости к мисс Эшмид.

Мисс Эшмид была права, когда остерегала Лорри: научиться шить — непростая задача. Казалось, иголки никогда не кололи пальцев мисс Эшмид, и нитки в её руках ни разу не запутались. Иногда она вышивала на пяльцах, или чинила кружева, или шила что-нибудь из кусочков материи, лежавших на столе. Но у неё всегда хватало времени, чтобы взглянуть на полоску ткани, которую Лорри покрывала рядками разных стежков. Этот образец пригодится Лорри потом, объясняла мисс Эшмид, здесь будут собраны все стежки, которым она должна научиться.

Иногда мисс Эшмид рассказывала ей сказки. А иногда Лорри рассказывала о бабушке Маллард и школе мисс Логан, а однажды даже о папе и маме. И совсем редко о школе.

— Я буду пуританкой, — объявила она, явившись в гости в третий раз, — на представлении в день Благодарения. У меня нет никаких слов. Мне нужно внести большое блюдо с бутафорской кукурузой. Будто мы устраиваем пир и пригласили в гости индейцев.

Мисс Эшмид работала с кружевами, достав самые тонкие иголки и нитки. Даже со своими хорошими глазами Лорри с трудом вдевала их — такие тонкие они были.

— Индейцы и пуритане? Значит, вы уже учите историю Америки, Лорри? Надеюсь, теперь идёт легче?

— Немножко. Я всё-таки иногда путаюсь. А противный Джимми Парвис из-за этого всегда смеётся.

— Джимми Парвис, — мисс Эшмид сделала ещё один, почти невидимый, стежок. — Ах, да, тот самый мальчик, который гонялся за Сабиной.

— Он вредина, просто вредина, и такой злой! — не выдержала Лорри. Сейчас она ходила в школу и обратно вместе с Кэти, поэтому Джимми и его «банда» не так ей надоедали. Но всё равно она его побаивалась.

— Вообще не люблю мальчишек. Они вечно делают гадости.

— А каких мальчиков ты знаешь, Лорри?

— Ну, Роба Локнера, он вечно таскается вместе с Джимми, делает всё, что тот ни скажет. И ещё Стэна Вормиски. Ещё одного. И всё. Но я не вожусь с ними — они все такие вредные.

— Все такие вредные, — повторила мисс Эшмид. — Достаточно суровое суждение, не правда ли, Лорри? Однако, возможно, у тебя есть причины так думать. Ну-ка, — она оглянулась, — Сабина куда-то пропала. Ты не поищешь её, Лорри?

Лорри удивилась такой просьбе — Сабина приходила и уходила сама по себе, и мисс Эшмид обычно не обращала на это внимания. Но всё же она послушно отложила свой образец и отправилась на поиски.

Войдя в комнату с зачехлённой мебелью, она окликнула кошечку: «Сабина, Сабина!», но не услышала в ответ ни мяуканья, ни шороха. Затем через приоткрытую дверь девочка прошла в зелёную спальню, и наконец в странную комнату с кукольным домиком и конём-качалкой.

Сабина оказалась там. Она стояла на трёх лапах, зацепив правой передней лапкой один из ящичков в деревянном основании домика. Из замочной скважины ящичка что-то свисало. Лорри наклонилась. Сабина быстро отскочила в сторону, как будто Лорри застала её за какой-то проказой, и теперь делала вид, что она тут ни при чём.

В замке торчал ключ, один из целой связки ключиков на золочёной цепочке. Подчиняясь непонятному импульсу, Лорри повернула его и ящик легко открылся.

Со дна ящичка на неё глядели две куклы. Одна была пяти дюймов высотой, вторая — чуть меньше, может быть, четырёх. Их лица были сделаны с неестественной, жизненной точностью. Они были не из фарфора, заметила Лорри, и настолько необычные, что казались старыми, такими же старыми — а то и старше, — чем Миранда.

Кукла побольше оказалась мальчиком с чёрными волосами. И он был довольно странно одет. На нём были серые длинные штаны и короткая крутка, застёгнутая под подбородком на единственную пуговицу. У куклы поменьше, девочки, коричневые волосы, разделённые посередине пробором, были зачёсаны за уши, где локоны аккуратно укладывались в круг и крепились шпильками. Её платье было широким в плечах и сужалось с кокетки к высокой талии, ворот и манжеты украшали маленькие кружевные оборочки. Юбка была широкой, но не слишком длинной, так что под ней виднелись мятые панталончики.

Очень осторожно Лорри вынула мальчика из ящичка. Его одежда была сделана с таким старанием! Лорри уже кое-что понимала в шитье, и она изумилась, сколько же труда кто-то вложил в это. Она уже собиралась положить его обратно в ящик, когда услышала тихий скрип, обернулась и увидела, как Сабина царапает стену домика.

— Нельзя... — но Лорри опоздала. Маленький коготок задел какую-то потайную пружинку, и дом открылся — в сторону отошла стена, закрывающая зелёную спальню и кухню. А Сабина, больше не прикасаясь к домику, уселась и внимательно смотрела внутрь.

Теперь Лорри могла рассмотреть внутренности домика во всех подробностях, куда яснее, чем видела в окна. И какое-то время она просто смотрела. Одно из помещений, открывшихся ей, оказалось той самой комнатой, в которой она сейчас находилась. Но та комнатка ничем не напоминала эту комнату. Внутри не было ни коня-качалки, ни второго кукольного домика. Вместо этого на

пустых — там пустых — полках на стене стояли ряды миниатюрных книжечек, крошечные бутылочки и глиняные кувшинчики. А в углу стояло одно кресло — уж не то ли самое кресло с высокой спинкой, на котором сейчас сидела мисс Эшмид? Пол же покрывал странный узор, напоминающий звезду.

Но самой странной оказалась треугольная комнатка, открывшаяся между этой комнатой и кухней. Когда стена домика стояла на месте, то эта комнатка получалась полностью закрытой, без всяких дверей, ни в кухню, ни в эту комнату. Что же это такое, удивилась Лорри. Кладовка? Но почему без дверей?

Кухня больше всего привлекла внимание девочки. Она была так точно сделана! На столе даже стояли корзинки, одна с овощами и одна с яйцами. И тот хлеб в печке. Единственное, чего не хватало этой кухне, чтобы она ожила, — Халли.

Не раздумывая, она поставила куклу-мальчика у камина. Он может стоять, обнаружила Лорри, нужно только правильно поставить ноги. Потом поставила внутрь ещё и девочку и повесила корзинку с яйцами ей на руку. Вот так!

Лорри осторожно вернула стену домика на место и согнулась, чтобы заглянуть в окно. Да, они выглядели, как настоящие, словно в любую минуту могли заняться своими делами. Почему-то именно там они казались на своём месте, там, где им положено быть.

Тому должна была быть какая-то причина...

Сама не понимая, почему, Лорри поднялась и направилась к коню. Теперь взобраться в странное седло не составило трудности и она уверенно устроилась в нём. Под её весом конь качнулся...

Вдоль покрытой гравием дороги больше не дул ветер. Но по-прежнему стояла осень и кругом лежали опавшие листья. Белый конь рысцой скакал к Дому-Восьмистенку и Лорри снова почувствовала, как внутри неё поднимается волна напряжённого ожидания. Что-то должно было произойти, что-то важное...

На этот раз, соскользнув с седла на камень, а с камня

на землю, она направилась не к парадной двери, которая однажды уже не впустила её, а по кирпичной дорожке к чёрному ходу. Кусты и деревья, росшие вдоль ограды, были меньше и не такие запущенные, но они и здесь хорошо закрывали дом от посторонних. День стоял хмурый, над головой висели тяжёлые облака, и было холодно, хоть и безветренно.

Лорри подошла к чёрному ходу и подняла подол выше, взбираясь по ступенькам. Когда она подняла руку, собираясь постучать в дверь, та легко качнулась, и Лорри открыла её сама. Вот только приветливо улыбающейся Халли внутри не было.

Она оказалась в той же самой треугольной прихожей с двумя дверями: одной — в комнату мисс Эшмид, а второй — на кухню. Дверь в красную комнату была крепко заперта, а когда Лорри попробовала открыть старый засов, тот не шелохнулся. Как это сказала мисс Эшмид? «Можешь входить в любую дверь, которая откроется перед тобой».

Но мисс Эшмид говорила это о своём, другом доме. О другом? А это был что за дом — кукольный домик внутри Дома-Восьмистенка или сам Дом, оказавшийся здесь каким-то странным образом?

Зато дверь кухни была распахнута настежь, и Лорри сочла это приглашением. Она шагнула в тепло, во вкусные запахи, чувствуя, что это — просто приятное место. На плите стоял большой чёрный горшок, откуда доносилось тихое бульканье. Лорри втянула носом запах свежего хлеба и ещё какой-то острый аппетитный запах, от которого у неё сразу потекли слюнки. На столе всё было приготовлено для пирога — скалка, противень, кувшин, немного масла на блюде, миска с мукой. И корзина яблок — только почистить и порезать. А куда делись мальчик с девочкой? Или повар, где повар, который должен хлопотать здесь?

Лорри огляделась, снова ощущая то странное чувство, — кто-то только что вышел из комнаты, в которую она вошла. Из кухни вела ещё одна дверь, но когда девочка

попыталась открыть её, та оказалась так же накрепко заперта, как и дверь в комнату мисс Эшмид.

Только кухня и задняя стена были открыты для неё.

Лорри медленно обошла кухню кругом. На стене висел большой отполированный медный таз, блестевший почти как зеркало. Она увидела в нём своё отражение и ненадолго задержалась, чтобы взглянуть на себя со стороны. Конечно, она уже знала, что на ней длинная юбка, которая здесь вполне подходит для поездок на лошади (где это — здесь?), но теперь она увидела, что ещё изменилось в Лорри Маллард. Нет, зелёные глаза и чёрные волосы остались. Но теперь волосы были собраны в тугой хвостик на затылке, а на голове сидела шляпа с широкими изогнутыми полями, в которую сзади было воткнуто мягкое перо. А вместо ветровки на молнии, которую она надела, когда шла в гости, девочка была одета в узкую приталенную коричневую куртку, украшенную на груди красной тесьмой, и застёгнутую от шеи до талии. Она была настолько другой, что на мгновение просто замерла, глядя на расплывчатое отражение.

«Я — Лорри Маллард, — сказала себе Лорри. — Я — Лорри Маллард, мне одиннадцать с половиной лет. Я живу с тётей Маргарет в доме на Эштон Армз и учусь в шестом классе, в школе Фермонт Скул».

Какой-то шум нарушил сосредоточенность Лорри и она обернулась. Что-то за окном! Она точно заметила, как там что-то шевельнулось. Лорри бросилась вокруг стола. Ой, как быстро стемнело! Гроза — нет, уже наступил вечер! Этого не могло быть, сейчас же ещё день! Но Лорри была готова поверить, что уже поздний вечер.

Котёл продолжал кипеть, но никто так и не пришёл посмотреть, готово или нет. Лорри ещё раз попробовала подёргать вторую дверь из кухни — закрыто, как и прежде. И тут она опять услышала тот странный шум. Рядом стоял высокий шкафчик и в этом углу было уже совсем темно. Лорри прижалась спиной к двери и посмотрела в дальнее окно.

Там двигалась тень! Девочка видела её через маленькие квадратики стёкол. А это что за шорох? Окно помаленьку

приподнималось. Неожиданно Лорри обнаружила, что скорчилась за шкафом. Она не знала, почему спряталась, но чувствовала, что ей страшно, что она волнуется, и что ей очень-очень хочется посмотреть, но только чтобы её не заметили.

Лорри показалось, что прошло несколько часов, но пока так ничего и не произошло, только окно раскрылось настежь. Затем за подоконник ухватилась пара рук и Лорри разглядела еле заметные очертания головы и плеч. Кто-то лез внутрь!

В кухне теперь было гораздо темнее, чем когда она вошла в неё. Но на столе рядом с плитой горела лампа. Хотя свет не доставал до окна, Лорри заметила, что тёмная фигура присела на полу, прямо под окном.

Мальчик! Из латаных оборванных штанин торчали босые ноги. Рукава рубашки оказались короткими, так что руки торчали голыми почти до локтей, а манжеты были напрочь изорваны. У рубашки не было даже воротника, только полоска материи, перевязанная какой-то тряпочкой. Когда он пошевелился, рубашка распахнулась на груди, и Лорри увидела, что под рубашкой больше ничего нет — а ведь было так холодно.

Его нечёсанные спутанные волосы всё время лезли в глаза, поэтому мальчик постоянно поднимал руку, чтобы отвести эти лохмы в сторону. И он был очень грязный. Вокруг одного глаза кожа вздулась и покраснела, а на подбородке сбоку темнел сине-зелёный кровоподтёк. С тех пор как мальчик перевалился через подоконник, он даже не пошевелился, если не считать смахиваний волос в сторону.

Но потом он повертел головой, оглядывая кухню. Лорри пришло в голову, что он не только присматривается, но и прислушивается, потому что раз или два он неожиданно застывал в напряжении, словно услышав что-то, чего не слышала она.

Затем он поднялся на ноги. Какой же он был тощий! Руки костлявые, а живот такой впалый, что подвязанные верёвкой штаны всё время спадали. Наверное, он очень долго ничего не ел, подумала Лорри. А мальчик одним

прыжком перебрался к столу и принялся хватать яблоки, бросая их одно за другим себе за пазуху, куда они падали с мягким стуком.

Когда корзина опустела, он бросился к полуоткрытой печке. Рукой коснувшись дверцы, он попробовал открыть её пошире, но тут же отдернул руку с тихим шипением. Затем поднёс пальцы ко рту, оглядываясь по сторонам, словно в поисках чего-то. Обнаружив желаемое, мальчик схватил кочергу и полез в печку, потянув противень с хлебом наружу, а затем и второй противень, поменьше, откуда шёл острый запах. Он уже почти вытащил их наружу, но заколебался. Если вытянуть дальше, то они упадут на пол, а в руках их не удержать — слишком горячие.

Он снова поискал взглядом и тут же сорвал с крючка полотенце. Обернув тканью свою обожжённую руку, он вытащил противни на плиту, а потом сорвал с маленького столика скатерть в красно-белую клеточку. Хлеб полетел туда, а за ним — имбирный пирог со второго противня, его пришлось отламывать большими крошащимися кусками. Потом мальчик на миг поднял голову, глядя на открытую дверь кухни, увязал скатерть в узел и шагнул к окну. Выбросил узел с награбленным в окошко и исчез вслед за ним в темноте. Окно опустилось и Лорри осталась одна.

Она прислушалась. Что бы там ни услышал мальчик — или ему показалось, что услышал — в доме было тихо. Но ей хотелось знать больше — зачем он залез сюда, чтобы украсть еду? Почему-то это было важно. Она подошла к окну, но ничего не увидела. Не задумываясь, Лорри последовала за мальчиком и, выскочив в окно, спрыгнула на землю, в палисадник. Справа слышался шорох, как раз за углом дома. Подобрав, как могла, юбку своего верхового костюма, Лорри поспешила следом.

За углом кусты росли вплотную с домом. Теперь она должна была пройти мимо той потайной комнатки, потому что прямо перед ней оказалось окно комнаты со странным рисунком на полу. И из окна пробивался луч света.

Хотя было довольно темно, Лорри обнаружила, что вполне может идти вслед за крадущейся тенью, перебежавшей от одного куста к другому. Теперь он бежал к ограде. Окна спальни были прямо у неё за спиной, но там было темно. Лорри оглянулась на дом. На втором этаже в одном окне что-то тускло светилось, наверное, свечка. Остальные окна оставались тёмными.

Кусты зашуршали и Лорри увидела, как тёмная фигурка перебирается через ограду. Она бросилась к воротам — чтобы лезть через забор в этой юбке, не могло быть и речи. Вот она уже у камня, с которого садятся на коня — и тут Лорри снова озадаченно огляделась по сторонам. Белый конь исчез. А затем слева снова послышался шум и, подобрав юбку обеими руками, старательно прячась в тени, Лорри поспешила туда, куда бежал перебравшийся через ограду мальчик.

Он всё ещё прятался. За спиной у Лорри раздался тихий скрип и она замерла. Кто-то ещё открыл ворота, ещё одна фигура, чуть выше её. Кто же это?

Лорри застыла в нерешительности. Если она останется здесь, то упустит мальчика. Но если побежит следом, то новый незнакомец пойдёт за ней — а Лорри не хотелось, чтобы кто-нибудь за ней следил. Незнакомец тем временем тоже спрятался в тень, словно не жалал быть замеченным.

Лорри попробовала скрытно пробраться вперёд, постоянно оглядываясь и пытаясь следить сразу за двумя, — и тут же выяснилось, что ничего из этого не получится. Это была не Эш Стрит, это была покрытая гравием дорога, с обеих сторон заросшая деревьями и кустами. А вскоре и гравий пропал, осталась только утоптанная земля.

Незнакомец сзади сделал резкий рывок вперёд, поравнялся с Лорри — и это оказалась девушка, ненамного старше самой Лорри. На ней был длинный плащ с капюшоном, но капюшон был откинут, так что Лорри смогла увидеть её лицо. Новый участник слежки пробежал мимо девочки на расстоянии вытянутой руки, не

оглядываясь, словно Лорри здесь не было. Девушка бесшумно мчалась вслед за мальчиком.

Лорри бросилась следом. Вскоре впереди показался ручей и деревянный мостик, переброшенный через него. Но девушка, выбежавшая из дома, не стала перебегать на другую сторону. Напротив, она замерла на месте, склонив голову набок, словно прислушиваясь. Лорри тоже прислушалась.

Поначалу она слышала только еле слышный шум воды внизу. Но потом к нему добавился новый звук — чей-то плач. И ещё кто-то шептал, шёпот то утихал, то вновь доходил до слуха, но плача так и не заглушил. К удивлению Лорри, девушка повернулась к ней, и теперь её глаза смотрели прямо на девочку. Она вовсе не казалась удивлённой, как будто всё это время знала, что Лорри рядом. И ещё, подумала Лорри, как будто мы вместе, заодно.

Незнакомка приложила палец к губам и быстро кивнула головой на мост, из-под которого доносился плач. Лорри поняла. Она осталась стоять на месте, а девушка шагнула вперёд, очень тихо, подобрав плащ, словно не хотела нахватать колючек из кустов.

Шёпот утих, но плач, теперь уже просто тихое всхлипывание, продолжался. А затем, абсолютно неожиданно, так что Лорри вскрикнула, из кустов выскочила тёмная фигура и бросилась на незнакомку. После недолгой борьбы девушка упала, тёмная тень попыталась удержать её, но незнакомка вырвалась, разорвавшийся плащ упал на землю. Прядь волос упала ей на лицо, и она отбросила волосы назад обеими руками.

— Не бойтесь, — прошептала незнакомка.

— Я и не боюсь! Особенно девчонок, — просипел хриплый голос мальчика. — Какого вы тут делаете, лазите за...

Девушка подобрала плащ, снова накинув его себе на плечи.

— Вы из Канал-Тауна, — это прозвучало не вопросом, но утверждением.

— Не ваше дело, мисси. Вы лучше идите себе подобра, пока хлопот не нажили.

— Фин? Где ты, Фин? — хныканье перешло в стон, и в нём слышалось столько страха, что Лорри вздрогнула от жалости.

Парень кинулся вниз, но девушка оказалась быстрее. Она прыгнула вниз, на берег, под настил моста. Парень полез следом, и теперь Лорри осмелилась подойти поближе.

— Я Лотта Эшмид, — это был голос девушки из дома, спокойный и ровный. — Вы чего-то боитесь, очень боитесь, так ведь?

— Мэтта, — всхлипывание. — Мэтта Махони. Папа умер, и Мэтт... он говорит, что меня отправят на ферму для бедных...

— Заткнись, Феба, прикрой рот! Ты что, хочешь, чтоб тебя туда прямиком погнали?

— Прекрати! — приказала Лотта. — Ты хочешь до смерти напугать её, парень? Она не должна меня бояться. Феба, не нужно бояться. Никто вас не найдёт.

— Во как? — снова голос парня. — Ой, какая вы добрая, мисси! У вас что, армия имеется против Мэтта? Его другим не остановишь!

Под мостом зарыдали ещё громче.

— Я сказала, прекрати! — в голосе Лотты зазвенел металл, и плач со стонами перешёл в тихое хныканье. — Пойдём, Феба.

— И куда это вы её собираетесь вести, мисси? В этот ваш здоровый дом? А потом послать за Мэттом? А не то прямо отправить её на ферму для бедных, она ж сирота?

— Она замёрзла, промокла, и хочет есть. Я знаю, ты стащил еду на кухне. Но посмотри, она вся трясётся, и у неё нет даже платка. Если она останется здесь, к утру точно заболит.

— Ну, так она не останется.

— И куда, интересно, ты её уведёшь?

— А вам какое дело, а? Мы из Канал-Тауна, мы не то, что расфуфыренные из ваших домов. Я сам позабочусь о Фебе, вы уж не волнуйтесь, мисси. Пойдём, Феб, нам надо двигать.

— Я не могу, Фин. Ноги так болят. Я не могу! Ты,

может, беги лучше один, а? Мисси, Мэтт хотел, чтобы Фин на него работал. Только Фин подумал, что мы, может, найдём, кто переселится на запад и спрячемся в повозке... или где-нибудь...

— Да ты заткнёшься или нет, девчонка? Всё равно, я без тебя никуда. Я что обещал, делаю, Феб. Разве нет?

— Если ты хочешь, чтобы с Фебой всё было в порядке, то пойдёшь со мной.

— Ого, мисси! А с чего такая забота?

— Я позабочусь о вас.

Она сделает, как обещает, подумала Лорри. Кажется, и парень наконец понял это.

— Пожалуйста, Фин!

— Ну, ладно. Может, я ей и поверил, но там в доме другие, и они, может, думают не так, как она. Особенно, когда я только что бесплатно занял у них немного съестного.

— Никто не узнает про тебя и Фебу. Вы будете в безопасности.

— То есть, мисси? Вы что, устройте так, чтобы нас никто не видел, что мы будем, как призраки, так, что ли?

— Не так, Фин, — спокойно ответила Лотта. — Но я знаю безопасное место, по крайней мере на эту ночь. Там сухо и теплее, чем под мостом.

— Фин? — в голосе Фебы прозвучала мольба.

— Опасно, говорят тебе!

— Пожалуйста, Фин. Она говорит, что спрячет. И я... я ей верю, Фин.

— Да потому, что ты хочешь этого! — взорвался он. — Потому что замёрзла и жрать охота, потому и веришь! Сто раз тебе говорил, не верь никому, только себе.

— Но я ей верю, Фин, правда.

— Ну, ладно! А я — нет! Вы поняли, мисси? Я вам не верю, и я уж глаз с вас не спущу.

— Честное признание. А теперь помоги мне, Фин.

Они снова вышли на дорогу. Лотта обнимала за плечи девочку, гораздо меньше её, в драном платье, и такую же босоногую, как и Фин. Она медленно ковыляла по дороге, Лотте и Фину приходилось всё крепче её поддерживать.

Так они добрались до ворот и снова направились к дому. Но в этот раз они не пошли к кухне, а подошли прямо к окну комнаты с кукольным домиком.

Лорри слышала, как они шепчутся, а затем Фин вскарабкался к окну. Он открыл его, помог забраться Лотте, а потом они втащили Фебу. Лорри подошла поближе. Она видела, что происходит внутри. Феба скорчилась на полу, словно у неё не было сил стоять, а Фин настороженно оглядывался по сторонам, с таким мрачным видом, словно в любой момент ждал подвоха.

Лотта отошла в сторону, и Лорри с улицы не видела её. Затем Фин удивлённо охнул.

— Это что? Кладовка?

— Это не просто кладовка. Это безопасное место, где можно спрятаться.

Мальчик шагнул вперёд и тоже исчез из виду.

— Не то... Тут что-то не то, — Лорри всё ещё слышала его голос.

— Пожалуйста, — Феба подняла голову. — Я не верю, что вы снова пошлёте нас обратно. Мы не родичи Мэтту. И Фин мне тоже не родня. Он просто встал Мэтту поперёк, когда я вся тряслась и кашляла. А Мэтт, он его отлупил, за то, что Фин продал немного кукурузы, чтобы купить лекарство. А потом Мэтт сказал, что позаботится, чтоб меня послали на ферму для бедных. А Фин сказал — никогда, и мы сбежали. Но мы недалеко ушли и Мэтт, если Фин останется, он ему не даст жить спокойно, — она закашлялась и всё её худенькое тело задёргалось.

Фин шагнул назад и Лорри снова увидела его.

— У тебя в голове мозгов сроду не было, Феб. Этой мисси наплевать на всё это. А Мэтт — он может тут всё кругом оклеить картинками — Финеас Маклин, десять шиллингов награды, и всё такое. Но я всё равно ему в руки больше не дамся. А мисси пусть говорит что угодно.

— Если ты и в самом деле думаешь так, Финеас Маклин, то можешь идти. Окно открыто, — Лотта стояла в дверях комнаты. Она пристально поглядела на мальчика, и Фин смахнул со лба чёлку, но промолчал. Тогда Лотта вышла.

— Фин, — выдавила Феба между двумя приступами кашля, — Фин, ты ведь всегда был такой добрый ко мне. Если ты думаешь, что Мэтт тебя здесь поймает, то лучше беги, правда. Но я не верю. По-моему, она говорит правду, тут всё будет в порядке. Мне здесь так хорошо, правда, честное слово, Фин!

Он ещё раз откинул в сторону волосы, затем опустился на колени рядом с девочкой и обнял её.

— Я остаюсь, крошка. По крайней мере, сегодня.

— Фин, а разве ты не чувствуешь? Что здесь всё в порядке?

Он огляделся, и на его побитом лице появилось удивлённое выражение.

— Может, ты и права, Феб. Я только не могу никак поверить, что такие, как мы, беднота из Канал-Тауна, можем хоть где-нибудь оказаться в безопасном месте — так всё время и ждёшь окрика.

— Вот, — Лотта вернулась. В руках она держала два одеяла, шерстяное и стёганое ватное. Она кивнула в ту часть комнаты, куда Лорри не могла заглянуть. — Возьмите это. И лучше забирайтесь туда поскорее. Я приду, когда всё успокоится. И ещё... — Фин взял у неё из рук одеяла, а под ними оказался узел из скатерти, который он набивал на глазах у Лорри.

— Возьмите это с собой. Я потом ещё принесу.

В деревьях зашумел ветер, свет в комнате задрожал, мигнул... Солнечный луч полосой лежал на полу, и на солнышке растянулась спящая Сабина. Лорри вовсе не стояла, прислушиваясь, под окном, а сидела на полу, рядом с кукольным домиком. Стена домика снова была приоткрыта. Она отодвинула её, чтобы ещё раз заглянуть в то потайное место без дверей. Там было пусто.

Две куклы по-прежнему стояли на кухне, так, как она их поставила. Лорри осторожно вынула их наружу. Теперь она знала, кто это. Финеас Маклин больше не был грязным, избитым и оборванным. Да, наверное, куклы и не должны быть такими, подумала она. Его одежда была аккуратной и новенькой. Может быть, именно это и было для Финеаса счастьем и покоем.

А Лотта... нет, это не Лотта. Это Феба, поправившаяся, вовсе не такая несчастная, как была. Может быть, Дом принял их и стал теперь и их домом. Лорри так и не поняла, почему это пришло ей в голову.

Девочка сложила кукол обратно в ящик и закрыла его. Раздался щелчок. А где же ключ на цепочке — он пропал! Лорри подёргала ящик. Заперто.

Финеас и Феба заперты, а дом... она подняла голову и увидела, что и откидная стенка домика тоже закрыта. Она снова поискала защёлку или пружину, но так ничего и не нашла.

Сабина проснулась, потянулась на солнышке, сначала передними ногами, потом задними — и затрусил к двери. Лорри пошла следом, на пороге последний раз обернувшись на загадочный кукольный домик.

Ошейник для Сабины

— Эй, Канак!

Лорри остановилась в самом начале аллеи и крепче перехватила коробку с костюмом. Было неудобно тащить и сумку с книгами и эту коробку. Тётя Маргарет хотела подвезти её в школу на машине, но та почему-то не заводилась. И Лорри нужно было поторопиться, чтобы успеть вовремя.

На её несчастье, Джимми и его компания тоже опаздывали. Нет, она конечно, могла спрятаться за оградой Дома-Восьмистенка. Она была уверена, что Джимми не полезет следом. Но тогда она уж точно опоздает.

— Канак, канак, носом в землю кряк!

Лорри крепче прижала коробку к себе. Внутри лежал её костюм, платье пуританки, и она сшила его почти наполовину сама. Тётя Маргарет даже удивилась, как хорошо у неё получилось. Потом Лорри сама его выгладила и аккуратно свернула. И не собиралась позволить забыть его.

— Канак!..

Лорри глядела прямо перед собой. Она не собиралась

бежать, чтобы они гнали её до самой школы. Мальчишки, ох уж эти вредные мальчишки!

Она покосилась направо, в сторону Дома. Хоть бы Халли вышла к задним воротам! Но все окна были пусты и дом казался покинутым. Ей оставалось только смотреть на него.

Как это сказал Фин? «Так и ждёшь всё время окрика»? Лорри не знала, почему ей вдруг вспомнилось это. Но на какое-то мгновение она будто вновь увидела, как Финеас Маклин, отбросив со лба прядь волос, сердито посмотрел на Лотту Эшмид. И она снова слышала спокойный голос Лотты, увидела её лицо, когда та отвечала Фину. Её ответный взгляд словно говорил: «Меня просто так не испугать». Ох, а ведь всего мгновение назад Лорри сама чуть было не бросилась под защиту Дома.

— Эй, Канак, что у тебя в коробке, а? Дай посмотреть! Лорри обернулась.

Джимми, да, он и Стэн, и Роб Локнер. Джимми, как всегда, впереди, ухмыляется. Лорри снова стало страшно, так страшно, что даже горло пересохло, она подумала, что не сможет вымолвить и слова. Затем она вспомнила о Лотте, о Финеасе и Фебе. Вот им действительно было чего бояться.

— Это мой костюм для представления, — Лорри изо всех сил надеялась, что её голос не дрожит. — А вот где твой индейский костюм, Джимми? Наверное, просто воткнёшь в волосы десяток перьев?

— Ещё бы! — влез Роб Локнер. — Знаешь, что он сделал? У его дяди есть знакомый в зоопарке, а там у птиц выпадают перья. Так что он достал настоящие орлиные перья, правда, Джимми?

— Конечно. Точно такие, как у настоящих индейцев. Они носили орлиные перья, — важно кивнул Джимми, странно покосившись на Лорри, словно она у него на глазах превратилась во что-то совершенно другое.

— Зоопарк? — теперь Лорри не нужно было притворяться заинтересованной. — Я там ещё ни разу не была.

— Ну, а я так каждое воскресенье хожу, — улыбнулся Джимми. — А в прошлом году мой дядя даже сводил меня

посмотреть на тигрёнка. Они держат детёнышей отдельно, вот, и на них можно смотреть только через окошко. Но у дяди там знакомый, поэтому меня пропустили. В этом году у них чёрный леопардёнок и два львёнка. Я их ещё не видел, но собираюсь сходить.

Издавательская улыбка Джимми попала, теперь он говорил с неподдельным интересом.

— Они совсем, как котята.

Котята! На мгновение Лорри вспомнила, как Джимми выгонял Сабину из густых кустов. Она прижала к груди коробку и зашагала быстрее. Джимми не отставал, теперь он шагал с ней в ногу.

— Ты бы видела, какие там змеи, — продолжал он. — Там есть одна длиной с эту аллею.

— Ну, не такая, поменьше, — возразил Стэн.

— Я что, не знаю, о чём говорю? — Джимми обернулся к нему.

Стэн пожал плечами и промолчал. А Джимми вновь заговорил:

— А какой там аллигатор! Я однажды чуть не заимел аллигатора сам. Мой дядя ездил во Флориду и хотел мне привезти одного, ещё маленького. Но мама сказала, что нам негде будет его держать.

— Ребята, а знаете, кого я хочу? — вмешался Роб. — Коня, вот кого. Коня, вроде тех, что держали в этой старой конюшне.

— А знаете, что там до сих пор стоит? — Стэн махнул через плечо на развалившуюся конюшню. — Там стоят санки, только большие, — чтобы их тянуть, нужны кони. Здорово, а? Вот бы так прокатиться?

— Точно, — согласилась Лорри.

— А откуда ты знаешь? — поинтересовался Джимми.

— У нас в Хэмпстеде выпадает много снега, а в школе были такие сани. Мы иногда катались на них.

— Правда? Настоящие конные сани? — недоверчиво спросил Джимми.

— Да. Они были довольно старые, но их починили и иногда даже сдавали напрокат. В них ездили на озеро, чтобы покататься на коньках.

— На коньках? — недоверчиво переспросил Роб. — А ты умеешь кататься на коньках, Лорри?

— У нас почти все умеют. Я раньше даже занималась фигурным катанием.

Этого ей тоже здесь не достаёт, с грустью подумала Лорри.

— Слушайте, — Стэн забежал вперёд перед Джимми и Лорри, — так на Фулсом есть каток. По субботам туда пускают детей. В прошлом году мистер Стюарт рассказывал об этом в спортзале, говорил, что мы можем туда записаться. Мы даже смотрели кино о фигуристах на олимпиаде. Ух, они так здорово катались!

— Научиться выделять такие трюки очень трудно, — пожалала плечами Лорри. — У нас в школе мисс Логан была одна девочка, вот та каталась хорошо. Но она занималась катанием с пяти лет и постоянно тренировалась. Наверное, так и нужно, если хочешь хорошо кататься.

— Прошлой весной мы ездили на представление ледового ревью, — вспомнил Роб. — Так там у них был артист, переодетый медведем, и он гонялся по всему катку за охотником. Было так смешно!

— Папа обещал, что и в этом году возьмёт нам билеты, — перебил его Джимми.

Показалась школа, и Лорри присмотрелась к часам над парадным входом.

— Мы опаздываем.

Джимми перехватил её взгляд.

— Не опоздаем, если пробежимся!

— Да, побежали! Я Багровый Шмель, вз-ззз-зз! — закричал Стэн.

— Ха, а я на самом резвом коне! Вперёд, краснокожие! — и Роб припустил следом.

— Давай сумку! Тебе придётся пробежаться, Канак! — и Джимми выхватил у Лорри сумку с книгами.

Они вбежали в школу как раз со звонком. И Лорри так и не поняла, как это получилось, — что она бежала в школу вместе с Джимми Парвисом, который нёс её сумку с книгами, и вовсе не обижалась на то, что он называл её Канак.

Для Лорри этот уик-энд на День Благодарения оказался особенно удачным, потому что у тёти Маргарет было целых два выходных дня. Они отправились по магазинам, купили Лорри новое роскошное платье, а потом пообедали в ресторане на крыше магазина «Бамберс», откуда было видно весь город. Тётя Маргарет вышла вместе с ней на террасу, посмотреть сверху на дома и улицы Эштона.

— В будущем году здешний пейзаж сильно изменится, — сказала тетя. — Недалеко от нас будут прокладывать новое шоссе. Да, сейчас многое меняется очень быстро, Лорри. Вон там, посмотри, — и она показала на узенькую полоску воды. — Это всё, что осталось от старого канала. А всего чуть более сотни лет назад путешествие по этому каналу было таким же волнующим и необычным, как для нас — полёт на реактивном самолёте. Эштон был заложен как раз там, где канал впадет в реку.

— А где был Канал-Таун? — неожиданно спросила Лорри.

Тётя Маргарет удивлённо посмотрела на неё.

— Канал-Таун? Даже не знаю, что это. Где ты о нём слышала, Лорри?

— В Доме-Восьмистенке, — Лорри поняла свою ошибку. Она не знала, почему, но у неё появилось такое ощущение, что её приключение, как и историю Финеаса и Фебы, она должна держать про себя. Она не рассказала об этом даже мисс Эшмид, когда вернулась в её комнату в тот день, когда это случилось. Но Лорри была уверена ещё в одном — мисс Эшмид каким-то образом уже знала всё, что с ней приключилось.

— Да, Дом-Восьмистенок, — тётя Маргарет покачала головой. — Жаль.

— Что жаль?

— Строители ещё не решили, где строить развязку, но, кажется, они собираются расположить её как раз на том участке, где стоит Дом-Восьмистенок.

Лорри вцепилась в поручни ограждения.

— Они... они же не могут снести дом... сломать его... разве это можно?

Она вытянула шею, пытаясь разглядеть отсюда Дом. Его было не видно — слишком далеко.

— Будем надеяться, что нет, — ответила тётя. — Что-то холодно стало, а? Я ещё хочу посмотреть там блузки на распродаже, если протолкнусь к прилавку. Сегодня, кажется, весь Эштон выбрался за рождественскими подарками.

Скоро Рождество — она же собиралась сегодня купить подарок для бабушки! Тётя Маргарет сказала, что его нужно отправить не позже следующей недели. На мгновение Лорри забыла об угрозе, нависшей над Домом-Восьмистенком.

— Лорри, — начала тётя Маргарет этим же вечером. — Как ты думаешь, мисс Эшмид разрешит мне прийти посмотреть на её вышивки? Ты столько рассказывала об этом, что мне самой стало интересно. Ты не передашь ей завтра записочку?

Лорри была удивлена своими собственными чувствами. Она понимала, что нет никаких особых причин, чтобы мисс Эшмид прятала от других сокровища бархатной комнаты. Но всё-таки если тётя туда придёт — она словно что-то могла испортить. Что? Лорри не знала этого. И всё равно. Глупо, конечно.

— Хорошо, — ответила она, стараясь, чтобы в голосе не было слышно досады.

Лорри старательно упаковала шарфик, подарок для бабушки. Теперь следовало завернуть подарок мисс Эшмид. Она долго перебирала стопку «подарочной» обёрточной бумаги, которую принесла тётя Маргарет. В сторону был отложен один лист, с зелёным фоном, не таким зелёным, как платье у мисс Эшмид, но похожим. А узор был из петушиных перьев, золотых, тёмно-красных и зелёных. Лорри была очарована. У неё ещё нашлась золотая ленточка, которая на этом фоне смотрелась просто замечательно. Лорри старательно обернула белую картонную коробочку с платком в бумагу, а потом перевязала её ленточкой, как показывала тётя Маргарет, особенным бантиком. Подарок выглядел очень красиво и оправдал её надежды. И сам платок — ей повезло, что она

смогла отыскать такой среди остальной мишуры, когда кругом было столько дамочек, дёргавших и теребивших всё подряд. Платок был белый, с узенькой кружевной каймой и большой буквой «Э» в углу. И Лорри ещё вышла вокруг узор своим самым сложным стежком.

Тщательно завернув посылку, она отнесла свёрток в шкаф, где лежали остальные подарки к Рождеству. Среди прочего там был ещё один подарок, который она закончила только на прошлой неделе. Лорри надеялась, что он очень понравится тётё Маргарет, хотя сейчас почему-то заколебалась. Когда она делала его в Доме-Восьмистенке, подарок казался красивым и изящным. Подушечка для иголок из красного бархата с белой кружевной оторочкой — как она будет выглядеть в этой комнате? Ладно, успокоила себя Лорри. Тётя Маргарет любит старомодные вещи. И потом, кроме того у Лорри была приготовлена бутылочка её любимого одеколона.

Дом-Восьмистенок, вспомнила Лорри. Дом-Восьмистенок и скоростное шоссе. Она заглянула в гостиную.

— А когда они решат?

Тётя Маргарет оторвалась от книги.

— Что решат, крошка?

— Решат о Доме-Восьмистенке.

— Ну-у, я думаю, будет собрание где-то в конце января. Все люди, земля которых попадёт в область застройки, смогут встретиться с комиссией.

Интересно, знает ли об этом мисс Эшмид, подумала Лорри. Сможет ли она прийти на это собрание? Лорри только два раза видела, как она ходит. И оба раза она передвигалась очень медленно, опираясь на плечо Халли и на большую палку с золочёной ручкой. Лорри знала, что она никогда не выходит из дома. Раз в неделю из булочной Теобальда прибегал мальчишка и брал у Халли список покупок. Однажды мальчишка заболел гриппом, и Лорри сама ходила в магазин с этим списком. Халли тоже почти не выходила из дома. Как же быть, если мисс Эшмид не сможет прийти на это собрание, и добиться, чтобы Дом-Восьмистенок не сносили?

— Мисс Эшмид уже старенькая, она очень плохо ходит, — Лорри наконец выразила свой страх в словах. — Что, если она не сможет прийти туда?

— Значит, она отправит туда своего адвоката. Так поступят многие — пошлют адвоката, который будет представлять их интересы.

Лорри вздохнула. Ей оставалось только надеяться, что это окажется правдой. Но завтра она непременно спросит у мисс Эшмид, есть ли у неё адвокат.

Но на завтра... Когда Лорри устроилась рядом с мисс Эшмид, открыв свою коробочку с рукоделием и целый батальон иголок выстроился перед ней, ожидая, когда же в них вденут нитку... Лорри даже не знала, с чего начать.

— Что-то случилось, — заметила мисс Эшмид, поправляя пальцы. Погода на улице стояла хмурая, в комнату внесли высокие канделябры, и в каждом горело по четыре свечи.

— Ты чем-то огорчена. Что, снова Джимми Парвис?

Лорри со вздохом продела мягкую шерстяную нить кремового цвета в иглу и воткнула иголку с краю в пальцы.

— Нет... Он всё ещё зовёт меня Канак, но я не обижаюсь.

— Точно? По мне хоть горшком назови, только в печку не ставь? Верно, Лорри?

— Ну, не совсем так... — Лорри воткнула рядом с первой иглой ещё одну, с перламутрово-розовой нитью. — Просто... просто, я думаю, он больше не хочет меня обидеть. Он даже любит поболтать.

— И тебе не противно его слушать? Ведь такая вредная и злобная личность?

Лорри аккуратно отмотала розовую ниточку.

— Ну-у... Он, наверное, вовсе не такой уж и вредный. Может быть, он изменился.

— А может, ты узнала его поближе, и теперь видишь не только внешнее. Многое изменяется, Лорри, и иногда к лучшему. Когда-то, давным-давно, недалеко отсюда жили люди. Они приехали работать на канале. Но они были из другой страны, они говорили на другом языке, и ходили

в свою собственную церковь, а не в ту, что в деревне. Они чувствовали себя совсем другими, и поэтому держались своих. И люди из деревни тоже не хотели дружить с пришлыми, даже если кто пытался быть дружелюбным. И тогда часто стали случаться драки.

Многие из этих людей привозили сюда и свои семьи, потому что в их стране был голод. Другие брали в жёны женщин издалека. Но когда все они приезжали сюда, случалось то же самое. Они не знали друг друга, и эта стена вырастала всё выше и выше, и наконец люди с канала и люди из деревни были готовы поверить в любую небылицу о соседях.

Лорри воткнула в пальцы ещё одну иглу с кремовой ниткой.

— Вы говорите о Финеасе и Фебе, мисс Эшмид?

— Феба и Финеас, и многие другие, как они. Хотя они и не знали об этом, но в ту ночь, когда они пришли сюда, в стене появилась первая трещинка. Они поверили кому-то с другой стороны. А это означало перемены с обеих сторон. Люди должны научиться не искать в других те черты, которых они боятся.

Лорри отмотала кусочек пряжи кораллового цвета, отмеряя нужную длину, и отрезала его маленькими ножничками в форме аиста — длинный клюв служил лезвием.

— То есть — я боялась Джимми, поэтому он казался мне таким? А почему тогда он...

— Начал дразнить тебя «канак» и гоняться за тобой? Может быть, поначалу он думал, что это просто шутка. Если бы ты тогда засмеялась в ответ, на этом бы всё и кончилось. А затем, как это часто случается, ему понравилось гоняться за тобой, потому что ты боялась его. Когда же ты повела себя так, словно не боишься его, он тут же прекратил охотиться за тобой. Он, может быть, и не станет тебе близким другом. Но мне кажется, что он вовсе не такой уж противный.

— Да, не такой, — теперь Лорри потянулась за шпулькой золотистого цвета. — Мисс Эшмид, а что случилось с Финеасом и Фебой потом?

Наступило молчание, такое долгое, что Лорри удив-

лѣнно подняла глаза, держа в одной руке иголку, а в другой — конец нитки. Мисс Эшмид больше не улыбалась. Она задумчиво вертела в пальцах коробочку, которую вынула из столика. Коробочку с золотыми иголками.

— Они сделали свой выбор, Лорри, и жили потом такой жизнью, какой сами хотели. Иногда жизнь может так ударить человека, что тот навсегда отвернётся от неё. Ой, посмотри, какой снег!

Лорри повернулась к окну. В щёлку между кружевными краями штор было видно, как кружат и падают большие снежинки. Раздалось негромкое мяуканье и на подоконник вскочила Сабина. Она встала на задние лапки, и заскребла передними по стеклу, пытаясь добраться до этих больших снежных мух.

— Хватит иголок, Лорри, — кивнула мисс Эшмид. — Сегодня нам придётся заниматься не только этим. Хорошо, что Сабина напомнила мне.

Лорри помогла ей отставить пальцы в сторону, и увидела, что мисс Эшмид встаёт на ноги, медленно, с усилиями. Она шагнула вперёд, и мисс Эшмид опёрлась на её плечо, как опиралась на плечо Халли.

Они медленно двинулись к большому столу, на котором были разложены обрезки ткани, вещи, ожидающие починки. Мисс Эшмид не остановилась ни рядом с кружевами, ни рядом с чудесным шёлковым халатом, украшенным замечательными вышитыми птицами (мисс Эшмид говорила, что этот халат был сшит давным-давно, в Китае, и носить его должен был сам император). Она дошла до самого дальнего конца стола, где лежали просто обрезки тканей и тесьмы, аккуратно смотанные и перевязанные шерстяными обрезками. Здесь мисс Эшмид остановилась и стояла довольно долго. Лорри показалось, что очень долго. А потом попросила:

— Ленточка красного бархата. Вон там, рядом с голубой. Да, вот эта. Дай её мне.

Бархат оказался очень толстым, но на ощупь был мягким, совсем как шёлковый. И по цвету был, как те гранаты, которые носила мисс Эшмид. Как только кусочек бархата оказался у Лорри в руке, они так же медленно

вернулись к креслу. Усевшись, мисс Эшмид положила бархат к себе на колени и принялась что-то искать среди шпудечек и катушек, в столе с множеством отделений. Наконец она вытащила катушку чёрного дерева с блестящими серебряными нитками. Блестит прямо как ёлочная гирлянда в «Бамберс», подумала Лорри.

А затем мисс Эшмид вынула из другого ящичка совсем уже маленькую коробочку. Когда она потрясла её, раздался тихий-тихий звон.

— Ммрру! — Сабина соскочила с подоконника, в два скачка оказалась рядом с мисс Эшмид и вытянулась на задних лапках, не сводя взгляда с коробочки, которая так зазвенела.

Мисс Эшмид приподняла крышку.

— Колокольчики! — Лорри было не менее любопытно, чем Сабине.

— Колокольчики, — согласилась мисс Эшмид. Она достала изнутри один, размером не больше ногтя, и легонечко его встряхнула. Звон прошёл очень тихий, но такой красивый! Внутри остались колокольчики ещё меньше, первый оказался самым крупным.

— Ну, как тебе, Сабина? — мисс Эшмид протянула ей бархатную ленточку в одной руке, а колокольчик в другой. Кошечка села и принялась.

Лорри показалось, что Сабина обнюхивает вещи вполне осмысленно, словно для неё они имеют какое-то особое значение.

— Мрру! — Сабина потёрлась головой о руку мисс Эшмид и, махнув хвостом, снова вспрыгнула на окно.

Мисс Эшмид протянула руку за игольницей с золотыми иглами. Вынимая одну из них, она попросила Лорри:

— Дорогая, будь так добра, заведи музыкальную шка-тулку.

Музыкальная шкатулка стояла на отдельном столике. Матово отсвечивали стенки из потемневшего, отполированного красного дерева, а крышка по краям была инкрустирована маленькими пластинками слоновой кости. Когда открывалась крышка, нужно было нажать на маленький рычажок — и начиналась музыка. Музыка

шкатулки немного походила на звон колокольчика, тихая и звенящая, и Лорри она очень нравилась. Она открыла шкатулку и музыка заполнила комнату.

— Подходящая музыка, — кивнула мисс Эшмид. — «Волшебная флейта». Сегодня день волшебства, Лорри. Одни дни подходят для волшебства, другие — нет. Но сегодня день волшебства.

— Потому что идёт снег? Я никогда не думала, что снег — это что-то волшебное.

— Волшебство в этом мире незаметно только потому, что мы слишком слепы или слишком заняты собой, чтобы посмотреть вокруг, Лорри. Слепота и недоверие — вот два врага волшебства. Но тот, кто видит, и тот, кто верит, — тому откроются многие пути.

Мисс Эшмид отмерила ленточку, потом сложила её пополам и отрезала кусочек серебряной нити.

— Вдеть её, мисс Эшмид?

Мисс Эшмид покачала головой.

— Нет, эту нить и эту иглу — нет. На этот раз только я смогу сделать это.

Она взяла в руки одну из золотых игл. Нить сразу же вделась в ушко, и мисс Эшмид принялась сшивать края сложенной вдвое ленты. Лорри привыкла видеть, как она, не торопясь, ювелирно вышивает или вяжет кружева, но никогда не видела, чтобы мисс Эшмид шила так быстро. И это был не простой прямой стежок, игла рисовала на ленточке узор. Золотая игла ярко блестела в свете подсвечников и Лорри показалось, что мисс Эшмид шьёт не просто иглой, а лучиком света.

Лорри принялась за свою работу. Это был рождественский подарок, и она ещё вчера была так довольна им! Но взглянув на передник теперь, она почувствовала неудовлетворённость. Простенькие белые цветы на красной материи казались грубыми и слишком большими. Даже сам узор показался ей неровным.

А музыкальная шкатулка всё играла, и игла мисс Эшмид сверкала в её руках туда-сюда. Сабина махнула лапой на снежинки и спрыгнула с окна, чтобы вытянуться на коврик перед камином. И Лорри, забыв о неудачном

переднике, почувствовала себя вполне счастливой. Она была в безопасности... в покое... в тишине... Её окружало тепло и счастье, и всё добро, которого только можно пожелать. Снаружи было холодно и хмуро, а здесь горел огонь и свет...

Она не сразу поняла, что музыкальная шкатулка замолчала. Но мелодия продолжалась, и это напевала мисс Эшмид. Лорри показалось, что она слышит слова, но она не могла разобрать их. А песня текла и текла, игла летала... Иногда мисс Эшмид доставала из коробочки колокольчики, самые маленькие, и пришивала их вдоль ленточки, один за одним. Звон колокольчиков тоже вплетался в песню, значения которой Лорри так и не могла понять.

И даже собственные стежки Лорри стали быстрее и легче, и шов не сбивался. Оказалось, что и её игла летает туда-сюда в ритм песне. И когда Лорри поняла это, её игла запорхала почти так же быстро, как и у мисс Эшмид. Она тоже стала мурлыкать себе под нос, даже не зная слов, подхватив только мелодию.

— Ай! — Лорри уколола иглой палец.

Мисс Эшмид показала ей бархатную полоску с колокольчиками, и Лорри только сейчас как следует разглядела её и поняла, что это такое.

— Ошейник?

— Именно так, дорогая, ошейник. Сабина тоже получит свой рождественский подарок.

— Но разве она захочет его носить? Ведь кошки... некоторые кошки... — Лорри уже кое-что знала о котях.

— Сабина — это не «некоторые кошки». Сабина — особенная кошка. А что касается ошейника, то в своё время этот ошейник она наденет с радостью. И — уже четыре часа. Халли приготовила имбирные пряники и китайский чай. Надеюсь, и то и другое освежит нас.

Золотая иголка исчезла обратно в игольницу, а игольница — обратно в ящичек. Мисс Эшмид позвонила в свой маленький колокольчик. Потом она улыбнулась Лорри.

— Кажется, Лорри, ты тоже времени зря не теряла. Ещё стежок-другой, и твой фартук будет готов.

Лорри с изумлением уставилась на свою работу. Она почти всё сделала! И это оказалось так просто, стоило ей только начать! Она аккуратно сложила фартук и спрятала его в нижнее отделение своей коробки с рукоделием.

— Мисс Эшмид, — начала она неуверенно. — У вас есть знакомые адвокаты?

— За свою жизнь, Лорри, мне пришлось познакомиться с несколькими. А почему ты спрашиваешь? У тебя неприятности с законом? — закрыв свой рабочий столик, мисс Эшмид улыбнулась.

— Потому что... Тётя Маргарет сказала, что будут неприятности с шоссе и... и что они хотят проложить его здесь!

Мисс Эшмид больше не улыбалась. Её руки тихо опустились на стол.

— Да. Об этом поговаривали.

— Но тётя Маргарет сказала, что они должны устроить собрание, и там будут говорить об этом, и что если кто-то не сможет прийти на это собрание, то вместо него может прийти адвокат.

— Думаю, так оно и будет. Ты беспокоишься за меня, Лорри? Вижу, вижу. Ну, что ж, поживём — увидим. Я вовсе не беззащитна, Лорри, не так уж и беззащитна.

Теперь на её лице снова появилась улыбка.

— И, Лорри, если хочешь, приходи завтра на чай. А ещё... — тут она потянулась в сторону высокого стола, стоявшего в тёмном углу, — принеси мне бумагу и чернила, дорогая. Я напишу записку твоей тёте. Я буду только рада, если она придёт вместе с тобой.

Лорри поднялась и пошла за бумагой. Она искренне хотела, чтобы всё действительно оказалось так, что у мисс Эшмид действительно есть, чем защититься от этого шоссе. Потому что... потому что... Лорри не могла вынести подобной мысли. Этот дом... эта комната... их нельзя, они не должны быть разломаны в щепки.

Дом-восьмистенок справляет Рождество

Снег шёл всю ночь и утром, когда они пошли в церковь, тоже. А днём, когда тётя Маргарет и Лорри пили чай в тёплой бархатной комнате мисс Эшмид, днём выглянуло солнышко, и на снегу заплясали тысячи крошечных искр. Сабина жмурилась на огонь в камине и мурлыкала. Лорри подумала, что это очень похоже на песню, которую напевала мисс Эшмид, когда шила ошейник для кошечки.

Девочка опустила на колени рядом с Сабиной и стала смотреть в огонь. Тот жил своей жизнью, особый мир огненных деревьев и красно-жёлтых листьев... Угли в камине тихо потрескивали, а Сабина мурчала свою бесконечную песенку.

Тётя Маргарет вместе с мисс Эшмид рассматривали вышитые картины, висящие на стенах. То есть, тётя Маргарет разглядывала их, переходя от одной к другой, и задавала сотни вопросов, а мисс Эшмид отвечала, сидя в кресле. В комнате горело множество свечей, а в окно било солнце, так что света было предостаточно. Когда тётя Маргарет сделала круг по комнате и вернулась к окну, Лорри услышала в голосе тёти нотку восхищения

— ...музейные экспонаты!

— Сегодня, здесь — да. Сейчас многое позабыто. Но всё это делалось с удовольствием, и те, кто делали это, гордились своим талантом. Всё это делалось не по заказу, а по велению души.

— Боже мой, какие ковры! А вышивки — это же просто чудо! О таком можно прочесть в старых книгах, но увидеть собственными глазами... А гобелены, — тётя Маргарет крутила головой из стороны в сторону, — Какое мастерство! Это просто великолепно. Я никогда не видела столь завершённой коллекции — тут многим вещам до трёхсот лет! И в таком отличном состоянии!

— О, ткань стареет под грузом лет. Но об этом можно позаботиться. Я забочусь о вещах, потому что это доставляет мне удовольствие — я ведь не часто выхожу из дома.

Но всё проходит с течением времени. Может быть, наступит такое время, когда обо всём этом позабудут. И если о них некому будет заботиться, то пусть лучше все эти работы исчезнут. А впрочем, сегодня слишком хороший день, чтобы думать о таком — солнце светит и снег искрится как бриллиант, не так ли?

Она позвонила в колокольчик и взглянула на Лорри.

— Дорогая, может быть, ты поможешь Халли? Наша бесценная Халли, для неё противни и миски то же самое, что для меня — мои иглы и пряжа. Сейчас ей так редко предоставляется возможность блеснуть своим искусством, но сегодня, как мне кажется, она превзойдёт себя. Гости на воскресный чай — это удовольствие, которого мы были слишком долго лишены.

И Лорри отправилась на кухню. Она заглядывала туда несколько раз, проходя через прихожую. Но почему-то девочка боялась войти туда без приглашения Халли. Точно так же, как она никогда не входила в бархатную комнату, не постучавшись и не дождавшись, пока мисс Эшмид не скажет: «Входите». Теперь она осматривалась кругом с нескрываемым любопытством. А ведь кухня-то оказалась точно такой же, как и кухня, в которой она пряталась, когда Финеас стащил хлеб и имбирный пряник. Только в этот раз здесь собирались готовить вовсе не пирог.

Сейчас на столе стояло блестящее серебряное блюдо, с серебряной сахарницей, со сливочником, и ещё с круглым стаканом, в котором стояли чайные ложки с цветочками на ручках. Халли стояла у большой плиты, наливая серебряный чайничек кипящей водой. Она улыбнулась, заметив, как Лорри принюхивается к пряным запахам, от которых девочке сразу захотелось есть.

— Пришли помочь, мисс Лорри? Вот и славно. У Халли только две руки, а не четыре, и нет волшебной палочки, которая крутила бы за меня кастрюлями. Возьмите-ка эту скатерть да накройте чайный столик. И не уроните — там ещё салфетки, деточка. Потом вернётся и мы разберёмся со всем остальным.

Лорри с трудом поверила, что это — обычная скатерть,

взяв в руки роскошный материал с чрезвычайно красивой кружевной каймой. Но она отнесла её, послушавшись Халли, а потом сделала ещё один рейс через треугольную прихожую, на этот раз с тарелками, покрытыми салфеткой.

— Халли, да вы настоящий художник! — воскликнула тётя Маргарет, когда салфетки с блюдец сняли, и под ними оказалось множество кексиков, пирожков, всяких штучек, которые Лорри и видела-то впервые. — Это выглядит слишком хорошо, чтобы съесть.

Халли рассмеялась.

— Ну-ну, мисс Джерсон, именно для этого-то их и делают. Да и мне в радость занять руки, напечь всего побольше. Мисс Шарлотта, она ведь кушает не больше птички.

— Ну, тогда ты не видела птичек, Халли, — улыбнулась мисс Эшмид. — Они клюют всё время, если есть что клевать. Когда человек стареет, его ощущения уже не так остры, как раньше. И вкус и запах больше не чувствуешь, и половина удовольствия от еды пропадает. Так что Халли сегодня просто рада угодить более признательной аудитории, чем я.

Сабина громко мяукнула, прижимаясь к широким складкам юбки мисс Эшмид. Сегодня на ней было платье такого же покроя, что и зелёное, но это было серое, а поверх платья у неё на плечах лежал огромный платок из тонких, как паутинка, кружев. Края кружев доставали почти до талии. А на запястьях блестели широкие чёрные эмалевые браслеты с маленькими цветочками, выложенными из жемчуга. Большая брошь такой же работы, с целым букетом из маленьких жемчужин, скрепляла платок.

Мисс Эшмид осторожно потянула за юбку, освобождая её от коготков, которые Сабина осмелилась запустить в складки. Браслет на её руке свободно повернулся — он был сделан не для такой исхудавшей и сморщенной руки. Мисс Эшмид покачала головой:

— Ну-ну, Сабина. Тебе тоже налили чаю, но там, где

тебе положено. А здесь нет ничего, что могло бы заинтересовать маленькую кошечку.

— Идём, Сабина, — позвала Халли. — Про тебя не забыли.

Сабина торопливо скользнула мимо Халли, направляясь на кухню, и мисс Эшмид снова рассмеялась.

— Уж про неё-то не скажешь, что она равнодушна к прелестям стола.

Зимний вечер наступил рано. Когда они возвращались домой, тётя Маргарет неожиданно сказала:

— В этом доме меня как будто окунули в сказку. Это было колдовство, Лорри. Время там словно остановилось. Её голос угас, она задумалась.

— Они не могут снести его! — выразила Лорри свой испуг, который время от времени возвращался к ней.

— Это мы думаем так, Лорри. Но во имя прогресса сегодня совершаются и большие грехи. Я только думаю, кто же будет радоваться, когда последний клочок травы скроется под асфальтом, когда последнее дерево упадёт под бульдозером, или когда последнего дикого зверя пристрелят, отравят или поймают. Лорри, — тётя Маргарет снова заколебалась, — ...не тешь себя насчёт спасения Дома-Восьмистенка.

— Но... куда же денутся мисс Эшмид, Халли, Сабина?

Тётя покачала головой и ничего не ответила. Тогда Лорри сердито повторила:

— Я в это не верю! И не собираюсь думать, что это случится!

— Пожалуйста, Лорри! — тётя Маргарет с тревогой посмотрела на девочку. — Ты должна уметь надеяться, но ты должна и быть готовой к разочарованию. Запомни всё, что ты видела в Восьмистенке, выучись всему, чему сможешь, — а там есть чему научиться тому, кто видит. Но Дом принадлежит прошедшим дням, тем дням, когда время шло медленнее. Да, мы думаем, что как-то можем управлять временем, но когда ты хочешь взяться за что-то новое, ты теряешь что-то старое. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, наверное. Но всё равно — какая польза в том, чтобы проложить это шоссе именно здесь?

— Может быть, только мы так думаем, Лорри. Но вряд ли многие согласятся с нами. Потом, это ещё не решено окончательно. Ещё будет собрание, и может быть, этот план строительства не пройдёт. А пока — мисс Эшмид пригласила нас к себе на Рождество.

— Честно? — Лорри изо всех сил вцепилась в руку тёти Маргарет. — И мы пойдём?

— Конечно. Она любезно разрешила мне взять с собой фотоаппарат и сфотографировать эти чудесные вышивки. Их нельзя даже скопировать, такой работы сегодня никто не сможет повторить. Конечно, кое-какие узоры можно будет упростить. Но всё равно, — тут тётя вздохнула, — для того, кто видел оригиналы, копии будут лишь жалким подобием.

Дни, оставшиеся до Рождества, тянулись бесконечно долго. Но к счастью, у Лорри было столько дел! Она должна была петь в хоре на рождественский вечер, и распевала дома «Веткой падуба украсим» до тех пор, пока тётя Маргарет не цыкнула на неё. Тётя заметила, что ничего не имеет против рождественских песен, но в это время года они прямо лезут отовсюду в уши и мешают думать.

А потом тётя принесла билеты на специальный сеанс мультиков Уолта Диснея. И Лорри пригласила Кэти и Роба Локнеров, и Лизабет Росс, которая стояла рядом с ней на репетициях хора. Они пообедали в «Бамберс», потом ещё перекусили в «Уокерс», а потом, уже под вечер, успели заскочить в магазин игрушек Фримена.

— Ну, Лорри, мисс Джерсон, это было шикарно! — восхищался Роб, пока они поднимались по лестнице.

— Мне так понравилось, когда фея превратила их всех в зверей, — поддакнула Кэти. — Спасибо, мисс Джерсон.

Лорри согласилась — всё действительно получилось просто отлично. Но когда она зашла в коридор и села на скамеечку, чтобы снять сапоги, её лицо стало грустным.

— Объелась мороженым, пересмотрела кино, или просто устала? — съехидничала тётя. — Хотя должна заметить,

что проталкиваться через эту толпу — действительно утомляет.

Лорри подняла голову.

— Послушай, — начала она обвиняющим тоном. — Почему, ну почему Кэти не хотела сидеть рядом с Лизабет? Она толкнула меня вперёд, когда я хотела её пропустить. И Лизабет заметила это. И она потом почти не разговаривала. Это же нечестно! Лизабет славная, она умница и красивая. А Кэти — просто вредина.

— Не думаю, что Кэти — такая уж вредина, — возразила тётя Маргарет. — Кэти просто смотрит на всё немного по-другому, Лорри. С давних времён между людьми существует разделение. Сейчас всё больше людей понимает, что это неправильно. Но всё равно, когда люди разделены и не пытаются сблизиться, между ними вырастает стена. И тогда они начинают верить всевозможным бредням о соседе по ту сторону стены. И чем меньше они знают о незнакомце, тем охотнее верят, что он плохой.

Не думаю, чтобы Кэти хоть раз в жизни провела день с Лизабет. Или с любой другой девочкой другой расы или цвета. Поэтому она чувствует себя неловко и не знает, что же ей делать. А Лизабет тоже попятилась и не пыталась подружиться с Кэти, когда та в первый раз оттолкнула её. У них обоих была возможность разрушить эту стену, но ни та, ни другая даже не попробовали.

— Но вы же пробовали, правда, тётя Маргарет? — Лорри отставила сапоги в сторону. — Вот почему вы повели их на фильм про то, как звери в беде помогали друг другу.

— Да. И думаю, в следующий раз Кэти поймёт, что Лизабет такая же, как она. Им обоим нравятся старый лис и совы. Когда они не думали друг о друге, они ведь болтали об мультике, помнишь?

— Значит, ты думаешь, что Лизабет... не будет на меня сердиться?

— Ни капельки. Ох. Я старая больная тётка, Лорри. Как насчёт того, чтобы приготовить ужин самой, как и положено хорошей, доброй и послушной племяннице?

— Один ужин, заказ принят! — Лорри вскочила и побежала на кухню. Заглянув в холодильник за творческим вдохновением, она вдруг вспомнила Финеаса и Фебу. У них тоже не было друзей. Мисс Эшмид сказала, что они остались в Доме-Восьмистенке. Странно. Лорри замерла на полпути между столом и плитой. Она ни разу не рассказывала тёте о кукольном домике. А ведь именно он там самое большое сокровище, а не все эти вышивки.

Нет. Кукольный домик был чем-то ещё. Когда, интересно, он был сделан? Внутри домика не было его миниатюрной копии. В той комнате стояло только кресло, рисунок на полу, полки с книгами и бутылочками, связки каких-то сушёных растений на стенах и рядом та потайная комната, где Лотта спрятала Финеаса и Фебу.

Лотта жила в том доме. А кто ещё там жил? Лотта была всего лишь маленькой девочкой, ненамного старше, чем Лорри. Были ли у неё отец или мать? Братья или сёстры? Кто испёк хлеб и имбирный пряник, которые украл Финеас? Может быть, тот кукольный домик был сделан для Лотты, много лет назад?

Сколько вопросов. Возможно, Лорри сможет найти ответы хоть на несколько. Только вот... Лорри снова остановилась и задумалась. Смотреть на кукольный домик ей хотелось вовсе не так уж часто. Она удивилась этому. В первый раз она увидела его, когда мисс Эшмид разрешила ей посмотреть дом. Второй — когда мисс Эшмид отправила её на поиски Сабины. И она была уверена — мисс Эшмид оба раза знала об этих путешествиях в другое время. Значит, это была идея мисс Эшмид — отправить её туда? Но зачем? И сделает ли она это ещё?

Лорри поставила на стол блюдо с маслом. Что-то ей не очень хотелось ещё раз отправляться туда.

Рождественский праздник в школе закончился и начались каникулы! Тёте Маргарет пришлось работать до среды, а рождество приходилось на субботу. Во вторник Локнеры уехали, но, к счастью, Лорри удалось убедить их, что ей ещё нужно закончить кое-какие рождественс-

кие подарки. Правда, она послушно пообедала с ними в понедельник и даже помогла Кэти помыть посуду.

А на следующее утро мальчишка из булочной принёс записку из Дома-Восьмистенка. Мисс Эшмид интересовалась, не сможет ли Лорри помочь ей украсить ёлку. Тётя Маргарет разрешила, и в десять утра Лорри уже шагала по покрытой снегом кирпичной дорожке к чёрному ходу.

В прихожей она стянула свой лыжный костюм и сапожки. В дверях кухни появилась Халли с двумя большими мисками в руках, с клюквой и с воздушной кукурузой.

— Как раз вовремя, детка, как раз вовремя. Ну-ка, отнеси это в комнату, и старой Халли не придётся зазря бить ноги.

Это была самая обычная клюква и самая обычная кукуруза. Лорри даже удивилась, но не стала задавать лишних вопросов и понесла их в бархатную комнату.

В бархатной комнате многое изменилось. Рабочий столик был отодвинут к стене, и пальцы с вышивкой — тоже. Рядом с креслом мисс Эшмид стоял ещё один маленький стол, а на нём — только игольница, ножницы да большая катушка с грубыми белыми нитками. На стуле, где обычно сидела Лорри, сейчас стояла открытая коробка, и мисс Эшмид вынимала оттуда что-то, завернутое в папиросную бумагу и вату.

— Ты как раз вовремя, моя дорогая. Будь так добра, пододвинь стол чуть поближе. Поставь миски туда, а коробку — на пол. Ну вот, теперь всё в порядке. Как тебе наша ёлочка?

Да, у стены, меж двух окон, стояла ёлочка. Она была ещё неубранная, зелёная и маленькая, на подставке, задрапированной зелёной тканью. Словно прочитав мысли Лорри, мисс Эшмид покачала головой.

— Раньше у нас всегда стояла большая ёлка, до самого потолка. Но сейчас мы не справились бы с такой большой. Чтобы украсить такую маленькую, и то нам придётся потрудиться.

И она принялась разворачивать маленькие свёрточки из коробки. Лорри подошла поближе, чтобы разглядеть,

что там такое. На столе выстроились рядки крошечных корзиночек. Целые половинки ореховых скорлупок, так что внутрь можно было заглянуть. И когда Лорри заглянула, внутри оказались крошечные картинки, яркие и цветные — зверюшки, цветы, мальчики и девочки. Были и картинки побольше, с аппликациями из бархатной бумаги, с бумажными кружевами из золотой и серебряной бумаги.

Одни игрушки мисс Эшмид сразу ставила на стол, другие внимательно рассматривала, словно вспоминая что-то. Вот на столе оказалась клетка из тонкой золотой проволоки с птичкой внутри, сделанной из крошечных ракушек. И ещё корзиночки, из гвоздичных головок, сплетённых тонкой проволокой, и украшенных бисером.

— Ой, забыла, совсем забыла, — мисс Эшмид протянула Лорри маленькую круглую коробочку. — Посмотри-ка, Лорри. Когда я была маленькой, это было моё любимое сокровище.

В коробочке оказались четыре крошечные чашечки, настолько маленькие, что Лорри даже не поняла, как такие можно сделать. Но самым удивительным было, что в каждую чашечку была ещё положена серебряная ложка!

— Какие маленькие! — восхищённо вздохнула Лорри.

— Они вырезаны из вишнёвых косточек, дорогая, — мисс Эшмид осторожно отставила коробочку в сторону.

— А вот тоже знакомые штучки, — тут она развернула полоску тоненькой тесьмы. С тесьмы свисали корзиночки, размером не больше ногтя.

— Вот эта, и эти — из вишнёвых косточек. А вот — из лесного ореха, а это — из жёлудя. Эти игрушки достаточно грубые, чтобы повесить их на ёлочку. А чашечки — они могут легко потеряться.

— Я никогда не видела таких игрушек.

— Да, — кивнула мисс Эшмид, — ты такого не видела. Видишь ли, когда-то люди сами делали все украшения на ёлочку. У нас не было всех этих блестящих стеклянных игрушек, которые теперь продаются в магазине. Поэтому мы пускали в ход собственное воображение и делали свои украшения.

— Мне эти нравятся больше, чем магазинные.

Лорри не смела даже прикоснуться к крошечным орешкам с картинками внутри, к цепочке из ореховых корзиночек, ко всем этим сокровищам, что мисс Эшмид расставляла на столе.

— Мне тоже, дорогая. Правда, они у меня уже много-много лет, и я уже привыкла к ним. Они так глубоко выросли мне в сердце, что я не в силах с ними расстаться.

Она поднесла к глазам один из орешков, внутри которого над розовыми и синими цветами взмахнул крыльями голубь.

— Ну вот, — мисс Эшмид положила орех и потянулась за игольницей. — Нам нужна такая длинная нитка, Лорри, чтобы она могла хотя бы раз обернуться вокруг ёлки.

Лорри отрезала нитку и вдела её в иглу. Мисс Эшмид взяла клюковку и аккуратно нанизала её на нитку. Ещё три клюковки, потом два зёрнышка воздушной кукурузы.

— Вот так, — кивнула она Лорри, и девочка, взяв вторую иглу, тоже принялась за работу. И пока они нанизывали гирлянды, мисс Эшмид рассказывала сказки. Это были рождественские сказки, и пока мисс Эшмид рассказывала, она то и дело брала со стола какую-нибудь безделушку.

В этом доме прошло так много рождественских праздников. И о каждом мисс Эшмид говорила так, словно видела его собственными глазами. И хотя Лорри понимала, что мисс Эшмид не может быть столько лет, это её нисколько не удивляло.

Однако, несмотря на то, что мисс Эшмид рассказывала о доме, и о том, что тут происходило, она ни разу не заговорила об обитателях дома. Она только говорила «мы». Мы устроили то, мы сделали это.

Миска с клюквой опустела, а они нанизали уже несколько гирлянд, когда вошла Халли с большим блюдом, которое поставила на длинный стол.

— А вот и мы, мисс Шарлотта. Получилось отлично.

— Я вижу, Халли. О, какие красные глазки у мышек! На тебя снизошло вдохновение, Халли! Лорри, что ты скажешь об ёлочных украшениях Халли?

— Это не всё, — Халли уже торопилась обратно на кухню. — Там ещё прянички и конфеты...

Но Лорри едва ли слышала её. Девочка изумлённо уставилась на блюдо. Мышки, три ряда белых мышек, с красными глазками, розовыми картонными ушками и тоненькими хвостиками! А сзади ещё три ряда розовых поросят!

— Сахарные мышки и свинки, — мисс Эшмид рассмеялась. — И они очень вкусные, Лорри. Мышки и свинки на ёлочку всегда особенно удавались Халли. А мы сделаем для них петельки из тесьмы, чтобы можно было повесить. Вот эта узенькая красно-зелёная ленточка должна подойти. И кстати, ты можешь оценить талант Халли. Попробуй их.

Лорри выбрала толстенькую розовую свинку и откусила кусочек задней ноги. Она была сладкая и вкусная, такая вкусная, что остаток свинки растаял в одно мгновение. А мышку Лорри отложила в сторону, решив, что возьмёт её домой и покажет тёте Маргарет.

Пока мисс Эшмид отрезала кусочки ленточки, Халли внесла второе блюдо. Там лежали пряничные человечки в белых сахарных куртках, в красных штанах, со смородиновыми глазками и шоколадными волосами. А пряничные дамы были в белых блузках с красными пуговичками и полосатых красно-белых юбочках. И ещё лошади с сахарной гривой и полдюжины кошек с сахарными усами и глазками из засахаренной зелёной вишни.

— Ну, Халли, это лучшее, что ты до сих пор делала! — мисс Эшмид отложила тесьму в сторону и наклонилась вперёд.

— Я подумала, мисс Шарлотта, что надо постараться, особенно если...

— Верно, Халли, верно. Я думаю, что эти мы вешать не будем, Лорри. Мы просто посадим их на ветках.

— Я сейчас принесу конфеты, — Халли снова исчезла.

Лорри завороченно рассматривала пряничный народ.

— В жизни такого не видела. Просто чудо!

— Да, весьма привлекательные молодые люди, —

отозвалась мисс Эшмид. — Хороши, хороши. Правда, эти леди кажутся мне несколько легкомысленными. Зато элегантны, весьма элегантны. Кажется, все они ужасные модницы.

— А вот и конфетки, — Халли поставила на стол третье блюдо, ещё больше, чем первые два. Лорри подвинула в сторону рулончик ткани, чтобы освободить для него место.

Конфеты тоже оказались произведением искусства — как и мышки и пряничная компания. Крошечные сахарные цветочки, шоколадные шарики, их было так много, что у Лорри просто глаза разбежались.

Мисс Эшмид подвинула к себе маленькие корзиночки.

— Их нужно класть сюда, Лорри. Дай-ка вспомню, мы всегда клали мятные леденцы в зелёные корзинки, шоколадки в белые, сахарные цветы в красные и...

— И цукаты в гвоздичные, — добавила Халли. — Только сперва вы пообедаете, мисс Шарлотта, а уж потом будете всё это раскладывать.

К вечеру ёлка была наряжена. Лорри присела на свой стул. Она приятно устала — вытягиваться на цыпочках, привязывать игрушки, сто раз обойти ёлку кругом, чтобы найти нужное место для корзиночки, пряничного чেলовечка или клюквенной гирлянды.

Ёлочка была совсем не похожа на те ёлки, которые стояли в окнах вдоль по Эш Стрит. На ней не горели огоньки, не блестел ни дождик, ни стеклянные гирлянды. Но Лорри она показалась самой чудесной ёлкой, которую только можно себе представить. Так она и сказала мисс Эшмид.

— И мне тоже так кажется, дорогая. Но она принадлежит другому миру и ей нет места за стенами этого дома... — мисс Эшмид сложила руки на коленях, разглядывая ёлочку. Сабина уселась на подол хозяйки, с сожалением поглядывая круглыми глазами на клюквенно-кукурузные гирлянды, на покачивающиеся игрушки, которые оказались слишком высоко — не допрыгнуть.

Лорри услышала бой каминных часов, и с неохотой поднялась. Затем перевела взгляд с ёлки на мисс Эшмид.

— Спасибо вам, огромное спасибо!

Она благодарила не только за удовольствие наряжать ёлочку, но и за весь этот чудесный, такой бесконечный, такой великолепный день. Лорри ещё не могла разобратся в своих чувствах, но она знала, что будет помнить всё, и эти воспоминания останутся одними из самых дорогих.

— Это тебе спасибо, Лорри. Да, — мисс Эшмид словно прочитала спутанные мысли Лорри, — такие воспоминания многого стоят. Они, как огонь, согревающий сердце. И не забудь, Лорри, — приближается Рождество.

— Приближается Рождество, — повторила Лорри. Почему мисс Эшмид сказала это? Ведь до Рождества осталось только три дня, это каждый знал. Но мисс Эшмид сказала эти слова так, что они прозвучали обещанием.

Лорри пожелала ей доброй ночи и принялась натягивать на себя лыжный костюм, висевший в прихожей. Халли завернула мышку в маленький кулёчек и выпустила Лорри в пустой, облетевший сад, где несчастный дракон уставил свой нос в тёмное небо.

Когда Лорри проходила мимо окон комнаты мисс Эшмид, она остановилась, чтобы ещё раз взглянуть на ёлочку. В окно было видно несколько веток. На одной уселась пряничная леди, выгнув ручку крендельком. На ручку была намотана клюквенная низка, чтобы леди не свалилась с веточки, потому что прямо у неё под носом раскачивалась белая сахарная мышка.

Лорри прищёлкнула языком. Пряничная леди удивлённо глядела на неё. Халли вывела над глазками-смородинками высоко вздёрнутые глазурные брови. Может быть, она собиралась сбежать подальше от этой страшной мыши, прыгнув на гирлянду? Интересно, что бы подумали мисс Эшмид и Халли, если бы пряничная леди вдруг завизжала и выбежала из комнаты?

Холодный ветер чувствительно пробрал Лорри, и она вернулась на кирпичную дорожку. У чугунного оленя перед парадной дверью на опине вырос холмик снега. Но это, кажется, его не беспокоило, он был всё таким же

гордым и важным, как всегда. Лорри помахала ему рукой и аккуратно прикрыла за собой ворота. В окнах вдоль улицы светились рождественские ёлочки. Если Лорри поторопится, то донесёт тёте Маргарет сахарную мышку в целости и сохранности! И Лорри торопливо побежала домой.

Коул и Нэки

— Конечно, по всем правилам ёлку нужно было бы украсить свечами, — негромко рассказывала мисс Эшмид, — но такие свечи нынче очень трудно найти. И ещё труднее уберечься от пожара. В своё время мы просто ставили рядом с ёлкой ведро с водой — на всякий случай.

Огонь в камине приятно согревал, множество свечей в бархатной комнате наполняли её мягким дрожащим светом. Рабочий столик мисс Эшмид и пальцы всё так же стояли у стены. Теперь всё в комнате вращалось вокруг ее кресла — и ёлочки.

Она снова сменила своё обычное зелёное платье — на этот раз на платье из тёмно-красного бархата. Широкая юбка мягкими складками падала с колен на кресло, стелилась по полу. Чёрный фартук куда-то пропал. На плечах снова лежал кружевной платок с гранатовой брошью. И волосы были собраны в высокую причёску с гранатовыми заколками, такие же гранаты поблескивали на пальцах. Она выглядела точь-в-точь, как настоящая волшебница, подумала Лорри.

— Да она и так — само совершенство! — тётя Маргарет присела на скамеечку для ног, наводя объектив на ёлку. — Только бы фотографии получились. Эти пряничные фигурки, а гирлянды — только бы у меня получился хороший кадр!

Лорри жевала цукаты. Она глядела, как Сабина маленькой чёрной тенью скользнула под ёлку, где лежали подарки, и потянула один свёрточек лапкой.

— Нельзя! — тётя Маргарет попробовала отогнать кошечку.

Сабина на секунду подняла на тётю круглые немигаю-

щие глаза, а потом вернулась к своим делам. Она зажала свёрток в зубах, отнесла его на коврик у камина и принялась сдирать обёртку. В сторону полетели рваные полоски папиросной бумаги. Мисс Эшмид засмеялась.

— Она знает, что делает. И потом, она права — наступило время дарить подарки. Я привыкла к тому, что подарки дарили на Новый Год. На Рождество ходили в церковь, собирались всей семьёй, а уж на Новый Год приходили друзья, и вот тогда-то и наступало время подарков. И как же некоторые гости ухитрились замерзнуть пр пути! Обычно по гостям ходили джентльмены, леди оставались дома и сами принимали гостей. А потом молодые леди пересчитывали открытки и хвастались, кто получил больше всех или самую красивую — картинку, с шёлковыми каемочками...

Мисс Эшмид глядела на ёлку, но Лорри казалось, что сейчас она далеко, там, рядом со своими воспоминаниями.

— А что это были за подарки? — спросила она после небольшой паузы.

— Подарки? Ну, когда совсем маленькая, то скакала с деревянными ручками. Или грифельная доска. Куклы или браслет. В один прекрасный день коробка для рукоделия, такая, как у тебя сейчас, Лорри, со всеми принадлежностями, с ножницами, серебряным напёрстком, игольницей, перочинным ножичком, нитками... Или музыкальная шкатулка. И всегда сладости, коврижки, леденцы на палочке, пряничные человечки.

Затем, когда ты подрастала, и подарки становились другими... — но мисс Эшмид не стала перечислять, какие именно. Вместо этого она протянула свою палочку и аккуратно поддела один из подарков под ёлочкой, продев ручку в бантик. Без труда вынув оттуда свёрток, она протянула его тёте Маргарет.

— Видите, каким трюкам учит старость? Я горжусь такой ловкостью рук, — с этими словами мисс Эшмид аккуратно стряхнула подарок прямо на колени тёте Маргарет.

— Посмотрим, получится ли у меня и дальше так хорошо.

Она выудила из-под ёлочки и второй подарок, который немедленно проследовал в руки Лорри.

Подарки мисс Эшмид были завернуты в белую папиросную бумагу и перевязаны красной ленточкой. Лорри осторожно положила свой подарок на пол и нагнулась к ёлочке, чтобы достать свои подарки, которые принесли они с тётей. Два пакетика она потянула мисс Эшмид, а другие два — Халли, которая сидела в кресле у камина.

— Ах, — мисс Эшмид стала разворачивать подарок, завернутый в бумагу, украшенную петушиными перьями. — Эта новая обёрточная бумага — тоже своего рода произведение искусства. Петушиные перья — тебе это ничего не напоминает, Халли?

— Циновки Нэки, мисс Шарлотта. Их нетрудно запомнить. Они были для Нэки всё, и луна и солнце, и, может, он был прав.

Сабина неожиданно зарычала. Она наконец содрала с маленькой мышки из кошачьей мяты совершенно ненужные, на её взгляд, обёртки, и сейчас подбрасывала её в воздух, чтобы поймав, как следует встряхнуть.

— Сабина! Сабина, не забывай, что в этой комнате ты должна вести себя, как леди!

Но кошечка не обращала внимания на увещевания мисс Эшмид.

— Увы. Разве кому-нибудь хоть раз удалось подчинить кошачий характер? — рассмеялась она. — Нам остаётся только не замечать её плохие манеры.

Спустя секунду Лорри с изумлением смотрела на подарок, который сделала ей мисс Эшмид. Миранда? Нет! Туловище Миранды, и платье Миранды. Но голова... Миранда была всего лишь куклой, несмотря на свой почтенный возраст и любовь нескольких поколений маленьких девочек. Всего лишь куклой с немигающими голубыми глазами, твёрдыми завитками фарфоровых кудрей и лицом, на котором вряд ли хоть что-то отражалось.

Лорри коснулась щеки этой новой Миранды. На ощупь она была такая же гладкая, как старая фарфоровая, но

больше похожа цветом на кожу Лорри. И волосы на крошечной головке, причёсанные и уложенные почти так же, как у старой Миранды, на ощупь были настоящие — не отличишь. И лицо было настоящим. Теперь она была похожа на обитателей кукольного домика — немного, как Феба. Лорри казалось, что она сейчас оживёт, вырвется из рук, задвигается и заговорит сама. Лорри протяжно вздохнула и подняла взгляд на мисс Эшмид.

— Нет, это не Миранда, — покачала та головой. — Миранда прожила свою жизнь, состарилась и устала. Мне кажется, она заслужила отдых, не так ли? А это кто-то другой. Ты сама решишь, кто это — придёт время, и ты поймёшь, кто это.

— Но... — это тётя Маргарет развернула картину-вышивку в раме, — вы не можете дарить это! Это слишком большое сокровище!

— Сокровище — это то, что берегут, чем любят и гордятся, что хранят, как зеницу ока, и бережно лелеют, — ответила мисс Эшмид, так посмотрев на тётю, словно не нуждалась в благодарностях, и даже более того, сочла бы их неуместными.

Тётя Маргарет встретилась с ней взглядом:

— И оно будет бережно храниться, — кивнула она.

— Вы считаете, что я нуждалась в таком заверении? — улыбнулась мисс Эшмид.

— Ах, — тут она сама развязала аккуратный узел ленточки и медленными спокойными движениями пальцев развернула бумагу с перьями. Затем вынула из коробочки платок. Кружева и большая буква «Э» были фабричные. Но узор вокруг инициала — заметны ли неровные стежки? Лорри затаила дыхание.

— Спасибо тебе, Лорри, — мисс Эшмид заправила платочек за пояс, расправила кружевную кайму, и Лорри спокойно вздохнула.

Халли любовалась подставкой для кастрюли, с выстроившимися в ряд маленькими фигурками, тащившими в руках кто котёл, кто нож, кто вилку или ложку. Она провела по ним пальцем:

— Ого, да тут целая армия поварят! Мне такая подмога на кухне пригодится.

Когда Лорри с тётей пришли в Дом-Восьмистенок, было пасмурно. Но сейчас на острых клинках сосулেক за окнами заблестало солнце. Тётя Маргарет снова взяла в руки камеру и навела её на мисс Эшмид.

— Вы позволите?

На лице мисс Эшмид снова заиграла улыбка.

— Если хотите.

Сабина потёрлась о ногу Лорри, от неожиданности та вздрогнула. Завладев вниманием девочки, кошка направилась к двери в прихожую и поскреблась в неё, оглянувшись на Лорри, недвусмысленно дав понять, чего она хочет. Лорри подошла к двери и приоткрыла её. Сабина шмыгнула через прихожую к кухонной двери и теперь потрогала лапкой её. Лорри ещё раз подчинилась немой просьбе.

Но и на кухне кошечка не успокоилась. Теперь Сабина хотела открыть ту дверь, которая не открывалась перед Лорри во время её визитов в «то» время.

На этот раз дверь открылась, и Лорри с Сабиной попали в небольшой коридор, из которого на второй этаж и чердак поднималась спиральная лестница. Но Сабина побежала не к лестнице, а ко второй двери из коридора.

Неожиданно они оказались в зелёной спальне, и Лорри сообразила, что только что обогнула вторую половину дома. Целью Сабины была дверь комнаты с кукольным домиком, и Лорри заторопилась за ней.

Странно, эту комнату не согревал камин, но всё равно здесь было тепло, несмотря на огромную сосульку, наполовину закрывшую окно. И здесь было светло, хотя не горели ни лампы, ни свечи, а комната находилась с теневой стороны дома.

Лорри огляделась. В прошлые визиты всё её внимание привлекали конь и домик. Теперь она пыталась представить себе, как выглядела эта комната, когда Лотта привела сюда Финеаса и Фебу. Кресла сейчас не было, но на стенах всё ещё висели книжные полки. Однако полки были совершенно пустые: ни книг, ни скляночек, ни

связок сухой травы на стенах. Она посмотрела на пол. Домик занимал почти всю комнату, да ещё конь. И всё равно она разглядела слабые очертания рисунка, линии которого в кукольном домике были куда яснее.

Слабый звон отвлёк внимание Лорри. Сабина снова хватала лапкой цепочку ключа, торчавшего в одном из ящиков. Теперь Лорри, не раздумывая, нагнулась к домику, как будто сама мисс Эшмид сказала ей сделать так. Она опустилась на колени и повернула ключ, затем выдвинула ящик. Это был другой, не тот, в котором лежали куклы Финеаса и Фебы, а следующий. И Лорри вовсе не удивилась, увидев там ещё две маленькие фигурки.

Одна была чуть больше, чем и Финеас, и Феба, вторая — гораздо меньше. Сначала она достала большую. Кожа на лице и руках куклы была светло-коричневого цвета, а волосы, немного выбивавшиеся из-под чепца с оборочками, такого, как у Халли, были чёрными и курчавыми. Платье было тоже похоже на платье Халли. Только цвет другой — это было бледно-жёлтого цвета с белыми цветочками величиной с булавочную головку. И поверх платья был одет точно такой же фартук, длиной почти до самого подола широкой юбки.

Вторая кукла, поменьше, была мальчиком, гораздо младше, чем Финеас, одетым в рубашку в мелкую-мелкую красно-белую клеточку и голубые штаны, а вокруг шеи был повязан красный шейный платок. Его кожа имела такой же светло-коричневый оттенок, что и у большой куклы, и точно так же голова была покрыта мелкими чёрными, как смоль, кудряшками.

Лорри положила куклу-женщину на колени, и взяла в руки мальчика. Её в который раз изумила тонко сшитая одежда. Как же можно шить столь крохотные вещи с такой точностью? Она услышала тихий скрип...

И подняла глаза. Стенка домика снова медленно открылась, причём в этот раз Сабина не имела к этому никакого отношения. Перед Лорри вновь появились кухня, зелёная спальня и маленькая комната с рисунком на полу, двойник той, в которой она сейчас сидела.

В кухне вместостряпни пирога полным ходом шла подготовка к обеду. Казалось, обед уже был в самом разгаре, и на стол должны были подавать очередное блюдо. На кухонных столах поджидали глубокие и мелкие тарелки, а вся плита была уставлена кастрюлями и горшками.

Лорри поставила куклу-женщину рядом с кухонным столом и попробовала поставить мальчика рядом с плитой. Только он почему-то не хотел — или не мог — стоять. Наконец она усадила его на стул.

А потом между Лорри и домом снова пронёсся снежный вихрь. И когда он рассеялся, Лорри обнаружила, что сидит не в седле, как ей поначалу показалось, а в санях. Белый меховой полог укрывал её до самых плеч, а голова была упрятана под капюшон, отороченный мехом. Лорри сразу почувствовала, что сидит в санях не одна, и тут же оглянулась, чтобы глянуть на попутчика.

Попутчица тоже была в меховом капюшоне. Уже вечерело, и в красноватом свете опушка капюшона сияла белым. Лотта правила санями умелой тренированной рукой. Это были небольшие сани в виде лебедя, с гордо изогнутой шеей и высоко поднятой головой. Лошадь, тянувшая сани, тоже была белой, зато упряжь — красной, как и сам капюшон Лотты. Серебряные колокольцы позвякивали в такт лёгкому бегу. Лежавшие у них на коленях сосновые ветки пахли смолой. Рождественский запах.

— С Рождеством, Лорри! — голос Лотты прозвучал вполне отчётливо, несмотря на звон колокольчиков. Это была уже не девочка-подросток, а молодая девушка, но она оставалась всё той же Лоттой. Лорри улыбнулась в ответ:

— С Рождеством!

Это было так здорово, скакать по заснеженной дороге, со звоном бубенцов, с запахом сосны, со всем остальным... Но впереди, вопреки ожиданиям, Лорри не увидела красных кирпичных стен. Если они и ехали к Дому-Восьмистенку, то он был ещё далеко.

— Веткой падуба украсим! — пропела Лотта. — Падуба

у нас нет, зато есть сосновые ветки. Это славный праздник, Лорри.

— Да!

Снег летел из-под копыт коня, ударяя в выгнутые крылья лебедя, защищавшие ездоков. Было очень холодно, и у Лорри даже замёрз кончик носа, но ей всё равно было очень тепло. Она чуть пошевелила руками и обнаружила, что под пологом они не только одеты в рукавички, но ещё и упрятаны в муфту.

— А куда мы едем? — отважилась спросить Лорри. Дом-Восьмистенок всё ещё не показывался, хотя они уже проехали два поворота и теперь перед ними открылась гладкая равнина, по которой бежала укатанная колея дороги.

Лорри тряхнула вожжами, словно подгоняя коня.

— Я... — начала было она, он слова заглушил долгий печальный вой. Конь заржал. К ним бежало двое собак, а за ними скакали всадники. Лотта натянула вожжи, и колокольчики протестующе звякнули. Конь перешёл на шаг и остановился.

Лорри пробрала дрожь. Такого она раньше не чувствовала. В этих псах, во всадниках, скакавших позади, было что-то страшное... Она ещё не поняла, почему испуганно дрожит, когда слышала тихий голос Лотты:

— Ты чувствуешь их мысли, Лорри. Они несутся над снегом, как чёрная тень, омрачая всё вокруг. Это их чёрные дела и чёрные замыслы несутся впереди них, и мы слышим их запах.

Ветер дунул им в лицо, и Лорри действительно почувствовала застоявшийся зловонный запах. А Лотта продолжала:

— Ты слышишь запах страха, Лорри. И никогда не забывай, что у страха есть побег, и побег этот — жестокость. Охотники и жертвы, те, кто бежит, и те, кто догоняет.

Одна из собак добежала до саней, задрала морду и залаяла. Лотта тоненько и пронзительно свистнула — всего раз или два, но пёс заскулил и бросился обратно.

— Ваш покорный слуга, мэм, — Лорри так внимательно

но следила за собаками, что не заметила, как первый всадник галопом подскакал к саням со стороны Лотты. Человек в седле нагнулся к ним, чтобы получше рассмотреть.

Широкополая шляпа у него на голове была обвязана длинным шарфом, который шёл через верхушку шляпы и вниз под подбородок, закрывая уши, а потом ещё пару раз был обмотан вокруг шеи. Воротник его толстой куртки был поднят, а на руках — тёплые перчатки.

— Что вы хотите, сэр? — Лотта даже не поздоровалась с ним.

— Что угодно, лишь бы не сердить двух столь очаровательных леди, мэм.

Кончики его усов так жёстко загибались кверху, что Лорри подумала: он, наверное, брызгается лаком для волос. Когда он говорил, маленькая острая бородака дёргалась вверх-вниз над клетчатым шарфом.

— Вы никого не встречали по дороге?

— А почему вы спрашиваете? — ответила Лотта вопросом на вопрос.

— Мисс Эшмид, мэм, — к ним подскакал второй всадник. Его круглое лицо покраснело от долгой езды на морозе. Пряди светлых волос неряшливо выбивались из-под старой лоснящейся меховой шапки с осыпающимися мехом.

— Констебль Уилкинс, — кивнула Лотта.

— Мы ищем беглецов, мэм. Это стража с той стороны реки. Двое сбежали, мэм, женщина и мальчик. Долг и обязанность всех законопослушных граждан выдать их, мэм.

Лорри показалось, что пока Лотта смотрела на него спокойным взглядом, мистеру Уилкинсу становилось всё больше и больше не по себе. Точно так же она когда-то смотрела на Финеаса, когда тот засомневался в искренности её помощи.

— Нам неоднократно напоминали об этом законе, констебль Уилкинс. Женщина и мальчик, говорите... Неподходящая погода для побега.

— Их никто не неволил, мэм, — вмешался второй

всадник, — никто не неволил. Но вы их, конечно же, не видели.

Лорри подумала, что это был даже не вопрос, всадник словно ждал, что Лотта скажет «нет», и заранее сомневался в правдивости ответа.

— Мы никого не видели. Уже темнеет, и ветер всё холодней. Если позволите, джентльмены, — Лотта стегнула коня и тот налёг плечами на хомут. Лорри показалось, что всадник хотел спросить что-то ещё, но сани уже покатались прочь. Девочка вопросительно посмотрела на Лотту и увидела, что счастливая улыбка пропала с её губ.

— Горе шастает по миру даже в этот вечер, Лорри. И мы призваны, чтобы протянуть руку помощи. Так что... — она щёлкнула языком и подхлестнула белого коня.

Лорри оглянулась. Она всё ещё могла видеть всадников — чёрные точки на белом снегу, слышала собачий вой. Сани подъехали к опушке леса. Когда они скрылись в тени деревьев, Лотта перевела коня на шаг.

— Ищи дерево, разбитое грозой, Лорри. Это наша засечка.

Вскоре Лорри увидела его справа от дороги и потянула Лотту за руку. Они свернули с наезженной дороги на целину, по мягкому нетронутomu снегу. Но кое-где здесь имелись какие-то пометки, потому что Лотта уверенно правила вперёд.

— Мы срежем угол, Лорри. Не думаю, что они пойдут за нами следом, но если всё же пойдут, то у нас будет причина, почему мы свернули.

Тут Лотта неожиданно запела. Эта мелодия — Лорри уже где-то её слышала, хотя слов так и не понимала. И через некоторое время обнаружила, что сама подпевает. Мелодия текла то выше, то ниже, а они всё ехали и ехали. Вот сани выехали из лесу, скатились вниз по склону и попали на другую накатанную дорогу. Теперь они повернули направо и поехали в том же направлении, откуда приехали.

А Лотта всё пела, иногда так тихо, что её голос был не громче шёпота, лишь иногда заглушая звон колокольчиков под дугой. А потом сани неожиданно остановились.

Она прислушивается, подумала Лорри, словно ожидая ответа от деревьев и кустов вдоль дороги.

Очень далеко слышался лай собак. На лице Лотты вновь заиграла улыбка, но она всё так же не отрывала взгляда от дороги. Они въехали на холм и остановились на минуту на верху. Конь храпел, качая головой вверх-вниз, выдыхая белые облачка пара.

Дорога перед ними спускалась вниз с холма, к мосту и — да, слева Лорри разглядела знакомые красные кирпичные стены Дома-Восьмистенка. И стоило ей заметить Дом, как тот крошечный осколок страха, кусавший её с тех пор, как они встретили всадников, тут же растаял.

— Полегче, Бевис! — окликнула Лотта.

Конь заржал и затряс головой, словно понял, что она сказала. Сани покатались под гору гораздо медленнее. И Лотта всё ещё прислушивалась, старалась услышать что-то ещё, кроме стука копыт по утоптанному снегу.

— Бевис! — голос Лотты прозвенел вновь, когда они подъехали к самому мосту. Лотта откинула полог саней и выскочила на снег. Хотя она не звала за собой Лорри, та тоже вылезла из-под меха.

Длинная юбка Лорри тащилась по снегу, и хотя девочка старалась подбирать подол, но всё равно двигалась она куда медленней и далеко не так ловко, как Лотта. А та всматривалась в тени под мостом, как в ту, другую ночь, когда там искали убежище Финеас и Феба.

На этот раз Лорри не слышала плач. Но здесь было что-то ещё. Точно так же, как она слышала тот скверный запах всадников, которые остановили их сани, так и сейчас она почувствовала страх. Но не свой страх, а страх, поднимавшийся к ней от тёмной воды. Она остановилась, оробев.

— Они далеко, — раздался голос Лотты. — Их собаки пустились по ложному следу. Выходите, пока есть время.

Ответа не последовало. Лорри показалось, что волна страха усилилась. Неожиданно страх ударил её с такой силой, что она не могла даже пошевелиться. Но Лотта всё протягивала руки к тёмным теням.

— Не бойтесь нас. Выходите, пока ещё есть время. Я

обещаю вам безопасное убежище. Но я не могу обещать много времени.

И снова тишина. Потом Лорри заметила в тени еле заметное движение. Оттуда на четвереньках, увязая в снегу, выползла скорченная фигура. Она тащила за собой что-то вроде кучки тряпок, завернутых в шаль.

— Ничего не поделаешь, — прозвучало как стон боли.
— Мне только вам поверить и осталось, мисс.

Лотта бросилась вперёд, её руки опустились на плечи ползущей.

— Лорри! — позвала она, и девочка стала пробиваться к ним сквозь сугробы.

Вместе они подняли на ноги тощую, одни кости, женщину, которая тряслась так, что всё её худое тело дёргалось.

— Нэки! Нэки! — она попыталась нагнуться за свёртком и чуть не упала, если бы не Лотта.

— Идите! Идите же! — подгоняла их Лотта. — У нас мало времени! Лорри, подбери младенца!

Младенца? Лорри посмотрела на на свёрток, который не шевелился, не пищал. Младенец? Ещё не веря в это, девочка лихорадочно нагнулась и подхватила свёрток, замотанный в промокшую от снега шаль. Она действительно держала в руках маленькое тельце. Путаясь в юбке, она влезла обрано в сани и почувствовала, как что-то шевельнулось у неё на груди.

Кое-как они втиснулись в сани и Лотта ударила вожжами. Бевис повёз их вперёд, через мост, по дорожке к Дому, и свернул мимо ворот в конюшню. Кто-то бежал по снегу навстречу им.

— Мисс Лотта?

— Будь внимателен, Финеас. У нас могут быть незваные гости.

Парень кивнул.

— Если они придут, я найду что сказать. Помочь не надо?

— Потом. Лучше сторожи снаружи.

Лорри шла по расчищенной дорожке следом за Лоттой и найденной женщиной, всё ещё прижимая к груди

ребёнка. Они подошли к чёрному ходу. В окнах горел свет. Войдя в прихожую, Лорри услышала лёгкий шум множества голосов. Они сразу свернули на кухню. От плиты к ним обернулась девушка. Когда она увидела женщину, которую поддерживала Лотта, её глаза мгновенно расширились, но она тут же совладала с собой и, не проронив ни слова, бросилась ко второму выходу из кухни. Они быстро провели женщину через зелёную спальню в комнату с полками и рисунком на полу. Лотта опустила женщину в кресло. На мгновение та обмякла, и Лорри показалось, что она сейчас свалится на пол. Затем, с видимым усилием, женщина выпрямилась и протянула к ним руки:

— Нэки! Дайте мне моего Нэки! — она отчаянно посмотрела на Лорри и та торопливо положила младенца ей на колени.

Когда женщина развернула изодранные тряпки, Лорри увидела, что это был вовсе не младенец. Это был уже подросший малыш, с большими глазами на сморщенном личике. Он поднял ручки, погладил лицо склонившейся над ним женщины и издал странный звук, пыхтящий негромкий вскрик, непохожий ни на человеческую речь, ни на крики обычных детей.

— Нэки! — женщина покачивала его, прижав к груди. Лотта шагнула к двери. Там уже появилась девушка с кухни — это была Феба — с подносом, на котором стояли миска и кружка.

Лотта поднесла их женщине.

— Пейте. Это горячее и придаст вам сил. А они вам понадобятся.

Женщина глянула на Лотту, взяла с подноса кружку и сделала глоток. Потом она протянула кружку ребёнку, который жадно припал к ней. Женщина снова подняла глаза на Лотту.

— Мы беглые, из-за реки.

— Я знаю. Но здесь вы в безопасности.

Женщина словно не слышала её слов.

— Нэки! Они хотели продать меня без Нэки! Он никому не нужен. Не умеет ни ходить, ни говорить. Если

бы не его мама, Нэкки бы давно помер. Но всё равно, он не мусор, который можно выбросить. Он кое-что умеет своими маленькими ручонками. Вот посмотрите, мисс, вы только посмотрите... Нэкки сделал все это сам!

Женщина вынула у мальчика из рук кружку и, поставив её на поднос, который всё ещё держала Лотта, принялась копаться в своём бесформенном тряпье. Вытащив оттуда маленький квадратик плетёной циновки, она протянула его Лотте. В свете лампы он неожиданно заблестел яркими цветами. Перья, поняла Лорри. Петушиные перья.

— Нэкки — он сам сделал это. Сделал всё сам для его мамы, которая его так любит! И с головой у него всё в порядке, что бы там старая миссис не говорила. Я не отдам моего Нэкки. Я услышала, как они говорили, что хотят продать Коул, — это я, мисс. Тогда я просто подхватила Нэкки и бросилась бежать, что было духу. И куда глаза глядят.

— Больше вам не придётся убегать, — успокоила её Лотта. — А теперь поешьте. В миске славный суп, Коул. И не волнуйтесь, здесь вы в безопасности.

— А так бывает? Разве есть где-нибудь безопасное место для меня и Нэкки?

— Это место здесь, — голос Лотты стал твёрдым и уверенным. — Лорри, отнеси это, пожалуйста, Фебе.

И она протянула ей поднос с пустой кружкой и миской.

Лорри вышла обратно в коридор. Здесь не было ни лампы, ни свечей, очень темно. Девочка даже слегка испугалась этой темноты — ей показалось, что она как-то движется вокруг неё. И темнота тут же пропала, а вместе с нею и коридор — Лорри снова сидела перед кукольным домиком.

Тучи сгущаются

— Тётя Маргарет! — Лорри держала на коленях один из тётиных альбомов по истории моды. — Как ты думаешь, сколько лет мисс Эшмид?

Тётя оторвала взгляд от своих эскизов.

— Не имею ни малейшего понятия, Лорри. Но если судить по тому, что она рассказывала... — тут тётя Маргарет задумалась.

— Вот посмотри, видишь это платье? Точно такое же, как носит мисс Эшмид. Но здесь написано, что такие носили в 1865 году. Зачем мисс Эшмид носить платье, которому больше ста лет?

— Ну, наверное, потому, что ей так хочется, крошка. И потом, её платье вовсе не сто лет. Оно просто сшито по старым выкройкам. Ты же знаешь, мисс Эшмид не выходит из дому. Может быть, ей просто нравятся платья того времени. Они такие красивые. И потом, таких тканей сегодня уже не отыщешь.

— А где их берёт мисс Эшмид?

— Может, у неё ещё остались старые запасы. Тогда часто ткань покупали прямо штуками и держали про запас, чтобы использовать потом. А в таком старом доме, как у неё, вполне могло сохраниться много подобных старых запасов. Ведь Дом-Восьмистенок был построен в середине 1840-х годов.

— А кто его построил?

— Семья Эшмидов. Мисс Эшмид — последняя из этой семьи. Во всяком случае, последняя с такой фамилией в Эштоне.

— И Халли тоже носит такие платья, — Лорри вернулась к первоначальной теме.

— Халли очень любит и уважает мисс Эшмид. И ей тоже не меньше лет, чем мисс Эшмид, поэтому она любит те же обычаи. И должна тебе сказать, им обеим очень идут эти старинные платья.

Лорри перевернула страницу альбома и, посмотрев на другую картинку, прочитала подпись. Мисс Эшмид носила платье 1865 года, а маленькая девочка на этой картинке была одета точь-в-точь, как кукла Феба. И дата под картинкой стояла «1845».

Она принялась листать страницы, надеясь найти что-нибудь ещё. Тогда почти все юбки были длинными, а она не помнила деталей, чтобы точно определить, к какому

времени относилась одежда Лотты в тот день, когда они катались на санях. И — кто такая была Лотта?

Лорри, кажется, начинала догадываться. Но этого просто не может быть! Или может? Она снова вернулась к странице с платьем мисс Эшмид.

— Замечательный дом! — тётя Маргарет оторвалась от работы и смотрела на стену, где висел рождественский подарок мисс Эшмид. Там были изображены леди и рыцарь, стоявшие в саду в окружении цветов. Длинные кудри падали рыцарю на плечи, а на боку у него висела шпага. Тётя объяснила Лорри, что это — узелковая вышивка, очень редкая и забытая техника, а самой работе — не менее трёхсот лет.

— Настоящий музей, Лорри.

— А почему бы Дом не сделать музеем? Тогда ведь они не смогут снести его, если это будет музей?

— Может быть, — тётя Маргарет снова взялась за карандаш, давая понять, что не хочет продолжать этот разговор. — Что, разве вам ничего не задавали на дом, крошка?

Лорри отложила альбом в сторону.

— Математику, — вздохнула она с неохотой. Новая идея целиком захватила её, и о математике трудно было думать.

Если Дом-Восьмистенок станет известным, они не смогут снести его. Но как сделать Дом известным? Статья в газете — или репортаж по телевизору? А как написать такую статью? Может быть, просто написать туда письмо и попросить об этом?

— Что-то ты не очень много сделала, — заметила тётя, собирая свои бумаги. — Миссис Рэймонд не понравятся твои каракули. В моё время, если мне не изменяет память, когда кончались рождественские каникулы, снова начиналась учёба, и старательная учеба, до самого конца года.

— Да, тётя, — Лорри попыталась отвлечься от Дома и сосредоточиться на этих противных цифрах. Никогда она их не любила.

Когда Лорри легла спать, она снова подумала о Доме-

Восьмистенке. Вот, допустим, она, Лорри Маллард, напишет письмо в газету: о Доме-Восьмистенке, о мисс Эшмид и обо всех тех замечательных вещах...

Замечательных вещах. Лорри одёрнула себя. Кукольный домик. Мисс Эшмид никогда не рассказывала о нём Лорри, и она тоже ни разу не заговаривала о нём с мисс Эшмид. И с тётей Маргарет тоже. Это было что-то... очень особенное. Лорри без всяких объяснений понимала это. Но ведь этот домик тоже был частью Дома-Восьмистенка, и если его сделают музеем... а как же мисс Эшмид и Халли? Где они тогда будут жить? Разве в музеях живут? Но всё равно — если дом снесут, то куда им деться? И куда денется кукольный домик, и Бевис, и Сабина? Лорри уселась в кровати. Что же будет? Она должна рассказать... нет, спросить у мисс Эшмид. Завтра она постарается вырваться из школы как можно раньше и...

Ох, завтра же классное собрание. Но это неважно. Сейчас неважно. Ей просто необходимо увидеть мисс Эшмид и рассказать свою идею с музеем. И спросить, можно ли это сделать?

Лорри заворочалась от нетерпения. Всю жизнь ей хотелось немедленно браться за то, что она решила. А сейчас придётся ждать целую ночь, и ещё завтра весь день в школе.

А когда девочка уснула, ей приснился Дом-Восьмистенок, а над ним — тёмная грозовая туча. И под её тенью стены дома становились всё меньше и меньше, и Лорри показалось, что скоро дом совсем исчезнет. Она бросилась вперёд, чтобы успеть добежать до дома, пока он не исчез. Неожиданно парадная дверь открылась, и на пороге появилась мисс Эшмид. Она больше не опиралась ни на плечо Халли, ни на тросточку. Мисс Эшмид протянула обе руки к Лорри и помахала ей, чтобы та возвращалась. И на её лице была улыбка, словно всё было в полном порядке.

Утром новый план не выходил у Лорри из головы. Кэти забежала за ней и они отправились в школу самым коротким путем, не спускаясь по Эш Стрит. Кэти о чём-то тараторила, но неожиданно прервалась и резко заметила:

— Лорри Маллард! Ты не слышала ни единого моего слова. Ты что, опять витаешь мыслями в миллионе миль отсюда?

Лорри вздрогнула, отрываясь от своих мыслей.

— Нет, я тут. Вот, иду по улице.

— Ни за что бы не поверила. Ты, как те роботы, о которых Роб читает. Я говорила о Валентиновой Ярмарке, Лорри — о Валентиновой Ярмарке!

— Но Валентинов день в феврале, а сейчас только январь.

— Нет, ты в самом деле какая-то заторможенная. Валентинова Ярмарка — самое большое мероприятие в школе. А мы в этом году — выпускной класс, значит, мы и будем всё устраивать. И сегодня выбирают комитеты — комитет мальчиков и комитет девочек.

— Ты должна в нём участвовать, Кэти.

— И я так думаю. Слушай, Лорри, Деб Коллинз сказала, что она предложит меня в председатели комитета. Ты поддержишь предложение?

— То есть на собрании встать и сказать, что ты должна быть в комитете?

— Ты просто скажешь: «Поддерживаю кандидатуру». Ну, ты же слышала, как говорят, ничего страшного. У меня есть несколько отличных идей и, кажется, я могу стать председателем комитета. Сделаешь, ладно?

— Но... я не собиралась оставаться на собрании.

Кэти снова уставилась на неё.

— Почему это, интересно? Не валяй дурака, миссис Рэймонд всё равно не отпустит тебя. Мы же выпускной класс, мы должны быть больше всех заинтересованы. Ты что, не помнишь, что она сказала на прошлой неделе? Или ты точно так же, как сейчас, ушами хлопала?

— Но мне нужно сделать одну вещь... очень важную.

— Ну, так я тебе скажу, что это должна быть самая важная вещь в мире. А то миссис Рэймонд просто не отпустит тебя. Ну, так что, Лорри, ты поддержишь мою кандидатуру?

— Ладно, — сердце Лорри упало. Кэти была права, ведь она часто занималась этими школьными делами.

Если ей придётся сидеть на собрании, то не останется времени, чтобы забежать в Дом-Восьмистенок. Хотя это тоже было так важно!

Кэти оказалась права. Лорри попробовала объяснить миссис Рэймонд, что у неё после школы очень важное дело. Но как только выяснилось, что это очень важное дело Лорри, а не тёти Маргарет, миссис Рэймонд сразу же заметила, что принимать участие в общественной жизни класса куда более важно.

Лорри уселась за парту с тем же тоскливым чувством, как и тогда, когда она только что приехала в Эштон. Она не слушала, как Билл Краудер, президент класса, призывает всех к порядку, и всего, о чём говорила учительница, тоже не слышала. Она очнулась, только когда её окружила неожиданная тишина. Несколько учениц оглянулись на Лорри. Они явно чего-то от неё ожидали, и она почувствовала прилив лёгкой паники — словно учитель вызвал её отвечать с места, а она даже не слышала вопроса.

Через две парты поднялась Бесси Кальдер и сказала:

— Я поддерживаю кандидатуру.

«Я поддерживаю кандидатуру!» Ой, это же как раз то, что должна была сказать она! Её же Кэти попросила! Лорри быстро обернулась на Кэти и встретила с сердитым обвиняющим взглядом. Кэти попросила её и она не сделала. И теперь Кэти думает, что она специально!

Лорри отчаянно соображала, как объяснить свою промашку Кэти. Может, рассказать ей о Доме-Восьмистенке и о шоссе? Она нетерпеливо заёрзала на стуле, дожидаясь конца собрания, чтобы подойти к Кэти и всё объяснить.

Но объяснения не получилось. Как только собрание окончилось, Кэти позвала:

— Бесс! Крис! Останьтесь! У меня есть несколько классных идей!

Лорри протолкнулась к парте Кэти.

— Кэти! Кэти! — громко окликнула она, пытаясь заставить Кэти хотя бы повернуть голову и обратить внимание. Это ей удалось, и Кэти обернулась, встретив Лорри холодным взглядом.

— Что тебе нужно, Лорри Маллард? Ты не сдержала своего слова и думаешь, что я возьму тебя в свой комитет?

— Но Кэти...

— Я сказала, — прошипела Кэти, перегнувшись через парту, — отвяжись, Лорри! Ты мне не помогла, значит, вали отсюда! Пойдём, девочки, у нас куча дел!

С этими словами она вышла вместе с несколькими поджидавшими её одноклассницами. Лорри поплелась в раздевалку, волоча сумку по полу. Теперь торопиться было некуда, в Дом-Восьмистенок она всё равно не успевала, и потом, если она выйдет из класса сразу вслед за Кэти, та ещё подумает, что Лорри идёт за ними. Вот ещё! Кэти правильно сказала — они друг в друге ни капельки не нуждаются. Лорри уже застёгивала курточку, когда кто-то хлопнул дверь соседнего шкафчика.

— Это ты, Лизабет...

— Что, снова в угол поставили? — съехидничала Лизабет. — Чем в этот раз вы расстроили Её Королевское Высочество?

Лорри вздрогнула, настолько язвительным тоном это было сказано.

— Она попросила меня поддержать её кандидатуру в комитет и... ну, я задумалась о другом и совсем про это забыла. Конечно, она рассердилась.

— Да ну, — тут Лизабет подбоченилась, — что же может быть важнее, чем этот комитет? Какая глубокая мысль, Лорри?

Лорри была немного озадачена. Лизабет не любила Кэти. И она ясно дала это понять. Лорри вспомнила, как они вместе ходили в кино, и как Кэти выкинула номер, когда они рассаживались. И Лизабет тут же замкнулась.

— Я думала... — неожиданно Лроои захотелось выговориться. Ей нравилась Лизабет — обычная, не язвительная Лизабет.

— Лизабет, ты знаешь Дом-Восьмистенок?

— Ту старую развалину на Эш Стрит? Знаю. Папа говорит, что это единственный дом в Эштоне, у которого восемь стен. А что с ним такое?

— Говорят, что его будут сносить, — из-за шоссе.

— Да, въезд будет идти с Гэмблиер Авеню до самого скоростного шоссе. Это три квартала за Эш Стрит.

— А откуда ты знаешь?

— Мой папа — инженер-дорожник, и он работает над этим проектом. А что случилось, какое тебе дело до того, где пройдёт эта дорога?

— Нельзя сносить Дом-Восьмистенок! — вспыхнула Лорри. — Я подумала... Может быть, если написать письмо в газету или... или по телевидению рассказать. Разве это их не остановит?

— Этим уже год как занимаются, — пожала плечами Лизабет. — И не только Восьмистенком, но и другими домами. В пятницу устраивают заседание комиссии по этому поводу. Хотя это ничего не изменит. К северу проходит подземная река, и они не смогут построить дорогу там. Поэтому переносить её никто не будет.

— Река? — переспросила Лорри. Может быть, это тот самый ручей, под мостом через который прятались беглецы?

— Да, река. Она когда-то текла по земле, как обычная речка. А потом там стали строить всё больше и больше домов. В конце концов реку спрятали в большие трубы и стали строить прямо поверх. Но дорогу поверх этой реки не построить.

— А как же Дом-Восьмистенок?

— А что в нём такого особенного? Они собираются снести и старый дом Ракстона, Ракстон-Хауз. Моя мама говорит, что это стыдно, — снести дом человека, который приплыл из Англии более ста лет назад и постоил этот город. И он такой красивый.

— Дом-Восьмистенок тоже, — упрямо возразила Лорри.

— Да брось ты. Старая развалюха на заросшем клочке земли.

Лорри затрясла головой.

— Да нет, он таким кажется только из-за ограды, Лизабет. А за оградой там сад, а внутри дома — ох, Лизабет, там просто чудесно!

— А ты откуда знаешь? Лорри, ты что... ты в самом деле побывала в доме ведьмы? Правда?

— Нет там никакой ведьмы! — вспыхнула Лорри. — Там живут мисс Эшмид и Халли и Сабина! И моя тётя сказала, что этот дом — как музей. Да, я была там, и тётя Маргарет — тоже. Мисс Эшмид учит меня вышивать, а тётя Маргарет приходила туда на воскресный чай, и ещё мы праздновали там Рождество! Там так здорово! Ты бы видела, какая там ёлка, и Халли испекла пряничных человечков и... — и тут Лорри принялась рассказывать о Доме-Восьмистенке, об его обитателях и о сокровищах, обо всём, кроме кукольного домика и лошадки Бевис. И Лизабет слушала с неподдельным интересом.

— Эй, девочки! По домам, — в коридоре стоял мистер Хаскинс, школьный смотритель. Лорри захлопнула свой шкафчик.

Ого, уже, наверное, поздно. Все, кроме них, ушли. Она подняла взгляд на большие часы как раз, когда минутная стрелка передвигалась. Десять минут пятого!

— Слушай, — сказала Лизабет, — Мама звонила, она за мной заедет, мы сегодня идём к стоматологу. И мы тебя можем подкинуть до угла Эш Стрит, а оттуда тебе до дома недалеко.

— Мама, — выпалила Лизабет, влезая в машину, — мы высадим Лорри на углу Эш Стрит, ладно? А то уже поздно.

— Я только что хотела вам это предложить. Почему ты так задержалась, Лизабет? Конечно, Лорри, садись.

Лизабет подвинулась на середину переднего сиденья.

— Мама, а Лорри была в старом Доме-Восьмистенке, она знакома с мисс Эшмид. И у них на Рождество была ёлка с пряничными человечками.

— Так ты знаешь мисс Эшмид, Лорри? — удивлённо спросила миссис Росс. — Это большая честь, Лорри.

— А вы тоже её знаете, миссис Росс?

— Ещё маленькой девочкой я была там пару раз со своей тёткой. Там жила тётя её отца — Халли Стэндиш.

— Халли всё ещё там живёт! — обрадовалась Лорри. —

Она напекла для ёлки пряничных человечков и сделала столько конфет!

Миссис Росс удивлённо посмотрела на неё.

— Этого не может быть, Лорри! Моей тётушке сейчас было бы уже далеко за восемьдесят. А Халли... Халли Стэндиш должно было бы исполниться больше, чем сто лет! Это, наверное, её дочка. Хотя... — миссис Росс задумалась, — не помню, была ли у неё дочка. Но я помню, как приходила туда, и помню мисс Эшмид. Она, наверное, сейчас уже совсем старенькая.

— Миссис Росс, а что будет с мисс Эшмид и с Халли, если Дом-Восьмистенок снесут? Неужели его нельзя спасти? Моя тётя говорит, что это настоящий музей.

— Ещё ничего не решено, и не решится до заседания комиссии. Большинство жителей будут представлять их адвокаты. И мисс Эшмид, наверное, тоже. Вот и твой угол, Лорри.

— Спасибо, миссис Росс.

Лорри проводила машину взглядом и пошла по Эш Стрит. Проходя мимо ограды Дома-Восьмистенка, она замедлила шаги. Подножие чугунного оленя занесло снегом, но на спине не было и снежинки. Окна были закрыты ставнями, парадная дверь заперта. Лорри протянула руку к воротам и попыталась открыть засов. Но тот не поддался. И почему-то Лорри понимала, что на этот раз карабкаться через ограду нельзя. Понутив голову, она пошла дальше. До дома оставался всего квартал.

Кэти, думала Лорри, она должна объяснить всё Кэти. Когда она звонила к Локнерам, ей было немного не по себе. Дверь открыл Роб.

— Кэти? Она обедает у Бесс Кэлдер. Они все прямо-таки сдвинулись из-за этой Валентиновой ярмарки. Валентинки! — рассмеялся он. — Они для девчонок.

— Передай Кэти, что я хочу с ней поговорить, — попросила Лорри. Впрочем, она была уверена, что если и увидит Кэти, то только по своей инициативе. Сама Кэти и пальцем не пошевелит.

Её подозрения полностью подтвердились. На следующее утро она сидела в коридоре перед дверью Локнеров,

никак не решаясь позвонить. Но Кэти так и не появилась, и Лорри чуть не опоздала, проскочив за парту за секунду до того, как миссис Рэймонд закрыла дверь. Кэти уже сидела на своём месте, и у Лорри не было времени, чтобы поговорить с ней.

На большой перемене дело пошло ещё хуже. Когда прозвенел звонок, Кэти попросила разрешение провести заседание комитета в классе, и Лорри вместе со всеми пришлось выйти, а Кэти с подругами остались у стола миссис Рэймонд. До самого конца дня Кэти избегала Лорри, и у той лопнуло терпение. Больше она, Лорри, ничего не будет объяснять. У неё есть чем заняться, и сегодня же она зайдёт в Дом-Восьмистенок. А если ворота будут заперты, она просто перелезет, вот и всё! Ей надо срочно увидеть мисс Эшмид.

Но сегодня ворота гостеприимно открылись под её рукой. Лорри запыхалась, потому что бежала почти всю дорогу из школы. Тётя Маргарет поймёт, если она немного задержится. Тётя Маргарет тоже думает о строительстве. На этой неделе встреча с комиссией, и мисс Эшмид должна как-то доказать важность Дома-Восьмистенка.

Лорри обежала вокруг дома и постучала в чёрный ход. Впервые Халли не ответила. Испугавшись, Лорри потянула засов. Тот подался, и она вошла в прихожую.

— Халли?

Дверь на кухню была закрыта, а та, что вела в комнату мисс Эшмид, — приотворена.

— Мы здесь, Лорри.

Лорри дёрнула молнию, мгновенно стянула лыжный костюм, повесила его на вешалку, а сапоги засунула под неё. Войдя в комнату, она замерла, испуганно оглядываясь вокруг. Халли сидела у длинного стола. Вокруг стояло несколько высоких картонных коробок с рекламой какого-то стирального порошка по бокам (в этой комнате они смотрелись так же не к месту, как штабель грязных досок).

Сабина стояла на задних лапках, царапая картонную стенку и тщетно пытаясь заглянуть внутрь коробки. А Халли укладывала в соседнюю коробку рулончики мате-

рии и мотки ленточек, которые лежали на этом столе с тех самых пор, как Лорри впервые попала в Дом. Рядом лежала стопка папиросной бумаги, в которую Халли аккуратно заворачивала всё, что складывалось в коробку.

Собираются... Халли собирает вещи! Неужели мисс Эшмид опустила руки? Неужели она собирается переезжать? Но ведь для них больше нигде нет места — для мисс Эшмид, для Халли, для всех сокровищ Дома-Восьмистенка! Их место здесь. Они не смогут жить где-то ещё и оставаться такими же!

— Большая уборка, Лорри, — мисс Эшмид тоже была занята работой. Гобелен, который был натянут на рамке, тот самый гобелен, для которого Лорри продела столько катушек ниток, лежал у мисс Эшмид на коленях, и она заворачивала его в кусок муслина.

— Вещи накапливаются, и время от времени им нужно указывать их настоящее место. Расточительно держать при себе то, чем всё равно не сможешь воспользоваться. Коробка Халли отправится в благотворительное общество, в церковь на Гордон-Стрит. Они найдут всем этим тканям лучшее применение. А здесь они просто лежали, собирая пыль, пачкаясь и тускнея. Что, что случилось, дорогая моя?

— Так вы... вы не переезжаете? Вы не уезжаете из Дома-Восьмистенка?

Мисс Эшмид протянула к ней руки, и Лорри показалось, что они коснулись её через всю комнату. Когда она оказалась рядом с креслом мисс Эшмид, руки нежно легли ей на плечи.

— Никогда не бойся этого, Лорри. Я не оставлю Дом-Восьмистенок. И Дом — настоящий Дом — никогда не оставит меня.

— Настоящий Дом?

Мисс Эшмид покачала головой.

— Придёт время, и ты поймёшь всё это, Лорри... Так ты подумала, что мы переезжаем? А мы просто убираемся. Ах, Лорри, мы пустили здесь настолько глубокие корни, что если бы нам пришлось уезжать, то произошло бы небольшое землетрясение. Не так ли, Халли?

— Истинная правда, мисс Шарлотта, истинная правда, — зацокала языком Халли. — А уборка — это не переезд, мисс Лорри. Эй, Сабина, а ну-ка убери свои лапы, живо! Я это сматывала не для того, чтобы ты вот так таскала.

Сабина пятилась по ковру с моточком, оставляя за собой длинную золотистую ленточку. Когда Халли ухватилась за другой конец, та потянула ленточку за собой, пытаясь вырвать её из пальцев Халли. В перетягивании победила Халли, женщина аккуратно смотала ленточку обратно и спрятала её в коробку.

— Такой генеральной уборкой нужно заниматься хотя бы раз в году, — продолжала мисс Эшмид. — И порой в уборке нуждаются не только дома. Но Лорри, ты всё ещё встревожена. Ну-ка, расскажи, что случилось.

— Завтра вечером будет собрание комиссии, мисс Эшмид, насчёт шоссе.

— И ты думаешь, что я не смогу там быть. Но туда пойдёт мистер Трастон, который будет защищать мои интересы.

— Я тут подумала, а что, если написать письмо в газету, или на телевидение и радио — тётя Маргарет сказала, что этот дом — музей. Музеи — очень важная вещь, их нельзя сносить. Может быть, если бы люди захотели, то Дом-Восьмистенок мог бы стать музеем.

Мисс Эшмид медленно улыбнулась.

— Музей. Да, Дом стал настоящим музеем за все эти годы. Но это музей не для каждого. У музея нет настоящей жизни, он полон вещей, застывших во времени, и пребывающих в неподвижности. Те, кто посещают музеи, любят смотреть в прошлое. Но те, кто по-настоящему привязан к прошлому... их становится всё меньше и меньше.

Она огляделась кругом.

— Здесь, Лорри, собраны сокровища, которые, может быть, действительно должны находиться в таком месте, где о них заботились бы и показывали их тем, кто сумеет оценить их историю и красоту, как твоя тётя. Но в Доме есть и другие сокровища, которые нельзя измерить мер-

ками внешнего мира. Нет, дорогая моя, хотя твой план и хорош, он не сможет защитить Дом-Восьмистенок. Но, — тут она снова посмотрела на Лорри, — ты не должна печалиться об этом. Поверь мне, для этого есть решение. Тебе нечего бояться за Дом-Восьмистенок. Совершенно нечего бояться.

И Лорри поверила ей. Девочка с облегчением вздохнула. Мистер Трастон, наверное, суперадвокат.

— А ты, Лорри, как дела у тебя? Пока будешь рассказывать, можешь привести в порядок вот эти клубочки.

И Лорри уселась на своё старое место и принялась распутывать и сматывать обрезки тканей и обрывки ниток, оставшиеся от вышивки, аккуратно заправляя торчащие хвостики. Неожиданно она обнаружила, что говорит о Кэти и о своих бедах, которые навлекла на неё собственная задумчивость.

— Валентинова ярмарка, — медленно повторила мисс Эшмид. — Валентинова ярмарка, чтобы собрать для школы деньги. Лорри, видишь тот толстый альбом, вон там, на нижней полке? Принеси его сюда.

Лорри быстро вернулась с большим альбомом. Он был переплетён в тёмно-красную кожу с вытисненными маленькими сердечками в венках из цветов. В уголках рисунка ещё сохранились тоненькие золотые полосы.

— Возьми это с собой, Лорри. А вечером скажешь Кэти, что хочешь показать ей что-то особенное. И скажи Кэти, что если она заинтересуется этим, то пусть делает то, о чём подумает. А ты ей поможешь.

— А что... — Лорри собралась было открыть альбом, но мисс Эшмид остановила её.

— Нет. Откроешь его вместе с Кэти, моя дорогая. И запомни — скажешь ей, что поможешь. Это всё. И, наверное, тебе пора идти, уже поздно. Будешь уходить — выпустишь Сабину. И не беспокойся о нас, Лорри. Мы прекрасно управимся со строительством.

Мисс Эшмид сказала это так убеждённо, что Лорри тоже поверила в это.

Чарльз

Альбом оказался большим, слишком большим, чтобы спрятать его в сумку, и Лорри всё время боялась, что уронит его в снег. Поэтому, наконец входя в подъезд, она с облегчением вздохнула.

— А я соображу с печеньем...

Лорри застыла на пороге. В подъезде стояли Кэти и Бесс. Когда она вошла, обе обернулись.

— Привет, Лорри, — сказала Бесс с таким видом, словно не знала, что сказать, и поэтому выбрала первое, что пришло в голову.

— Привет, — Лорри направилась прямо к Кэти. Конечно, Кэти могла повернуться и гордо уйти вверх по лестнице, прямо на глазах у Бесс. Но всё равно — с того злосчастного классного собрания это был самый удачный момент, чтобы поговорить с ней.

— На этот раз, Кэти, тебе придётся выслушать меня.

— И не подумаю, — фыркнула Кэти. Но Лорри встала прямо перед ней:

— Я вовсе не собиралась вредничать, Кэти, когда не поддержала тебя на собрании. Я просто думала о другом, очень важном, и совсем забыла про всё остальное.

— Забыла, как же! — Кэти ухмыльнулась. — Как будто ты...

— Я забыла, Кэти Локнер, и это правда, самая настоящая правда!

— Интересно, что же это такое важное, что ты забыла обо всём остальном? — на этот раз Кэти говорила не так уверенно.

— Для меня это было очень важно. Слушай, — Лорри показала ей альбом, — я хочу тебе кое-что показать. Мисс Эшмид сказала, что это просто необходимо.

— А кто такая мисс Эшмид?

— Леди, которая живёт в Доме-Восьмистенке.

— Это та старая ведьма! — вмешалась Бесс.

Лорри резко обернулась.

— Ты возьмёшь свои слова обратно, Бесс Кэлдер, ты немедленно возьмёшь свои слова обратно! Мисс Эшмид

хорошая. Она пригласила меня и тётю Маргарет к себе на Рождество, и там было просто чудесно. И Дом-Восьмистенок очень красивый.

— Старая развалина, — взвизгнула Бесс. — Мой папа так говорит. И его снесут, а вместо него проложат дорогу, вот так-то, Лорри Маллард! Забирай ведьмину книгу и убирайся. Кэти и я заняты делами комитета, а ты — ты не в комитете. Кэти тебя не примет, после того, что ты сделала!

Но Кэти всё ещё смотрела на альбом в руках у Лорри.

— А что это?

— Это альбом. Я тоже в него ещё не заглядывала. Мисс Эшмид сказала, чтобы мы посмотрели вместе. Пошли наверх... — тут Лорри заколебалась, косо посмотрела на Бесс и добавила, — давайте все поднимемся наверх и посмотрим.

— Ну, хорошо, — согласилась Кэти. — Поднимайся, Бесс. Позвони маме и скажи, что остаёшься у нас обедать. Всё равно уже почти пять.

— Да по какому праву она лезет в наш комитет?

— Кто говорит об ярмарке? Мисс Эшмид просто попросила показать книгу Кэти.

— А откуда она меня знает?

— Я рассказала ей, что случилось, и как мне жаль, что я так забылась. И мне действительно очень жаль, Кэти, извини меня. Ты просто не давала мне сказать это раньше.

— Ну, ладно. Пойдём, Бесс, посмотрим — нас не убудет.

Лорри отперла дверь и прошла в гостиную. Там она положила книгу на журнальный столик. Мгновение спустя она открыла толстую кожаную обложку и они увидели первую страницу альбома.

— Валентинки! — воскликнула Бесс.

Да, это были валентинки, приклеенные к страницам... но какие валентинки!

— Ой, посмотрите на эту кругленькую! — потрогала Кэти открытку пальцем. — Какие цветы, это же настоя-

шая вышивка! Вы только посмотрите! А два ангелочка с венком из роз!

— А вот эта? Это бумажная кукла, а, Лорри? — присмотрелась Бесс. — А платье на ней, ух, какое старинное!

— А вот ещё какая! В середине — атлас, на нём нарисована леди, а вокруг — бабочки, — Кэти увидела ещё одно чудо. — Ой, Лорри, я и не думала, что раньше валентинки были такие — с кружевами и цветочками, с птичками, бабочками...

— Они куда красивее, чем наши сегодняшние. Ой, а вот какая — с расписным веером, шнурочком и кисточкой!

— Они очень старые, — задумчиво проговорила Лорри. — Но вот эти узоры — как кружева на бумажных салфетках. У тёти Маргарет есть немного таких салфеток под блюдца.

— Цветочки, птички, — Бесс потрогала одну пальцем. — По-моему, в книжном магазине продаются такие переводные картинки — есть с цветами, а есть с птицами. Первоклашки ещё клеят их на тетрадки.

— А здесь настоящие кружева, — Кэти наклонилась, чтобы получше рассмотреть. — Я видела такую тесьму в магазине тканей, с такими же маленькими розочками.

— А вы не видели новогодние открытки Лизабет? Подождите, я сейчас покажу, — Лорри отложила альбом в сторону и подошла к столу.

— Она сама их делает. Я спросила, где она берет картинки, разные золотые звёздочки и листочки, и она сказала, что знает один магазин, и там их сколько угодно. Они их из Германии привозят. Вот, посмотрите, разве этот ангелочек с открытки не похож на вон того?

Кэти взяла новогоднюю открытку и сравнила их.

— Похож, — с неохотой признала она.

— И Лизабет может показать, где тот магазин.

— Но вы же с Лизабет не в комитете! — Бесс выпрямилась на кушетке. — Кэти? — она посмотрела на подругу, ища поддержки.

Кэти разглядывала альбом.

— Послушай, Бесс, мы хотим собрать деньги для подарков старшеклассникам, так? Мы будем продавать пирожные и печенье, как обычно. Но такое — такого раньше ни разу не делали. И я могу поклясться, что даже взрослым это понравится. Однажды я с мамой ходила в гости к её знакомой, миссис Лейси, она живёт на Лейклэнд Хайтс. Так вот, у неё на журнальном столике под стеклом лежали такие же валентинки.

— Да, но то были старые валентинки, как в этом альбоме, — возразила Бесс, — а не такие, как делают сейчас.

— Но они очень красивые, и поэтому их не выбрасывают. Скажи, Бесс, сколько валентинок в прошлом году у тебя задержалось больше, чем на две недели?

— Ну... парочка, — задумалась Бесс.

— И ты сохранила их не потому, что они были красивые, а потому, что их послал кто-то особенный. Правда?

— Ну, так.

— Вот. А если продавать такие, как эти, то, может быть, их будут хранить дольше.

— Но мы не можем торговать этими.

— Я сказала, такие же, как эти.

Кэти снова пригляделась к новогодней открытке Лизабет.

— Лорри, ты сказала, что Лизабет знает магазин, где продаются такие фрагменты. Ты не можешь спросить у неё, где это?

— А ты сама спроси у неё, Кэти, — спокойно ответила Лорри. — Лизабет сделала такую открытку, она наверняка много об этом знает.

Кэти покраснела. Затем председатель комитета встряхнул головой.

— Ладно, я спрошу. А пока, Бесс, мы расширим наш комитет. Мы пригласим Лорри и Лизабет, если они согласятся.

— Но остальным девочкам это не понравится, — заметила Бесс.

— Почему это? Мы хотим устроить лучшую Валентинову ярмарку, так? А такого не делал раньше ни один

класс. Мальчишки собираются устроить кукольное представление, киоск с записями, а Джимми Парвис будет показывать свои слайды с животными. Но они всегда устраивали что-то похожее, точно так же, как девочки всегда торговали сладостями и печеньем. А это — кое-что новенькое, и я думаю, что это сработает!

— Но просить Лизабет...

Кэти резко повернулась к Бесс.

— Ладно, Бесс, скажи прямо! Скажи, что не хочешь быть с ней в одном комитете.

— Но ты тоже говорила так, и ещё говорила... — Бесс осеклась под осуждающим взглядом Лорри. Кэти залилась краской.

— Да, — созналась она тихим голосом. — Говорила.

— А теперь, только потому, что она что-то может сделать для комитета, ты уже готова умолять её! — злорадно добавила Бесс.

Лорри перевела взгляд с Бесс на Кэти, которая уже была красной, как помидор. Наверное, это всё было правдой. Но она помнила, что сказала тётя Маргарет: людей разделяют стены, потому что они не знают друг друга. А если они познакомятся друг с другом поближе, то эти стены разрушатся.

— Лизабет славная, — начала Лорри, — и она очень умная. Она чуть ли не самая умная в классе, и вы обе это знаете. Она так или иначе должна быть в комитете, и я думаю, что если Кэти попросит её как положено, то Лизабет согласится.

— Это как же «как положено»? — не унималась Бесс.

— Пусть скажет, что Лизабет может помочь классу, — тихо ответила Лорри. — Ведь комитет собирался ради этого. Чтобы все мы работали вместе, чтобы каждый делал, что может, даже если каждый делает своё.

Кэти кивнула.

— Да. Я попрошу её. Потому что она умеет работать. Сандру Тоттрелл тоже не все любят, но мы же пригласили её, потому что она умеет делать отличную помадку. Разве не так, Бесс?

Бесс надулась.

— Делай, что хочешь, — проворчала она. — Это твой комитет.

— Это наш праздник, — ответила Кэти. — Лорри, не сможет ли мисс Эшмид одолжить нам этот альбом ненадолго? Мы срисуем оттуда кое-какие идеи. Скажи, что ты приглядишь, чтобы с альбомом ничего не случилось, и что мы будем очень осторожны.

— Спрошу.

— Сегодня вечером пройдемся по нему ещё раз и составим список, что нужно купить, — продолжала Кэти, — ленточки, переводные картинки, бархатная бумага. И в субботу, может быть, что-то уже удастся купить. А завтра, на большой перемене, если ты сможешь принести альбом, Лорри, мы покажем его девочкам и решим окончательно.

— Я попробую, если мисс Эшмид разрешит.

— Ну ладно. Бесс, пошли, пообедаешь с нами, а потом нужно будет позвонить другим девочкам из комитета. Спасибо, Лорри, и поблагодари мисс Эшмид.

Когда тётя Маргарет вернулась домой, Лорри показала ей альбом, и объяснила, в чём дело. Но тётя покачала головой.

— Лорри, эти старые валентинки — то, что называется «коллекционными вещами», и они стоят очень больших денег. Мне не нравится, что ты принесла их сюда, и уж точно ты не понесёшь их завтра в школу.

— Но мисс Эшмид дала мне альбом и велела показать Кэти...

— Показать Кэти у нас дома, а не таскать в школу, где с ними может случиться всё, что угодно. Нет, Лорри. И я думаю, что мы не должны оставлять их здесь. Я забрала из проявки рождественские фотографии и хочу отнести несколько мисс Эшмид. Поэтому после обеда мы отнесём книгу назад. Она слишком дорогая, чтобы так беззаботно с ней обращаться. Мисс Эшмид может не знать их настоящей цены.

Лорри торопливо листала страницы альбома, чтобы составить список нужных вещей. Но смогут ли они сделать хоть что-нибудь без образцов из альбома? А то может

получиться так, что она убедила Кэти заняться несбыточной идеей.

Когда Лорри с тётей Маргарет подошли к Дому-Восьмистенку, его фасад был тёмным. Но Лорри уверенно толкнула ворота и они открылись. Обходя дом, девочка заметила свет лампы и мерцание свечей в окнах красной комнаты. Казалось, их ожидали — Халли открыла дверь, не успели они постучать.

— Заходите, заходите! Ох и замёрзли, должно быть! — тепло заулыбалась она. — Ну-ка, быстрее заходите, мисс Лорри, и сразу марш к огню, греть нос и пальцы!

Тётя Маргарет постучала в дверь мисс Эшмид, и услышав тихий ответ, вошла, сжимая в руках альбом. Всю дорогу она несла его в пластиковом пакете, словно боялась, что с ним что-нибудь случится. Но когда Лорри собралась идти следом за тётей, Халли ухватила её морщинистой старой рукой за плечо, и слегка подтолкнула в сторону кухни.

Лорри с удивлением вошла на кухню. Она была такой тёплой и приветливой. На скамеечке у плиты сидела Сабина. Халли подошла к столу и подхватила лопаточкой с противня горячее, только что испечённое печенье.

— А я словно знала, что кто-то в гости придёт. Ну-ка открой рот, деточка, а потом скажешь, как получилось.

Лорри попробовала раз, потом ещё раз и ещё, пока всё печенье не исчезло.

— Ммммм, вкуснотища! Как здорово, Халли!

— Ты не первая, кто так говорит, Лорри. Эй, Сабина, что там ещё?

Сабина прыгнула со скамеечки и теперь мяукала у второй двери из кухни, той, которая вела в небольшой коридорчик.

— Выпусти её, детка. У неё свои привычки, не как у людей.

Лорри открыла дверь. Она уже догадывалась, чего хочет Сабина. Кукольный домик — она ведёт её к комнате с кукольным домиком. Лорри пошла вслед за кошечкой, облизывая с пальцев последние крошки печенья.

В окно комнаты ярко светила луна, и в её свете

шёрстка Бевис отливала серебром. Лорри обошла домик кругом. Странно, но она увидела, что его окна освещены. Слабый отсвет маленьких ламп и свечей, хотя внутри не было видно ни одного огонька. Она так старательно заглядывала в окна, что не заметила и ударилась ногой о наполовину открытый ящик в деревянном основании домика.

Это был ящичек поменьше, чем остальные, как раз под комнатой с рисунком на полу. И в отличие от первых двух, что она открывала до этого, в нём лежала только одна кукла.

Это была кукла мужчины, в форме, с маленькой саблей на поясе. Лорри разглядела серый китель со стоячим высоким воротничком и золотыми шевронами на обшлагах. Конфедерат! Худое скуластое лицо и длинные тёмные волосы. Его глаза казались живыми, так пристально они смотрели на девочку.

Лорри попыталась открыть заднюю стенку домика, как она делала это раньше, ожидая, что та откроется. Но крепко закрытая стенка не поддавалась. Тогда Лорри попробовала соседнюю стену — и та отошла в сторону, открыв гостиную, переднюю и столовую, которая сейчас была бархатной комнатой мисс Эшмид.

В гостиной на мебели не было чехлов, а в камине горел огонь. Она поставила солдата рядом с камином и сразу поняла, что он должен стоять именно там. Лорри закрыла стенку домика и шагнула к Бевис. И в этот раз снежная круговерть окутала девочку, прежде чем она успела взобраться в седло. Она услышала храп Бевис и обернулась на звук. Она по-прежнему стояла в лучах лунного света. Но стояла на улице, и снег ярко блестел под луной. Бевис забила копытом и снова заржала.

Они стояли у конюшни, над дверьми которой висел фонарь.

— Мисс Лотта, они там обшаривают весь берег. Нельзя ехать, говорят вам! — раздался протестующий голос.

— Но я поеду не вдоль реки, Финеас. Я поеду в деревню.

— Да всё равно вам их не миновать, мисс Лотта. Они

народ грубый. Позвольте, я поеду. Я доведу записку священнику.

— Финеас, а что, если бы я не вышла на улицу в ту ночь, которую мы оба прекрасно помним, или в ту ночь, которой Коул никак не может забыть?

— Но, мисс Лотта, ведь там мятежник, который сбежал из лагеря. Он опасный, мало ли что ему в башку взбредёт! Говорят, что он убил человека, который хотел его остановить.

— Говорят, говорят! Они всегда говорят много всякой всячины, Финеас. Но насколько я заметила, пока никто не назвал ни имени убитого, ни повторил одну и ту же историю два раза подряд. По крайней мере я не слышала. Нет, Финеас, я еду в деревню, а что будет потом — это дело случая. И не бойся за меня, уж за кого-кого, а за меня не бойся.

Вновь послышалось тихое ворчание и дверь конюшни открылась. Белая лошадь, точь-в-точь, как Бевис, вышла наружу, и на спине у неё боком сидела женщина. Она нимало не удивилась, увидев на дорожке Лорри, даже улыбнулась ей.

— Ночь холодная, но светлая, Лорри. Поскачем? — Лотта подъехала к девочке, нагнулась и помогла ей влезть в седло. Но когда они выехали на дорогу, которая петляла так же, как в своё время будет петлять Эш Стрит, она больше не проронила ни слова.

Со стороны реки Лорри заметила мелькающие огни, раз или два услышала отдалённые возгласы. Она поёжилась. Снова, как в тот раз, когда люди с собаками охотились за Коул, облако страха коснулось их даже здесь.

— Говорят, что человек — самое опасное животное, Лорри. Но в эту ночь самые опасные — это охотники, а не их жертва.

— А за кем они охотятся?

— Заключённый сбежал из лагеря на Севере. Измученный человек, который пытается добраться домой. К разрушенному домашнему очагу и проигранной войне.

— И... и вы его знаете?

Лотта поглядела на неё, не говоря ни слова. Затем кивнула.

— Я знаю, что он есть, догадываюсь, почему он стал таким. А самого беглеца я не знаю.

— Однако вы собираетесь помочь ему — так же, как помогали другим?

— Может быть, Лорри... только может быть. Я не могу повлиять на выбор Дома. Он даёт убежище по своему выбору, а не по моему желанию. Конечно, и мы кое-что можем. Мы можем прясть и ткать, шить и сучить. Но есть и другие, не менее сильные искусства, которыми мы не владеем... хотя и должны подчиняться им.

— Не понимаю...

Лотта снова улыбнулась.

— Пока нет, Лорри, пока нет. Но настанет время, и ты поймёшь. Если бы ты не была тем, что ты есть, то Дом не открылся бы перед тобой даже настолько. Потому что Дом сам выбирает своих жильцов. Но последний выбор всё же остаётся за тобой. Теперь, Лорри, пожалуй, пора сворачивать в лес. Там у реки довольно шумные охотники и, кажется, они уже давно забыли, что значит выследить жертву так, чтобы она этого и не слышала.

Она подняла хлыст и отодвинула в сторону низко нависшую ветку. Потом нырнула под неё и повернула направо. Лорри поехала следом. За их спинами ветвь встала на место. Им открылась очень узкая дорожка, такая узкая, что пришлось ехать, прячась друг за друга. Голые стволы деревьев так тесно стояли рядом, что образовали будто две стены. Лотта то и дело останавливалась. В полутьме Лорри никак не могла понять, что женщина делает. Наконец догадалась — Лотта прислушивалась.

Неожиданно Лорри сама повернула голову. Ей послышалось, или это на самом деле тонкий, еле слышный крик? Или... Она опять вздрогнула. Лотта свернула вправо, где лес был пореже. Им приходилось низко нагибаться в седле, потому что перед ними больше не было дороги, они просто ехали сквозь лес. Наконец они приблизились

к ограде, сколоченной из досок крест-накрест, и Лотта поехала вдоль этой ограды.

Вдруг Лорри выпустила из рук поводья и прижала руки к ушам, судорожно вздохнув. Вопль раздался буквально у неё в голове, и это было так больно! Это было слишком близко, слишком уж рядом.

Она услышала, как Лотта произнесла какое-то бессмысленное слово. И ужасный звук так же неожиданно оборвался, словно заглушённый этим словом. Лотта снова заговорила-запела, не как в ту ночь, когда они нашли Коул, а по другому, словно она звала кого-то и ждала ответа.

Снег на поле за оградой был чистым и нетронутым следами. Но чуть дальше, за углом, что-то пошевелилось. Лорри ничего не могла поделать: ей было страшно. Когда она сидела в санях, она чувствовала страх, который испускали стражники, страх Коул, но это было что-то другое. Ей показалось, что Лотта, которая была так близко — только руку протяни, куда-то исчезла, и Лорри осталась наедине со странным созданием, подбиравшимся к ней.

Двигавшаяся тень превратилась в человека. Человека, медленно поднимавшегося на ноги, опираясь о забор. Он обречённо ждал, пока они подъедут к нему, не делая ни шагу вперёд.

Лотта подъехала к нему, а Лорри даже не смогла сдвинуться с места. Впрочем, она была недалеко и слышала голос Лотты.

— Кто вы?

— Кто знает Зов? — ответил ей хриплый голос. — Боюсь, я не тот, кого вы ждали увидеть. Мне дали этот Зов, как крайнее средство, когда всё остальное не помогает. Сейчас как раз такая ночь. И сила Зова... это чужая сила. Я не хочу казаться большим, чем я есть.

— К счастью для вас. Если необдуманно звать к таким силам...

— ...от этого мне не будет хуже, чем сейчас, леди. Слегка повысьте ваш голосок — и эти чурбаны, которые

обшаривают берег, легко избавят вас от такой мелочи, как я. Да сейчас, наверное, мне и самому уже всё равно...

— Вы можете идти?

Голос Лотты показался Лорри холодным и требовательным.

— В определённой степени, мэм. Я бежал, я полз, может быть, у меня ещё осталось немного сил, чтобы идти... но недалеко.

Тень отделилась от ограды, качнулась в сторону Лотты и уцепилась за её юбку. Раздался треск разрываемой ткани и человек чуть не упал на колени. Лотта нагнулась и подхватила его за плечо.

— Хватайтесь за стремя! — скомандовала она. — Лорри, возвращайся на дорогу и смотри — смотри, чтобы они не вернулись с моста.

Лорри повернула Бевиса на тесной дорожке между оградой и лесом. Как она найдёт в лесу дорогу обратно? Но Бевис уверенно двинулся вперёд, и она предоставила коню самому выбирать путь. И оказалась права, вскоре они очутились на той самой узкой тропинке. Лорри прислушивалась, не слышно ли криков, означающих, что поиск движется от реки к Дому. Так она доехала до закрывавших тропинку ветвей и выглянула на дорогу.

Огни факелов сблизились, словно люди, носившие их, собирались в группу. Что делать, если они пойдут к Дому?

— Лорри? — тихо окликнули её сзади.

— Они собираются у моста, — не оборачиваясь, ответила девочка.

— Мы должны пересечь дорогу до того, как они подойдут ближе. Это недалеко, вы должны дойти! — Лотта, должно быть, говорила с мужчиной.

— Скажите это моим ногам, мэм. Сейчас как раз тот случай, когда дух силен, а плоть слаба... очень слаба.

— Помоги, Лорри, закрой Бевисом дорогу, отгороди нас от моста. Ты понимаешь?

— Да, — Лорри приподняла ветку, загораживавшую тропинку. Лотта выехала на открытое пространство, её лошадь ступала медленно и осторожно, а рядом тяжело ковыляла тёмная фигура. Они выстроились на дороге в

ряд — Лорри подъехала с другой стороны. Бевис подстроился в ногу с лошадей Лотты, так, чтобы незнакомец мог идти между ними.

Так они и возвратились к Дому-Восьмистенку. Но когда они наконец добрались до дорожки, ведущей к конюшне, Лорри услышала хриплое дыхание мужчины и увидела, как он шатается, словно не может больше стоять. Лотта схватила его за плечо.

— Позови Финеаса, — приказала она. Лорри отъехала в сторону, пустив Бевиса рысцой, соскочила у конюшни и бросилась к двери.

— Финеас!

Финеас выбежал наружу, промчался мимо Лорри, словно не замечая её, и устремился по дорожке к Лотте.

— Я тут! — он был уже рядом с незнакомцем, поддерживая его.

— Лорри, лошадей в конюшню, быстро! Они идут!

Лорри похватила лошадь Лотты под уздцы. Лотта соскочила на землю, подхватила незнакомца с другой стороны и с помощью Финеаса повела его к чёрному ходу, через палисадник. Лорри отвела Бевиса и лошадь Лотты в конюшню, завела обоих в стойло, закрыла двери и бегом бросилась к медленно шагавшей вперёд тройце.

Теперь она уже отчётливо слышала голоса людей на дороге. Лотта была права, охотники уже совсем рядом.

— По ступенькам!

— Я... не могу.

— Ты должен! — властно приказал голос Лотты.

И откуда-то в нём нашлись силы, потому что они всё-таки преодолели эти четыре ступеньки и дверь в прихожую.

— Скорее!

Они изо всех сил тащили его вперёд, Лорри шла следом. Когда они ввалились на кухню, что-то упало на пол и Лорри подобрала этот предмет. Коул стояла у стола, но увидев их, бросилась открывать дверь в коридор, а затем, забежав вперёд, — двери в зелёную спальню и в комнату с рисунком на полу. Финеас и Лотта опустили мужчину в кресло и его голова откинулась на высокую спинку, борода уставилась в потолок. Он зарос бородой

почти до ушей, глаза глубоко ввалились. Он был страшно худой, одежда изорвана, и всё время дрожал, словно уже давно по настоящему не грелся. Лотта обернулась к Финеасу:

— Присмотри за лошадьми!

— Угу! — и он исчез.

Затем она приказала Коул:

— Бульон и одеяла!

Но Коул не двинулась с места, глядя на неподвижного мужчину. Затем она подняла глаза на Лотту.

— Он — один из них...

— Ну и что же? В этой комнате, в этом доме — и ты ещё задаёшь такие вопросы, Коул?

Они посмотрели друг другу в глаза, и Лорри показалось, что они каким-то образом говорят между собой, на языке, которого она не понимает.

— Разве он оказался бы здесь, если то, что ты думаешь, было бы правдой?

Коул медленно покачала головой. Затем и она исчезла.

Незнакомец в кресле, кажется, начал приходить в себя. Он пошевелил ногами, и Лорри увидела, какие большие дыры протёрты в подошвах его сапог. Его руки оторвались от ручек кресла и зашарили по куртке, которая застёгивалась очень просто — кусочками бечёвки, проде-тыми сквозь дыры.

— Где... где... — он открыл глаза и провёл рукой по куртке, словно разыскивая что-то, что лежало там.

Тогда-то Лорри и посмотрела в первый раз, что она держит в руках. Это была маленькая плоская деревянная коробочка, квадратик размером около шести дюймов. Внутри были приклеены ракушки, крошечные перламутровые раковины и мелкий бисер. Это было, как картинка в рамке — сердечко, выложенное из тёмно-красных бисеринок, окружённое цветами из раковин, а в середине, тоже выложенные бисером — два слова: «Навсегда Твой»

— Вы не это ищете? — Лорри протянула ему коробочку.

Когда мужчина увидел безделушку, его глаза широко

раскрылись. А затем губы искривились в усмешке и он издал странный звук.

— Мы... привязываемся к вещам, — медленно проговорил он. — Иногда слишком крепко. Я... делал это, чтобы не сдохнуть... Даже в том адском лагере это помогало мне не сойти с ума. Но... но теперь... всё. Теперь в этом нет нужды.

Он взял из рук Лорри перламутровую картинку.

Сжав её в руке, он даже немного выпрямился и, оглядевшись вокруг, увидел Лотту.

— Чего бы это ни стоило в этом безумном мире, — начал он, — моё имя Чарльз Дюпри, ваш вечный слуга, мэм. И если я ещё не окончательно потерял счёт дням, то сегодня у нас вроде как праздник.

Похожий на бородатое пугало, он грациозно склонился перед Лоттой.

— Может быть, — тут он раскашлялся и виновато улыбнулся, — может быть, теперь я могу сказать это. Мадам, будьте моей... валентиной!

Лотта подхватила коробочку, выпавшую из его рук. Он бы и сам упал на пол, если бы женщина не толкнула его обратно в кресло.

— Лорри! Стена!!! — она не давала Чарльзу упасть с кресла. — Нажми на два конца средней полки, на два конца одновременно!

Лорри широко раздвинула руки. Кончики её пальцев еле-еле доставали до краёв полки. Она нажала изо всех сил. И отскочила назад — стена повернулась. За ней открылась крошечная треугольная комната с совсем узкой щелью окна.

В дверях показалась Коул. Она несла кружку, над которой поднимался пар. А потом раздался громкий стук в двери, казалось, пронёсшийся по всему дому.

— Это они! — Коул молнией кинулась через комнату, поставила в потайной уголок кружку, сбросила с плеча одеяло и вернулась назад.

— Я с ним справлюсь, мисс Лотта. А вы подите поговорите с ними!

Лорри шагнула вперёд, чтобы помочь Коул, но не

успела дотянуться до кресла. Свет и темнота снова закружили кругом, чтобы снова превратиться в лунный свет и тени вокруг кукольного домика. Она медленно повернулась, глядя на стену. Стена была закрыта. Но теперь она знала. Лорри медленно подошла к пустым полкам, на которых, кажется, лишь секунду назад стояли книги. Она протянула руки, нащупала пальцами секрет и нажала. Стена не распахнулась, как тогда. Но чуть подалась. Лорри просунула пальцы в щёлку и потянула.

Вот она — маленькая пустая треугольная комната. Она действительно была там. Лорри толкнула стену на место. Как-то сразу ей стало холодно, тени показались густыми и мрачными, а полоска лунного света на полу — тонкой и бледной. Лорри захотелось назад, к настоящим людям и настоящему свету. И она шагнула, вслед за Сабиной, возвращаясь в своё собственное время.

Золотая иголочка

— Это вам, с благодарностью от всего нашего комитета, — Лорри протянула завёрнутый в папиросную бумагу пакетик мисс Эшмид. — А вот альбом. Все девочки были очень осторожны. Мы знали, что это драгоценная вещь. Большое спасибо, что вы уговорили тётю Маргарет разрешить нам взять его.

Мисс Эшмид улыбнулась, принимая пакетик от Лорри.

— Если бы я не знала, что вы будете его беречь, я бы не дала его тебе, Лорри. Нет ничего слишком ценного, чтобы не дать человеку, который действительно нуждается в этом. Помни это, Лорри. А ну-ка, давай посмотрим, что у нас там?

Она, не торопясь, развязала ленточку, развернула папиросную бумагу и посмотрела на подарок комитета.

— Это была самая красивая, — похвасталась Лорри. — Мы все вместе делали её.

Мисс Эшмид подняла валентинку так, чтобы свет падал на бумажные кружева и на букет цветов в центре, потом коснулась вырезанных из золотой бумаги витых буковок, которые так искусно вырезала Лизабет.

— Нашей Валентине, — прочла она. — Вы хорошо постарались, все вы, Лорри. Я напишу благодарственное письмо для вашего комитета. Значит, вот такие вы собираетесь продавать на вашей ярмарке?

— Мы сделали пятьдесят штук, — вновь похвасталась Лорри. — Но они не такие большие, как эта. И мы постарались скопировать из альбома самые лучшие. И миссис Рэймонд сказала, что это «произведения искусства», — гордо добавила она.

Мисс Эшмид аккуратно поставила валентинку на свой рабочий столик. Лорри повела за ней глазами, огляделась кругом... и сообразила, что комната изменилась. Она стала другой, и Лорри почувствовала, как страх кольнул её сердце. Девочка сразу поняла, почему. Длинный стол опустел, на нём больше не лежало ни моточков шерсти, ни рулончиков материи, ни вещей, дожидającychся починки.

Пальцы для вышивания оставались пустыми и отодвинутыми к стене. Хотя в камине горел огонь, и Сабина всё так же грелась на коврике у огня, и свечи ярко горели в подсвечниках — всё равно Лорри не почувствовала старого ощущения безопасности. Она тревожно посмотрела на мисс Эшмид.

— Но теперь-то вы не убираетесь... — она хотела, чтобы это был вопрос, но прозвучало это как утверждение, которому она никак не могла поверить.

— Да, Лорри, с уборкой уже почти закончено.

— Дом! Мисс Эшмид, собрание... неужели адвокат ничем вам не помог? Они же не могут снести Дом-Восьмистенок! Они не могут!

Она была так занята делами комитета, так занята с концом четверти, с контрольными — так занята, чтобы вспомнить об этом! Если бы только она сделала бы хоть что-нибудь... Это же была её идея, заинтересовать людей, чтобы они все вместе спасли дом, если бы только она уделила этому внимание, если бы она хотя бы постаралась... Лорри пробрала дрожь. Её зазнобило, когда она снова огляделась вокруг и заметила, что со стен исчезли

все такие уже знакомые картины! Что... Что же теперь будет?

— Лорри, — мягкий голос мисс Эшмид отвлек её внимание. — Ты права, время Дома быстро уходит. Но это естественный ход жизни, дорогая моя. Ничто не может оставаться неизменным, иначе это будет уход от жизни. По человеческим меркам Дом-Восьмистенок прожил долгую жизнь, много более сотни лет. Он видел вокруг множество изменений, а теперь должен изменить-ся сам.

— Но ведь его снесут! Он исчезнет, не просто изменится, а исчезнет! — Лорри вскочила на ноги, и вся горечь этих слов вырвалась из неё жалобным криком.

Мисс Эшмид больше не улыбалась. Она пристально и печально смотрела на Лорри.

— Лорри, нельзя сказать жизни «Нет» и оставаться неизменным. Когда ты пришла сюда в первый раз, ты хотела сказать «нет» переменам. Ты думала, что не сможешь найти ничего хорошего в новой жизни. Не так ли?

Она сделала паузу, а Лорри попыталась вспомнить те дни, когда Дом ещё не открыл перед ней свои двери.

— Тогда Дом мог предложить тебе кое-что. То же, что он предлагал всегда — убежище. Ты понимаешь, о чём я, Лорри?

— Убежище, — отозвалась Лорри.

— Убежище. И кое-кто из тех, что нашли путь сюда, дитя моё, были настолько изуродованы жизнью, что это убежище стало для них домом. Дом предлагает тебе единственный выбор — снова вренуться в жизнь, или остаться. Тебе казалось, что ты несчастна и одинока. Но была ли ты так несчастна и одинока, как Феба и Финеас? Как Коул и Нэки? Как Чарльз Дюпри?

Лорри никак не могла понять, что пыталась объяснить ей мисс Эшмид.

— Они пришли... Лотта привела их... потому что за ними гнались. Люди гнались за ними...

— Да, за ними охотились. Два осиротевших ребёнка. Два беглых раба. Военнопленный. Дом решил дать им приют, и в свою очередь, они решили остаться в Доме.

Тебе тоже казалось, что за тобой охотятся, но кто был охотником, Лорри?

— Джимми Парвис и... мальчишки... — начала было Лорри, пытаясь сообразить, почему. Каким глупым казалось всё это теперь. — И, наверное, что-то ещё... я скучала по бабушке и по Хэмпстеду, и мне было так одиноко. Я была такая глупая, — она почувствовала, что краснеет, — они тогда правильно говорили.

— И это казалось тебе огромной трагедией, Лорри. А как ты смотришь на это сейчас?

— Мелочь, — призналась Лорри.

— Потому что ты поняла — время может изменить многие вещи?

Неожиданно Лорри ответила вопросом на вопрос:

— Мисс Эшмид — а кукольный домик и этот дом... они одинаковые?

Она сама толком не знала, что она хотела сказать, знала только, что это очень важно.

Мисс Эшмид покачала головой.

— Я не могу сказать тебе этого. Не потому, что не хочу, а потому что в самом деле не могу. Но знай: если бы в тебе не было той силы, которая открывала тебе двери дома, ты бы не увидела и того немногого, что видела. Дом выбирает сам, он всегда сам делает выбор. А теперь, когда ты уже что-то увидела — есть все основания думать, что время откроет перед тобой ещё много-много дверей. Если ты того захочешь.

— Мисс Эшмид, но если Дом-Восьмистенок снесут, то где же будете жить вы с Халли?

Мисс Эшмид снова улыбнулась.

— Не беспокойся об этом, дитя. И, кстати, кажется, на твоём образце остался всего один ряд до конца. Может быть, мы немного повышиваем?

Она отложила в сторону валентинку и сдвинула в сторону крышку рабочего столика. Лорри взяла свою коробку с рукоделием и вынула оттуда отрезок полотна, покрытый рядами стежков. Она с удивлением посмотрела на него — образец оказался длинее, чем ей казалось. Начиная с простых обмёточных стежков и французского

узелка, потом стежок пёрышком, стежок цепочкой, потом и более сложная работа.

Тем временем мисс Эшмид достала из стода маленький свёрточек и разворачивала полоску ткани.

— А не завести ли музыкальную шкатулку, Лорри? — спросила она.

И когда в комнате зазвенела музыка, Лорри не удивилась, что мисс Эшмид снова поёт что-то на своём неведомом языке. Только в руках она держала не вышивку, не кусок кружев для починки, и не ошейник...

Ошейник, неожиданно вспомнила Лорри. Мисс Эшмид сделала тот бархатный ошейник для Сабины на Рождество. Но Сабина не носила его ни тогда, ни потом. С того дня, как он был сшит, Лорри борльше его не видела.

А что мисс Эшмид шьёт сейчас? Лорри пришлось наклониться вперёд, чтобы разглядеть, такое оно оказалось маленькое. Она снова увидела сияние золотой иглки и — мисс Эшмид шила платье!

И по мере того, как она сшивала кусочки ткани, она поглядывала на маленькую картинку, которая была завернута вместе с материалом. Наклонившись вперёд ещё немного, Лорри разглядела и картинку и неожиданно узнала леди, изображённую на ней.

Это был портрет Лотты, такой Лотты, какую Лорри видела последний раз, вместе с Чарльзом. Только вместо костюма для верховой езды на ней было прелестное платье, с бесконечными кружевами, спускавшимися волнами складок от её тоненькой талии. И мисс Эшмид копировала это платье, сшивая столь крохотные складочки, что Лорри не могла поверить своим глазам. И ещё мисс Эшмид пела. И Лорри снова поймала себя на том, что подпевает, и её собственная игла движется в такт мелодии, с лёгкостью и удовольствием.

А когда последний стежок на её образце был закончен, девочка аккуратно свернула его и уложила на дно коробки, рядом со шкатулкой, в которой лежала игольница и катушки. Теперь она просто сидела и смотрела, как мелькает золотая игла, повторяя вслед за мисс Эшмид

непонятные слова, не зная, что они значат, догадываясь только, что это — неотъемлемая часть того, что сейчас делает мисс Эшмид.

Лорри не знала, сколько времени она так просидела. Тепло и покой снова вернулись в комнату. Но вот мисс Эшмид сделала последний стежок и обрезала нитку. Платье было окончено. Она разгладила его пальцами, отложила в сторону и развернула ещё один свёрточек. Внутри лежало второе платье, розовое, с крахмальным передником.

— Ох! — вскрикнула Лорри. — Она сломалась, ваша золотая иглолка сломалась!

Мисс Эшмид больше не пела. И когда она отложила иглу в сторону, та больше не сверкала. Она была сломана пополам и теперь почему-то не казалась золотой, как будто шитьё вытянуло из неё всю жизнь, что когда-то играла внутри.

— Её работа окончена, дорогая моя, — в голосе мисс Эшмид не было сожаления. — Она была очень старой и израсходовалась вся, до конца.

Лорри ещё раз посмотрела на кукольные платья. Она хотела спросить, зачем мисс Эшмид сшила их, но почему-то не могла. Почему-то такой вопрос казался ей грубым и бестактным.

А мисс Эшмид завернула платья и отложила их в сторону. Потом закрыла крышку рабочего столика.

— А теперь, Лорри, если ты принесёшь мне перо и бумагу, я поблагодарю ваш комитет за чудесный подарок.

Пока мисс Эшмид писала, Лорри подвинулась к камину. В комнате теперь стояла такая тишина, что было слышно даже поскрипывание пера о бумагу, даже шорох розового язычка старательно умывающейся Сабины. Лорри очень не нравилась такая тишина. И Халли? Куда же делась Халли? Она прислушалась, стараясь уловить хоть какой-нибудь шум на кухне. Наверное, стены старого дома были слишком толстыми, потому что если Халли и была занята на кухне, то слышно всё равно ничего не было.

Мисс Эшмид запечатала конверт сургучом, а затем

вынула из какого-то кармана своей широкой юбки ещё один.

— Лорри, я попрошу тебя сделать одну вещь, которая очень важна для меня. И я прошу тебя не задавать никаких вопросов, просто сделать — и всё. Я могу на тебя положиться?

— Да, мисс Эшмид.

— Когда ты будешь уходить, то в замке чёрного хода найдёшь ключ. Ты закроешь дверь, положишь ключ в этот конверт, запечатаешь его и бросишь в почтовый ящик на углу.

— Мисс Эшмид! — Лорри осмелилась перехватить руку с конвертом. — Мисс Эшмид, что вы собираетесь сделать?

— Я же сказала, никаких вопроосов, Лорри. И не бойся, тебе нечего бояться. Я ведь говорила тебе как-то, вера очень важна. Так поверь мне сейчас.

Лорри взяла конверт.

— Да.

— А теперь, Лорри, уже поздно.

Но Лорри не пошла к дверям, как обычно.

— Пожалуйста — я увижу вас ещё?

Мисс Эшмид улыбнулась. Сабина пробежала через комнату и вскочила к ней на колени.

— Я думаю, да, Лорри. Помни, верить очень важно. Верить и видеть сердцем так же зорко, как и глазами. Всегда помни это. А сейчас — до свидания, Лорри.

— До свидания, — Лорри больше не должна была задерживаться, ведь они уже попрощались, но почему-то она боялась выйти из комнаты. Она боялась, что если выйдет сейчас, то больше никогда не увидит мисс Эшмид снова. Дойдя до двери, она обернулась и ещё раз посмотрела на неё.

Мисс Эшмид гладила Сабину, устроившуюся на коленях у своей хозяйки. По углам комнаты сгущались тени, постепенно подступая к середине.

— А можно мне попрощаться с Халли?

— Конечно, дорогая моя. Если найдёшь её.

Лорри прикрыла дверь комнаты и подошла к двери на

кухню. Но дверь оказалась плотно закрытой и не поддавалась. Как это сказала мисс Эшмид — входи в любую дверь, которая откроется перед тобой... Эта дверь не откроется.

Лорри постучалась, но ответа не последовало. Как же так, она должна попрощаться с Халли! Почему-то сегодня это было особенно важно! Всё ещё упрямо прижимая сжатые пальцы к двери, Лорри крикнула:

— До свиданья, Халли, до свиданья!

И всё равно, этого было мало. Лорри вдруг встревоженно повернула обратно к двери бархатной комнаты, из которой она вышла всего несколько секунд назад. Она спросит мисс Эшмид. Но и эта дверь теперь тоже не открывалась. Она подняла руку, но не постучала. После последнего прощания нельзя больше тревожить хозяйку Дома-Восьмистенка.

Она оделась, натянула сапоги. Ключ торчал в замке, как и сказала мисс Эшмид. Девочка вышла на улицу, потом закрыла дверь. Несколько секунд неподвижно стояла, глядя на ключ в своей руке. Она только что заперла Халли и мисс Эшмид внутри. Почему? Ключ был старинный, большой и тяжёлый. Может быть, у них есть другой ключ? Может быть, Халли просто устала и легла отдохнуть, а мисс Эшмид не хотела тревожить её...

Но зачем тогда класть ключ в конверт и бросать его в почтовый ящик? Лорри повертела в руках конверт. Внутри ещё лежали какие-то бумаги, он был довольно толстый. Она положила внутрь ключ, лизнула края конверта и запечатала его. Имя и адрес — письмо было адресовано мистеру Эрнесту Трастону, адвокату!

Вера, очень важно верить. Мисс Эшмид предупредила её. И не задавать вопросов... Но всё равно, пока она шла к почтовому ящику, вопросы, не переставая, кружили у Лорри в голове.

Этот ключ не выходил из головы у девочки и пока она готовила ужин для тёти Маргарет, которая сегодня задерживалась. Она вспоминала о многом, и от этого ей всё больше и больше становилось не по себе. Золотая игла мисс Эшмид, сломанная пополам. И закрытая дверь

бархатной комнаты — мисс Эшмид не могла сама встать и запереть её за то время, пока Лорри стояла у двери на кухню. А кто тогда её запер? Халли, которая прошла вокруг, через пустую гостиную?

И раз за разом её мысли возвращались к ключу, который мисс Эшмид попросила отправить мистеру Трас-тону.

Куда могли переехать мисс Эшмид и Халли и Сабина? Лорри не могла представить их иначе, как в Доме-Восьмистенке. Они не принадлежали миру за стенами Дома. И что будет со всеми сокровищами Дома? Разве мисс Эшмид сможет забрать их с собой?

Лорри оглядела свою маленькую кухню. Невозможно представить себе Халли на этой кухне! Сюда не поместится даже её любимая плита. Неожиданно Лорри захотелось броситься на вечернюю улицу, пробежать назад, к Дому, забарабанить в чёрный ход — в запертый чёрный ход, и убедиться, что с Халли, с бархатной комнатой и с мисс Эшмид всё в порядке. Что они такие же, какими были всё то время, что она их знала. Всё то время. Несколько месяцев. Конец октября, ноябрь, декабрь, январь и неделя в феврале. Но ей казалось, что она была гостем Дома-Восьмистенка гораздо дольше.

А что будет с Бевисом и с кукольным домиком? Или — тут мысли Лорри прыгнули в другую сторону — а был ли вообще кукольный домик? Был ли он вообще?

Но мисс Эшмид знала и о Финеасе и Фебе, и о Коул с Нэки, и о Чарльзе Дюпри. И она сказала сегодня днём, что они решили остаться в покое Дома. Может быть, это значило, что они там так и живут — вечно? Лорри покосилась на часы и на кофейник, стоящий на огне. Верь мне, сказала мисс Эшмид.

Лорри вздохнула. Она глядела на стену, не замечая висящих там полированных медных украшений, которые тётя повесила, чтобы оживить тёмный уголок маленькой кухни. Теперь она вновь почувствовала тёплое ощущение покоя. Теперь — теперь она верила, что с мисс Эшмид, и с Халли, и с Сабиной — всё будет хорошо. И что бы ни

случилось с Домом-Восьмистенком — они будут в безопасности.

— Лорри? — она не услышала, как тётя Маргарет открыла дверь, и вздрогнула от испуга.

Тётя Маргарет ещё не сняла ни пальто, ни шляпки. Она выглядела очень подавленной.

— Лорри, мне очень жаль...

— Жаль чего? — Лорри с трудом оторвалась от собственных мыслей.

— Дом-Восьмистенок, — тётя Маргарет держала в руке вечернюю газету. — Шоссе... — она вздохнула.

— Я знаю. Мисс Эшмид мне сказала.

— Бедные старушки. Им как-то нужно помочь, Лорри. Куда им деваться? Я, наверное, зайду сейчас к ним, спрошу, не надо ли чем помочь.

— Мисс Эшмид сказала, что всё будет в порядке.

— В порядке? Ах, да, ты же была там сегодня днём. Может быть, она не совсем понимает. Комиссия объявила, что все протесты отклонены. Все, кто возражал, будут вынуждены переехать. А мисс Эшмид очень старенькая, крошка. И иногда старые люди не понимают, какой переезд могут устроить городские власти.

— Она знает, тётя Маргарет. Она сказала, что для Дома-Восьмистенка здесь больше нет места.

Тётя Маргарет выскользнула из пальто.

— Но ведь должно же быть! — сказала она почти яростно. — Ничего, мы ещё посмотрим, что можно сделать. По крайней мере, для несчастных старушек.

— Тётя Маргарет, — тихо спросила Лорри, — ты и в самом деле думаешь, что они — несчастные старушки?

Тётя удивлённо посмотрела на Лорри. Потом задумалась.

— Ты права, Лорри. Мисс Эшмид может быть старой, но не думаю, что она позволит кому-нибудь принимать за себя решения. И она сказала тебе, что собирается делать?

— Да... и, — и Лорри рассказала ей всё о ключе и о письме.

— Закрывать за собой дверь и отправить ключ по почте? И ты сделала это? Но Лорри, оставить их там, запертых

и... Зачем им это понадобилось? Лорри — оставайся дома, понятно?

Она торопливо натянула пальто, выскочила в коридор и убежала, даже не захлопнув за собой дверь. На какое-то мгновение удивление смешалось у Лорри со страхом. А потом к ней вернулась уверенность — она знала, что беспокоиться за мисс Эшмид и других жителей Дома-Восьмистенка не нужно. Она снова взялась за ужин, ожидая, пока вернется тётя.

И тётя вернулась быстро. Когда она снова зашла на кухню, у неё был довольно озадаченный вид.

— Просто не знаю, — пожала она плечами. — Я добежала до самых ворот... а потом, Лорри, я просто поняла, что всё в порядке. Что с ними всё в полном порядке.

Лорри кивнула.

— Я тоже это знала.

Однако тётя Маргарет ещё долго сидела на кухне с озадаченным видом. Словно у неё на глазах случилось что-то такое, во что она до сих пор не могла поверить. Хотя и видела это собственными глазами. Затем она покачала головой.

Письмо пришло в следующую пятницу. Но был праздник, и они прочитали его только вечером, так как тётя Маргарет была на ужине Ассоциации Учителей и Родителей, и они с Лорри вернулись домой только в девять вечера. Письмо дожидалось их в ящике — длинный конверт с обратным адресом в верхнем углу. И оно было адресовано им обоим — Мисс Маргарет Джерсон, Мисс Лорри Маллард.

Удивлённая тётя Маргарет прочла его вслух. В субботу утром, в одиннадцать часов, их приглашали в Дом-Восьмистенок. Подписано — Эрнест Трастон.

— Это адвокат мисс Эшмид.

— Но зачем? — тётя перечла письмо ещё раз, на этот раз про себя. — Не понимаю. Ну что ж, зато очень возбуждает воображение. Хорошо, что я завтра не работаю.

Когда на следующий день они открыли ворота Дома-

Восьмистенка, падал лёгкий снежок. У гордого оленя на спине снова намело маленький холмик, но он всё так же величаво смотрел над их головами. Лорри с грустью улыбнулась ему. «Надеюсь, он найдёт себе другой дом, когда у него отберут его лужайку и сад», — подумала она.

На снегу выиднелись чьи-то следы, как будто кто-то недавно обошёл дом кругом, и они пошли по этим следам к чёрному ходу. Тётя Маргарет постучала и дверь открылась, но отворила её не Халли, а незнакомец, который с порога спросил:

— Мисс Джерсон?

— Да, и Лорри.

Он провёл их в бархатную комнату. Лорри поёжилась. В камине больше не горел огонь. Правда, горела лампа и несколько свечей, но всё тепло и приветливость исчезли. Прямое кресло с высокой спинкой опустело. Тётя Маргарет задала вопрос, который Лорри не могла заставить себя спросить:

— Мисс Эшмид?

— Она уехала. Как и всегда, она решила всё самостоятельно. Она отправила ключ и инструкции мне по почте. Бррр — эти старые дома без центрального отопления — сыро, холодно.

Он оглянулся кругом, словно ему было всё равно, что будет и с этой комнатой, и с этим домом. Как будто ему хотелось поскорей закончить со всеми делами.

— Мисс Эшмид сделала определённые распоряжения относительно своего имущества, которые я уполномочен выполнить. Ваша племянница Лорри Маллард получает в своё распоряжение всё содержимое детской комнаты. Будьте так добры, пройдёте со мной...

— Детской комнаты... — эхом повторила тётя. — Но...

Это всё-таки очень странный дом, ещё раз подумала Лорри, когда они проходили через пустую гостиную в спальню, где теперь тоже всё было спрятано под чехлы. Потом мистер Трастон толкнул дверь, и они вошли в комнату с рисунком на полу.

Там стояли Бевис и кукольный домик — как ни в чём не бывало.

— Лорри! Кукольный домик и лошадь-качалка... — тётя Маргарет с удивлением оглядывалась по сторонам. Но теперь здесь появилось и кое-что ещё, заметила Лорри. Коробка, из которой мисс Эшмид доставала великолепные новогодние игрушки, стояла на полу, а сверху на ней лежал альбом с валентинками и коробка с рукоделием Лорри.

Тётя Маргарет медленно обошла вокруг домика, заглядывая в окна.

— Это музейный экспонат, мистер Трастон. И... у нас в квартире не хватит для него места.

— Думаю, что мисс Эшмид предвидела и эту проблему, — мистер Трастон достал ещё один листик бумаги. — Здесь сказано, что большинство внутренней обстановки дома, имеющее историческое значение, преподносится в подарок Историческому Обществу Эштона. Кукольный домик и лошадка также могут быть помещены туда на временное хранение, и будут возвращены по первому требованию вашей племянницы. Они будут храниться там в безопасности, и, несомненно, публика будет только рада видеть их. Кажется, школы проводят ежегодные экскурсии в Историческом Обществе. Но как только Лорри захочет, она сможет востребовать их обратно. А теперь, мне не хотелось бы торопить вас, мисс Джерсон, но некоторые вещи передаются в ваше распоряжение. Если вы пройдёте со мной...

— Такой чудесный дом... Иду, — откликнулась тётя Маргарет.

Лорри дождалась, пока они уйдут, а потом подошла к кукольному домику с той стооны, где была столовая — бархатная комната мисс Эшмид, которая стала ей такой родной. Хотя в комнате было темно, она заметила слабый отблеск, крохотную искорку в деревянном основании. Лорри нагнулась — да, так и есть! Золотая цепочка и семь маленьких ключиков. А восьмой был вставлен в замочную скважину.

Она повернула ключ и открыла ящик. Это был самый широкий ящик.

— Лотта, — она не коснулась ни прекрасного белого кружевного платья, ни куклы, одетой в него.

— Халли, — теперь не согнутая и старая, а такая же молодая, как и мисс Лотта, в розовом платье.

— Сабина, — маленькая, притихшая, в ошейнике с серебряными бубенчиками.

— Здравствуйте, — голос Лорри упал до шёпота. — Подождите меня.

Она тихо задвинула ящик и повернула ключ в замке. Зачем она сказала это? Ждать её — где? Как? Пока в один прекрасный день она не обзаведётся таким домом, в котором поместится этот кукольный домик? Когда у неё снова появится возможность посетить его и снова встретиться с теми, кто будет всегда, всегда жить там?

Один, два, три, четыре ящичка со своими обитателями. А что в остальных четырёх?

Она попробовала открыть следующий — пусто. Второй и третий — ничего. Но вот четвёртый — в нём лежал маленький деревянный пенальчик. Деревянная игольница. Лорри медленно открыла её. Внутри, воткнутая в бархат, стояла одна-единственная золотая иголка. Лорри не стала трогать её. Она аккуратно закрыла коробочку и положила её обратно в ящик.

Затем ещё раз проверила все восемь. Закрыты как следует. Дом — пускай, пускай они поместят его в музей, где на него сможет смотреть кто угодно. Но жители Дома — пусть они пребывают в том самом покое, который выбрали.

Лорри спрятала цепочку с ключами в коробку с рукоделием, и взяла её с собой, вместе с альбомом с валентинками. За ёлочными украшениями она заглянет потом. С альбомом и коробкой в руке она подошла к Бевис и погладила выгнутую шею лошади. Стук, стук — конь закачался вперёд-назад, но вокруг ничего не менялось. Лорри не удивилась. Так оно и должно быть — пока.

В дверях она ещё раз обернулась и посмотрела на домик и на Бевис. Они будут ждать её, домик и конь.

Пока пройдёт время. Такое короткое. И такое длинное.

— До свидания, — тихо сказала Лорри. — До свидания.

Скрипнула половица. Или это Бевис одобрительно качнула головой в ответ?

Содержание

МИР ЗВЁЗДНЫХ КО'ОТОВ 3

Перевод Д. Арсеньева

СЕМЬ ЧУДЕС К ВОСКРЕСЕНЬЮ 167

Перевод Т. Коробковой

ВОЛШЕБНЫЙ ДОМ 271

Перевод М. Г. Шамрай

Андрэ Нортон
СЕМЬ ЧУДЕС К ВОСКРЕСЕНИЮ

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов И. З.

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Редактор
Прилипко К. В.

Художник
Аввакумов Д. И.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Лицензия ЛР № 070157 от 02.10.91 г.
Сданов набор 01.05.94г. Подписано в печать 11.06.94г.
Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 21,8.
Физ п. л. 13. Тираж 50.000 экз. Заказ № 2200.

Издательство «Зеленоградская книга»
103489, Москва, Зеленоград, корп. 448, кв. 1
Отпечатано при содействии издательства «Новинтех-Пресс»
170000, Тверь, ул. Советская, 58.
Лицензия ЛР № 090058 от 30.07.93 г.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, Тверь, проспект Ленина, 5

